

лучшие романы о любви

Джудит

Крэнц

Слава,
ЛЮБОВЬ
и сказки

ЭКСМО

Три потрясающе красивые женщины, рожденные для славы и успеха, связаны с необыкновенным мужчиной по имени Жюльен Мистраль — художником, гением, любовником, чья страстность и кипучая энергия опалили жизни всех трех. Маги — любовница Мистраля, легенда Парижа 20-х годов. Красота ее восхитительного тела обрела бессмертие на полотнах, принесших художнику славу. Тедди, дочь Маги, — красавица-фотомодель — подарила Мистралю ребенка. И наконец, бесстрашная своевольная Фов — дочь Мистраля и Тедди, королева высокой моды. Из-за мрачной семейной тайны она вынуждена рисковать всем, чтобы найти свою любовь. От Парижа 20-х годов до Нью-Йорка 70-х ведет своих героев Джудит Крэнц, заставляя читателей волноваться, плакать и радоваться вместе с ними.

- [Джудит Крэнц](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)

- [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 -
 - [notes](#)
 - [1](#)
-
-

Джудит Крэнц

Слава, любовь и скандалы

Жинетт Спанье, открывшей для меня двери Парижа, с любовью, в память о долгих годах дружбы.

Стиву. Ему принадлежит моя любовь. Без него я никогда не написала бы эту книгу.

Фов в ярко-красном плаще, распахнутые полы которого реяли у нее за спиной, как крылья гигантской птицы, стремительно прошла через вестибюль и успела заскочить в лифт за секунду до того, как двери закрылись. Тяжело дыша, она хотела потуже свернуть большой полосатый зонт, но народу набилось столько, что не пошевелишься.

Если бы Фов приехала раньше, то поднималась бы наверх в полном одиночестве, но в это дождливое сентябрьское утро 1975 года на Манхэттене не оказалось ни одного свободного такси. Ей пришлось бесконечно долго дожидаться автобуса на Мэдисон-авеню, а потом бежать через Пятьдесят седьмую улицу. Промокшая Фов чувствовала себя очень неудобно. Выйдет ли хоть один человек до десятого этажа? Нет, на это нечего даже надеяться.

Старый, поскрипывающий лифт административного здания Карнеги-холла медленно полз вверх. Если не считать лифтера, то все небольшое пространство заполняли молодые женщины, испуганные, сосредоточенные, молчаливые, полные какой-то яростной энергии. Каждая из них выросла с сознанием, что именно она самая красивая девушка школы, родного города и штата, и ни минуты в этом не сомневалась. Это путешествие на лифте было последним шагом к той цели, о которой они с таким пылом мечтали многие годы. Их ожидал отбор в агентстве «Люнель», самом известном, престижном и могущественном модельном агентстве мира.

Фов ощутила почти невыносимую тяжесть тревоги и предвкушения, наполнявших воздух и пульсировавших вокруг нее. Казалось, лифту тоже нелегко тащить груз напряжения и страха. Она закрыла глаза и мысленно поторопила его.

— Кэйси уже спрашивала, не видел ли я вас, — обратился лифтер к Фов так громко, что его слова слышали все. — Она ждет вас наверху.

— Спасибо, Гарри, — Фов втянула голову в плечи, пытаясь спрятаться от двадцати пар внимательных и враждебных глаз, немедленно уставившихся на нее. Стоявшие рядом с ней девушки открыто рассматривали ее профиль, оценивали лицо от лба до подбородка и не находили ни малейшего изъяна. Оказавшиеся у Фов за спиной вынуждены были признать — и Фов ощутила их неудовольствие, — что она выше многих из них. Даже те, кого потеснили в самый дальний угол кабины, не могли не заметить ее роскошных волос такого экстравагантного рыжего цвета, что он мог быть только естественным.

Осмотр проходил при гробовом молчании.

— Вы модель? — спросила девушка, напряженно застывшая справа от Фов. Она словно обвиняла ее и откровенно завидовала.

— Нет, я просто здесь работаю, — ответила Фов и явственно ощутила всеобщий вздох облегчения. Она выпрямилась, потому что теперь на нее никто не обращал внимания. Пришедшие на отбор больше не видели в ней конкурентки. Как только двери лифта открылись, Фов вышла в коридор и направилась в агентство «Люнель», ни разу не оглянувшись.

Она знала во всех подробностях, что будет происходить у нее за спиной. Девушки выстраются в очередь на открытый кастинг, который проводился три раза в неделю по утрам в этом агентстве, основанном сорок лет назад Маги Люнель, бабушкой Фов. Из нескольких тысяч девушек, пытавшихся пройти отбор каждый год, агентство отбирало не больше

тридцати.

Пока Фов торопливо шла к своему кабинету, она думала о том, что, возможно, кому-нибудь и повезет. Может быть, кто-то из них обладает тем, что все в агентстве называют «искрой». Откуда этим девушкам знать, рассуждала про себя Фов, открывая дверь своего отдела, что одной красоты недостаточно?

Кэйси д'Огастино, помощница Фов, удивленно посмотрела на нее, подняв глаза от сигнального номера журнала «Вог». Миниатюрная кудрявая двадцатипятилетняя Кэйси была немного старше своей начальницы.

— Ты выглядишь так, словно за тобой гонится канадская конная полиция, — фыркнула она.

— Мне едва удалось вырваться из когтей разъяренных фурий... Я попала в лифт вместе с девушками, пришедшими на кастинг.

— Так тебе и надо. Нечего было опаздывать.

— Разве я часто опаздываю? — воинственно поинтересовалась Фов, сбрасывая мокрый плащ и со вздохом облегчения опускаясь в кресло. Она сняла промокшие туфли и положила ноги в зеленых колготках на стол. Фов всегда одевалась так, чтобы бросить вызов плохой погоде и поднять настроение, поэтому на этот раз она выбрала оранжевую водолазку и пурпурные брюки из твида.

— Редко, — согласилась Кэйси, — но тебе незачем извиняться. Ты все равно пришла вовремя. У нас проблемы.

— Проблемы? — Фов посмотрела сквозь стеклянную дверь кабинета, ее рыжие брови недоуменно взлетели вверх. Насколько она могла видеть, агентство работало нормально, десятки букеров — служащих, обеспечивающих контракты для моделей, — не отрывались от своих телефонов. Пока работали телефоны, никаких по-настоящему серьезных проблем в агентстве «Люнель» возникнуть не могло.

— Проблемы с Джейн, — коротко пояснила Кэйси. Она выглядела очень серьезной, и Фов занервничала.

— Опять? — Она стукнула карандашом по блокноту с такой силой, словно у нее в руках был молоток судьи, объявившего смертный приговор. — Я ее предупреждала на прошлой неделе. И что на этот раз?

— Вчера Артур Браун должен был снимать Джейн для «Харперс базар». Банни, его стилист, позвонил сегодня утром, совершенно багровый...

— Как ты это определила? По телефону? — съязвила Фов. Ей так не хотелось слышать то, что окончательно испортит ее и без того перегруженный и напряженный день. Новости о Джейн, топ-модели агентства «Люнель», не сулили ничего хорошего. Джейн была просто Джейн без фамилии, без запоминающихся звучных псевдонимов, потому что она была самой красивой синеглазой блондинкой в мире. Ее красота производила ошеломляющее впечатление без всяких «если бы», «но» и «возможно». Из всех моделей, с которыми была знакома Фов, только Джейн была довольна собой, невыносимая, несносная Джейн, знающая, что она само совершенство.

— Я хотела сказать, что Банни просто кипел от возмущения, — продолжала Кэйси. — Вчера Джейн опоздала на два часа, но Банни ничего другого и не ждал. Она же никогда не появляется вовремя. Так что проблема не в этом. Ее волосы оказались в ужасном состоянии. Но и этот вопрос они уладили: стилист их вымыл. Она принялась оскорблять визажиста, но

обошлось и здесь, потому что его не так просто обидеть. Потом Джейн объявила, что едва держится на ногах от голода, и пришлось трижды посылать человека за разными йогуртами, прежде чем их светлость осталась довольна. Затем ей потребовалось позвонить личному астрологу, и она полчаса проговорила с ним. Но и это ничего. Проблема в том, что они до сих пор не сделали снимки. Джейн не позволила подрезать себе волосы.

Фов вскочила на ноги. На ее красивом живом лице застыла гримаса недоумения, большие серые глаза метали молнии.

— Джейн знала, что будет демонстрировать новую модель прически! Она знала, что им придется подрезать ей волосы на два дюйма. В этом был весь смысл! Проклятие! Разница в стрижке на следующий сезон составляет всего каких-то два дюйма. Я все обсудила с Джейн еще месяц назад, когда она согласилась сниматься для «Харперс базар».

— Только, видишь ли, наша Джейн передумала. Астролог сказал ей ничего не менять до тех пор, пока в ее гороскопе Солнце не окажется под влиянием Нептуна.

— Вот как! Что ж, Джейн должна уйти. Я намерена сегодня же разорвать с ней контракт.

— Но, Фов... — простонала Кэйси, думая о том, что Джейн предстояло сниматься по очень плотному графику следующие три месяца.

— Нет. Это невозможно. Как я смогу требовать от других девушек отличной работы и разумного поведения, если неотреагирую на эту ее выходку?

— Если ты разорвешь с ней контракт, то завтра же ее подберут «Форд» или «Вильгельмина». Ведь Джейн неповторима, и другие агентства пойдут на что угодно, лишь бы заполучить ее, — предупредила Кэйси.

— Ты не права, Кэйси. Рано или поздно появится новая Джейн, — спокойно сказала Фов, — а вот агентство «Люнель» уникально.

— Ну хорошо, убедила. Но, может быть, тебе все же стоит прежде обсудить это с Маги? — спросила Кэйси.

— Маги?! — удивленно воскликнула Фов. — Но ведь ее не будет, сегодня же пятница.

Для бабушки уик-энд обычно начинался с пятницы. На выходные она уезжала, и вся ответственность ложилась на плечи Фов.

— Маги сказала мне, что дождь слишком сильный, чтобы ехать за город. Она собирается уехать завтра. Так что большой босс в своем кабинете, — усмехнулась Кэйси.

— Разумеется, я поговорю с ней о Джейн, — задумчиво ответила Фов. — Еще какие-нибудь проблемы?

— Есть еще одна, но с этим ты ничего не сможешь сделать. Там работает Пит. — Кэйси говорила о телефонном мастере, который проводил в агентстве половину недели, разбираясь с неполадками на сотне внешних и десятках внутренних линий. — У Эдны что-то случилось с телефоном, так что теперь она принимает звонки пациентов какого-то психиатра, а он разбирается с нашими клиентами. Эдна всем советует хорошенько поплакать, потом принять холодный душ, выпить две таблетки аспирина и... молиться.

— Это никому не повредит, — уже с порога отозвалась Фов и направилась к большому угловому кабинету Маги Люнель, королевы модельного бизнеса.

Некоторых красавиц годы щадят. Другие безотчетно цепляются за какой-то период своей жизни и стараются остаться в нем, но все же постепенно увядают. Есть и такие, чья красота исчезает в один миг, и о ней вспоминают только те, кто видел их молодыми. Маги

Люнель не старела. С двадцати шагов она казалась все той же семнадцатилетней девушкой, самой красивой натурщицей Монпарнаса. С десяти шагов Маги выглядела определенно самой утонченной женщиной Нью-Йорка. В ней сохранилось неповторимое изящество, которое старались копировать несколько поколений жительниц этого города. И даже самый пристрастный наблюдатель, оказавшись в двух шагах от нее, не подумал бы о том, что этой удивительной женщине давно уже исполнилось шестьдесят, настолько сильным было ее очарование, заставляющее забыть о подобных подсчетах.

— Магали, как жаль, что погода все испортила! Дарси очень расстроился? — Фов подбежала к бабушке, чтобы поцеловать ее, называя ее настоящим именем, на что никто, кроме нее, не имел права.

— Он немного поворчал, но потом договорился встретиться за ленчем с Хербом Мэйсом в «21», и это подняло ему настроение, — ответила Маги, обнимая внучку. — Вчера вечером по радио сообщили, что повреждены линии электропередачи, поэтому я отказалась ехать. Обычно мне изменяет моя выдержка, если приходится бродить по дому со свечой и жарить гамбургеры в камине.

— А я-то считала тебя такой романтичной... Что ж, еще одна иллюзия рассеялась как дым. Но все же я очень рада, что ты здесь. Я решила разорвать контракт с Джейн... — Фов посмотрела на Маги одновременно вопросительно и твердо.

— Я все гадала, когда же это случится. Мы с Лулу поспорили, что она не продержится и трех месяцев.

Фов удивилась: Лулу, старший букер агентства и любимица Маги, никогда не давала волю своим чувствам, демонстрируя редкое смирение перед выходками Джейн.

— И кто же выиграл? — поинтересовалась Фов.

— Лулу, разумеется. За последние пять лет мне ни разу не довелось выиграть у Лулу, но я не теряю надежды... — Маги улыбнулась и выразительно пожала плечами. Она решила, что этим хмурым осенним утром Фов выглядит просто сногсшибательно в своем странном ярком наряде и зеленых чулках. Любой из обожавших яркие насыщенные тона художников-фовистов, в честь которых девочку называли, пришел бы от нее в восторг. Маги не сомневалась, что любой мужчина пришел бы в восторг от Фов, но никогда не говорила ей об этом. Не то чтобы Фов была тщеславна, но эти слова прозвучали бы естественно в устах любой бабушки, гордящейся своими потомками. Уже несколько десятилетий никто не оспаривал мнение Маги. Ее чутье на красавиц было известно во всем мире. И все же в глубине души она была рада, что Фов не стала манекенщицей. Она могла бы быть лучше их всех, она бы заткнула за пояс саму Джейн, но Маги никогда не желала для нее такой карьеры.

— Который сейчас час? — неожиданно спросила Фов. — Я оставила часы дома, а все потому, что очень торопилась. Но мне не хотелось бы пропустить ту рекламу творога, в которой снялась Энджел.

— Сейчас почти половина одиннадцатого.

— Отлично, мы ничего не пропустили. Можно включить твой телевизор? — В кабинете Маги специально стоял телевизор с большим экраном, чтобы она могла смотреть ролики своих моделей. — Или ты сейчас занята? Тогда я могу пойти к себе.

— Нет, останься, дорогая. Сегодня у меня не так много дел, и я с радостью посмотрю на Энджел вместе с тобой. Я слышала, что эта девушка очень хорошо справляется с работой, как ты и предсказывала.

Фов включила телевизор и села в кресло у письменного стола. За тридцать секунд Энджел сумела убедить даже их, что нежирный творог может стать лакомством для гурманов.

Ролик закончился, женщины пожали другу другу руки и поздравили себя с успехом. Они обе смеялись, и в их смехе было что-то, заставлявшее любого услышавшего его остановиться, прислушаться и подождать, не прозвучит ли он снова.

— Ты была права, когда перевела ее в топ-модели. Этот ролик можно крутить бесконечно.

— Я уже вижу, как она решает, что ей лучше купить на полученный гонорар — особняк или стадо коров. Вероятно, Энджел остановится на «Ягуаре», — с этими словами Фов потянулась, чтобы выключить телевизор.

В этот момент на экране появилась надпись: «Специальный выпуск новостей», и Фов опустила руку. Женщина-диктор затараторила:

— Жюльен Мистраль, считавшийся крупнейшим из ныне живущих французских художников, умер сегодня ночью от пневмонии в своем доме на юге Франции на семьдесят шестом году жизни. Его дочь, госпожа Надин Дальма, была рядом с ним. Более подробное сообщение вы услышите в полдень.

Фов и Маги застыли. Шок буквально пригвоздил их к креслам. На экране зазвучала музыка рекламного ролика. Маги пришла в себя первой, вскочила, выключила телевизор, а Фов все сидела неподвижно, ее живые, яркие глаза померкли. Маги подошла к ней, обняла за плечи и прижала поникшую рыжеволосую голову к своей груди.

— Господи, услышать это так неожиданно, — бормотала она, укачивая внучку словно маленькую.

— Все так внезапно, я ничего не чувствую.

Они молчали, цепляясь друг за друга, на Пятьдесят седьмой улице выли сирены, но Фов и Маги не слышали их. Жюльен Мистраль умер, и время остановилось для этих двух женщин. Они обе любили его.

На письменном столе Маги стояла единственная фотография в рамке. И, словно повинуюсь неслышному приказу, они посмотрели на снимок, с которого им улыбалась Тедди, блестящая модель, красивая женщина, которая была дочерью Маги, любовницей Мистралья и матерью Фов.

Наконец Маги выпустила Фов из своих объятий, как будто ее французская прагматичность победила нахлынувшие чувства и подсказала, что делать дальше.

— Фов, ты должна поехать на похороны. Давай вставай. Едем к тебе, я помогу собраться. А Кэйси займется билетом на самолет.

Фов шевельнулась в первый раз после того, как услышала сообщение. Она встала, подошла к окну, посмотрела на стену дождя и сказала, не оборачиваясь:

— Нет.

— То есть как это «нет»? Я не понимаю.

— Нет, Магали, я не могу ехать.

— Фов, это шок, но он пройдет. Твой отец умер. Я знаю, что ты не разговаривала с ним больше шести лет, но ты должна присутствовать на его похоронах.

— Нет, Магали, нет. Я не поеду. Я не могу.

В Париже царил праздничная атмосфера. Казалось, город влюблен в самого себя. В этот майский понедельник 1925 года парижане сочли, что на их памяти каштаны ни разу не цвели так пышно. Ах, этот неповторимый, чудесный город. О, его волшебный воздух, наполненный дыханием искусства, моды и светской роскоши. Жизнь впервые ощущалась так опьяняюще-остро и кружила голову как никогда. Парижане забывали о синеве неба и звездных ночах, только когда горячо обсуждали последние сплетни.

В своей мастерской в это утро Шанель создала свое первое маленькое черное платье. Колеетт вносила последние исправления в скандальную рукопись «Конец Шери». Молодой Хемингуэй и полуслепой Джеймс Джойс встретили этот рассвет вместе за бутылкой хорошего вина. А накануне вечером Мистингет появилась в «Казино де Пари» и вновь доказала, что искусством спускаться с лестницы владеет только она. Братья Картье приобрели самое удивительное кольцо, три нитки совершенного розового жемчуга, на создание которого потребовалось два столетия, и публика гадала, кому же они продадут его.

Семнадцатилетнюю Маги Люнель не интересовало жемчужное ожерелье. Она стояла на углу улицы. Это место называлось «перекресток Вавен». Девушка доедала свой второй завтрак — жареную картошку из пакетика, приобретенную у уличного торговца за четыре сантима. Маги, сбежавшая из родного дома в Туре, провела в Париже больше суток, но уже успела понять, что устройство собственной судьбы неотделимо от невероятного чувства голода.

Прохожие смотрели на нее и даже оборачивались, не веря своим глазам, любуясь ее высокой стройной фигурой, удивляясь, что она стоит на тротуаре, как будто владеет им, и не замечает противоречия между ее лицом и одеждой. Согласно последней моде, на ней была синяя саржевая юбка в складку ниже колен и белая креповая блуза.

Но в то время, когда ни одна дама, богатая или бедная, не появлялась на улице без шляпы, ее волосы свободно вились вокруг лица. Маги не пользовалась косметикой, не выщипывала и не рисовала брови, не покрывала лицо пудрой, не красила губы. Ее красота была естественной, дикой, время которой придет только через четверть века. Белая кожа туго натянулась на высоких скулах. Маги гордо несла голову на грациозной шее.

Все женщины Парижа стриглись коротко, а волосы Маги ниспадали каскадом на спину, напоминая цветом темно-оранжевый абрикосовый джем. Широкие, невыщипанные брови на оттенок темнее подчеркивали красоту зеленых глаз, казавшихся слишком широко расставленными. Они смотрели прямо и блестели, а их цвет напоминал желтовато-зеленый перно до того, как его разбавили водой. Ее очень пухлые и четко очерченные губы привлекали к себе внимание, как самое яркое пятно на ее лице.

Маги Люнель, дожевывающая последний ломтик картофеля, казалась большой золотистой кошкой, вышедшей понежиться на солнышке. Никто не дал бы ей ее возраста, но ее кожа была нежной, как у младенца, а на прямом точеном носике рассыпались еле заметные веснушки.

Она вытерла руки носовым платком и оглянулась по сторонам. Перекресток Вавен располагался всего в нескольких шагах от бульвара Распай. Наискосок начиналась улица Деламбр. С того места, где стояла Маги, казалось, что все улицы сбегает вниз. Ее окружали высокие каштаны, а над ними сияло голубое весеннее небо. Но в воздухе не чувствовалось

деревенского спокойствия, его наполняли энергия, напор, и даже голуби выглядели деловитыми. Маги показалось, что прохожие не просто идут, а бегут по своим делам, стремясь достичь каких-то своих, неведомых ей целей.

Как бы ей хотелось проглотить весь Париж целиком, завладеть им, получить в свое полное распоряжение эту загадочную шкатулку с драгоценностями, столь желанными и недостижимыми. Она переступила с ноги на ногу, торопясь начать, пристукивая каблучками туфель с перемычкой и вертя головой, пытаясь заглянуть в окошко всех проезжавших мимо такси. Маги настолько переполняли любопытство и нетерпение, что она не заметила, как сама стала объектом пристального внимания собравшихся вокруг нее людей. Это была довольно разношерстная толпа: молодые женщины в дешевых кричащих нарядах, старухи в шлепанцах и передниках, старики с трубками в зубах, малыши, цеплявшиеся за руку матерей, дети постарше, которым определенно следовало быть в школе. Все они ждали с привычным смирением, а тревога Маги придавала ей сходство с чистокровной кобылкой, пританцовывающей на старте.

Постепенно вокруг Маги образовалось плотное кольцо. Все эти люди знали друг друга, они переговаривались, разглядывая незнакомку и толкали друг друга локтями.

— Ты кого-нибудь ждешь? — наконец спросила полногрудая женщина лет тридцати пяти.

Маги вздрогнула от неожиданности, оглянулась и ответила улыбкой.

— Надеюсь на это, мадам, — вежливо сказала она. — Я ведь ничего не перепутала, правда?

— Это как посмотреть.

— Но ведь ярмарка натурщиков здесь? Разве не на этом перекрестке мне следовало ждать, чтобы получить эту работу?

— Это то самое место, — согласно кивнул ей двенадцатилетний мальчишка, разглядывая ее с живейшим интересом. — Я в деле. Я еще не родился, когда меня нарисовали в первый раз, — похвастался он, — но моя мать была на последнем месяце.

— Замолчи, дурачок. — Мать потянула его за руку и спрятала позади себя. — Ты не натурщица, — обратилась она к Маги, и в ее голосе слышались обвиняющие нотки.

Первая такая ярмарка возникла на Монмартре семьдесят пять лет назад. Профессиональные натурщики собирались у фонтана на площади Пигаль и ждали, пока их наймут на работу художники. Когда живописцы переехали на Монпарнас, натурщики последовали за ними. Но они по-прежнему получали работу по утрам в понедельник и ждали своих нанимателей на улице.

Этим ремеслом кормились целые семьи из поколения в поколение, и появление Маги эти люди встретили неодобрительно. Так профессионалы встречают явного любителя.

— Если кто-то захочет заплатить мне за позирование, разве я не стану натурщицей? — возразила Маги.

— Так вот как ты себе это представляешь? Но это очень тяжелая работа, девочка.

— Отлично. — Маги засунула руки в карманы юбки и еще больше выпрямилась, уверенная в себе и своих новеньких ладно сидящих туфельках.

Натурщики и натурщицы, подошедшие поближе, чтобы слышать этот разговор, вдруг разом отвернулись от Маги. Они все не сводили глаз с молодой хорошенькой девушки в модной шляпке-колокольчике на темных блестящих волосах. С ней рядом шли двое мужчин, не сводившие с нее восхищенных взглядов. Когда она заметила Маги, то оглядела ее с ног до

головы с весьма неприязненным видом. Незнакомка удивленно подняла брови, а потом равнодушно пожалала плечами и громко, так, чтобы ее все слышали, прокомментировала:

— Так вот какие дикарки приезжают теперь из провинции? Эта жердь явно никогда в жизни не видела ножниц. Вероятно, мыло с водой в тех местах тоже в дефиците, потому что я отчетливо слышу запах навоза.

Девушка рассмеялась, делая вид, что не слышит ответных смешков в толпе, и ушла вниз по улице.

— Кто эта... женщина? — возмущенно поинтересовалась Маги.

— Это Кики Монпарнасская. И ты ее не узнала? Вот она настоящая натурщица, королева среди нас. — Женщина обрадовалась неосведомленности Маги. — Все знают Кики, а Кики знает всех. Да, ты еще совсем зеленая.

Маги собралась было ответить, но тут чья-то рука тяжело легла ей на плечо, разворачивая девушку лицом в другую сторону.

— Так, что у нас здесь?

На нее смотрели двое мужчин. Говоривший оказался ниже ее ростом, в щегольском полосатом пиджаке и отлично отутюженных брюках, с булавкой в галстук и соломенной шляпой, сдвинутой на одно ухо. У него были маленькие умные глазки, а широкая улыбка обнажала пожелтевшие редкие зубы.

Второй мужчина выглядел монументальным, как ствол каштана, к которому он прислонился. Очень высокого роста, настоящий гигант, не укрощенный городом и воспитанием, в чьей фигуре было что-то одновременно дикое и благородное, он мог быть альпинистом, взирающим на мир с высоты покоренного пика. Это впечатление лишь усиливалось в городской толпе. Его глаза цвета воды в океане сбивали с толку, как и неподвижный мрачный взгляд. Великолепной формы голова, сидевшая на крепкой шее, широкий открытый лоб под темно-рыжими, круто вьющимися волосами, выступающий нос с заметной горбинкой и большой рот довершали картину. Пока этот великан оценивающе рассматривал Маги, ей показалось, что он похож на галантного, потрепанного боями рыцаря, появившегося из прошлого, несмотря на его коричневые вельветовые брюки рабочего и синюю рубашку с открытым воротом.

— Мистраль, — обратился к нему его спутник, — что ты думаешь? — Он взял Маги за подбородок и аккуратно повернул ее голову сначала в одну сторону, затем в другую. — Недурно, а? Глаза... Какой интересный цвет. И определенно в ней есть что-то необычное, даже странное. Посмотри на ее рот. С нее хорошо писать каннибала, ни прибавить, ни убавить. — Мужчина взял пальцами прядку волос Маги, ощупывая их словно материю. — Гм-м... Что ж, по крайней мере они чистые, и она их не остригла.

Маги стояла не шевелясь, она пребывала в шоке. Ее в жизни не касался ни один мужчина. Оцепенев, она уставилась на пучки лука-порей, которые рыжеволосый мужчина держал под мышкой. Так было легче терпеть столь бесцеремонное разглядывание. Должно быть, тут так полагалось. Когда коротышка отодвинул волосы от ее уха, чтобы получше рассмотреть ее профиль, Маги сделала шаг вперед, потянула луковицу, поднесла ее к губам и с хрустом раскусила ровно пополам. Длинные зеленые листья упали на тротуар. Мужчина в полосатом пиджаке, Вадим Легран по прозвищу Вава, опустил руку и смотрел, как она жевала. Маги откусила еще кусочек.

— Вы могли бы попросить, — сказал Жюльен Мистраль.

— Когда вы смотрите на животных в зоопарке, вы должны их кормить, — парировала

Маги. Мистраль даже не улыбнулся.

— Мистраль, — обратился к нему Вава, — я беру ее в Академию и посмотрю, на что она годится. Идем. — Он знаком приказал Маги следовать за ним.

— Зачем? Вы и так меня уже рассмотрели. Чего вам еще нужно? — требовательно спросила Маги.

— Он хочет посмотреть на твои сиськи, — с важным видом объяснил ей мальчик.

— Там? Сейчас? — Маги не верила своим ушам.

Мать мальчика ехидно рассмеялась.

— Давай, шевелись, девочка. Иди и сними с себя все в первом же пустом классе, как и все мы. Или ты думаешь, что у тебя есть что-то особенное, чего они никогда не видели? Ох уж эти дебютантки! Она думает, что сделана из другого теста.

— Ты идешь или нет? Давай решай, — поторопил Маги Вава. — Мне сегодня модель не так уж и нужна.

— Да, — услышала Маги свой голос, — конечно.

Она повернулась и торопливо пошла следом за художником, спеша уйти подальше от толпы натурщиков, чтобы они не заметили предательский румянец, вспыхнувший у нее на щеках.

— Подожди, Вава, — Мистраль догнал их и остановил коротышку. — Я беру эту девушку.

— Я первый ее увидел.

— И что это, черт побери, меняет? Или ты перепутал меня с кем-то, Вава? Ты же знаешь, что мне плевать.

Вава позеленел.

— Ты уже в который раз проделываешь со мной этот трюк!

— Я просто получаю то, что хочу. У меня нет желания досадить тебе.

— Ах вот как? Bravo! Это уже почти извинение. Такого от тебя еще никто не слышал, Мистраль. Бери ее. Бери! Мне все равно надо работать над портретом мадам Бланш. Никто не покупает твои картины, так что времени у тебя предостаточно, можешь удовлетворить свое любопытство. Но только скажи мне, ты сможешь заплатить натурщице?

— А кто, черт возьми, может? Но я не могу позволить себе тратить время на льстивые портреты богатых женщин, — ответил Мистраль равнодушно, не боясь обидеть собеседника. — Идем со мной, — обратился он к Маги и быстро пожал руку коротышке. Достав из кармана перочинный нож, он отрезал еще одну луковицу, очистил ее, протянул Маги и зашагал вниз по бульвару Монпарнас, даже не оборачиваясь, чтобы посмотреть, идет ли за ним девушка. Маги побежала за художником, насвистывая простенькую танцевальную мелодию, которую слышала накануне. Ее играли на уличном балу под окнами ее дешевого отеля.

Жюльен Мистраль пребывал в дурном настроении. Он машинально срезал путь до своей мастерской на бульваре Араго, размышляя о положении дел. А дела были таковы: живопись представлялась ему огромной глыбой, а себя он видел в роли каторжника в цепях, которому приказали крохотным молоточком разнести эту глыбу в пыль. С того дня, как он вышел из класса Школы изящных искусств в Сорбонне, Мистраль решил, что будет искать свой собственный путь, станет писать душой, а не рассудком. За четыре года, прошедшие с тех пор, выяснилось, что отключить от процесса голову практически невозможно. Ему не

удаётся вырваться из тюрьмы французской школы, освободиться от классицизма, всегда доминировавшего во французской живописи. Его снедало желание довести до конца свои попытки и положить краски на холст без диктата своего тренированного французского мозга.

Высокий мужчина торопливо шел под стройными деревьями парка больницы Кошен, не обращая внимания на девушку, которой приходилось бежать, чтобы успевать за ним. Он совершенно забыл о ее существовании, мысли его занимала выставка, которую они с Леграном посетили этим утром.

Даже эта сволочь Матисс и тот вместо живописи занимается шахматной игрой. Использует контраст двух цветов, чтобы создать третий, которого никто не видит, даже он, Мистраль, будь он проклят. Так почему бы Матиссу не назвать себя математиком или оформителем интерьеров и успокоиться на этом? А этот чертов акробат Пикассо и его приятель Брак, серый, скучный, однообразный подражатель Брак? Эта парочка ничем не лучше. Тупо верят в эту чушь, придуманную Сезанном, будто всю природу можно изобразить при помощи треугольника, квадрата и круга. И чего они добились? На их картинах нет жизни, нет воздуха. Это самый ужасный круг ада, в котором все они и пребывают.

Мистраль был так зол, что прошел мимо дома, где жил, и опомнился только тогда, когда прошагал лишних полквартила. Он резко развернулся, выругался, вернулся назад и вошел в распахнутые двери, которые вели в переулок под крышей. Маги следовала за ним по пятам.

Артистический городок на бульваре Араго, построенный в 1878 году, напоминал деревушку в Нормандии. Вымощенная булыжником улица вела к ряду двухэтажных, наполовину деревянных домов с высокими щипцовыми крышами и стенами из стекла. Длинные тротуары вились мимо разросшегося сада с яблонями, штокрозами и геранями. У каждой студии был свой маленький садик, ограниченный кустами самшита и низкой изгородью.

Мистраль поднялся по трем ступенькам и открыл дверь своей мастерской. Он прошел на кухню, напоминавшую поле боя, и сердито оглянулся, ища свободное место, куда можно было бы положить принесенный лук-порей. Маги осталась стоять на пороге, испуганная его молчанием и резкими движениями. Ей показалось, что художник при ходьбе борется с воздухом, будто с врагом. Она запыхалась и разругалась, но высоко держала голову, пытаясь скрыть неожиданную и непривычную для нее застенчивость.

В конце концов Мистраль бросил лук на пол и направился в просторное ателье, на ходу кивком головы велел Маги следовать за ним. Она вошла и огляделась в изумлении. Картины царили на стенах мастерской, с них лился поток красок, подобных которым Маги никогда не видела. Девушка почувствовала, что может окунуться в них, будто в океан. Ее окружали радуги, облака, звезды, цветы, дети, купола цирка-шапито, карусели, солдаты, обнаженные женщины, флаги, берущие препятствия лошади, упавший жокей, и на каждой картине словно задержался луч самого солнца.

— Спальня там, — буркнул Мистраль, указывая пальцем на дверь. — Иди раздевайся. Халат тоже где-то там.

Маги оказалась в крохотной комнате, в которой едва помещалась кровать. За дверью на крючке висело пыльное шелковое кимоно красного цвета, которое Мистраль держал для натурщиц.

Девушка сняла юбку и блузку, аккуратно сложила их на постели и тут же остановилась. Во рту у нее пересохло.

— Художники рисуют кожу, — напомнила она самой себе, вспоминая уроки рисования в школе и пытаясь обрести уверенность. — Рубенс нарисовал горы белой кожи с красными прожилками. Рембрандт писал желто-зеленую кожу, а Буше — розовую и белую. — Дрожащими пальцами она стянула новенькие шелковые чулки. — Художники похожи на врачей. Для них тело — это только тело, объект, а не личность, — бормотала Маги себе под нос, чувствуя, что готова закричать.

Она уже не в первый раз оказывалась в ситуации, из которой могла выпутаться только благодаря врожденной уверенности в себе. Разумеется, она понимала с самого начала, когда еще только решила сбежать в Париж и стать натурщицей, что ей придется позировать обнаженной. С привычной бравадой Маги решила, что это раз плюнуть, и приступила к исполнению своего плана.

И вот теперь, солнечным майским утром, она дрожала, ежилась и потела от страха. Собираясь в Париж, Маги не вспомнила о том, что ни один мужчина не видел ее голой, даже доктор, потому что она ни разу в жизни не болела.

Она попыталась было насвистывать любимую мелодию, снимая рубашку, недавнее приобретение, первый предмет настоящего женского нижнего белья. На ней остались только панталончики, белые и абсолютно прозрачные, как того требовала мода. Ничто, никакая сила в мире не могла заставить ее снять их.

— Что ты там, черт побери, копаешься? — прозвучал грубый голос Мистралья из мастерской.

— Иду, — еле слышно откликнулась Маги. Нетерпение в голосе художника заставило ее накинуть кимоно поверх панталончиков и поплотнее завернуться в него. Пол оказался очень холодным, и Маги надела туфли. Пальцы у нее тряслись, и ей никак не удавалось справиться с маленькими пуговичками. Наконец она сдалась и не стала их застегивать, а так и вышла из спальни. Ремешки туфель чуть слышно хлопали при каждом ее шаге. Она остановилась в десяти шагах от Мистралья, стоявшего с кистью перед мольбертом, и стала ждать. Ее рыжие волосы и красный японский шелк кимоно словно притягивали к себе весь свет в комнате.

— Иди встань у окна и положи руку на спинку кресла.

Маги повиновалась и застыла у кресла.

— Ради бога, сними ты это кимоно! — рявкнул Мистраль.

Девушка закусил губу и дрожащими пальцами развязала пояс. Кимоно с еле слышным шелестом упало на пол у ее ног.

Широкие плечи и длинная красивая шея. Нежная юная грудь совершенной формы, словно два чистых конуса с маленькими упругими сосками. Аккуратная линия грудной клетки от подмышек до талии. Длинные крепкие ноги с изящными коленями и тонкими щиколотками. И белоснежная чистая кожа, которая словно светилась изнутри.

Мистраль инстинктивно отреагировал на ее красоту. Он привык к профессиональным натурщицам, раздевавшимся без смущения, носившим кожу так, будто это было старое платье. Он ценил обнаженные модели только за тот труд, которого требовало их изображение на холсте. А Маги, стоявшая с таким видом, будто была Жанной д'Арк перед костром, выглядела необыкновенно эротично. Как только Мистраль понял, насколько Маги возбуждает его, он сразу стал грубым ради самозащиты.

— Ты что это себе выдумала? Это что тебе, «Фоли Берержер»? С каких это пор натурщицы позируют в трусах и туфлях? А? — Он свирепо посмотрел на Маги. Она скинула туфли и принялась возиться с пуговицами, удерживавшими панталон на талии. В ее глазах

застыли слезы унижения и ярости.

— А теперь что? Стриптиз? Здесь не бордель! Или ты решила, что я для этого тебя нанял? — проревел Мистраль. — Хватит, можешь не беспокоиться!

— Все в порядке, — прошептала Маги, не поднимая головы. Ей никак не удавалось расстегнуть пуговицу.

— Вон! — крикнул Мистраль. — Я сказал, довольно! Я не могу писать натурщицу, которая стесняется. Ты просто смешна. Это абсурд. Тебе вообще не следовало приходить. Я даром потерял с тобой время, черт бы тебя побрал. Вон отсюда! — Он отмахнулся от нее с такой яростью, как будто прогонял кошку, забравшуюся на чистый холст. Маги убежала в спальню, прикрываясь кимоно, будто простыней.

— Дура, дура, дура, — ругала себя Маги, выбегая полностью одетая из студии Мистраля. Она не осмелилась даже взглянуть на него перед уходом, но если бы она это сделала, то увидела бы, что художник не сводит глаз с кресла у окна. Ее обнаженное тело запечатлелось в его мозгу помимо его воли.

Дрожащая, разозлившаяся на себя Маги добежала до Люксембургского сада и рухнула на первый же свободный стул, не обращая внимания на игравших поблизости детей. За последние полчаса мечта, которую она лелеяла последние четыре года, обернулась таким провалом, что Маги обхватила себя руками и от стыда нагнула голову.

Рядом с Маги села молодая мать с ребенком, и ее чувство собственной значимости и гордости пробилось к Маги сквозь ее собственные эмоции. Она подняла голову и обвела взглядом этот зеленый мир, в котором люди постарше загорали на солнышке, а дети бегали и играли. У нее стало теплее на душе, когда маленький мальчик проковылял к ней и положил резиновый мяч ей на колени. Маги покатила цветной шар по дорожке, пытаясь доставить малышу удовольствие. Он притащил его обратно, словно послушная собачка, приносящая палочку, и вскоре Маги обнаружила, что ее окружают дети, пораженные тем, что взрослый человек снизошел до игры с ними. Эта рыжеволосая тетя была так не похожа на их собственных матерей, ни разу не отступивших от заповедей французского воспитания: «Не трогай, отряхни руки, не испачкайся, не бегай слишком быстро, не бери это в рот».

Маги в течение часа играла с детьми. Она как будто снова вернулась в собственное детство, когда была настоящим сорванцом и единственной девочкой в школе, которая могла лучше любого мальчишки бросить камень, поймать мяч или влезть на стену.

Вскоре после того, как последнего ребенка увели домой обедать, Маги тоже ушла из парка. Голод снова привел ее на перекресток Вавен, но ни в одном из ресторанчиков, мимо которых она проходила, не оказалось свободного места. Едва миновал полдень, и на террасах кафе «Куполь» и «Ротонда» невозможно было найти свободного места. Официанты подставляли дополнительные стулья и столы, поэтому люди сидели у самого края тротуара. Но ни один непосвященный не мог там сесть, потому что завсегдатаи ни за что не уступили бы места в первом ряду партера этого удивительного театра.

Маги остановилась возле уличного торговца, купила красную гвоздику и приколотла ее к блузке. Настроение у нее неожиданно поднялось, и она направилась к кафе «Селект», надеясь, что там найдется для нее место внутри.

Из экономии она заказала только бутерброд с сыром и лимонад и принялась разглядывать толпу шумных, галдящих, перебивающих друг друга, странно одетых людей, устроившихся на высоких барных табуретах с таким видом, словно они намеревались провести там весь день. Вокруг нее все громко разговаривали, воздух в зале становился все более серым от дыма, и вскоре Маги уже различала десяток акцентов в потоке французских слов. В то время иностранные художники господствовали на Монпарнасе. Это были годы Пикассо, Шагала, Сутина, Цадкина, Кислинга, Чирико, Бранкузи, Мондриана, Диего Риверы и Фудзито. Французские художники, такие, как Матисс и Леже, оказались в меньшинстве, американцы, немцы, скандинавы и русские чувствовали себя хозяевами квартала.

Радуюсь тому, что здесь ее никто не знает, ощущая себя невидимкой, потому что вокруг не оказалось знакомых, Маги не замечала заинтересованных взглядов. Наконец-то она стала свидетельницей экзотического спектакля, который девушка ожидала увидеть в Париже. Именно о такой жизни рассказывал Константин Моро, ее учитель рисования. Неудавшийся художник забивал школьникам головы сказками о Монпарнасе, о вечеринках, куда его никогда не приглашали, о вражде, участником которой он ни разу не стал. Недостатки свои

как преподавателя он восполнял преисполненными восхищения рассказами о доле творческой личности, о насыщенной страстями и драмами жизни богемы, к которой он так жаждал принадлежать. Пребывание в Туре казалось ему ссылкой, и он болезненно переживал ее. Именно Моро внушил Маги мечты о карьере натурщицы, именно он оживил для нее богемную жизнь Монпарнаса, именно он уверил ее, что сам Ренуар захотел бы написать ее, будь она даже выше всех остальных женщин в мире. И вот теперь Маги следила с полуоткрытым ртом за намеренно эксцентричными выходками посетителей «Селекта». «Наверняка так и выглядит рай», — думала она, от всей души желая стать частью этого мира.

— Привет, малышка! Значит, это ты новенькая девушка, верно? Позволь мне угостить тебя выпивкой.

Маги изумленно обернулась. Она так увлеченно рассматривала мужчин у стойки, что даже не заметила женщину за соседним столиком, пристально изучавшую ее вызывающе рыжие волосы и необычные черты лица.

— Так это ты или не ты? — спросила женщина.

— Я новенькая, это точно, — ответила пораженная Маги. Девушка решила, что заговорившей с ней незнакомке уже за сорок, но она все еще оставалась необыкновенно хорошенькой, хотя была достаточно пышной. Именно таких женщин рисовал Фрагонар.

— Меня зовут Пола Деланд, — объявила женщина с важным видом. — А как твое имя?

— Маги Люнель.

— Маги Люнель, — медленно повторила Пола, словно пробуя имя на вкус. Ее близорукие глаза не отрывались от Маги. — Неплохо. В этом есть некий шарм, некий порыв. Вполне вероятно, оно подойдет. Во всяком случае, и в имени и в фамилии по два слога, другой Маги в квартале нет, насколько мне известно — а я знаю всех, — так что одобряю. Пока это нам подойдет.

— Как мне повезло. А если бы я не заслужила вашего одобрения?

— Смотрите-ка, малышка отбрехивается! — Улыбка Пола, обладавшая магической силой прогонять дурное настроение, стала шире. — Для провинциалки ты слишком нахальна.

— Провинциалка! — взорвалась Маги. — Второй раз за день я это слышу. Это уж слишком! — Хотя она не знала ни одного парижанина за исключением Моро, она поняла, что к выходцам из провинции любой рожденный в Париже относится свысока.

— Но это сразу бросается в глаза, моя бедная голубка, — в голосе Пола послышалось раскаяние. — Не обращай внимания. Девяносто девять процентов живущих в квартале приехали из провинции. Но я исключение. — Она явно гордилась собой, это дитя улиц Монпарнаса, «цветок мостовой», как с романтическим вздохом она сама себя называла.

Пола была дочерью багетчика и выросла в ста шагах от перекрестка Вавен. Все, что Пола Деланд знала или хотела знать о природе, находилось за оградой Люксембургского сада. А все, что она знала о человечестве, — а она погружалась в эту тему, как вишня в бутылку коньяка, — она выучила, позируя художникам или сидя в кафе. В своем кругу Пола была воплощением страсти к сплетням, нескончаемым пересудам, которые так глубоко укоренились в артистической жизни Монпарнаса.

Встреча с Маги привела Полу в расположение духа, которое она бы отнесла к самой высокой категории из тех, что себе позволяла. Каждое утро она прислушивалась к своему эмоциональному состоянию, которое было либо так себе, либо ничего, либо отличным.

Определение «отличный» Пола давно зарезервировала за длинной чередой любовников — всегда найдется мужчина, которому по душе классическое трио: красота, полнота и сорокалетие. Но совсем недавно она обнаружила, что если первой узнает сплетню, неизвестную остальным жителям в квартале, то настроение мгновенно взлетает к наивысшей отметке. А Маги обещала полный короб новостей.

Каждый понедельник, когда ее ресторан «Золотое яблоко» был закрыт, Пола обходила Монпарнас, собирая воедино обрывки сплетен, на которые у нее не оставалось времени в течение трудовой недели. Каждый вечер она сидела во главе стола среди художников и коллекционеров со всего света, приносящих ее ресторану высокий доход. Пола Деланд была прирожденным, хотя и не получившим образования аналитиком, который с легкостью обобщал информацию, составляя полную картину происходящего.

— Так что же, Маги Люнель, сегодня утром с Мистралем дело не заладилось, а?

— О! — воскликнула Маги. — Как вы могли об этом узнать? Вы же никогда меня раньше не видели!

— В этом уголке Парижа новости распространяются быстро, — самодовольно ответила Пола.

— Но... кто вам рассказал?

— Вава. Он заходил к Мистралу сразу после того, как этот ублюдок вышвырнул тебя, бедняжка, на улицу. А так как это Вава, то он не утерпел и разболтал всем. Я всегда говорила, что он всего лишь старая баба.

— О нет! — Маги стукнула кулачками себя по коленям, обтянутым новенькой юбкой, словно наказывая их. Она чувствовала, что ее щеки заливают густой румянец стыда. Она выставила себя маленькой недотрогой из провинции перед всей столицей.

— Это не имеет никакого значения, — торопливо проговорила Пола. — Ты не должна принимать происшедшее близко к сердцу. Каждому приходится когда-то начинать.

Но Маги ее уже не слушала. Две женщины и трое мужчин только что уселись за столик в самом центре зала. Одной из женщин была Кики, которая взглянула на Маги, толкнула локтем в бок свою подругу, указав пальцем на Полу и ее юную собеседницу. Мужчины приподняли шляпы, издевательски приветствуя девушку, а женщины захихикали.

— Опять она! Только этого мне и не хватало, — сердито пробормотала Маги.

— Какое отношение имеет к тебе Кики? — поинтересовалась Пола.

— Сегодня утром, проходя мимо меня по улице, эта женщина меня оскорбила.

— В самом деле? — пробурчала себе под нос Пола.

— Я не нахожу это забавным, — горячо парировала Маги, обиженная интонацией Пола.

— Я тоже, поверь мне. Мне это кажется просто потрясающим. Эта сучка редко снисходит до того, чтобы оскорбить кого-нибудь. Значит, она тебя уже заметила. Что ж, следует отдать ей должное, у нее наметанный глаз.

— Так вы тоже ее знаете?

— Да, я знаю Кики. Пойдем-ка на воздух. В этом кафе теперь дурной запах. Приглашаю тебя на настоящий второй завтрак. Вставай, вставай. Вчера вечером я выиграла триста франков в покер у Зборовского, и господин свидетель, он не обеднел от этого. Прекрати разглядывать эту шлюху и ее мерзавцев-прихлебателей. Делай вид, что их здесь нет. Мы отправляемся к Доминику есть шашлык. Звучит, как по-твоему?

— Шашлык? А что это такое? Надеюсь, съедобно. Я страшно голодная. Мне все время

хочется есть. — Маги быстро встала, демонстрируя окружающим все свои пять футов и девять дюймов роста. Пола, прищурившись, взглянула на нее снизу вверх.

— Господи, ну и длинная же ты! Ладно, это пустяки. Идем, у Доминика сейчас толпа, но для нас местечко найдется.

За углом, на середине улицы Бреа, обе женщины вошли в скромную дверь, которая, казалось, вела в мясную лавку. Но за витринами, в которых были выставлены холодные русские закуски, оказался маленький зал с низким потолком и красными стенами, где расположились мраморные стойки и высокие табуреты.

Когда они уселись, и Пола заказала еду для них обеих, она повернулась к Маги и снова принялась ее расспрашивать.

— Расскажи мне о себе и постарайся ничего не пропустить. Учти, я сразу замечу, если ты что-то недоговариваешь.

Маги замаялась, не зная с чего начать. За все семнадцать лет ее жизни никто ни разу не попросил ее об этом. В Туре, где она жила с рождения, все и так все о ней знали. Стоит ли ей приукрасить факты? Что-то во взгляде Пола заставляло ее сказать правду. У этой женщины были умные и добрые глаза, а Маги очень хотелось поговорить с кем-нибудь. Это желание заглушало даже чувство голода. Она сделала глубокий вдох, набралась храбрости и решила начать с самого неприятного.

— Самое главное — это то, что мой отец умер за неделю до свадьбы с моей матерью. У него была оспа. Если бы он выжил, то меня считали бы очередным недоношенным ребенком в нашем городе. А так я незаконнорожденная.

— Понятно, но такие вещи случаются даже в самых лучших семьях.

— Но только не в уважаемой еврейской семье. Такого просто не может быть. Я единственный ублюдок во всей еврейской общине Тура, и мне постоянно тыкали этим в нос.

— Но почему же твоя мать просто не переехала из Тура в какой-нибудь другой город и не сделала вид, что она вдова? Так поступают многие женщины.

— Она умерла в родах. Тетя Эстер всегда обвиняла маму в том, что она сумела избежать скандала и осуждения за свое поведение.

— Очаровательно! Какое трогательное сочувствие! И эта милая тетушка вырастила тебя?

— Нет, я жила с бабушкой. Но четыре месяца назад она умерла. — Маги с тоской вспомнила о нежной старой женщине, растившей ее в маленьком домике. Она так радовалась улыбкам Маги, ее любовь вселяла в Маги храбрость. Бабушка всегда противостояла тете Эстер и не соглашалась с ней, когда та говорила, что Маги должна заплатить за грех своей матери.

— Именно бабушка Сесиль, мама моей мамы, назвала меня Магали, потому что это было ее любимое семейное имя. Она всегда называла меня только так, хотя все остальные звали просто Маги. Люнель переехали в Тур из Прованса после Великой французской революции. На провансальском языке Магали значит маргаритка.

— Так, значит, ты с юга, если судить по твоим корням?

— Да, и со стороны отца тоже. Его звали Давид Астриук. Астриук по-провансальски означает «рожденный под счастливой звездой». Но для него это оказалось не так. Бабушка обычно рассказывала мне всякие семейные истории, чтобы развеселить меня, когда другие дети дразнили меня ублюдком. Она говорила, что хотя мои родители и совершили ошибку, но они оба из старинных хороших еврейских семей Франции, появившихся здесь задолго до

крестовых походов, и я всегда должна вспоминать об этом с гордостью.

Маги жестикулировала, увлеченная воспоминаниями о тех городах, о которых говорила бабушка: Ним, Кавальон, Авиньон.

— А что случилось после ее смерти? — спросила Пола, тронутая почти детским сожалением Маги об утраченном величии.

— Именно поэтому мне и пришлось уехать из Тура, чтобы никогда больше туда не возвращаться, именно поэтому я здесь. Моей тете не терпелось избавиться от меня. Не успели мы похоронить бабушку, как началась охота за мужем для меня. Разумеется, в других городах. В Туре я навсегда останусь ублюдком Люнелей. Наконец нашлось семейство в Лилле, чей сын был так уродлив, что они не могли найти девушку, чтобы та просто пошла с ним в кино, не говоря уж о том, чтобы выйти за него замуж... И они обо всем договорились! — Маги в ярости отбросила волосы назад, показав идеальных пропорций уши. — Меня вообще никто не спросил, брак был делом решенным. Да-да, в наши дни они по-прежнему так делают. Как только я об этом узнала, я решила действовать по-своему.

Она замолчала, пережевывая маринованное мясо барашка, вспоминая тот день, когда мечта превратилась в необходимость. Предполагаемое замужество стало движущей силой этого превращения. Маги накопила пятьсот франков, триста из них она истратила в магазине на улице Бордо на дешевенький чемодан и кое-какую одежду. Единственной роскошью, которую позволила себе Маги, стали три пары шелковых чулок, разве могла она появиться в Париже в черных хлопчатобумажных?

— Итак, — прервала ее раздумья Пола, — короче говоря, ты красивая еврейская девственница.

Маги весело рассмеялась ее словам, обнажая белоснежные ровные зубы, а янтарно-зеленые глаза засверкали как драгоценные камни в полутьме ресторана.

— Никто никогда так не называл меня, а меня как только не называли. Бабушка посылала меня к раввину Тарадашу, чтобы он отругал меня как следует, потому что у нее самой это никогда не получалось убедительно. Я бывала у него не реже одного раза в месяц. Он говорил, что это приятное разнообразие, так он отвлекался от подготовки мальчиков к бармицве. Но ребе всегда поддавался моей логике, так что дело кончалось тем, что он просто просил меня пообещать, что больше я так делать не буду. Я обещала, но следующий мой проступок оказывался всегда хуже предыдущего. Красивой меня никто, кроме моей бедной бабушки, не называл. И девственницей тоже.

— Но ведь ты девственница?

— Разумеется! — Маги удивилась. Ее, конечно, всегда ругали за то, что она всюду носилась с ватагой мальчишек, но они оставались только приятелями, партнерами по шалостям.

— И это к лучшему, — сказала Пола, — во всяком случае, пока. У тебя все еще впереди, а так в Париже начинать лучше всего.

Перед глазами Пола прошло множество девушек, появлявшихся на Монпарнасе и исчезающих. Совсем немногие уезжали на роскошных автомобилях с миллионерами, больше умирали от сифилиса, но чаще всего натурщицы становились женами художников и превращались в настоящих гарпий. Счастье обретали единицы. Но Пола не сомневалась, что еще ни разу ей не доводилось видеть такой многообещающей девушки, как Маги Люнель.

— Да, я собиралась начать новую жизнь в Париже, но только начало оказалось хуже некуда. — Ни сытый желудок, ни внимательная слушательница в лице Пола не помогли

Маги забыть о том, что произошло в мастерской художника, которого все называли Мистралем.

— Послушай меня, малышка. Ты должна выбросить Мистраля с его отвратительными манерами из головы. Вава говорит мне, что он гений. Но если это так, то почему он не продал ни одной картины? Что это за гений, если он не может себе позволить питаться в моем ресторане? — Судя по всему, этот факт оставался для Полы мериллом успеха.

— А эта женщина, Кики Монпарнасская, она у вас обедает? — поинтересовалась Маги.

— Эта претенциозная костлявая мартышка не осмелится ступить на мой порог. А зовут ее Алиса Прэн. Тоже мне Кики Монпарнасская! — На лице Полы появилось мрачное и суровое выражение, насколько позволяли ее пухлые щеки. — Так называть себя при том, что она даже родилась не в Париже, это отвратительно...

— Но мне сказали, что она королева среди натурщиц.

— Тебя обманули. Эти люди ничего не знают. Когда-то, и это было не так давно, я была королевой натурщиц. А Алиса Прэн даже рядом с этим званием не стояла. — Пола поджала губы. Она не могла объяснить Маги с ее невинностью, что женщина, называющая себя Кики Монпарнасской, увела у нее не одного, а нескольких любовников. И эта гадина принялась рассказывать о своих «подвигах» всему Монпарнасу.

— Интересно, почему она оскорбила меня? Я не сделала ей ничего плохого.

— Потому что Кики так гордится собой, что просто обязана высмеивать любую женщину, которая попадает ей на глаза. Но она и ее прихлебатели не играют никакой роли. Послушай меня, Маги. Ты не похожа ни на кого. Ты рождена для того, чтобы художники рисовали тебя.

— Рождена? — Маги запнулась. Слова Полы, произнесенные с такой уверенностью, лишили ее дара речи.

— Да, ты рождена быть натурщицей, как колибри рождена искать нектар, как пчела рождена жалить, а цыпленок рожден для того, чтобы его зажарили. Но этот бизнес, эта ярмарка натурщиц на улице, это не для тебя, ты понимаешь? Я познакомлю тебя с художниками, которые будут платить тебе от пятнадцати франков за три часа позирования, они все мои приятели. И кстати, Мистраль заплатил тебе? Нет, разумеется, он не дал тебе ни гроша. Меня это не удивляет. Но теперь ты будешь работать только за максимальную плату. Разумеется, тебе надо сначала кое-что усвоить, но я всему смогу тебя научить. Все дело в том, чтобы уметь без стеснения раздеваться. Но ведь это не так уж и сложно, ей-богу? Видишь ли, художники просто обязаны знать, как устроены женщины. Так что они нуждаются в нас больше, чем мы в них.

— Правда? — В голосе Маги слышалось неприкрытое изумление.

— Конечно. Ты только представь, Маги. Уже несколько веков художники гоняются за самой обычной вещью, обнаженным женским телом. Ничто не отражает с такой точностью сильные и слабые стороны художника, как нагая натура. Если человек не может написать обнаженную женщину, всем сразу ясно, что он не художник.

— Константин Моро никогда не говорил нам об этом. Он только один раз сказал, что Ренуар захотел бы написать меня.

— Возможно, Моро хотел сохранить работу. Иначе, что бы вы, школьницы, рассказывали дома? Итак, я предлагаю заняться твоей карьерой. И я не просто устрою тебе несколько сеансов позирования. Я хочу, чтобы ты заткнула за пояс эту невыносимую, отвратительную Алису Прэн, имевшую наглость вообразить, что она может занять мое место

только потому, что моя молодость прошла и я прибавила пару килограммов. Мое место! Она не умеет смотреть в будущее, но я-то знаю, что придет день, когда ее молодость тоже уйдет, и даже твоя молодость, моя семнадцатилетняя голубка, останется позади. Но до тех пор мы еще славно проведем время. Что скажешь, Маги?

Прежде чем девушка успела ответить, Пола предупредительно подняла руку:

— Ты уверена, что хочешь этим заниматься? Я не стану даром тратить мое время. Это скучная работа, тебе все время либо слишком холодно, либо слишком жарко. И потом, позировать намного тяжелее, чем ты себе представляешь. Тебе будет хотеться заплакать от боли, но клиент не должен подозревать об этом. Ты можешь пошевелиться только через полчаса. Десять минут перерыв, и снова за работу. Ну так что? Заставим Алису Прэн пожалеть о том дне, когда она оскорбила тебя? В атаку?!

— О да! Да, пожалуйста. — Горя от нетерпения, Маги случайным жестом уронила стакан с чаем на пол. Совершенно неожиданно после утреннего фиаско ее мечта предстала перед ней в новых сияющих одеждах. Маги показалось, что достаточно одного движения, и Париж будет лежать у ее ног. В конце концов, разве имеет значение, что Ренуар уже умер?

— Послушай меня, Маги Люнель, — сурово произнесла Пола. — Ты когда-нибудь видела яйцо в юбке?

— Среди моих знакомых яиц таких не было, — ответила Маги, посмеиваясь без всякого уважения. Меньше чем за неделю знакомства она успела полюбить Полу. А тех, кого она любила, она всегда поддразнивала.

— Ты делаешь ошибку, не принимая меня всерьез, детка! Ты должна представить со всей силой своего воображения, что твое тело — это корзина яиц разной формы и цвета. Твои груди — это страусиные яйца, под волосами внизу живота прячется яйцо чайки, а твои соски — это яйца недокормленного воробышка. Голое яйцо — это самая естественная вещь на свете. Оно настолько совершенно, что даже Брилла-Саварэн не предложил его как-то украсить.

— А как насчет яиц, которые красят на русскую Пасху? — запростестовала Маги.

Гораздо скорее, чем она могла предполагать, она научилась не обращать внимания на то, что стоит обнаженной перед художниками. Сначала приятели Пола просто решили дать подработать ее протеже, но потом они устроили настоящее соревнование за ее время. Сначала, когда Маги чувствовала, как румянец стыда заливает щеки, она прикрывала лицо волосами, представляла себе яйцо и успокаивалась. Но шли недели, и вскоре она уже с легкостью меняла позы, относясь к своему телу как к предмету.

Пасэн нарисовал ее с розами на коленях, в образе чувственной властности. Шагал написал ее в образе невесты, парящей на фоне пурпурного неба. Пикассо рисовал ее снова и снова в своем неоклассическом стиле, и она стала любимой одалиской Матисса.

— Ты, дружок, — заявила Матиссу Маги, — мой самый любимый клиент. И не из-за твоих красивых глаз, а из-за твоего восточного ковра. У тебя я могу, наконец, присесть. Это просто каникулы.

На следующий день после встречи с Полой Маги переехала в комнату с умывальником, биде и камином на последнем этаже дома рядом с «Золотым яблоком», рестораном ее новой приятельницы. Она платила за нее восемьдесят пять франков в месяц, хотя там стояла только большая кровать. Маги купила новый матрас и постельное белье. Пола отдала лишнее кресло, а в лавке со старой мебелью они нашли стол и платяной шкаф. Когда все это расставили по местам, места осталось только для зеркала над раковиной. Из окна Маги видела изломанную линию крыш Монпарнаса на фоне переменчивого парижского неба и не желала ничего лучшего.

В доме, где поселилась Маги, оказалась редкая консьержка, добродушная, всем довольная мадам Пулар. Она все дни напролет просиживала в своей каморке за ножной швейной машинкой. Она шила для всех ближайших соседей. Своих детей у нее не было, но она относилась как к дочерям ко всем девушкам, для которых шила наряды. Они с Маги выискивали в «Журнале мод» фасоны, которые можно было скопировать, так как две готовые блузки и две юбки, которые девушка привезла из Тура, оказались совершенно неподходящими для ее новой жизни.

К октябрю 1925 года Маги стала достойной соперницей Кики, сравнявшись с ней по популярности. И Пола не уставала повторять, что если Кики требуется добавлять к имени

уточнение Монпарнасская, то Маги хватает одного имени.

Но именно Маги, единственная и неповторимая Маги, всегда со свежей красной гвоздикой в петлице, торопилась с одного сеанса на другой, всегда в такси, потому что ей вечно не хватало времени; именно она танцевала всю ночь напролет танго или шимми в «Жокее» и «Джунглях»; именно она попала в знаменитый «Негритянский бал», где почувствовала себя совершенно чужой среди тех, кто родился на Мартинике или Гваделупе, так же как Скотт Фитцджеральд и Кокто, тоже отплясывавшие бегуэн, танец, так похожий на румбу.

Маги приглашали в Зимний цирк на матчи по боксу, длившиеся двадцать два раунда. Туда она отправлялась в сопровождении восхищавшихся ею мужчин, способных защитить ее от грубой толпы. Бывала она и на скачках с препятствиями в Отее, радовалась, когда лошадь, на которую она поставила, чисто преодолевала все барьеры. Маги охотно тратила выигрыш на шампанское для своих приятелей и редко проигрывала.

К осени Маги чувствовала себя на Монпарнасе, как в родной деревне, и устроила шумную вечеринку в честь своего восемнадцатилетия. Девушка украсила биде охапками красных гвоздик, устала единственным столом множеством бутылок с вином и пригласила около сотни гостей. Пришли все, прихватив с собой друзей, и они сидели на лестнице, выпивали и пели песни, пока не приехала полиция.

Случалось, что Маги проводила вечер в одиночестве. Она смотрела в окно, пытаясь привести мысли в порядок. Маги улыбалась, думая, что ребе Тарадаш осудил бы ее, если бы знал, как она зарабатывает на жизнь. Он вряд ли мог себе такое даже представить, но Маги догадывалась, что она все равно осталась бы для него его маленькой мазик. Это слово на иврите означало любимого ребенка, который был умным и шустрым проказником.

Девушка не скучала по дому, она скучала по бабушке Сесиль. Она часто вспоминала, как они проводили вечера накануне субботы, когда покой и радость наполняли их домик, в гостиной горели две свечи на столе, и происходило освящение вина. Никто из Люнелей не отличался особенным благочестием, и в семье не слишком ревностно следовали древним традициям, но эта еженедельная церемония как-то по-особому успокаивала Маги. Каждый год она с нетерпением ждала того момента, когда можно будет каждый день зажигать по одной свече в бабушкином красивом семисвечнике в канун Хануки, пока все свечи не засияют ласковым светом в память о том огне, который горел в храме Иерусалима в течение восьми дней, хотя запасов масла должно было хватить только на один. Но теперь все эти воспоминания относились к той жизни, которую Маги оставила в прошлом.

Пола не уставала напоминать своей подопечной, что у Монпарнаса есть и другая, темная сторона. Здесь пили и принимали наркотики, не выходя из состояния дурмана. Но даже без ее предостережений Маги прошествовала бы без ущерба сквозь нескончаемые вечеринки. Небо, окрашенное яркими огнями ночных клубов и баров, на свет которых слетался весь Париж, не оставило своего кроваво-красного отблеска на Маги. Ее хранили неискренность и невинность, наследие семнадцати лет, проведенных под опекой бабушки в провинциальном Туре.

Очень часто Маги танцевала босиком, и не потому, что ей так было удобнее, а из-за того, что оказывалась выше большинства своих кавалеров. И еще она упорно отказывалась остричь волосы.

Маги не стригла волосы не из упрямства или каприза, а потому, что художникам, которым она позировала, не нравилась модная стрижка. Иногда она даже получала на

несколько франков больше благодаря своим роскошным волосам. Живописцы получали наслаждение от всего женского тела, от кончиков пальцев до шапки волос, и никак не могли взять в толк, с какой стати женские волосы следовало стричь совсем коротко и распрямлять непокорные пряди. Но Маги следовала моде в одежде, предписывающей носить свободные платья, едва подчеркивающие линию бедер и скрывающие грудь. Своенравная художница Мари Лорансен протестовала и говорила, что женщина не может быть похожей на спичку, но Шанель, Пату и Молинё полагали, что именно к этому и следует стремиться. Так что, сообразуясь со своими весьма ограниченными средствами, Маги пыталась следовать за модой.

— Тебе совершенно не нужны грации и нимфы, — шутила она с Пикассо, косясь одним глазом на то, во что превращалось ее тело у него на холсте. — Это не ты придумал, дружок, перекроить женскую анатомию. Мы и без тебя отлично справились. Ты видел мое новое платье? Не стоит забывать, что все эти груди, бедра и другие части тела, с которыми ты так вольно обращаешься, принадлежат нам.

Для работы Маги обзавелась яблочно-зеленым шелковым кимоно и во время перерывов в работе прохаживалась в нем по мастерской, зорким оком рассматривая незаконченную картину.

— Так вот как ты меня видишь! У меня дома, конечно, нет такого большого зеркала, чтобы я могла увидеть себя в полный рост, но я уверена, что соски у меня одного цвета. Разве ты не замечаешь, что один у тебя получился цвета малины, а другой похож на перезрелую землянику? А мои глаза? Неужели они в самом деле настолько отличаются друг от друга по форме? Я слышала, что в языке эскимосов двадцать пять слов обозначают снег. Значит, ты принадлежишь к школе эскимосов? Но вполне вероятно, что у тебя особый талант. Кто знает? Я, разумеется, не эксперт.

На художниках, которым она позировала, Маги оттачивала свой сарказм, баловала их своей щедростью и изводила своим нахальством. Полу она любила и не мучила своими капризами. С ней Маги отлично ладила. Пола относилась ко всем победам Маги как к своим собственным. Иногда женщины вместе обедали в кухне «Золотого яблока», и, наблюдая за тем, с каким зверским аппетитом Маги поглощает еду, Пола понимала, что Маги все еще не нашла себе мужчину. Любовной тоской здесь и не пахло. Ничего, одобрительно думала Пола, у девочки еще достаточно времени.

Пока Маги завоевывала Монпарнас, Жюльен Мистраль пытался справиться с финансовым кризисом. В течение трех лет он очень осторожно расходовал деньги, унаследованные после смерти матери, но теперь с ужасом осознал, что они почти закончились. Только о какой экономии могла идти речь, если он так безоглядно расходовал холсты и краски?

Мистраль всегда покупал все необходимое для работы в таком количестве, что ему даже удалось уговорить владельца специализированного магазина на улице Бреа Люсьена Лефевра предоставить ему небольшую скидку. Разумеется, можно было покупать краски и дешевле, но только Лефевр сам смешивал их с маковым маслом, а не с льняным, и поэтому его краски пахли медом и обладали, по мнению Мистраля, особой насыщенностью цвета. Правда, даже с учетом скидки счет в магазине очень вырос. Что ж, ограничивать себя? Нет, невозможно!

Ограничения, экономия, сведение концов с концами, всем этим «радостям» Мистраль

предавался в повседневной жизни. Он пил только дешевое красное вино, платил гроши за студию, выгадывал сантимы на еде. А женщины, думал он, собираясь на костюмированный сюрреалистический бал, куда его пригласила молодая богатая американка Кейт Браунинг, женщины обходились ему даром. Их у него было не меньше, чем блох у уличного пса, и ни одна не стоила ему ни франка.

Мистраль потянулся и едва не стукнулся головой о низкий потолок спальни. Он решил не утруждать себя, не бриться и не причесывать густые темно-рыжие кудри, так как единственным элементом его маскарадного костюма являлась старомодная черная широкополая шляпа, приобретенная в магазине подержанных вещей. Не собирался он суетиться из-за этих сюрреалистов, чье определение красоты как «случайной встречи швейной машинки и зонтика на столе в прожекторской» приводило его в ужас.

Мистраль ненавидел все эти «измы», к стану которых он относил и политические партии любого толка, все религиозные группы и всех, кто верил в любую точно сформулированную систему морали. Искусство не имеет ничего общего с моралью, оно выше нравственности, выше любых определений красоты. Почему, интересно, люди суетятся ради того, чтобы поддержать какие-то идеи, вместо того чтобы писать картины?

И все же Мистраль выкроил время, чтобы попасть на этот бал. Кейт Браунинг может вскоре приобрести еще одну картину, и уж тогда, господь свидетель, он найдет применение этим деньгам. Эту молодую женщину никто не назвал бы непривлекательной. Кейт была по-американски хорошенькой, строго воспитанной, несколько аскетичного вида блондинкой. За последние два месяца Мистраль продал ей два небольших полотна, что делало мисс Браунинг еще более привлекательной в его глазах. Вообще-то Мистралю нравились менее суровые лица.

Как бы там ни было, экономить на материалах он не станет. Мистраль торопливо вышел из дома, скатав по дороге счет от Лефевра в шарик и выбросив его в чужой сад.

Было ли в 1926 году маскарадов больше, чем в 1925-м? И будет ли их еще больше в 1927-м? Никто не смог бы с уверенностью ответить на этот вопрос в те бурные времена. Каждую неделю на чьи-нибудь деньги устраивали костюмированный бал. В апреле 1926 года русские артисты уже дали свой «Банальный бал», как и международная организация гомосексуалистов, устроившая «Бал педерастов». Так что, когда сюрреалисты организовали «Бал без причины», чтобы отпраздновать все и ничего в частности, никто не сомневался, что его ни в коем случае нельзя пропустить.

Всего за год до этого сюрреалисты устроили небывалый скандал на банкете в «Клозери де Ли́ла», закончившийся попыткой линчевания, пресеченной своевременным вмешательством полиции. Двое из них, Миро и Макс Эрнст, создали декорации к спектаклям дягилевского «Русского балета», а их же товарищи по движению пытались сорвать представление, гудели в рожки, произносили громкие речи и нападали на зрителей, за что и были выдворены прочь.

Учитывая такую репутацию устроителей, кто из мира искусства, литературы или моды, претендующий на заметное место в этом мире, мог бы остаться дома в этот вечер?

— Сюрреалистический это маскарад или нет, я отправлюсь на него в том, что мне идет. Я всегда так поступаю, — заявила Пола за неделю до бала.

— Неужели в костюме Помпадур? Опять?! — воскликнула Маги. — Ты просто

невозможна. Я устала от твоего костюма. Не понимаю, как он тебе самой еще не надоел?

— Есть только один повод появиться на маскараде, — как ни в чем не бывало продолжала Пола. — У тебя должна быть возможность продемонстрировать ту часть тела, которую ты не можешь никому показать из-за современной моды. Сейчас такие банальные времена! Я не собираюсь ничего выдумывать. Пусть этим занимаются те, кому показать нечего, у кого нет моих потрясающих белых плеч, моих восхитительных грудей и моей все еще тонкой талии. Но на этот раз, исключительно ради разнообразия, я появлюсь в костюме Дюбарри.

— Дюбарри или Помпадур, это ничего не меняет. Снова твои пышные розовые юбки из тафты, атласный синий корсаж в обтяжку, кружевная косынка на плечах, немного кружев на запястьях, пудренный парик и мушка. Ты меня позоришь!

— Что ж, меня всегда недооценивали, — вздохнула Пола. — Вместо кружевной косынки будет чучело питона. Змея будет спускаться с моего правого плеча и проходить под обнаженной грудью. А закреплю я ее на левом плече. Язык гада будет лизать мне ухо.

— Обнаженные груди?

— Разумеется. Мне кажется, я уже все объяснила.

— Поздравляю! Я тобой горжусь.

— Никаких дополнительных усилий. Только питона придется одолжить. А что наденешь ты?

— Я буду представлять вазу с фруктами.

— Какой ужас! Лимоны в волосах и платье в форме яблока? Маги, это тебя недостойно.

— Подожди, и ты все увидишь. — Маги помешала кофе и закрыла глаза.

— И с кем же ты пойдешь? С Аленом?

— С Аленом и его друзьями. Всего четверо мужчин.

— Как всегда думаешь о безопасности, верно?

Маги надула губы и дунула, как будто пытаюсь убрать со лба воображаемую прядку волос. Она всегда так делала, когда смущалась. Из-за этой детской привычки ее часто дразнили. Пола, как всегда, была права.

Монпарнас представлял собой настоящий сексуальный зоопарк. Обычные семейные пары, лесбиянки, гомосексуалисты, фетишисты... Ни один из ликов Эроса не был чужим или запретным в квартале. Все было возможно и все дозволено.

В этой пугающей атмосфере Маги с самого начала куда уютнее чувствовала себя в роли зрителя, а не участника. Месяцы бежали один за другим, а она ругала себя за то, что все еще хранит девственность, о которой никто, кроме Пола, не подозревал.

Маги скрывала этот немодный, позорящий ее факт ото всех. И все полагали, что у нее должен быть любовник. Тот факт, что Маги отвергала внимание любого мужчины, как только отношения выходили за пределы легкого флирта, создал ей репутацию верной и умеющей хранить тайну любовницы какого-то неизвестного счастливого человека.

У Алена и его друзей ушло полдня, чтобы создать костюм Маги. Ее правую грудь они расписали в виде грозди зеленого винограда, левую в виде кавальонской дыни, которую подают целиком с наполняющим ее сладким вином. Руки и плечи превратились в связки спелых и слегка зеленоватых бананов. На груди до пупка рос ананас, а его широкие зеленые листья скрывались в волосах на лобке. Таз превратился в ломти дыни, бедра — в связки ревеня. От колена до ступни ноги выглядели как виноградные лозы, а под мышками

художники изобразили яблоки.

На лице Маги почти не было рисунка, не считая двух пчелок на лбу. Волосы удерживала гирлянда цветов. Она отказалась уступить протестам художников, в один голос уверявших ее, что зеленый шелковый шарф, который она намеревалась надеть в качестве импровизированных миниатюрных трусиков, совершенно не соответствовал общему духу костюма.

Маги внести должны были в зал на овальном деревянном блюде, выкрашенном серебристой краской. Мужчины изображали различные сыры: Андре — сыр бри, Пьер — целый камамбер, Анри — кусочек рокфора, а Ален — половину козьего сыра... Сыры были нарисованы так реалистично, что казались съедобными. Вся четверка принадлежала к реалистической школе, и их композиция «Сыры и блюдо с фруктами» должна была стать вызовом сюрреалистам с их идеей расчленения предметов.

— Подождите, — остановила их Маги, когда они попытались прорепетировать вход в зал. — Чем бы мне занять руки? Может быть, взять цветок или что-то еще?

— Нет, ты испортишь всю идею. Просто положи голову на локоть и лежи совершенно спокойно. И ради бога, постарайся не потеть. Черт побери, Маги, почему ты не разрешила нам использовать масляные краски вместо акварели?

— Потому что я не намерена провести весь завтрашний день, отмокая в ванне с растворителем, — ответила она. — И без того серебряная краска немного щиплет. Я не уверена, что она нормально высохнет. Помнится, когда-то короли покрывали тела рабов золотой краской. И если я не ошибаюсь, бедняги от этого умирали.

— Все слухи, дорогая. И потом, серебряная краска касается только твоей задницы. А теперь в путь. Бал начался уже час назад. Маги, слезай с блюда, и идем с нами. Мы составим композицию у входа в зал.

— Сейчас, только накину пальто и надену туфли.

— Зачем? На улице совсем тепло, — запротестовал Андре.

— Но до бального зала надо пройти три улицы.

— Не вздумай смазать краску, — заволновался Пьер.

— Пожалуй, я все же надену пальто и возьму такси. Встретимся там.

— Ох уж эта мне мелкая буржуазия, — поддразнил ее коротышка Андре.

Маги угрожающе подступила к нему:

— Ты хочешь умереть, москит, раздавленный парочкой бананов? Возьми свои слова назад.

— Ты бы не рассердилась, если бы они не были правдой! — крикнул он, отбегая от нее на безопасное расстояние.

— Эй, у нас не осталось времени на любовные штучки, рявкнул Ален. — Если мы затянем с появлением, все уже выпьют слишком много, чтобы нас заметить. Вперед, на баррикады!

Пятьсот человек толпились в ресторане «Бюлле» к тому времени, когда там появилась Маги. Среди присутствующих были Дариус Мило, Сати и Массин. Там были графиня де Ноайль, Поль Пуаре и Эльза Скиапарелли. Пикассо в костюме пикадора и Громэр в костюме испанского иезуита, к которому он добавил женские объемные панталоны с ярко-красными лентами. Бранкузи превратился в восточного принца с персидским ковром на плечах и в расшитых бисером шароварах.

Крики «браво!» ознаменовали появление Маги и ее спутников, которым удалось, не потеряв равновесия, поднять свою драгоценную ношу по знаменитой лестнице. Музыканты по очереди замолкали, увидев Маги сквозь сигарный дым, а потом каждый звуком своего инструмента приветствовал ее, пока она плыла на серебряном блюде по бальному залу. Танцующие останавливались, теснились вокруг группы реалистов, аплодировали, кричали что-то одобрителное. Маги была так искусно разрисована, что присутствующие не сразу поняли, что на ней, кроме шифонового шарфа, ничего нет. И это вызвало новые аплодисменты.

— Что же это такое? — спросила Кейт Браунинг у Мистралья. Ей было все отлично видно. Они сидели у столика на возвышении.

— Манифест реалистов, — пожал он плечами.

Мистраль сразу же узнал Маги. Ни у одной женщины на Монпарнасе не было волос такого яркого оранжевого цвета, которого ему никогда не забыть. Но ему никак не удавалось совместить в своем воображении образ застенчивой, неловкой девушки, которая ничего не знала о позировании, и это беззастенчиво выставляющее себя на показ создание, эту лежащую обнаженной под прицелом сотен глаз женщину, смеющуюся от души. Она смеялась!

Мистраль слышал о ней от многих художников по мере того, как она становилась знаменитой, не раз видел ее мельком на улице, но за те одиннадцать месяцев, что пробежали со дня ее появления на ярмарке натурщиков, они не обменялись ни единым словом. Если бы Мистраль был честным с самим собой, ему бы пришлось признать, что он избегает встречи. Он бы даже согласился с тем, что ему стыдно за свою грубость. Но такое отношение к жизни было ему чуждо. Что там вспоминать о какой-то провинциальной дурочке? Нет, жизнь слишком коротка, а сделать надо так много.

— Жюльен, ты умеешь танцевать? — спросила Кейт Браунинг в своей обычной властной манере.

— Да, я танцую, но не слишком хорошо, должен тебя предупредить.

— Так ты не хочешь потанцевать?

— В этой толпе?

— Идем, мне хочется танцевать. — Она не привыкла, чтобы ей отказывали.

— И что же это они сейчас играют? — спросил Мистраль.

— «Зеленую гору», забавная и милая мелодия. Ты не можешь сидеть на месте.

Мистраль неохотно встал и последовал за тоненькой американкой на площадку для танцев, где людей было так много и они так тесно прижимались друг к другу, что его умение танцевать не имело никакого значения. Он был выше всех присутствующих в зале. Несколько минут они двигались по самому краю толпы, но потом музыка неожиданно сменилась, и зазвучал пульсирующий мотив регтайма. Неожиданно Мистралья и Кейт плотно прижались друг к другу желающие получше рассмотреть Маги, приближающуюся к ним в сопровождении четверки «сыров».

А Маги, возлежащая на своем серебряном блюде, опьянела от всеобщего восхищения, окружавшего ее. Это оказалось таким освобождением. Обнаженная, но скрытая слоями краски, она была видимой и невидимой одновременно. Ей казалось, что она свободно парит над бальным залом. Со всех сторон тянулись руки, чтобы коснуться ее, но Маги ощущала себя в безопасности, потому что художники все выше и выше поднимали свою ношу, чтобы она оставалась недосыгаемой.

Неожиданно кто-то громко крикнул в толпе:

— Долой реалистов!

— Долой сюрреалистов! — немедленно отозвался десяток голосов по всему залу.

Толпа, за секунду до этого пребывавшая в самом мирном расположении, ринулась в битву. Именно этого гости ждали весь вечер. Кейт Браунинг, мгновенно почувствовавшая опасность, резко развернулась и пошла прочь, заставляя Мистралья идти следом за ней.

Гости столпились вокруг четверки реалистов. Люди толкались, выкрикивали оскорбления, пихали друг друга локтями, чуть не сбив Алена и Андре с ног. Пьер и Анри, камамбер и рокфор, мужественно отбивались. Но шаткое равновесие было нарушено, и Маги с ужасом осознала, что сползает с блюда. Если она окажется на полу, ее просто растопчут. Она настороженно огляделась. Кругом была масса тел, дерущиеся мужчины, толкающиеся и визжащие женщины. Маскарад превратился в свалку.

Маги собралась в комок и, резким движением оттолкнувшись от подноса, прыгнула в сторону от толпы, стараясь долететь до единственной точки опоры, которую она разглядела. Это была черная шляпа Жюльена Мистралья.

Он охнул от удивления, но легко поймал ее, и она устроилась у него на руках, словно маленькая девочка. В ее глазах не было ни испуга, ни паники. Она все еще находилась под очарованием момента.

Маги обняла Мистралья за шею, и ее голова упала ему на плечо. Он автоматически прижал ее к себе крепче, а она сжалась еще плотнее, инстинктивно сгибая ноги и прикрывая ягодицы, испачканные серебряной краской.

Наконец Мистраль сделал шаг в сторону. Недалеко от них находилась дверь на улицу, и он направился к ней, расталкивая всех на своем пути, как будто спасал Маги из волн бушующего моря.

Когда они оказались на улице, Маги заговорила:

— Куда мы идем?

— Недалеко.

— Я надеюсь, что это не слишком претенциозное место.

— Оно именно такое.

Мистраль перешел улицу и вошел в подъезд здания в псевдомарокканском стиле. За стойкой стояла женщина, поджидающая посетителей.

— Добрый вечер, месье. Вам на двоих или на одного? — она ничуть не удивилась при виде мужчины, несущего на руках обнаженную раскрашенную женщину.

— На одного, пожалуйста. Придется ли нам подождать?

— Нет, сегодня вечером вам повезло. У меня как раз все готово. Следуйте за мной, прошу вас.

Женщина пошла по коридору, вдоль которого на равном расстоянии друг от друга расположились двери. Она открыла одну из них и знаком пригласила Мистралья войти.

Маги увидела совершенно пустую комнату, если не считать огромной ванны, заполненной почти до краев горячей водой. На стуле возле нее лежало полотенце, кусочек мыла и салфетка из махровой ткани, употребляемая вместо мочалки. Все еще держа девушку на руках, Мистраль наклонился и пальцем попробовал воду. Удовлетворенный ее температурой, он осторожно опустил Маги в ванну.

— Убийца! — воскликнула Маги.

— Не могу сказать, что мне не понравился твой костюм, но ты перепачкала мне всю

рубашку, — ответил он, яростно намыливая махровую салфетку.

— Дай ее мне.

— Ни в коем случае. Это мужская работа.

Мистраль скинул промокший пиджак, закатал рукава рубашки и опустился на колени возле ванны. Маги попыталась встать на ноги, но никак не могла обрести равновесие в глубокой посудине. Она высунулась до половины, но тут же снова сползла назад. Мистраль не обращал никакого внимания на ее попытки выбраться из воды и быстро проводил салфеткой по любой части тела, которая оказывалась в его досягаемости. Через несколько секунд вода из прозрачной голубой стала темно-серой.

И тут Маги расхохоталась. Она послушно опустилась в воду и совершенно спокойно позволила Мистралю вымыть ее плечи и ноги. Но когда он приблизился к ее груди, она неожиданно ударила его ребром ладони по шее. Шляпа Мистраля свалилась в воду, от неожиданности он выпустил из рук салфетку, и этих нескольких секунд оказалось достаточно. Маги плеснула ему в лицо мыльной водой. А пока он грязно ругался, пытаясь протереть глаза полотенцем, она закончила смывать краску с тела. Маги хохотала как ненормальная при виде свирепого Мистраля, стоявшего на коленях возле ванны в залитой водой рубашке и с покрасневшими и слезящимися от мыла глазами.

Наконец Маги бросила салфетку на деревянный пол, оставшись сидеть в мутной воде, закрывавшей ее до самых плеч. Мокрые волосы облепили ее лицо, в глазах блестели слезинки от смеха, на губах играла проказливая улыбка. Неожиданным движением она нахлобучила на себя мокрую черную шляпу Мистраля.

— Отличная работа, — похвалила она его, — но каковы ваши планы на остаток вечера?

Мистраль сел на корточки. В самом деле, что делать дальше?

— Я замерзаю и страшно проголодалась, — угрожающе заявила Маги. — А когда мне холодно и я хочу есть, у меня очень портится характер. Хотите рискнуть и проверить это? — В ее голосе, в ее глазах, в наклоне головы, даже в ее рыжих бровях притаился вызов. Да, она обнаженная сидела в грязной воде, но она бросала Мистралю вызов, бесцеремонно завладев его шляпой.

— Не уходи, — приказал Мистраль, вскочил на ноги и вышел из комнаты, забрав с собой полотенце и пиджак и не забыв плотно закрыть за собой дверь.

— Ну и сукин сын! — громко крикнула Маги.

Она с отвращением посмотрела на края ванны, где уже начала образовываться неприятная серая кайма. Девушка попыталась добавить немного воды, но кран оказался заперт. Она пожалала плечами, встала и принялась сдирать с себя воду ладонями, обрадовавшись, что ее кожа не приобрела нездоровый пепельный оттенок. Маги осторожно вылезла из ванны и отряхнулась, помотав из стороны в сторону мокрыми волосами. Брызги веером разлетелись вокруг нее. К счастью, вечер был теплым, да и в комнате было не холодно.

Неожиданно дверь распахнулась, и на пороге снова появился Мистраль. Маги выпрямилась, прикрывая живот его шляпой, а груди рукой.

— Ты забыл постучать.

— Прости, — он протянул ей два чистых полотенца. — Вытирайся. Да ладно тебе, я не буду смотреть. Потом можешь надеть мой пиджак. Нас ждет такси.

— Я надеюсь, что ты найдешь милое местечко для ужина.

— Обязательно.

— Ты знаешь, как обращаться с девушкой.

Она надела его пиджак, рукава оказались слишком длинными и закрывали пальцы. Пришлось запахнуться, но это одеяние скрывало ее всю, если не считать голых ног.

— Что ж, я готова и, пожалуй, отлично выгляжу, но твой вид весьма сомнителен. Рубашка вот совсем мокрая, — проворчала она.

— Я думаю, что мы оба достаточно... чистые, — ответил Мистраль, направляясь к дверям общественных бань. — А когда человек чистый, все остальное не имеет значения.

Шлепая по полу босыми ногами, Маги пошла за ним на улицу. Они перебежали к стоящему на другой стороне такси.

— Бульвар Араго, дом шестьдесят пять, — сказал Мистраль изумленному шоферу.

По-прежнему босиком, но теперь уже в ярко-красном кимоно, Маги удивленно улыбнулась, найдя его на том же самом месте, что и во время своего первого визита в мастерскую Мистраля — девушка вошла в неярко освещенную студию. Мистраль вечером всегда выключал рабочие лампы. Она поискала, где бы присесть.

Если спальня выглядела почти пустой, то в мастерской яблоку негде было упасть. У Мистраля была привычка часто навещать старьевщиков по соседству и выбирать что-нибудь среди их товара. Огромная фаянсовая миска для супа с дырой, наполовину изъеденная жучком носовая фигура корабля, несколько фигурок из когда-то потрясающего набора оловянных солдатиков, викторианское кресло, обтянутое пурпурным атласом, с бахромой, поврежденной молью.

Вещей было много, но обстановкой это нагромождение никак нельзя было назвать. Маги решила устроиться в викторианском кресле. Ее мучило любопытство и предвкушение приключения. Она никогда не думала, что снова окажется здесь, поэтому вечер тревожил ее смутными догадками.

— А суп будет? — крикнула она Мистралю, возившемуся на крохотной кухне.

— Здесь тебе не ресторан. Если я хочу супа, то отправляюсь куда-нибудь пообедать. Можешь рассчитывать на хлеб, сыр, ветчину и красное вино, и будь этим довольна.

— Ты не слишком радушный хозяин.

— Я редко принимаю гостей, — отозвался Мистраль, с раздражением глядя на ветчину, которую он пытался нарезать. Она выглядела не слишком свежей. Он торопливо собрал на поднос разномастные тарелки и два стакана, один из которых был немного надколот, и принес все в студию. Мистраль остановился на полдороге, увидев Маги в пурпурном кресле. Ее оранжевые волосы разметались по красному шелку кимоно, и Жюльену почудилось, что в углу его мастерской разгорелся огонь.

— Не стоит там сидеть.

— Почему?

— Это кресло того гляди развалится.

— И что же ты предлагаешь? Сидеть на полу?

— У меня есть небольшой столик в саду. Я думал, что мы можем поесть там.

— А поставил ли ты там еще и кресла? — со смехом поинтересовалась Маги.

— Представь себе, поставил.

— Что ж, в таком случае кто сможет устоять перед такой великолепной перспективой?

Маги вышла, и на нее обрушился аромат цветущей сирени, чьи пышные молочные гроздья нависали над деревянным столиком, выкрашенным белой краской. Два кресла из

гнутой древесины со спинками в форме сердца и полосатыми подушками на деревянных сиденьях стояли в нескошенной траве. Мистраль зажег высокую свечу в низком резном медном подсвечнике. Маги присмотрелась к ветчине.

— Давай попробуй кусочек, — подбодрил ее Жюльен.

— Она не слишком... как бы это сказать... молода.

— Тогда лучше не будем ее есть, — он поставил тарелку на траву. — Думаю, что сыр вполне съедобный. Ты и в самом деле проголодалась? Я могу сходить и принести что-нибудь еще. Здесь за углом есть мясная лавка, она не закрывается допоздна.

— Нет-нет, не надо. Я просто дразню тебя. Но ты сам ужинал?

— Ну...

— Что это значит?

— Я только что вспомнил, где я ужинал.

— И?

— Я ужинал с женщиной, богатой американкой. Она коллекционирует картины, и именно она пригласила меня в тот сумасшедший дом, который устроили сюрреалисты.

— В таком случае у нее есть серьезный повод для недовольства. — Маги подняла свой стакан и знаком предложила Мистралю присоединиться к ее тосту. — Выпьем за даму, которая начала вечер с господином Мистралем. Кто знает, с кем она его закончит? Я желаю ей удачи.

— За удачу, — согласился Мистраль, их стаканы соприкоснулись с глухим стуком.

Пока он пил, из его головы испарились даже воспоминания о Кейт Браунинг. Ничто больше не существовало для него, кроме этого сумрачного уголка, наполненного сладким запахом сирени. Кроме музыкального, низкого голоса Маги, льющегося словно ручей, отгораживающий его от прошлой жизни.

Жюльен Мистраль ощутил, как прежде непоколебимая сила воли покидает его, словно падают на землю тяжелые доспехи, которые он так долго носил. Он как будто помолодел на десяток лет и снова почувствовал теплое прикосновение ночного апрельского воздуха, услышал шепот высокой травы, вдохнул сладостный аромат сирени, распробовал терпкий вкус красного вина.

Горела одинокая свеча, а от этой юной женщины исходило сияние. При самом легком движении ее кожа отражала лунный свет, от огонька свечи в зеленых глазах вспыхивали искры такие яркие, что луна стыдливо пряталась в зарослях. Звук голоса Маги лишал Мистраля дара речи, возбуждал его, смущал и очаровывал.

Неохотно, будто против собственной воли повинувшись неслышиму приказу, покоряясь непривычному, но необоримому желанию, художник опустил на траву и взял ступни Маги в ладони.

— Бедные ножки озябли, — прошептал он.

Маги не ответила. Прикосновение его крупных гибких пальцев, жар и шершавость кожи заставили ее задрожать от ощущения, доселе ей неизвестного. Она откинула голову назад, и ей показалось, что от далеких звезд исходит ровное мощное тепло.

Губы Мистраля коснулись высокого свода ее стопы легко, словно крылья бабочки. Маги затаила дыхание, боясь шевельнуться. Мистраль говорил с ней на незнакомом языке, но она его почему-то понимала. Она закусил губу. Когда его язык коснулся ее кожи, настойчивый, упрямый, горячий, Маги застонала. Бедрa ее раздвинулись сами собой, стоило только почувствовать его прикосновения к тонкой коже под коленями.

— Прекрати, — задыхаясь, приказала она, — прошу тебя.

Мистраль встал, и его гигантская фигура выглядела черным силуэтом на фоне луны, и подхватил ее на руки. Он смотрел на нее, а между бровями пролегла сосредоточенная складка.

— Прекратить? Ты уверена? — Он поцеловал Маги в губы и отстранился, чтобы увидеть выражение ее лица. — Нет, она не уверена, совсем не уверена, — вздохнул он и снова приник к ее губам нежным, чувственным, неторопливым поцелуем, от которого ее рот превратился в огненный цветок.

Смущение Маги и охватившая ее тревога растаяли под этими поцелуями. Она засмеялась, и в этом смехе появились непривычные для нее нотки, потому что в ней проснулись новые силы, прятавшиеся так глубоко, что она их и не замечала. Ее губы отвечали на поцелуи Мистралья, ее руки обхватили его мощную шею, лаская вьющиеся волосы. Маги вывернулась из его рук и бесстыдно прижалась к нему всем телом. Они долго стояли так, чуть покачиваясь от поцелуев, а потом вдруг оба замерли. Издав гортанный звук, еле сдерживая желание, Мистраль распахнул полы кимоно, сгорая от нетерпения прикоснуться к телу, которое он до этого касался лишь взглядом, ощутить пальцами кожу, дотронуться до груди, до тугих сосков загрубевшими от работы пальцами. Маги заговорила еле слышно, словно находилась в трансе:

— Не здесь... Идем в дом.

Спотыкаясь, расстегивая на ходу рубашку, он покорно пошел за ней в спальню. Луна освещала простыни. Спустя несколько секунд он уже стоял в свете луны обнаженный, возбужденный, великолепный в своей наготы.

— Позволь мне посмотреть, — в голосе Маги было столько настойчивого любопытства, что Мистраль послушно ждал, пока она приблизится. Вся ее игривость исчезла, когда она мягко касалась пальцами его плеч, груди, спускаясь ниже и ниже. Потом вдруг быстро скинула кимоно и легла на кровать, ожидая его.

«Наконец-то, — думала она, — наконец-то». Она не покорялась его рукам, а поощряла их. Выгибаясь и потягиваясь словно кошка, она играла с Мистралем, поддерживала руками груди и предлагала их его жадному рту, пока вдруг не вырвалась одним сильным гибким движением и не приникла губами к его соскам, подражая его движениям. Он вскрикнул и оторвал ее от себя, не в силах дольше терпеть эту сладостную муку.

— Ах вот оно что, двое не могут играть в эту игру, — пробормотала Маги и почти мгновенно получила ответ на свой вопрос. Дрожащими руками он развел ее бедра, и его язык побежал по внутренней их стороне. Молчание обволакивало их своим покрывалом. Маги едва дышала, ожидая продолжения, растеряв всю свою бесшабашность.

Мистраль резко и сильно вошел в ее тело. Она была очень влажной, и он не сразу понял, что имеет дело с девственницей, и остановился. И тут Маги, не обращая внимания на вспышку боли, сама устремилась к нему навстречу, потому что его пылающая плоть, пытающаяся соединиться с ней, стала для нее центром вселенной. Они оба застыли на мгновение, как два гладиатора, готовые продолжать схватку.

— Я не знал, — прошептал Мистраль, удивленный до такой степени, что ему на ум пришли только самые банальные слова.

— Я не сказала тебе. Какое это имеет значение?

— Никакого, никакого.

Теперь они лежали на боку и смотрели в глаза друг другу. Одной рукой Мистраль

обнимал Маги за плечи, а другой нашел маленький комочек плоти, прячущийся в нежных складках, и принялся ласкать его осторожно, настойчиво, пока Маги не задохнулась от наслаждения. И только тогда он дал волю своим чувствам, но был осторожен и нежен, что только увеличивало его собственное наслаждение.

Впервые Жюльен Мистраль нарисовал Маги, впервые дошел до тени между ее грудями, впервые окунул кисть в краску, не думая ни о чем, впервые нашел для этой тени верный оттенок, и тут же в его мозгу прозвучало удовлетворенное «Ага!». Удивленный, сбитый с толку, он увидел, как его рука, держащая кисть, будто сама по себе порхает над холстом, а пальцы онемели от совершенного открытия. Ему вдруг стало жарко, и он разорвал на себе рубашку. Ему не терпелось следовать за своим видением, и в конце концов он принялся просто выдавливать краску из тюбиков прямо на холст.

Настал тот день, когда он начал писать именно так, как хотел. Никаких внутренних запретов, никаких расчетов, только свобода, словно потолок и стены студии исчезли, и он стоял под открытым синим небом.

Маги как зачарованная следила за ним, лежа неподвижно на груди зеленых подушек, не осмеливаясь пошевелиться, хотя прошло уже больше часа. Но вот Мистраль отошел от холста и бросился к ней, сияющий, мокрый от пота.

Жестом, который не являлся ему даже в мечтах, он вытер руки о ее кожу, покрывая ее зеленым и тициановым красным, как будто она была еще одним полотном. Он рывком снял с себя брюки, забыв расстегнуть их, и с жадностью набросился на нее, пригвождая к подушкам большим, горячим, влажным телом, пока не пришло освобождение, которое он встретил хриплым рычанием победителя.

Шли недели, а Мистраль все еще писал Маги. Он понял, что странное преломление света на ее теле дарит ему вдохновение. И дело было не только в прозрачной белизне ее кожи, не только в огненном сиянии ее волос. Просто его воображение было готово к этому рывку, он ни о чем не просил, ни о чем не задумывался. В глубине души он был уверен, что свет исходит от самой Маги, поэтому каждое новое полотно становилось источником света. Маги видела, что с ним произошло нечто очень важное, недоступное ее пониманию, но, когда она попросила объяснить, у Мистрала не нашлось нужных слов. Его новые ощущения невозможно было описать словами. Из суеверия Мистраль вообще не хотел ничего обсуждать.

Это была самая лучшая весна в жизни Маги, начавшаяся с той самой ночи в апреле, которую они провели вместе. С этой весной она еще будет сравнивать другие весны. Маги понимала, что это было ее золотое время. Как и любая женщина, она догадывалась, что ничто не может длиться вечно. Но она не спрашивала себя, что же будет завтра. Маги жила одним днем, ощущая его круглым, полновесным, как золотое солнечное яблоко.

Счастье Мистрала было счастьем художника.

Жюльен Мистраль ни разу не подумал о том, что у Маги до бала сюрреалистов была своя жизнь и она не могла позировать только ему все семь дней в неделю. Он занимал все ее время и считал, что имеет на это право. Мистраль прекращал работу только тогда, когда у Маги начинали невыносимо болеть все мышцы и она молила о пощаде. Его поистине королевский эгоизм не позволял ему сомневаться в том, что Маги счастлива забыть о собственной жизни, оставить свою комнату, не встречаться с друзьями, никуда не ходить. Когда Мистраль бросал кисти, ему казалось совершенно естественным, что Маги оказывается под рукой, и он занимался с ней любовью, как изголодавшийся, безудержный зверь, снимая нервное напряжение.

Маги щедро отдавала ему себя, словно была полем, на котором он мог срывать цветы удовольствия.

Час за часом она выдерживала его внимательный взгляд, понимая, что он не видит ее и не думает о ней, как о Маги. Ее любовь не требовала ничего, кроме возможности наблюдать за его работой. Его сжигала такая страсть творчества, что она казалась ей святой. Два месяца Мистраль писал серию портретов Маги, получившую позже название «Рыжеволосая женщина», и все это время они были отрезаны от обычной жизни. Они оба стали легендой, как два человека, пережившие вместе невероятное героическое приключение, никогда раньше не испытанное людьми. Эта серия полотен стала вехой в истории искусства, но ни Маги, ни Мистраль никогда об этом не говорили.

К концу мая 1926 года Мистраль закончил семь портретов Маги и перестал интересоваться обнаженной натурой так же внезапно, как до этого обрел к ней неистовую страсть. Он вернулся к обычной жизни. Мистраль не обращал внимания на свой сад, где расцвели июньские цветы, но предметы в его студии, приобретенные на блошином рынке или купленные по дороге — ваза с пурпурными и белыми астрами, разрезанный арбуз, — вдруг повернулись к нему совершенно другой стороной благодаря его новому видению. Они были живыми, такими же, как Маги. На них падал свет, они дышали им. Мир только что родился для Жюльена Мистраля.

Он позволил своему ощущению игры, о котором он не вспоминал с детства, вырваться на волю. Тайные уголки его души открылись навстречу солнцу и ветру, он использовал холсты и кисти как трубы, которые должны были своим звуком открыть для него ворота рая.

Когда Маги и Мистраль исчезли из жизни квартала, поползли слухи, а когда Мистраль отпустил ее и она вернулась к привычной жизни, это вызвало новый шквал вопросов.

— Разумеется, ты сделала это ради любви? — спросила Пола.

— Пола! Маги была шокирована. — Ты же не думаешь, что я могу попросить его заплатить мне?

— Нет, к сожалению, я так не думаю. Господи, до чего же глупы женщины.

— Но ты просто ничего не понимаешь, — весело пропела Маги. Она была слишком счастлива, чтобы сердиться.

— Напротив. Я все отлично понимаю и категорически не одобряю. Это сумасшедшая страсть, и этого следовало ожидать, только не требуй от меня поздравлений. Мне казалось, что ты стала профессиональной натурщицей.

— Ты старый циник, Пола. Но Жюльен отдал мне самую первую и самую большую картину, мою любимую. Ту, где я лежу на зеленых подушках.

— Замечательно! Месяцы работы, и в результате ты получаешь картину художника, который никогда ничего не продает! О, Маги, я никогда не думала, что ты кончишь как подружка художника. Это совсем тебе не подходит. — Пола так расстроилась, что не скрывала своих чувств. — Но теперь Мистраль закончил тебя рисовать на какое-то время, так что ты можешь вернуться к своему обычному занятию и позировать тем, кто платит. И я полагаю, что ты отдаешь ему заработанное. Верно?

— Это нечестно, — запротестовала Маги. — Жюльен работает как дьявол, и у него нет ни гроша. Разумеется, я плачу за все. И это только естественно. Но это только до тех пор, пока он не начнет продавать свои картины, Пола.

— Скажи-ка мне вот что. Что еще делает для тебя Жюльен Мистраль, кроме того, что

использует тебя как натурщицу и позволяет тебе делить с ним постель?

— Ах! — Маги даже задыхнулась от неожиданности и возмущения. Она не понимала, как Пола могла так заблуждаться по поводу ее отношений с Мистралем.

— «Ах!» — сказала простушка, — суровым эхом передразнила ее Пола. — А кто готовит еду и убирает мастерскую, кто отдает белье в стирку — или, упаси господи, — сама стирает, кто следит за тем, чтобы в доме было достаточно вина, кто ходит утром за круассанами к завтраку, кто варит кофе и застилает постель, которой немало достается? Неужели месье Мистраль занимается всем этим в обмен на те деньги, что ты зарабатываешь?

— Пола, ну какая же ты смешная! Разумеется, Мистраль ничего такого не делает. Да и у меня самой не очень-то хватает на это времени. Я просто покупаю кое-что в мясной лавке, и мы устраиваем пикник...

— Больше ни слова! — приказала Пола.

Все оказалось даже хуже, чем она предполагала. Даже у плохих художников «я» гигантского ребенка. Младенцы-монстры, каждый центр собственной вселенной, а остальные люди созданы лишь для того, чтобы потакать их прихотям и удовлетворять их потребности. Женщина, живущая с художником, наживает себе беду.

Изредка, когда Пола пребывала в добром расположении духа, она признавалась самой себе, что в этом мире, где, по ее мнению, шедевры были уже созданы, только человек с непомерно развитым «я» мог принимать себя всерьез и работать, надеясь на успех. Сама Пола не дала бы и ломаного гроша за то, что удерживает их в этой жизни, потому что после одного посещения Лувра им наверняка захотелось бы перерезать себе вены. Правда, у Пола хватало мудрости никогда не говорить подобных вещей вслух. И все же, если на ее глазах очередной художник пожирает судьбу своей женщины, Пола теряла к поклонникам кисти и холста всяческое сочувствие. Конечно, ей следовало придерживаться истины и признать, что иногда художник все-таки женился на своей модели, и порой этот брак оказывался долговечным. Например, Моне рисовал сады и клумбы с лилиями, потому что его жена пригрозила уйти из дома, если муж приведет натурщицу. Но это было давно.

Пола несколько не заблуждалась насчет Мистраля. Она никогда не доверяла красивым мужчинам. Совершенство черт тревожило ее и казалось неприличным. Красота, говорила себе Пола, должна доставаться только женщинам, которым она нужна для борьбы с этим жестоким миром. Даже она, Пола Деланд, не любившая Мистраля, не могла не оглянуться ему вслед, когда он рассекал поток прохожих, словно разбойник с большой дороги, гадая, каково это — очутиться с ним в постели, каково оказаться под этим совершенным телом? Даже она ловила себя на том, что, если бы не ее возраст, уж она бы укротила этого высокомерного зазнайку. Пола знала о десятках его коротких связей с девушками из квартала. Нет, этот мужчина не годился в потенциальные мужья. А вот в любовники... Ну почему Маги не нашла кого-нибудь не столь эгоистичного?

«Богема, черт бы ее побрал», — подумала Пола, и сердце у нее упало. Маги, ее дорогая красавица Маги — чистая душа, — поддалась мечтам и жила теперь в мире фантазий. Печально. Очень печально.

— Ладно, оставим это. — Пола взяла себя в руки. — Вчера вечером я проиграла пятьдесят франков в кости и теперь недоверчиво отношусь к людям, особенно к самой себе. Не обращай внимания.

— Я и не обращаю, — совершенно искренне ответила Маги.

Если бы Пола побольше знала о Жюльене Мистрале, она бы лучше понимала его, но тревожиться меньше за свою обожаемую, обезумевшую Маги она все равно бы не стала.

Художник родился и вырос в Версале. Если бы оба его родителя были с ним, единственным ребенком в семье, то он бы привык к маленьким радостям семейной жизни, но его детство оказалось удивительно серым, лишенным веселья и смеха.

Отец Жюльена строил мосты в колониях по заказам правительства и почти весь год проводил вне дома. А мать, казалось, была только рада такому положению дел. Вероятно, она вообще охотно согласилась бы жить в полном одиночестве, только бы ее не лишали вышивания, составлявшего подлинный интерес ее жизни. Она вышивала сложные узоры на церковных облачениях со страстью, не имевшей ничего общего с религией, хотя вполне вероятно, что в монастыре она чувствовала бы себя счастливее.

Мадам Мистраль, с трудом отрываясь от любимого занятия, заботилась о сыне, пока он был еще совсем маленьким, но как только она смогла отдать его в детский сад, то сразу же предоставила мальчика самому себе, причем сделала это с чистой совестью. Жюльен рос здоровым развитым ребенком. Служанка кормила его, следила за его одеждой, заставляла его мыться и отводила на занятия.

Когда Жюльен вспоминал школьные годы, то осознавал, что не получил никаких полезных знаний. Он жаждал иного и учил сам себя. Как и все дети, он был прирожденным художником, и у него появились собственные символы для обозначения людей, домов, деревьев.

Когда ему исполнилось шесть, прежде чем дети начинают любить реализм в своих рисунках, Жюльен принялся составлять из отдельных элементов целое. Очень скоро он просто не мог надыхаться на чистые листы бумаги, которые носил в своем ранце, дорогие его сердцу остро отточенные простые и цветные карандаши, на которые он тратил все карманные деньги. Так как рисование превратилось в смысл его существования, он стал менее разговорчив и почти перестал обращать внимание на уходящее время. Его занимали другие вопросы: форма предметов, соотношение разных форм и соотношение формы элемента и целого. Грамматика, правописание, математика и даже чтение не имели никакого отношения к тем проблемам, которые занимали его мозг.

Когда учителя обратили внимание матери на рассеянность Жюльена, она признала плачевное положение вещей. Но даже отличная система французского образования не может справиться с ребенком, если его не интересует мнение других людей, наказание воспринимается как досадное недоразумение, а мать забывает о его прегрешениях, стоит ей отойти на десять шагов от кабинета директора школы.

Не обращающий на учебу внимания, оставленный в покое учителями, которые считали его олухом, получая самые низкие оценки, Жюльен просидел в школе до тех пор, пока не получил возможность уйти оттуда. Еще в начальных классах те, кто мог бы стать его приятелями, оставили всяческие попытки общения с ним. Если бы Жюльен был застенчивым, то он легко стал бы их жертвой, но полное отсутствие интереса к окружающим защищало его с таким же успехом, как его рост и физическая сила.

В семнадцать лет одноклассники Жюльена записывались в добровольцы, чтобы воевать с кайзером, а Мистраль поступил в частную художественную школу в Париже. Он работал в академической традиции и показал себя блестящим учеником, затем сдал экзамены на факультет изящных искусств. Проведя несколько лет в Сорбонне, Жюльен понял, что его не устраивают традиционные подходы к искусству. Сначала про себя, а затем и вслух он начал

говорить о том, что мастерству художника нельзя научить. «Технике, да, колористике, да, анатомии, да, а всему остальному, нет». Мистраль ушел из университета, когда ему только исполнилось двадцать один год. Его отец, работавший в Алжире и без возражений и нотаций посылавший ему достаточно денег, умер за год до этого. Чуть позже скончалась мать, оставив почти все, чем владела, своему единственному сыну.

И вот Жюльену Мистрально исполнилось двадцать шесть, а он так и не создал себе имени. Репутацией, правда, он обзавестись успел. Для него владельцы галерей и продавцы картин, или иначе дилеры, были злейшими врагами. Когда он услышал, как Марсель Дюшан назвал дилеров «вшами на теле художников», то принялся уверять всех, что Дюшан выразился еще слишком мягко.

— Как назвать Шерона, заплатившего Цадкину десять франков за шестьдесят рисунков? Этот же слизняк кинул Фудзите семь франков пятьдесят сантимов за акварель! И этого человека вы называете вошью? Да его следовало бы вздернуть, придушить, потом снять, пока он не задохнулся совсем, и расчленить. Дать двадцать франков Модильяни за портрет, это неслыханно.

Но наследство, полученное Жюльеном, почти закончилось, а Кейт Браунинг, богатая, высокомерная американка, не вернулась, чтобы снова купить у него картины. Может быть, ему следовало написать ей письмо с извинениями за то, что он бросил ее на балу, рассуждал про себя Мистраль. Но эта мысль задержалась ненадолго, и вскоре он уже снова вернулся к мольберту.

Кэтрин Максвелл Браунинг из Нью-Йорка не обладала большим талантом. И что самое неприятное, она об этом знала. У нее был острый ум, она тонко чувствовала прекрасное. Кейт была способна выбрать самое лучшее, стремиться к нему, но создать ничего подобного сама не могла. Она называла себя скульптором. Ее семья, сделавшая состояние на бирже, думала о ней с восхищением и удивлением, называя настоящим художником, так как ни один из ее родственников не имел ни малейшего отношения к искусству и не осмеливался его иметь. Даже те, кто учил Кейт в колледже, были настроены оптимистично и всячески ее подбадривали. Но она сама всегда знала правду.

Кейт Браунинг приехала в Париж в начале 1925 года, чтобы учиться у Бранкузи, но он не захотел с ней заниматься. Тогда Кейт отправилась в университет на факультет изящных искусств, и там профессор позволил ей приходить на занятия, после того как она показала ему фотографии лучших своих работ. Он не сомневался, что эта американка последует примеру многих своих соотечественников: купит студентам выпивку, появится несколько раз в мастерской, а затем тихо исчезнет.

Его поведение не было продиктовано абсолютно нетрадиционным и не свойственным французам желанием быть милым с иностранцами, а исключительно французским преклонением перед ее красотой, этим странным сочетанием очарования и силы воли, которые привели совершенно бесталанную девушку в самое сердце мира искусств.

Ей было двадцать два года, и совершенная форма головы позволяла ей носить на прямой пробор пепельно-белокурые, коротко остриженные волосы. Высокий лоб, выщипанные в ниточку брови, серые глаза и обтянутые скулы делали ее лицо запоминающимся, а удивительная правильность черт превращала ее в настоящую красавицу.

Ранней весной 1926 года Кейт Браунинг, говорившая на хорошем, но несколько школьном французском, появилась в мастерской Жюльена Мистралья. Ее привел сокурсник.

В первую минуту его полотна шокировали ее натренированный глаз, но она мгновенно была покорена их необычностью и тут же захотела их купить. Ей хватило одного взгляда, чтобы раствориться в этом потоке красок, и она сразу все поняла. Кейт Браунинг больше не сомневалась, что Жюльен Мистраль величайший художник своей эпохи, хотя пока с ней никто бы не согласился.

Но Кейт оказалась достаточно умной и сдержанной, чтобы противостоять импульсивному желанию немедленно скупить все работы Мистрала. Во время их первой встречи она спокойно выслушала его филиппику по поводу частных коллекционеров.

— Я знавал таких, кто покупал все, написанное художником, по бросовым ценам, потом они выжидали, пока рынок поднимется до их вкусов. И оп-ля! Они получали огромные прибыли. Эти акулы еще хуже дилеров. По крайней мере, имея дело с дилером, ты заранее знаешь, что тебя наверняка надуют.

Жюльен Мистраль поперхнулся бы от возмущения, если бы кто-нибудь сказал ему, что безмятежно слушавшая его излияния Кейт Браунинг уже видела себя его патронессой, покровительницей его таланта, ангелом-хранителем его карьеры. С этого дня Кейт не раз просыпалась по ночам, думала о Мистрале, планировала, как сделать его знаменитым. Она знала, что художник этого заслуживает.

Ее натуру собственницы прикрывала лишь легкая вуаль общепринятых норм поведения. Кейт была коварной, хитрой и упорной. Под той маской, которую она являла миру, скрывались примитивные, необузданные силы, но Кейт умела с ними справляться. Она купила одно полотно Мистрала, затем через месяц еще одно. Американка сдерживала себя, потому что поняла: несмотря на невероятную стесненность в деньгах, которую она немедленно угадала чутьем богатой женщины, Мистраль с крайней подозрительностью отнесется к любому, кто посягнет на него самого. А что такое работы Жюльена Мистрала, как не воплощение его натуры, воссозданное красками на холсте?

Кейт едва удалось уговорить Мистрала пойти с ней на бал сюрреалистов, а когда он удалился с Маги на руках, она не один раз шепнула себе: «Терпение», и приложила немало сил, чтобы не счесть его поступок оскорблением.

Может быть, Кейт захотелось вкусить другой славы, прекратив собственную безнадежную борьбу за созидание? Или этот безжалостный, невоспитанный, грубый человек стал центром ее интересов? Высокий рыжеволосый художник, двигавшийся с грацией дикого зверя, чье лицо невозможно было забыть из-за его красоты и силы?

Это не имело никакого значения. Со всей страстностью своей натуры Кейт выбрала для себя единственный путь в жизни.

В самом начале июля, в субботу после полудня, Маги чистила картошку на крошечной кухне в доме Мистрала и напевала что-то себе под нос. В дверь постучали. Жюльен работал, а значит, ничего не слышал. Маги сама открыла дверь, ее охватило любопытство. На пороге стояли двое. Молодая, тонкая, хорошо владеющая собой женщина была слишком элегантно одета для жительницы квартала. Ее модное платье из белоснежного крепдешина напоминало дудочку, а белая шляпка-колокол из соломки скрывала волосы. Мужчина, как подумала Маги, был чем-то похож на фермера, приодевшегося для поездки в большой город.

— Месье Мистраль дома? — спросила женщина.

— Да, но он работает. — Маги не осмелилась бы побеспокоить его ради случайных посетителей.

— Но он ждет меня, мадемуазель, — с вежливой улыбкой пояснила Кейт.

— Жюльен не говорил мне... — Маги замолчала, не закончив фразы, потому что Кейт легко прошла мимо нее. С открытым ртом Маги смотрела, как странная пара входит в мастерскую. Мистраль неохотно отложил кисти, нахмурился, но все же подошел и пожал Кейт руку. Рядом с ее хрупкой фигурой он выглядел цирковым борцом, грудой роскошно вылепленных мышц.

— Итак, ты обо всем забыл, Жюльен! Не имеет значения. Я предупредила Адриана, что ты вряд ли будешь нас ждать. Адриан, позволь представить тебе Жюльена Мистралья. Жюльен, а это тот самый друг, о котором я сообщила тебе в записке, Адриан Авигдор.

Мужчины обменялись положенным в подобных случаях рукопожатием, Кейт непринужденно рассмеялась. Подобный смех призывают на помощь именно в таких ситуациях, когда необходимо сгладить неловкость. Он дает понять, что смеющийся не может ни сделать, ни сказать чего-то неверного.

Маги торопливо сняла передник и вытерла им руки. Она как всегда была босиком, в домашнем простеньком платье в цветочек. Маги откинула голову и широким шагом вошла в студию. «Слава богу, что я такая высокая», — думала она, пожимая руки Кейт и Адриану. Посетители оказались значительно ниже ее. Почему же Жюльен не предупредил, что ждет гостей? Вероятно, именно об этом говорилось в телеграмме, которую он получил утром и отшвырнул в сторону с раздраженным ворчанием.

— Не хотите по стаканчику красного? — услышала Маги голос Мистралья. — Садитесь, — он широким жестом обвел комнату. — Маги, принеси вина.

Пытаясь разыскать на кухне четыре целых стакана, которые не стыдно было бы подать гостям, Маги чувствовала, как волна жара поднимается по ее шее и лицу. Будь он проклят! Ну почему Жюльен ничего не сказал ей? Эта женщина выглядит так, словно только что сошла на берег с яхты. Так вот какая она, эта американка, которую он бросил тогда на маскараде. Он не говорил, что она молодая и красивая. И какое чудесное платье! Ну что за платье, просто прелесть! И почему они с Мистралем вечно еле сводят концы с концами? Авигдор вряд ли любовник этой женщины. Он выглядит слишком просто для того, чтобы быть хотя бы ее другом. И все-таки это имя она уже где-то слышала. Маги нашла почти полную бутылку красного вина, поставила ее на поднос вместе с четырьмя стаканами разной высоты — два с зазубринами, два целых — и понесла в студию. Наплевать, она не горничная.

Пока Мистраль разливал вино, Кейт поддерживала светскую беседу, легкую, пустую, и только американская манера произносить «р» очаровательно контрастировала с ее формально правильным французским. Адриан Авигдор оглядел ателье. Маги заметила, что взгляд у него невнимательный, как у человека, размышляющего о своем огороде и о том, соберется ли к вечеру дождь. Казалось, Авигдор едва прислушивается к болтовне Кейт, но стоило той замолчать, как он напрямую обратился к Мистралю:

— Я видел две картины, которые Кейт купила у вас. Они мне очень понравились.

— Именно так она мне и написала, — ответил Мистраль с таким видом, как будто комплимент показался ему неискренним.

Маги снова обругала его про себя. Если этот фермер готов что-то купить, то Жюльен мог бы быть и повежливее. Чем, интересно, она станет платить на рынке? Торговки не дадут ей в кредит, это не его продавец красок и холстов. В конце концов, они тратят ее франки.

— Вы не возражаете, если я посмотрю картины? — спросил Авигдор. Его яркие

голубые глаза смотрели с удивительной честностью с открытого добродушного лица. Он вызывал доверие, в нем чувствовались достоинство и доброта, и Маги не могла не откликнуться на это, хотя и была раздражена неожиданным визитом.

— Послушайте, Авигдор, дилеры, подобные вам, не могут просто смотреть, — неожиданно злобно заявил Мистраль. — Вы приходите к художнику в субботу днем не для того, чтобы убить время. Вы намерены что-нибудь прикарманить. Не считайте меня дураком. Да что там, именно такие дилеры, как вы...

— Месье Мистраль, вы совершаете ошибку, — спокойно прервал его Авигдор. — Не стоит смешивать всех дилеров в одну кучу, это нечестно с вашей стороны. Как насчет Зборовского? Он же поднял цену на портреты кисти Модильяни до четырехсот пятидесяти франков. А кто, кроме него, смог бы заинтересовать этого американца, Барнеса, картинами Сутина? И вспомните о множестве других честных посредников. Ведь есть Баслер, Кокийо, поэт Франсис Карко. Вы же не станете утверждать, что все они бесчестные люди?

— Согласен, есть несколько, один-два, не больше. Но это исключения. И я своего мнения не изменю. Все дилеры обычные воры, подлецы и первосортное дерьмо!

Кейт встретила его слова спокойным, веселым смехом.

— Отлично сказано, Жюльен! Но, как я тебе писала, Адриан и есть исключение из правил. Иначе я бы его к тебе не привела. Так, может быть, ты разрешишь ему посмотреть картины? И мне, кстати, тоже? Я давно не видела твоих работ.

— Ну смотрите, раз уж пришли, — проворчал Мистраль. — Только не ждите, что я буду тут стоять и любоваться вами. Я прихожу в ужас, когда слышу весь тот бред, который несут люди, глядя на картины. Как закончите смотреть, выходите в сад, я буду ждать вас там. Идем со мной, Маги. И захвати бутылку.

Авигдор принялся рассматривать висевшие на стенах полотна.

— Нет, Адриан, — нетерпеливо остановила его Кейт. — Давайте посмотрим новые работы, на остальное можно взглянуть позже. — Она принялась перебирать холсты, стоящие у стены. — Помогите мне.

Авигдор очень быстро и умело повернул все холсты лицом в студию и расставил вдоль стены. Он, не отрываясь, смотрел на них. Он работал с быстротой взломщика, боясь, что Мистраль может передумать и вернуться в студию в любую минуту. Наконец все картины были расставлены, и они с Кейт оказались окружены ими. Они стояли и молча смотрели. Авигдор тяжело дышал от напряжения, Кейт дрожала от возбуждения и еще какого-то чувства, которое приводило ее в ярость.

Адриан Авигдор переводил взгляд с одного изображения Маги на другое, и ему казалось, что он прижимается обнаженной кожей к живой плоти, что он наслаждается чужой молодостью, впитывает ее в себя, упивается ею. Авигдор вдруг понял, что ему хочется забрать все полотна, и это ему, который всегда славился своей невозмутимостью, с холодным спокойствием оценивая любую работу. Дилер поймал себя на том, что готов броситься навзничь и кататься по этим картинам, ударяя каблуками от возбуждения. Эта девушка изображена так, что он мог бы взять ее в любую минуту. Маги на полотне возбуждала его намного сильнее, чем Маги из плоти и крови.

Наконец Авигдор заставил себя оторваться от семи больших полотен с изображением Маги и взглянуть на остальные. И ему почудилось, что он лежит под открытым небом в высокой траве, блаженствующий, невинный, свободный, как язычник, и покоряется только потоку своих ощущений.словно молодой пес в поисках заветной косточки, он перебежал от

одного полотна к другому, не в силах смотреть на каждое из них дольше, чем несколько секунд, потому что его тут же манило следующее, которое он видел уголком глаза.

Кейт наблюдала за ним, и в ее душе зарождалось ощущение победы. Да, она не сомневалась в гениальности Мистралья, но все-таки ей очень хотелось услышать мнение Авигдора. Он был, по мнению многих, самым авангардным из всех дилеров. Всего за один год его новая галерея на улице Сены создала имя нескольким художникам, о которых никто раньше не слышал, и, разумеется, отличный рынок.

Кейт повернулась спиной к этим вопиющим ню. Было что-то такое в этих картинах, что внушало ей отвращение, вызывало тошноту. Но остальные работы! Они потрясли ее. Более ранние полотна Мистралья, висевшие на стенах, как и те две, что она купила, блекли в сравнении с той энергией, с тем взрывом жизненных сил, которыми были пропитаны новые работы. Вот одинокая огромная циния с двойным ореолом плотных розовых лепестков на фоне неба, впитавшая в себя красоту всех цветов. Рядом с ней на огромном холсте изображен уголок студии, где от каждого предмета исходит такая жизненная сила, что картина кажется таинственной, живой по собственным законам, выходит за рамки полотна. Кейт почувствовала, что у нее закружилась голова, эмоции переполняли ее.

— Итак? — Кейт обратилась к Авигдору по-английски, так как он отлично говорил на этом языке. А для нее английский всегда оставался языком деловых переговоров. Ведь она привела сюда Авигдора исключительно в целях бизнеса.

— Я у вас в долгу, моя дорогая, — еле слышно отозвался Авигдор, как будто во сне отворачиваясь от изображения Маги на зеленых подушках.

— Адриан, будьте внимательны. — Кейт подошла к нему ближе и щелкнула пальцами перед его носом. — Я понимаю, что вы чувствуете, но вы здесь не для того, чтобы просто глазеть.

— Господи, Кейт, у меня подгибаются колени, глаза вылезают из орбит. У меня такое ощущение, будто меня ударила молния. Дайте мне время прийти в себя, я чувствую запах грозы. — На лице Авигдора снова появилась широкая улыбка добродушного крестьянина.

— Так вы согласны со мной? — Кейт не собиралась отступить.

— Вне всякого сомнения.

— Как насчет выставки одного художника? Вы говорили, что у вас все расписано и вы не сможете выставить его картины. Что вы скажете теперь?

— Полагаю, я только что открыл новый месяц в 1926 году. Мы можем назвать его октябрем.

— Вы собираетесь открыть этой выставкой сезон? — Брови Кейт взлетели вверх.

— Естественно, — ответил Авигдор с простотой преуспевающего крестьянина, обсуждающего цены на свеклу.

— Естественно, — эхом повторила за ним Кейт, еле дыша от грандиозности собственной победы.

Она стала покупать картины у Авигдора сразу же после открытия его галереи, и ее уверенность в его прозорливости росла по мере того, как она наблюдала за тем, как Адриан движется от одного открытия к другому. И теперь, увидев с какой быстротой и решимостью он действует, Кейт поняла его лучше, чем понимала раньше.

Насколько верно она все рассчитала, когда решила привести Авигдора в мастерскую Мистралья, не дав Жюльену шанса заявить, что он не желает его видеть у себя. Авигдор, как и все дилеры, обычно сначала покупал картины и только потом выставлял их. Разница между

ценой, уплаченной художнику, и деньгами, полученными от покупателя, составляла как раз ту сумму, которую дилер мог выручить или потерять.

Кейт понимала, что Авигдор заплатит Мистралю намного меньше того, что намерен получить сам, хотя отдавала должное его честности, но ее это вполне устраивало. Если художник может контролировать дилера, то никакие патронессы ему не нужны, рассуждала Кейт. Но когда придет время и цены на картины Мистраля взлетят вверх, а это произойдет очень скоро, она намеревалась стать его агентом.

Кейт и Авигдор стояли в тишине, словно заговорщики, но они уже относились друг к другу с подозрением, каждый ждал, пока заговорит другой. Авигдор первым нарушил молчание:

— Мне лучше пойти и поговорить с ним.

— О, нет, Адриан.

— Но, моя дорогая Кейт, пусть у вашего этого Мистраля аллергия на разговоры о деньгах, как вы меня предупреждали, но, пока он не подпишет со мной эксклюзивный контракт, нам не о чем будет разговаривать.

— Адриан, поверьте мне. Сегодня неподходящий день, чтобы упоминать о контракте. Сейчас вы должны сказать ему только о том, что через три месяца вы намерены организовать его персональную выставку. Ведь пока я ни в чем не ошиблась, вы согласны?

— Кейт, я ничего не могу обещать этому человеку, пока не буду на сто процентов уверен, что он не подведет меня и не обратится в другую галерею, — Авигдор говорил твердо, как владелец выставленного на продажу племенного быка.

— Я вам гарантирую это.

— И вы серьезно полагаете, что я удовлетворюсь вашим обещанием? Вы так уверены, что говорите со мной вместо него?

— Поверьте мне на слово, — спокойно, но твердо стояла на своем Кейт.

Адриан некоторое время молча рассматривал ее. Он ею восхищался. Кейт обладала безупречным, утонченным вкусом, удивительным для человека непосвященного. Неужели высокомерный, нетерпеливый, грубый гигант Мистраль находился под ее влиянием? Ничто не указывало на это, и все же, все же... Адриан не мог усомниться в словах Кейт, когда она говорила с такой уверенностью, с такой ясной, твердой определенностью. Пожалуй, он должен рискнуть. Тот же инстинкт, который подсказал Авигдору открыть сезон персональной выставкой картин художника, с которым он познакомился меньше часа назад, говорил ему теперь, что он не подберется к Мистралю, минуя Кейт. Авигдор кивнул головой в знак согласия и направился к двери, ведущей в сад.

— Мне сказать ему о выставке, Кейт, или это сделаете вы?

— Адриан! Разумеется, он должен услышать такую новость от вас. Это ваше решение, ваша галерея. — Губы Кейт сложились в усмешку.

О да, подумал Авигдор, она очень умна. Холодок пробежал у него по спине. Понятно, почему его никогда не тянуло к ней как к женщине. Он не любил женщин таких же умных, как и он сам. Или более умных.

Адриану Авиغدору исполнилось двадцать восемь, когда он познакомился с Жюльеном Мистралем, но он мог бы совершенно искренне сказать, что всю жизнь готовился к тому моменту, когда его решение изменит жизнь художника.

Его семья много веков занималась продажей антиквариата.

— Мы, — говаривал его отец, величественным жестом обводя роскошный магазин на набережной Вольтера, — продавали им антиквариат еще тогда, когда они не построили собор Парижской Богоматери.

Под этим «мы» он подразумевал Авигдоров-евреев, а местоимение «они» относилось ко всем остальным жителям Франции. Адриан, любивший своего отца и подсмеивавшийся над ним, гадал, почему тот попросту не сказал, что Авигдоры продавали старинные вещи фараонам, когда те еще не помышляли о строительстве пирамид.

Ребенком Адриан ездил с отцом по стране в поисках предметов старины. Очень быстро он понял, насколько по-разному размышляют те, кто покупает антиквариат для перепродажи, и те, кто приобретает его для себя. Адриану было только восемь, а он уже с легкостью мог представить, за какую цену уйдет пара кубков, если покупатель только посмотрит на них сквозь витрину магазина и захочет их купить. К десяти годам он сразу указывал на инкрустированную шкатулку или чайник, которые никто никогда не купит. Да, ими будут любоваться, восхищаться, брать в руки, торговаться в течение четверти часа, но эти предметы так и не покинут стен магазина. Из двух дюжин фарфоровых лиможских чайных чашек его рука сама выбирала ту единственную, на которой был скол у самого основания.

Когда отец умер, Адриан не захотел работать вместе с двумя старшими братьями, а открыл собственный магазин на улице Жакоб всего в нескольких шагах от церкви Сен-Жермен-де-Пре. Он был убежден в том, что люди намного охотнее покупают, если магазин расположен в тени церкви, а еще лучше собора. К двадцати пяти годам Адриан уже имел собственное состояние, и — неслыханное для Авигдоров дело — продажа антиквариата перестала его интересовать. Он вдруг понял, что достиг критической черты, когда продал кофейный сервиз, который, по всей вероятности, не принадлежал императрице Жозефине, хотя мог бы быть ее собственностью. Он получил за сервиз в пять раз больше, чем заплатил при его покупке, и едва не заснул во время заключения сделки.

— Мы, — сказал самому себе с таким видом, будто сдохла одна из его свиней, — слишком долго продавали им осколки ушедших столетий.

Буквально за несколько часов Адриан Авигдор принял решение. Он намеревался сменить мир антиквариата, где все, что можно было бы продать, уже существовало, на мир искусства, где прибыль давали еще не созданные творения. Его хорошо обученные помощники вполне могли продолжать его дело на улице Жакоб, разумеется, при контроле с его стороны.

Адриан позабыл о скуке, раздумывая о том, что ему предстоит занять место там, где уже царили такие гиганты, как Поль Розенберг, братья Бернхейм, Рене Гимпель, Вильденштайн и самый богатый из них Воллар, составивший состояние на двухстах пятидесяти картинах Сезанна. Он купил их у художника по цене в среднем пятьдесят франков за полотно. Непросто было начинать все с нуля среди уже заработавших репутацию дилеров, которым не

только принадлежали творения самых известных мастеров той эпохи, таких, как Матисс и Пикассо, но которые могли небрежным жестом достать из своих запасников картину Веласкеса, рисунок Гойи или полотно одного из великих импрессионистов. Они легко привлекали покупателей, в частности американских миллионеров.

Несмотря на внешнюю благопристойность и даже торжественность этого мира с его приемными, затянутыми серым бархатом, Авигдор знал, что на самом деле это клубок змей, шипящих от зависти. Дилеры сражались между собой с тем большей яростью, чем выше поднимались их коллеги в Нью-Йорке. Они буквально рвали на себе волосы, услышав, что братья Бернхейм продали картину Матисса за двадцать тысяч долларов, а Вильденштайн выручил шестьдесят тысяч за полотно Сезанна. О таких ценах во Франции даже не слыхивали.

Адриан Авигдор был достаточно умен, чтобы сообразить: если такие деньги делали на картинах художников, о которых еще двадцать пять лет назад никто не знал, то вскоре таким же спросом будут пользоваться и работы тех, кто сейчас совершенно не интересует крупных дилеров. Только очень высокопоставленные коллекционеры могут приобретать картины старых мастеров, чтобы обеспечить собственное бессмертие. Лишь немногие рискнут заплатить несколько тысяч за картину, если репутация художника только-только установилась. Но в мире должны существовать люди, которые только начинают создавать свои коллекции и могут истратить суммы, куда меньшие, чем те, что необходимы для покупки Матисса.

Ведь никто не покупает произведения искусства ради того, чтобы выжить. Но если выживание обеспечено, достигнут определенный уровень комфорта, то владение совершенно ненужными вещами сразу же становится насущной потребностью. Крестьянская жена, дождавшаяся хорошего урожая, тут же покупает глиняный горшок, чтобы украсить верхнюю полку буфета. Чем, собственно, отличается она от Рокфеллера, скупающего бесценные ковры? А между крестьянской женой и Рокфеллером есть много потенциальных клиентов, предназначенных для него, с радостью заключил Адриан Авигдор.

В течение двух лет он изучал новое дело. Но по его виду никто бы этого не сказал. Антиквар выглядел скупающим джентльменом-любителем, этаким выходцем из неторопливого восемнадцатого века. Он не один раз посетил все лучшие галереи, где его принимали с распростертыми объятиями как весьма обеспеченного, образованного коллегу из мира антиквариата. Он улыбался своей доброй, крестьянской улыбкой и заговаривал о том, что подумывает и сам начать собирать картины... Но в этом, пожимая плечами, признавался Авигдор, он совершеннейший профан.

В галерее Гимпеля он застенчиво прошептал, что даже не думает о такой редкости, как рисунок Греза или небольшая картина Мари Лорансен, но, может быть, для него найдется что-то у художников молодых? У Розенберга он печально заговорил о Пикассо. Да, он им восхищается, но вряд ли сможет позволить себе выложить за его картину несколько сотен тысяч франков. Хотя, может быть, есть картина более молодого художника? У Зборовского он заявил, что с радостью купил бы картины Сутина. Правда ли, что еще год назад они не могли найти на них покупателя, а теперь за каждую платят не меньше пятнадцати тысяч франков? Потрясающе! Именно так он слышал. До чего же непредсказуем рынок картин, кто бы мог подумать, ай-ай...

Авигдор обратился за советом к нескольким известным критикам, работавшим на специализированные журналы, чьи читатели постоянно покупали картины. Не скупясь на

лесть, он попросил уважаемых господ подсказать ему, с чего бы можно было начать его воображаемую коллекцию. Некоторые давали ему советы за небольшой гонорар, как это было принято, другим он помог выгодно приобрести антиквариат. Кто же откажется от старинного столового серебра, кресла в стиле ампир, нескольких тарелок мейсенского фарфора? Эти люди стали его приятелями и желали ему только добра.

Он даже отважился посетить мастерские нескольких художников. Авигдор не говорил ни плохого, ни хорошего, ничего не покупал, а только смотрел.

К 1925 году двадцатисемилетний Авигдор был готов открыть галерею, которую он снял и отремонтировал на улице Сены. Он выбрал картины семерых художников, которые его заинтересовали. Им предстояла еще долгая дорога к славе. Он сделал ставку на них, и ему повезло. Авигдор проявил себя с наилучшей стороны, глаза его не подвели. Через год он уже обладал репутацией авангардного дилера с удивительным чутьем. Очень скоро весь мир искусства заговорил о каждом его поступке. Его добрые друзья среди критиков аплодировали. Разве не они научили его всему тому, что он знал? И разве не был он добрым товарищем? Критики, не относившиеся к разряду его друзей, злобно набросились на него, обеспечив ему тем самым бесплатную рекламу. Картины стали продаваться еще лучше, потому что в Париже считают: если произведение искусства не спровоцировало скандал, то на него незачем и смотреть.

Хорошо скрывая облегчение, Мистраль согласился на персональную выставку. Но почему-то, стоило ему только обо всем договориться, как ему стало казаться, что подписание эксклюзивного контракта не имеет большого значения. Он счел совершенно разумным объяснить Кейт, что без контракта не будет выставки. И именно она посоветовала не устанавливать очень высокие цены на его картины.

— Позволь мне самой поторговаться с Авигдором вместо тебя, — сказала Кейт. — Всем известно, что ни один художник не может назначить верную цену. Это должен делать человек, чьи чувства эта сделка не затрагивает. А я отлично с этим справлюсь. Ведь примерно этим моя семья и занимается. Позволь мне, Жюльен, ты сделаешь мне одолжение.

Мистраль, ненавидевший даже мысли о деньгах и с ужасом представлявший, как ему придется спорить с Авигдором, с благодарностью передал все финансовые вопросы в ведение Кейт Браунинг. С этого момента он мог все силы отдать подготовке грядущей выставки.

Многие годы он не обращал большого внимания на уже законченные полотна, не натягивал их на подрамники и не покрывал лаком. Они занимали какие-то углы в его студии. Теперь его гордость за последние работы была так велика, что любая мелочь требовала внимания. За три месяца до выставки он уже был слишком занят, чтобы работать. Маги продолжала содержать его, позируя другим художникам. Кейт появлялась в любое время и часто увозила его в своем новехоньком синем «Тальбо». То требовалось проверить гранки будущего каталога, то определить рисунок на пригласительных билетах, то встретиться с Авигдором.

Кейт установила самые лучшие деловые отношения с изготовителями рам, с которыми требовалось обращаться очень бережно, потому что их обидчивость была известна всем. Мистраль вдруг обнаружил, что все больше зависит от Кейт.

Маги наблюдала за всем со стороны и ждала, а в ее сердце росла тревога. Неприятное предчувствие не отпускало ее. У нее не было другого оружия, кроме ее тела и ее любви, но

теперь все внимание Мистралья было поглощено выставкой. Когда он занимался с Маги любовью, между ними оставались тени ее невысказанной ревности и его предвкушения открытия выставки.

Мистраль жил, охваченный возбуждением и тревогой, волнение смешивалось с надеждой, а к ожиданию победы примешивалась паника. И все же под всем этим скрывалось растущее, набирающее силу, пугающе сильное ощущение триумфа. Человек, который столько лет наплевательски относился к собратьям по кисти, который шел своим путем, который осуждал коммерческий характер современного искусства, теперь отчаянно, всеми силами неукротенной варварской души жаждал занять свое место в этом мире, добиться наконец признания.

Чем меньше времени оставалось до вернисажа, тем беспокойнее становился Мистраль.

Каким-то образом именно Кейт, верившей в его гениальность, удавалось найти те самые верные слова, в которых он нуждался, чтобы почувствовать некоторое облегчение. Он все чаще обращался к ней за утешением, хотя делал вид, что не слушает ее.

Если бы даже Маги знала, что сказать, Жюльен не обратил бы на нее внимания. Она была слишком молода и невежественна, чтобы ее мнение могло повлиять на Мистралья. Разумеется, Маги считала его работы великолепными. А почему нет? Что она знала об искусстве, кроме жалких крох, подобранных ею из разговоров? Разве могла она сравниться с образованной женщиной, дочерью богатого человека, которая в двадцать три года сумела очень быстро познакомиться в артистических кругах Парижа со всеми, кто что-то значил? Казалось, что тонкие пальцы Кейт лежат на пульсе этого мира и очень верно судят о его состоянии.

В июне того же года Розенберг выставял картины Пикассо, написанные за последние двадцать лет. Когда 5 октября 1926 года Авигдор открыл первую выставку картин Мистралья, всем стало ясно, что это второе событие года. Толпы приглашенных на вернисаж не знают жалости. Если картины кажутся им неинтересными, они тут же поворачиваются к ним спиной и принимаются болтать между собой, попивая вино, если его предлагают гостям, и вскоре расходятся по своим делам, не принеся никаких извинений дилеру.

Но если картины задевают их за живое, если они видят перед собой новый талант, они готовы отпихивать локтями тех, кто мешает им все как следует рассмотреть, и не думают о вежливости, как если бы они ловили последнее такси дождливой ночью. Потом волна желания купить накрывает галерею, захватывая одного посетителя за другим. Жажда приобретения заразительна, как истерика, и изысканно одетые коллекционеры ведут себя как плохо воспитанные дети на празднике, хватающие последний кусок сладкого пирога.

Авигдор, осаждаемый покупателями, прикрепил красный листок с надписью «продано» на последнюю из пятидесяти картин меньше чем через два часа после открытия выставки. Многие поторопились прийти, следуя советам критиков, знавших заранее, что Авигдор предоставит им отличный повод для статей. А ему самому потребовался весь запас терпения и доброжелательности, чтобы успокоить старых клиентов, которым не достались те картины, которые они хотели бы купить.

— Приходите завтра, — повторял он, уверенно глядя на них своими мягкими голубыми глазами, — возможно, мне удастся что-нибудь для вас найти. Но не ждите от меня чуда. Это будет очень маленькая картина. Простите меня, друг мой. Нет, уверяю вас, я ничего не оставил для себя. Вы же знаете, что я никогда так не поступаю. Завтра, мой дорогой, завтра.

Я попытаюсь что-нибудь разыскать. — Авигдор подумал о том, что при таком спросе легко избежится от ранних работ Мистралья.

Мистраль словно безмолвный утес возвышался над толпой. Умом он понимал, что победил, но в душе вместо ожидаемого триумфа он ощущал пустоту и смятение. И было что-то еще, куда более неприятное. Это был страх.

Успех... Сначала Мистраль отрицал его как таковой, потом жаждал его. Но теперь победа стала слишком серьезной переменной в его жизни, чтобы он мог вот так сразу принять ее. Это была опасная зона, он чувствовал себя выставленным на всеобщее обозрение, цена оказалась слишком высокой.

Незнакомые ему люди по очереди подходили к Мистралю и поздравляли его, но с каждым разом их слова значили для него все меньше. Вокруг него отчаянно жестикулировали, болтали, но он не ощущал связи всей этой суеты с картинами на стенах. Ему не удавалось найти звено, соединяющее его работу, рвущуюся из души и выливающуюся на полотно страсть и те комплименты, которыми его щедро награждали. Он бормотал слова благодарности, но смотрел поверх голов, время от времени отбрасывая непокорные рыжие кудри со лба, покрывшегося испариной от духоты в зале.

Мистраль находил в себе силы смотреть только на Кейт, когда она без усилий пробиралась сквозь толпу зрителей и становилась с ним рядом, только ей он слабо улыбался. Они обменивались ничего не значащими замечаниями о невероятном количестве посетителей, об удачно подобранных рамах, но чем меньше они говорили, тем ближе друг другу чувствовали себя. Мистраль впитывал силу, исходящую от Кейт, не испытывавшей никаких отрицательных эмоций, связанных с таким ошеломляющим успехом. Это была не совсем ее победа, она могла держать себя в руках, но здесь была капля и ее меда, и Кейт радовалась.

Маги стояла в уголке, гордо выпрямившись. Когда она увидела зрителей, столпившихся вокруг семи картин, представлявших ее во всей нагой красоте, она испытала ужасное чувство. Одно дело позировать художнику, и совсем другое — демонстрировать себя всему свету. Если бы она знала, как будет себя чувствовать, она бы вообще не появилась на этом вернисаже. Маги призвала на помощь все свое мужество и весь свой опыт, чтобы спокойно принимать поздравления, пожимать протянутые руки и не вздрагивать от кидаемых на нее исподтишка жадных взглядов.

Ей казалось, что она ничем не отличается от лошади, выигравшей скачки, или собаки, получившей награду за экстерьер. «Великолепно, мадемуазель» и «потрясающе, просто потрясающе» говорили ей и быстро отходили в сторону, как будто она не была разумным существом, с которым можно поговорить. Вероятно, скоро кто-нибудь из мужчин попытается положить ей в рот кусочек сахара. Что ж, она откусит ему палец.

Если бы только Жюльен был сейчас рядом с ней или хотя бы встретился с ней взглядом, но он неподвижно стоял в центре зала, словно его пригвоздили к полу. Почему же именно сегодня он игнорирует ее? Маги чувствовала себя совершенно несчастной.

Даже Пола, сначала державшаяся рядом, и та отошла к толпе коллекционеров, художников и критиков, постоянным клиентам своего ресторана. Пола вела себя так, будто это была вечеринка, устроенная в ее честь. Если бы Пола Деланд не дала бы Маги Люнель возможности позировать, Мистраль так бы и прозябал в неизвестности. Теперь Пола сама не знала, радоваться этому или нет.

— Удивительное событие, мадам, вы не согласны? — обратился к ней мужчина,

которого она раньше никогда не встречала.

— Согласна, конечно же, — ответила Пола, чуть наклонив голову.

Даже маркиза де Помпадур не сочла бы это движение излишним. Пола сразу же сообразила, что перед ней американец. Его французский был достаточно хорош, но не безупречен. Впрочем, он и не делал вида, что говорит на нем свободно.

— Мадам сама коллекционирует картины?

— Я не слишком этим увлекаюсь. — Пола с интересом взглянула на мужчину. — А вы, месье?

Как всегда сначала она отметила, сколь хорошо незнакомец сложен и приятен лицом. И только потом — его отличный, но слишком правильный костюм, без той обязательной небрежности, выдающей истинного француза. Что ж, американец — это тоже неплохо.

— Я тоже, но разве можно жить в Париже и ничего не коллекционировать?

— Некоторым это удается, но я с такими людьми незнакома. — Пола еле слышно рассмеялась.

— Позвольте мне представиться. Меня зовут Перри Килкаллен.

— Пола Деланд.

Пока они обменивались рукопожатиями, Пола прикинула на глазок: так, около сорока, белокурые волосы, только начинающие седеть на висках, серые глаза, в которых горел юношеский энтузиазм, и, кроме того, несомненная дура богатства. Пола решила, что он из тех американцев, кого даже англичане вынуждены с сожалением признать джентльменом, несмотря на место рождения.

— Вы что-нибудь купили сегодня? — задала она вопрос.

— К сожалению, нет. Те картины, которые я хотел бы купить, уже проданы.

— И какие же вы выбрали? — Пола постаралась как можно очаровательнее надуть губки.

— Я бы приобрел любую из обнаженных натур. Мне кажется, они лучше всех.

— У месье пристрастие к возвышенному, — поддразнила его Пола.

— Я заметил, что вы говорили с молодой леди, которая позировала для этих картин. — Перри Килкаллен кивком головы указал на Маги, стоящую у стены. — Ведь эта девушка была моделью, я не ошибся?

— Вы же не решитесь предположить, что у такой женщины может быть двойник?

— Полагаю, она жена художника?

— Боже упаси!

— Значит, она его подруга? — Вопрос был задан деликатно, но ударение на слове «подруга» выдавало его истинный смысл.

— Разумеется, нет. — Пола решительно не желала создавать своей подопечной такую репутацию. — Маги профессиональная модель, лучшая из лучших. Она позирует многим художникам.

— Маги?

— Да, Маги Люнель, моя протеже.

— Девушка очень красива. — Перри Килкаллен произнес это так, что Пола внимательно посмотрела на него.

Он открыто разглядывал Маги, и в этом взгляде было неприкрытое вожделение. Пола, конечно же, рассмеялась бы, но, надо признаться, ей потребовалось некоторое время, чтобы оправиться от удара, нанесенного ее самолюбию. Ну да ничего не поделаешь. Ей сорок три,

и пусть она прекрасно выглядит, но ей никак не сравниться с сиянием восемнадцатилетней Маги. Это грустно, но, увы, совершенно естественно.

— Как же она стала вашей протее? — Перри не скрывал любопытства.

— О, это долгая история, — уклончиво ответила Пола. Молодость — это прекрасно, но надо и себя не забыть. Этот красавец Килкаллен должен хорошенько постараться, если хочет узнать то, что его интересует.

Маги, по-прежнему стоявшая в углу, не сводила глаз с Мистралья. Это становилось совершенно нестерпимым. Она не могла больше выносить эту пытку, не прикоснувшись к нему. Отчего бы ему не обнять ее за талию или хотя бы подержать за руку? Ей просто необходимо услышать хоть одно ласковое слово. Ну почему она ведет себя как ребенок? Даже улыбка Жюльена позволила бы ей продержаться еще какое-то время. Маги начала пробираться сквозь толпу к Мистралю. На ее пути оказался Авигдор, вниманием которого завладел высокий мужчина с выкрашенными в иссиня-черный цвет волосами.

— Авигдор, кому принадлежит картина с обнаженной женщиной, лежащей на зеленых подушках? Я хотел бы разыскать этого удачливого сукина сына и попытаться перекупить у него это полотно. Это всего лишь вопрос денег. Я заплачу столько, сколько он скажет. Будьте другом, помогите мне.

— Эта картина не продается, — негромко сказала Маги.

— Мадемуазель Люнель права, — поддержал ее Авигдор. — Полотно принадлежит мисс Браунинг.

— Черта с два! — парировал его собеседник. — Где она? Я хочу поговорить с ней!

— Месье Авигдор ошибается, — голос Маги звучал твердо. — Именно эта картина принадлежит мне с того самого дня, когда она была написана. Жюльен подарил мне ее, и она не имеет цены, потому что я не собираюсь ее продавать.

— А что скажете вы, Авигдор?

— Вероятно, это недоразумение... Возможно, мисс Браунинг... Я не могу... — Авигдор выглядел так, словно разверзлись небеса и град побил его урожай.

— Следуйте за мной, — обратилась Маги к высокому мужчине. Надо было все выяснить раз и навсегда. С трудом пробравшись к Мистралю, Маги потянула его за рукав. — Жюльен, твой дилер только что сказал этому господину, что моя картина мне не принадлежит. Ты не мог бы все ему объяснить?

Мистраль повернул голову и яростным взглядом обжег их обоих. Его губы, крепко сжатые от досады, искривились от раздражения.

— Что за глупости, Маги? Здесь все походили с ума, неужели и ты не устояла?

— Жюльен, послушай меня. Речь идет о моей картине, самой первой. Авигдор сказал этому господину, что картина принадлежит мадемуазель Браунинг.

— И это правда, — раздался спокойный голос Кейт. Она появилась рядом с Мистралем в ту же секунду, когда к нему подошла Маги.

Тот сердито потряс головой.

— Я не понимаю, что за чертовщина тут творится!

— Ничего особенного, Жюльен, — Кейт была совершенно спокойна. — Перед открытием выставки я оставила все ню себе. Они ценны именно в серии, и это была единственная возможность. Иначе эти картины сейчас принадлежали бы семи разным владельцам.

Маги отпустила рукав Мистралья.

— Вы не могли купить эту картину, мадемуазель Браунинг. Она моя. Спросите Жюльена. Жюльен, да скажи ей, наконец! Ты же помнишь, ты не мог забыть...

Мистраль закрыл глаза, и Маги мгновенно вспомнила его в тот день — всклокоченного, уставшего, потного, бросившегося на нее, вытиравшего об нее руки, испачканные краской, уверенного в том, что она принадлежит только ему.

— Жюльен нарисует для вас еще что-нибудь, — Кейт даже не повысила голоса. — Верно, Жюльен? Будьте благоразумны, мадемуазель, успокойтесь. Вы просто не можете ожидать от художника, чтобы он выполнял все опрометчиво данные обещания. Ведь это первая работа целого цикла, она очень важна для понимания всего его творчества. Я полагаю, это совершенно ясно.

— Жюльен, почему ты молчишь? Ты же отлично знаешь, что подарил мне эту картину, — Маги почти кричала, совершенно потеряв над собой контроль.

А художник переводил взгляд с одной женщины на другую. Щеки Маги пылали, на лице застыло выражение тревоги, ее пухлые губы выдались вперед в гримасе ожидания. А Кейт стояла спокойная, изящная, грациозная, очаровательной формы голова покоилась на красивой шее. И ее поза красноречивее любых слов убеждала в ее правоте.

— Перестань вести себя как ребенок, Маги! — сурово приказал Мистраль. — Кейт абсолютно права. Эти семь картин составляют единое целое. Я тебе возьму это полотно, черт побери! С тебя не убудет, если ты уступишь эту картину!

Маги не сводила глаз с его лица. Она будто надела маску, скрывавшую ее страдания, слушая его слова. Голоса людей стали глуше, она видела только Кейт и Жюльена. В эту секунду Маги узнала о них обоих больше, чем они знали о себе сами.

Она сразу поняла, что Кейт — ее полная противоположность, но только теперь увидела ее глаза — глаза россомахи. Эта женщина купила картины не потому, что они ей понравились, а потому что она ненавидела их, хотела, чтобы они исчезли. А Мистраль, которому Маги так доверяла, просто выплеснул на нее свое раздражение, не гнушаясь откровенной ложью.

И в этот день триумфа Мистраль вдруг показался Маги чужим и неинтересным, он как будто даже стал меньше ростом. Почему-то ей пришло на ум сравнение с попавшим в ловушку, укрощенным и посаженным в клетку диким зверем. В Кейт чувствовалась безжалостность, истинные размеры которой Маги только начала понимать. У нее не было сил, не было друзей, ей не удалось бы одержать победу на этой арене. Оставалось только уйти с достоинством. Маги будто обмякла, потеряв стержень. Если она постоит перед ними еще немного, то завоюет от обиды, от боли... Но и это ей не поможет.

Очень медленно произнося слова, Маги спокойно обратилась к Кейт.

— Если вам так отчаянно хочется иметь мой портрет, мадемуазель, что вы готовы даже украсть его, то я вам его дарю. Цены он не имеет. Храните его там, где вы все время будете видеть его, но помните, он никогда не будет принадлежать вам. — Маги повернулась к Мистралю: — Ты ничего не сможешь мне «возместить», Жюльен. Ты сделал мне подарок, а потом передумал и отобрал его... Все так просто, что даже я, ребенок, это поняла.

— Проклятье! Маги, перестань преувеличивать...

— Прощай, Жюльен. — Она холодно кивнула Авиغدору и Кейт, развернулась и направилась к выходу из галереи. Ей казалось, что ее ноги еле двигаются, но она гордо вскинула голову. Маги шла в доспехах холодного достоинства, и люди расступались перед ней и смотрели вслед. Удивляясь, сколь не похожа девушка на свое изображение. Та

натурщица, что позировала Мистралю, была эротичным, смеющимся созданием, такой молодой, такой спелой. А мимо них шла женщина, красивая холодной, враждебной красотой, недоступная, царственная и очень печальная.

Когда Перри Маккей Килкаллен наконец вырвался с вернисажа, он твердо знал, что ему следовало бы поймать такси, так как он уже опаздывал. От галереи Авигдора было одинаково недалеко и до отеля «Ритц», где Килкаллен жил, и до перекрестка Вавен. На такси дорога была бы короче, но не хотелось сидеть в душном и темном красном «Рено». В ранних октябрьских сумерках таилась особая прелесть, в теплом воздухе задержались ароматы лета, так откровенно что-то обещавшие, что было бы грешно их пропустить.

Перри шел к «Ритцу», надо было переодеться для делового ужина. Он остановился на мосту «Карусель», оглянулся на остров Ситэ, похожий на плывущий корабль, где высился фасад собора Парижской Богоматери, посмотрел на запад, там вдоль реки на фоне лимонного неба на левом берегу стояли высокие серые дома, а на правом синели деревья сада Тюильри. Перри замер, впитывая в себя увиденное. Этот вид всегда казался ему высшим достижением цивилизации.

Но сегодня перед его глазами стояла высокая рыжеволосая девушка с созданными для его поцелуев губами и телом, к которому он жаждал прикоснуться. Его переполняли желание и нетерпение. Нахлынувшие чувства не помешали ему вспомнить фразу Шелли о «мошке, устремившейся к звезде», и он рассмеялся от счастья. Никогда раньше ему не приходилось испытывать столь сильных эмоций, ему всегда казалось, что поэты намеренно выдумывали их, чтобы заставить завидовать тех, кто не наделен поэтическим даром.

Перри Килкаллен в свои сорок два года мог считаться представителем элиты американской ирландской католической аристократии. Родственник богатых Маккеев, он рано женился на представительнице большого и утонченного клана Макдоннеллов, очаровательной и очень набожной девушке. Она легко могла доказать, что ее большая семья восходила корнями к королевскому ирландскому роду и говорила о Макдоннеллах тринадцатого столетия как о ближайшей родне.

Шли годы, и Мэри Джейн Килкаллен, так любившей генеалогию, пришлось задуматься о продолжении рода, потому что они с Перри оказались практически единственной среди своих ровесников парой, не имеющей детей.

Сначала бездетность вызывала чувство досады, затем им пришлось с этим смириться. Они забыли о личных отношениях, основанных на легкой юношеской влюбленности, и каждый из супругов занялся своими делами.

Мэри Джейн заседала в комитетах многих католических общественных организаций, а Перри посвятил все свое время международным финансам. К 1926 году он проводил в Париже большую часть года и редко появлялся в их квартире на Парк-авеню.

Париж стал настоящей любовью Перри, утешением в неудавшейся личной жизни. Этот город сохранил его молодость, как сохраняет ее всякому, кто по-настоящему любит его. Как любовь к Лондону дарит человеку мягкость, любовь к Риму придает характеру патину времен, так любовь к Парижу гарантирует молодость души.

Перри Килкаллен жил в трехкомнатных апартаментах, окнами во внутренний двор «Ритца». Его жизнь в Париже была наполнена телефонными разговорами, заседаниями, деловыми ленчами и официальными ужинами, но он часто отпускал шофера и отправлялся бродить по будоражащим кровь улицам древнего города.

И теперь женщины оглядывались ему вслед, когда Килкаллен торопливо шел к

Вандомской площади. Было что-то такое в его походке, быстрой, уверенной, по-военному четкой, что заставляло их оборачиваться.

Перри Килкаллен не видел никого. В его голове звучало только два слова: Маги Люнель. Маги Люнель!

На следующее утро Перри потребовалось всего полчаса, чтобы выяснить, что мадам Пола Деланд является владелицей ресторана «Золотое яблоко». Он вспомнил, что она называла Маги Люнель своей протеей. Что бы это могло значить?

Перри попросил секретаршу заказать на вечер столик в «Золотом яблоке» и ужинал в одиночестве, не замечая ни великолепия изысканно приготовленной баранины, ни зрелости сыра бри. Он лишь ждал того момента, когда Пола Деланд снизойдет до него и остановится возле его столика. Она уже поприветствовала его по приходе и сделала это достаточно сердечно, но теперь она переходила от одного столика к другому в переполненном ресторане, словно все гости бесконечно требовали ее внимания.

Пола заметила нетерпение американца. Он просто глотал пищу, не обращая внимания ни на ее качество, ни на вкус. Пола дольше обычного болтала со своими постоянными посетителями. Пусть подождет. Это решение ей подсказала ее оскорбленная гордость. Когда Перри Килкаллен выпил вторую чашку кофе, Пола подошла к его столику и кивнула. Он немедленно вскочил из-за стола.

— Позвольте мне угостить вас рюмочкой коньяка, мадам.

— С удовольствием. — Пола села напротив него, положила пухлые локотки на стол и задумчиво оперлась аккуратным подбородком на руки. Она гадала, когда же Килкаллен решится заговорить о том, что привело его в «Золотое яблоко». Наверняка примется ходить вокруг да около.

— Мадам, я должен ее увидеть.

Пола восхищенно вскинула бровь. Прямое нападение. Не так плохо для американца.

— Вы можете помочь мне, мадам?

Она подняла вторую бровь, и очаровательные черты ее лица застыли между выражением согласия и выражением сомнения.

— Мадам, я влюблен.

Пола презрительно щелкнула пальцами:

— Вот как? Это невозможно.

— Мадам, я серьезный человек. Вы же понимаете, что это не просто каприз. Я не подвержен легкой смене настроения. Поверьте, я никогда не испытывал ничего подобного. Я банкир...

— Банкир? Смотрите-ка, это становится все более и более невозможным.

— Уверю вас... Пожалуйста, не смейтесь. Вот моя карточка. Я прошу вас только о возможности встретиться с ней.

Пола так долго и внимательно изучала визитную карточку, словно хотела прочесть по ней будущее. Маги ночевала у нее, и они проговорили полночи. С Мистралем все было кончено. Маги сказала, что неважно, занимался он с Кейт любовью или нет, на этот раз была задета гордость Маги. С ней обошлись как с пустым местом. И Пола поверила ей. Она всегда чувствовала, когда ей говорили правду. Мистраль отвергал Маги неделю за неделей, а она отказывалась это признавать. Но теперь она знала, что Мистраль уважает ее меньше, чем американку. И, поняв это, Маги не станет больше ждать от него подачек. Ничего. Никогда.

Одно дело поглупеть от любви, такое может случиться с каждым, в этом нет никакого позора, но позволять себя дурачить — это совсем другое.

Пола не сомневалась, что Маги все еще любила Мистраля. Страсть, тем более первая страсть, подобная той, которую она пережила с ним, оставляет в жизни женщины неизгладимые отметины. Но продажа картины настолько ярко показала Мистраля в истинном свете, что возврат к прежнему был невозможен. Маги не могла больше слепо любить его. Она щедро отдавала себя Мистралю, потому что верила — пусть по-детски, пусть по-глупому, — что Мистраль так же сильно любит ее, как и она его. А когда эта вера была разрушена, Маги оказалось не за что ухватиться.

Она уже больше не испытывала гнева. Ведь Мистраль ни разу не сказал, что любит ее. Она сама так решила и принимала это как нечто само собой разумеющееся. Теперь подобное отношение казалось ей совершенно ребяческим и наивным. Маги не плакала. Только так и можно справиться с ситуацией. Если она примется рыдать, то просто сломается под тяжестью горя. Утром Маги послала мальчика за своими вещами, еще остававшимися в мастерской Мистраля, и теперь вновь устраивалась в своей прежней комнате.

— Мадам... — Перри Килкаллен нарушил молчание, решив, что Пола Деланд слишком долго рассматривает его визитную карточку. Глядишь, бумага пожелтеет от времени.

Пола раздумывала. Он определенно богат, говорит искренне. Был ли он на самом деле влюблен в Маги, хотя не обменялся с ней ни словом, это вопрос спорный, но сам американец, разумеется, в этом уверен. Желание, да, конечно, но любовь... Это совсем другое дело. Вероятнее всего, этот симпатичный банкир женат, но это не имеет значения. Маги нанесли слишком серьезную рану, и чем раньше благотворный бальзам прольется на нее, тем лучше. И господь свидетель, на этого Килкаллена приятно посмотреть. Кто лучше, чем добрый, богатый, красивый американец, поможет Маги быстрее прийти в себя после неудачного приключения с Жюльеном Мистралем? Пусть он слегка сумасшедший, но в жизни каждой французской женщины должен быть хотя бы один американец.

— Завтра вечером, месье Килкаллен, вы можете пригласить нас на ужин, — серьезно произнесла Пола, чувствуя себя в некотором смысле кормилицей Джульетты.

Перри вздохнул с огромным облегчением. Он уже приготовился отправиться к Авиغدору, если мадам Деланд откажет ему в просьбе, но все же чувствовал себя менее смешным, когда разговаривал с женщиной.

— Мы встретимся в ресторанчике «У Мариуса и Жанетт», — продолжала Пола, — сейчас самое время есть устрицы. — А про себя подумала, что к «Максиму» Маги просто не в чем пойти. Наряды, сшитые мадам Пулар, годились до недавнего времени, но у «Максима» в них не появишься.

— Как мне отблагодарить вас? — с жаром воскликнул Перри.

— Просто не возражайте, когда я закажу вторую дюжину устриц, умоляйте меня, чтобы я попросила принести третью, но не позволяйте мне есть десерт. Мне легко угодить, я предпочитаю простые радости.

— Как жаль, что у меня нет брата, — с восхищением сказал Килкаллен.

— Мне тоже жаль...

Во время первого их совместного ужина, пока Пола наслаждалась устрицами, Перри Килкаллен сумел разглядеть под маской холодного равнодушия на лице Маги, насколько

глубока ее душевная рана, как она отчаянно пытается скрыть свою боль. Перри понял, что он просто обязан ей помочь. Ее очарование было столь велико, что, по мере того, как ужин приближался к концу, Перри охватила буря эмоций, встревожившая его, но не напугавшая.

В последующие дни он ухаживал за Маги так, как джентльмены ухаживали за девушками во времена его молодости, то есть в начале века. В его манерах сказывались золотые времена правления короля Эдуарда, когда никто никуда не спешил.

В квартирке Маги стало не повернуться от корзин с цветами, которые доставляли каждый день из лучшего парижского цветочного магазина, но Перри не позволил себе дарить ей что-то более существенное. Проходя каждое утро мимо магазина Картье, он с вожделением смотрел на его парадную дверь. Как бы ему хотелось ворваться туда и скупить все, но он понимал, что так не положено. Перри водил Маги ужинать так часто, как она соглашалась. В те времена для ужина в ресторан полагалось надевать вечернее платье, и ему пришлось смириться с ее желанием посещать места попроще, где она не смущалась своих простых нарядов и черной накидки. Очень осторожно, как будто Маги была редкой, пугливой птичкой, Килкаллен навел ее на разговоры о ее детстве, о ее бабушке, о ребенке Тарадаше, о ватаге сорванцов, с которыми она носилась по улицам Тура всего два года назад. А он рассказывал ей о том, чем ирландцы отличались от всех остальных иммигрантов, приехавших в Соединенные Штаты.

— Они любят хорошую драку, Маги, и хорошую песню. Они непоследовательны и дьявольски горды, и они будут сражаться ради свободы и справедливости, какими они себе их представляют. Ирландцы всегда уверены, что правы, даже когда ошибаются. Но такова натура уроженцев Зеленого острова, такой огонь пылает в их душах.

— Мне кажется, ирландцы мне понравятся, — Маги улыбнулась его горячности.

И тут Перри вдруг увидел перед собой лицо жены, в которой ирландский огонь погас много лет назад. Мэри Джейн Килкаллен превратилась в сухую, деловитую даму-патронессу, заседавшую в нескольких благотворительных комитетах. Когда Перри думал о ней, он всегда как-то смутно вспоминал большой дом, обставленный антикварной мебелью, безупречно начищенное серебро и тонкие, свежеотглаженные льняные простыни, удачный удар на поле для гольфа, отлично смешанный коктейль. Но он не помнил, какими были на ощупь ее волосы, не помнил вкуса ее губ. Его реальностью стали округлые плечи Маги, сияние широко расставленных золотисто-зеленых глаз, необычность ее лица, без которой немислима настоящая красота.

Прошло две недели такого изящного ухаживания, и Перри Килкаллен, который так прямо говорил с Полой, уже начал проклинать себя, потому что его чувства к Маги оказались такими сильными, что буквально парализовали его. Он понимал, что превратился в робкого подростка, который боится протянуть руку и коснуться девушки, в которую влюблен, из опасения быть отвергнутым. Он забывал отвечать на письма и звонки и спрашивал себя: как это вышло, что он ведет себя как заботливый, добрый дядюшка?

Еще одна неделя миновала.

Как-то вечером после обильного ужина Маги почувствовала, что не против потанцевать.

— Куда пойдем? — спросил обрадованный Перри.

— В «Жокей», — ответила Маги.

После вернисажа она не бывала в кафе, бистро и ночных клубах Монпарнаса. На Правом берегу вероятность наткнуться на Мистралья или на любящих чужие скандалы знакомых сводилась к нулю. Но этим вечером она выбрала «Жокей», потому что ей впервые было все

равно, кого она могла там встретить. Этот ночной клуб любили посещать художники. Они чувствовали себя там настолько по-домашнему, что зачастую являлись туда в рабочем халате.

Очень скоро Перри и Маги оказались в толпе людей в узком темном зале, который был, вероятно, самым шумным местом в Париже. «Жокей» оформили как западный салун, облепили стены афишами и повесили на них грифельные черные доски с изящными лимериками на американском сленге. Ли Коуплэнд, бывший ковбой, играл на пианино, ему аккомпанировали два гавайских гитариста. Когда они уставали, им на смену приходил фонограф с последними записями в стиле джаз и блюз из США.

Примитивное, чувственное возбуждение пульсировало под крышей «Жокея» все четыре года его существования, и каждый вечер роскошные лимузины, подобные тому, в котором ездил Перри, останавливались перед его черными стенами, на которых яркими красками были нарисованы индейцы и ковбои. Сбежавшие с официальных балов пары быстро исчезали за дверями клуба, чтобы всю ночь напролет пить виски и танцевать. Маги и Перри устроились за столиком. На крошечной площадке для танцев в сумасшедшем ритме двигались пары.

— Черт побери, я так не умею! — в отчаянии воскликнул Перри.

— Я тоже, я не была здесь уже несколько месяцев, — ответила Маги и сделала глоток виски. — Так можно руку сломать.

Наконец Ли Коуплэнд заиграл медленный фокстрот, и Перри с облегчением улыбнулся.

— С этим я справлюсь. Потанцуем?

Маги встала и по привычке сбросила туфли. Впервые Перри держал ее в своих объятиях, и их тела заговорили друг с другом при первом прикосновении. Физическую совместимость так легко определить, если ваша кожа касается кожи партнера. И если это ощущение вам неприятно, то все остальное уже не имеет значения. Но если вы рады ему, то за первым танцем может последовать многое.

Жизнь стала намного проще, когда появилась возможность танцевать на балах или вечеринках. Ничего странного в том, что долгие годы дальновидные матроны не позволяли своим дочерям танцевать вальс. Стоит только разрешить мужчине обнять женщину и двигаться с ней в такт музыке, многое может произойти.

Из всех танцев, популярных в двадцатые годы, именно медленный фокстрот был наиболее опасным по сравнению с чувственным танго и взрывным веселым шимми. Медленный фокстрот предполагал объятия в сочетании с простым шагом под медленную музыку, но крохотный зал «Жокея» делал практически невозможными даже эти движения. Как только гавайские гитары принялись выводить вместе с пианино волшебную мелодию Гершвина, все чудесным образом изменилось. Узы нерешительности и робости, сковывавшие Перри последние три недели, просто растворились в мелодии.

Лиризм простых банальных слов всегда будет для него источником радости, думал Перри. Они обнимали друг друга, пока не кончилась музыка. Пианист заиграл следующую мелодию, но они оставались стоять на месте, глядя в глаза друг другу. Маги не шевелилась, но Перри казалось, что ее тело изгибается под порывами весеннего ветра.

— Я могу попросить пианиста снова сыграть эту мелодию, — мечтательно произнес Перри.

— Или вы можете отвезти меня домой, — прошептала Маги ему на ухо с особенным выражением. Держась за руки, они вышли из клуба, задержавшись у столика лишь на

мгновение. Перри расплатился, а Маги надела туфли. Лимузин ждал на улице и быстро домчал их до дома Маги у ресторана «Золотое яблоко».

Она все еще напевала мелодию медленного фокстрота. Они поднялись по лестнице, выщербленной, плохо освещенной, и добрались до ее квартирки на шестом этаже. Уже с третьего этажа им пришлось аккуратно пробираться между корзинами с цветами, которые стояли на каждой ступеньке. А когда она распахнула дверь, Перри ахнул. Огромная кровать плыла в море цветов.

— Похоже, я перестарался, — пробормотал он.

— Если вы посылаете цветы девушке, их никогда не бывает слишком много.

— Негде даже сесть.

— И нет места, чтобы я могла сварить вам кофе.

— И вы не можете подойти к камину, чтобы зажечь огонь.

— И я не могу открыть дверцу шкафа, чтобы повесить ваше пальто.

— У меня нет пальто.

— Это все упрощает. У нас нет выбора, верно?

— Нет. Либо мы ложимся на кровать, либо будем стоять так всю ночь.

— У меня болит нога, — пожаловалась Маги.

— Тогда остается только одно...

Когда его губы коснулись губ Маги, их дыхание смешалось, он понял, что цель достигнута. Они стояли и целовались среди цветов.

— И что же? — прошептала Маги.

Они легли поверх лоскутного одеяла. В неярком золотистом свете уличного фонаря, лившемся через окно, Перри разделся. Без отлично сшитого костюма, накрахмаленной рубашки, он был просто золотоволосым мужчиной с мышцами лыжника.

Перри стянул тонкие бретельки платья Маги с ее плеч и спустил его до талии. Его рука ласкала ее тело, овладевая им постепенно, пока Маги не расслабилась и ее голова не упала на подушку. Тогда он стянул с нее платье и бросил на корзину с фиалками. Маги лежала перед ним нагая, обольстительно пассивная, выжидающая, что он станет делать дальше. Перри долго любовался совершенством ее юного тела, а потом лег с ней рядом. Они оказались почти одного роста, губы к губам, соски к соскам, сердце к сердцу.

— Маги, я так тебя люблю. Ты позволишь мне любить тебя?

— Попробуй только уйти от меня... — Маги залилась смехом. — О да, люби меня... Перри, дорогой... Люби меня и не задавай больше вопросов.

Сначала их ритм не совпадал. Маги, привыкшая к бурному натиску Мистралья, его нетерпеливости, опередила Перри, неторопливо ласкавшего ее. Маги почувствовала, как нарастает ее возбуждение, осознала собственное нетерпение, и вдруг поняла, что незачем стремиться к немедленному удовлетворению. Она приноровилась к Перри, затаила дыхание, отдаваясь его губам и пальцам с блаженным любопытством. Каждый момент был совершенством сам по себе, переходя в следующий так плавно, как ноты сливаются в мелодии. «От него пахнет медом», — мечтательно подумала Маги, и Перри наконец взял ее, уверенный в себе, сильный. Они вместе достигли пика наслаждения, и Маги вдруг показалось, что из ее тела вылетела стайка бабочек, растворившихся в ночном воздухе.

Дважды за эту ночь они просыпались и поворачивались друг к другу, наслаждаясь близостью.

Когда Маги окончательно проснулась, за окном ярко светило солнце, а Перри еще

крепко спал. Она выбралась из постели, надела серебристые лодочки, накинула на голое тело черную накидку и побежала в булочную за углом, где купила шесть еще теплых круассанов. Когда она вернулась, Перри все еще спал. Маги отодвинула в сторону корзину с цветами и подошла к единственной газовой горелке, чтобы сварить кофе и подогреть молоко. Она налила крепкий напиток в две большие чашки, поставила их на поднос вместе с кувшинчиком горячего молока, сахарницей и круассанами, затем расчистила место на полу возле кровати и поставила там поднос.

Перри лежал на животе. Где-то среди ночи он натянул на себя одеяло, так что видны были только макушка и одна рука. Маги нагнулась и лизнула его мизинец. Перри заворчал, но не проснулся. Язычок Маги пробрался между мизинцем и безымянным пальцем и стал ласкать нежную кожу. Перри убрал руку, но Маги перехватила ее и чуть прикусила его указательный палец. Он подскочил на кровати, словно у него над ухом зазвонил колокол.

— Какого черта... Что это? Маги, ах ты дьяволенок! — Он потянулся к ней и потащил ее к себе на постель. — Почему ты в плаще? Сними немедленно и поцелуй меня!

Маги упала на подушку, ее рыжие волосы разметались огненными языками по белоснежной наволочке. Когда она ответила на поцелуй Перри, тому показалось, что он снова вернулся в детство, когда каждый день полон неисчислимых возможностей, минуты кажутся часами, еще ничего не испорчено, все только предстоит.

— Кофе! — умудрилась пробормотать Маги. — Он остынет!

— Почему же ты ничего не сказала? — поддразнил ее Перри. — Я слышу его запах, но ничего не вижу.

Маги свесилась с кровати и подняла поднос так аккуратно, что не пролила ни капли.

— Боже мой! Откуда это все взялось? — поинтересовался Перри, когда Маги налила горячее молоко в чашки. — Вчера вечером ты говорила, что тебе негде сварить кофе... А сегодня утром такой пир!

— Утром некоторые вещи становятся более важными, поэтому я изменила свою точку зрения. Возьми круассан.

— Так вкусно. Ничего вкуснее я в жизни не ел. Где ты их взяла?

— Я сбегала в булочную, пока ты спал, — Маги впиалась зубами в теплое воздушное тесто.

Когда с едой на подносе было покончено, Перри откинулся назад и потянулся. Он огляделся, впервые по-настоящему рассматривая место, где он провел ночь. Единственным красивым предметом в комнате были корзины с цветами, часть из которых теперь прикрывала его сброшенная второпях одежда. Обои на стенах выцвели и кое-где отошли, позолота на кровати потрескалась и облезла. Подержанный платяной шкаф упирался в низкий потолок, и комната казалась очень тесной.

— Я могу принять ванну? — спросил он.

— В коридоре, вторая дверь слева.

— У тебя нет собственной ванны?

— Одна ванная на этаж, сэр. У меня есть раковина и биде и только холодная вода. Так что если мне хочется принять ванну, то я иду к Поле. А когда мне надо в дамскую комнату, я иду по коридору и открываю вторую дверь слева.

— Ты случайно не помнишь, куда я бросил брюки?

— Они наверняка где-то здесь.

— Если они не отыщутся, мне придется отлить в биде, — пригрозил Перри и сам себе

удивился. За двадцать лет брака он ни разу так свободно не говорил с Мэри Джейн.

— Вон твои брюки, среди розовых роз. Подожди, не вставай, я тебе их принесу. — Маги пробралась между корзинами с ловкостью кошки, совершенно не стесняясь своей наготы, приведя Перри в состояние одновременно восхищения и шока. Никогда в жизни его жена, получившая воспитание в католическом монастыре, не разгуливала перед ним без одежды.

Когда он вернулся в комнату, Маги уже успела почистить зубы, умыться и собрать все предметы его одежды, теперь она восседала на постели, закутавшись в пеньюар из сиреневого шелка.

— Маги. — Перри уселся рядом с ней с видом человека, собирающегося сделать важное заявление.

— Ванная соответствовала твоим ожиданиям?

— Даже более того. Послушай, любовь моя, ты не можешь больше здесь жить.

— Почему же? Из моих окон открывается великолепный вид.

— Потому что мы не можем питаться только кофе и круассанами. Потому что мне нестерпимо думать, что у тебя нет ванной. Потому что есть слишком много вещей, которые я хотел бы подарить тебе. Потому что я не могу ночевать здесь и каждое утро ехать в «Ритц», чтобы побриться, принять ванну и переодеться перед тем, как отправиться на работу. У меня нет на это времени. И еще потому, что здесь недостаточно места для твоих цветов.

— Проводить здесь каждую ночь? — Маги повторила именно то, на что обратила внимание.

— А ты этого не хочешь?

— Нет, я очень хочу!

— Каждую ночь? — Его серые глаза настаивали на утвердительном ответе.

— Я не уверена насчет каждой ночи. — Маги улеглась к Перри на колени и смотрела на золотистые волосы, покрывавшие его грудь. — Но определенно сегодня ночью, завтра ночью и послезавтра ночью...

— Вот видишь, моя девочка, ты обязана переехать. Здесь не хватит места для моей одежды.

— И для твоего лакея.

— Особенно для лакея. Ты хочешь жить в «Ритце»? Нет, забудь об этом. Через пять минут весь персонал примется обсуждать наши отношения, а я не понимаю, почему это должно стать достоянием общественности. Маги, ты позволишь мне найти для тебя квартиру? Позволишь подписать все бумаги, чтобы у нас было достойное жилище?

— Это «достойное» место будет только для меня или для нас? — спросила Маги.

— А какая разница?

— Я не перееду в квартиру или в дом ни к одному мужчине. Я предпочитаю жить в своей комнатухе. Мне она подходит. Но если это будет моя собственная квартира, ключ от которой будет только у меня, я могла бы об этом подумать...

— Я обещаю! Клянусь! Квартира будет только твоей. Единственный ключ останется у тебя. Я стану звонить и просить о свидании. Согласна ли мадемуазель Люнель встретиться сегодня с месье Килкалленом? Согласна ли мадемуазель, чтобы звонивший развлекал ее? Согласна ли мадемуазель, чтобы означенный господин поцеловал ее в шею или у мадемуазель появились более нестандартные желания? Не хочет ли мадемуазель, чтобы он коснулся ее между...

— Прекрати! — Маги вырвалась из его объятий. — У мадемуазель больше не осталось

желаний на сегодняшнее утро.

— Но ты обещаешь мне, Маги? Ты переедешь? Ты все еще не сказала мне «да». — Перри с тревогой смотрел на нее. Она была такой непредсказуемой, такой независимой, что он боялся, что она предпочтет оставаться свободной. Но он не мог даже представить себе, чтобы эта красавица по-прежнему жила в такой жалкой комнатенке, хотя именно здесь он провел самую восхитительную ночь в своей жизни.

— Перри, скажи прямо, чего ты хочешь, без уверток и недомолвок. — Маги неожиданно стала очень серьезной. — Ты ведь намерен содержать меня, верно? Со своим собственным ключом или без него, если я соглашусь, то стану твоей содержанкой, так?

— Это такое неприятное слово! — в ужасе воскликнул Перри. — Зачем употреблять его?

— Но ведь я права? Именно так станут называть меня люди.

— Маги, ты просто невозможна, — простонал Перри.

— И я полагаю, ты захочешь, чтобы я одевалась у лучших портных, ты захочешь дарить мне меха и драгоценности...

— Да! Черт побери, я буду все тебе дарить! Что в этом такого ужасного?

Маги вскочила на ноги, на ее губах заиграла веселая улыбка, она закружилась по комнате, полы ее кимоно взвились, обнажая стройные ноги.

— Браслеты с бриллиантами от запястья до локтя? Шиншилла до самого пола? Путешествия в Довиль? Собственная машина?

Перри не понимал лукавого выражения на ее лице.

— Браслеты на обе руки, до самого плеча, если только возможно... Десять шуб... Вся новая коллекция от Шанель... И это только начало.

— О! — Маги кружилась все быстрее, пока не упала рядом с ним на кровать. — Я всегда мечтала стать содержанкой. Это было мечтой моей бедной юности. — Она сладострастно вздрогнула. — Что бы сказала тетя Эстер, если бы узнала об этом?

— Давай не будем ей ничего говорить, — торопливо предложил Перри.

— Ни за что! Послушай, дорогой, как скоро ты начнешь содержать меня? Если говорить откровенно, я хочу уехать отсюда и никогда больше не возвращаться. Моя жизнь здесь закончена. Эта глава дописана, страница перевернута. Я покончила со всеми, кроме Полы.

— Ты сегодня же уедешь отсюда. Я сниму для тебя апартаменты в «Лотти». Эта гостиница всего в нескольких шагах от «Ритца». И мы немедленно начнем искать квартиру.

— О, да! Я знала, что жизнь на содержании будет раем. Но стать содержанкой богатого, высокого, красивого, щедрого, сумасшедшего американца! — Маги осыпала его лицо градом поцелуев. — Вот это жизнь, мой дорогой, отличная жизнь!

— Отличная жизнь, — эхом повторил Перри, — да, моя дорогая, у нас будет отличная жизнь, я обещаю тебе.

— Мистраль не работает, — объявила Кейт, когда они сидели с Авигдором в кафе. — После вернисажа он ни разу не взялся за кисть. У него нет на это сил.

Дилер замер. Художник, который не работает регулярно, каждый день, может оказаться таким же плохим вложением капитала, как и истощившаяся золотая жила.

— Все из-за той проклятой девчонки. Она не вернулась, верно?

— Дело совсем не в этом, — раздраженно ответила американка. — Разумеется, Мистраль злился на нее после того, как она устроила тот скандал на вернисаже. Зрелище было просто отвратительным. Но он не из тех мужчин, кто станет тосковать из-за женщины. Эта Люнель больше не нужна ему в качестве модели. Я полагаю, они были вместе всего несколько месяцев. Рыжая девица ничего для него не значит.

— Ну, если вы так говорите, — согласился Авигдор.

Свои мысли он оставил при себе. Могла ли девушка, которая ничего не значила для художника, вдохновить его на такие работы? Но что-то в ледяном голосе Кейт, в ее поджатых губах, суровом выражении лица останавливало его. Не стоит дальше развивать эту тему. Во всяком случае, вслух.

— У меня есть теория на этот счет, — продолжала Кейт. — Это своего рода реакция на успех выставки. Я и сама чувствовала себя несколько... опустошенной, так что могу себе представить, что переживает Мистраль.

— Но он хотя бы пытался писать? — поинтересовался Авигдор.

— Да, и именно это волнует меня больше всего. Вот уже две недели, как Мистраль каждый день час за часом стоит перед мольбертом и просто смотрит на полотно, пока краски сохнут на палитре. Каждый раз, когда я захожу его проведать, я вижу, что на холсте не появилось ни единого мазка. Вечерами он напивается, хотя никогда раньше этого не делал. Он не хочет об этом говорить. Адриан, он выглядит... напуганным. Только это слово приходит мне на ум, когда я пытаюсь описать выражение его глаз. Мне кажется, что он охвачен паникой, но я просто этого не понимаю.

— Мистралю необходимо уехать на некоторое время, увидеть что-то еще, кроме стен мастерской. Он не первый художник, который не может взяться за кисти после большого успеха.

— Я уже предлагала ему отправиться путешествовать.

— И что же?

— Мистраль говорит, что у него нет настроения. По его словам, он не из тех, кто берет отпуск. Он утверждает, что за несколько месяцев не написал ничего путного и должен оставаться в студии, пока его снова не посетит вдохновение.

— Может быть, мне самому с ним поговорить?

— Прошу вас, Авигдор, попробуйте. Мистраль считает, что вы отлично организовали его выставку.

— Благодарю, — сухо произнес Авигдор.

Не слишком щедрое признание его заслуг, а ведь именно он сделал этого человека сенсацией сезона. Но если бы дилеры ждали искренней благодарности от художников, то отправлялись бы в постель каждый вечер, охваченные горьким разочарованием. Дилер, который занимается продажей картин в надежде на благодарность, должен сменить род

занятий. Разведение собак такому человеку подойдет больше, особенно крупных и слюнтявых.

Два дня спустя, ранним утром в середине октября, Мистраль отправился в Прованс. Накануне отъезда, когда они вместе выпивали на прощание, Кейт вдруг предложила отвести его на своей машине, как будто мысль об этом только что пришла ей в голову.

— Мне знакомы только Париж и немного Нормандия. Я бы и сама с удовольствием посмотрела Экс и Авиньон, но я не люблю путешествовать одна. Если я поеду с тобой, тебе не придется ехать на поезде...

Мистраль выглядел оскорбленным.

— Ты переходишь все границы, Кейт. Неужели ты полагаешь, что я захочу, чтобы ты повсюду меня возила?

— Можешь сам сесть за руль, — в отчаянии выпалила Кейт.

— Потрясающе! Это так по-американски. Ты уже знаешь, у меня нет машины и я не умею ее водить.

— Я научу тебя за полчаса, как только мы окажемся в сельской местности. Это очень просто.

Как только они миновали Фонтенбло, Кейт свернула с основного шоссе. После краткого курса вождения она спокойно доверила двухместный спортивный синий «Тальбо» Мистралю. Слава богу, у него великолепная реакция, и потом, ей было любопытно увидеть, как Мистраль выпутается из такой ситуации. Не давая ему никаких инструкций, она молча наблюдала, как его красивые руки с длинными, сильными пальцами справляются с рулем и рычагом переключения передач.

Через десять минут художник вполне освоился с машиной. Они вернулись на главную дорогу и поехали по направлению к Солье, двигаясь на юго-запад по почти пустынной дороге со скоростью девяносто километров в час.

Кейт сидела молча. Ей было уютно и тепло в красивом, отлично сшитом твидовом ржаво-коричневом костюме, мягких кожаных перчатках и фетровой шляпке в форме колокольчика. Они ехали по равнинной местности департамента Ионны, между бесконечными рядами деревьев, за которыми виднелись убранные поля. Стоял хороший осенний день, в котором не чувствовалось грусти увядания, а прозрачный воздух был напоен радостным ожиданием, особенно если путешественник направлялся на юг.

В Аваллоне они наспех перекусили и отправились дальше, по-прежнему не разговаривая между собой. Мистраль, казалось, наслаждался ощущениями скорости и воспоминаниями, и раздумьям не осталось места.

Время от времени Кейт искоса разглядывала его профиль и вскоре заметила, что его губы, обычно сжатые в упрямую линию, стали мягкими и чувственными. Ей не удалось рассмотреть выражения его глубоко посаженных глаз, но что-то в царственной посадке его головы не позволяло ей завести разговор.

— Далеко ли мы едем? — все же решилась спросить Кейт, когда день стал клониться к закату и вечерняя прохлада стала ощущаться в открытой машине, несмотря на теплый костюм и свитер Кейт.

— Мы должны попасть в Лион, там где Рона сливается с Соной. Много лет назад это было священным местом. Для меня Прованс начинается именно там, хотя любой

провансалец скажет тебе, что это еще север. Никаких остановок до Лиона.

— Но до него почти двести километров, — запротестовала Кейт.

— Да, но дорога все время идет под гору, — заверил ее Мистраль. — На юге это всегда так.

В Лионе они нашли маленький отель, отлично поужинали за мизерные деньги и отправились в свои комнаты, измученные, с обветренными лицами. На следующий день они ехали вдоль величественной Роны, непредсказуемой и быстрой реки, проезжали через деревушки, чьи названия напоминали список вин. Они проехали от Лиона до Баланса, а потом от Оранжа до Авиньона. Там они наконец пересекли реку и поздно ночью остановились около дверей маленького пансиона в Вильнев-лез-Авиньон, где Мистраль бывал однажды еще студентом университета.

Мадам Бле купила пансион у одного фермера. Собственно, здание с 1333 года до Великой французской революции было кардинальским дворцом и аббатством, и лишь позже его передали в светское пользование. И все же здесь до сих пор царили странное умиротворение и покой. Здание было выстроено в форме подковы вокруг двора, где покрытые мхом мраморные колонны бывшего монастыря стояли словно часовые в темном саду. В старом аббатстве не было ничего монастырского, ничего церковного. Здесь давали тепло, покой и приют тому, кто устал от мира, но не от даров и радостей природы. В центре двора располагались старинные ступени, ведущие в кардинальский винный погреб, который и представлял собой истинный центр здания.

Мне придется найти путеводитель по этим местам, — сказала Кейт на следующее утро после позднего завтрака.

— Зачем?

— Мы ехали с такой скоростью, что я чувствую себя потерявшейся в пространстве. Я даже не представляю, что находится к востоку или к западу отсюда, но я ощущаю аромат истории, и мне не хотелось бы оставаться невежественной.

— Аромат истории? — Мистраль поднял кустистые брови, изображая изумление.

— Ради бога, Жюльен, прекрати. Здесь же множество руин, церквей, музеев и всего такого, что мы должны увидеть. Перестань так на меня смотреть! Разве плохо, что я хочу узнать что-то новое? Мы проделали путь от Парижа почти до Средиземного моря за два дня, и я хочу знать, почему ты выбрал именно это место из всей Франции, чтобы остановиться.

— А разве книга объяснит тебе это?

— Почему бы и нет? Мы же не можем просто так бродить по округе?

— Отчего же?

— Нет, мы, конечно, можем гулять просто так, но наверняка что-нибудь пропустим, — упрячилась Кейт.

— Ты можешь прочитать десяток книг и провести здесь десяток лет и все равно пропустишь что-нибудь замечательное, расположившееся прямо под самым твоим очень американским носом. Почему бы тебе просто не расслабиться и не посмотреть по сторонам? Я приехал именно для этого — просто смотреть, и все.

Кейт промолчала. Хотя ее любовь к порядку не терпела прогулок по окрестностям без путеводителя, на который можно было сослаться и с которым можно было бы свериться, но ей не хотелось спорить с Жюльеном по пустякам.

Весь этот день и следующий они гуляли по Вильнев-лез-Авиньону, узнавая город, выстроенный в четырнадцатом веке, когда папа переехал из Рима в Авиньон.

Священнослужители устроились в Вильневе, и там вырос суетливый город с великолепным монастырем и величественным фортом, от которого остались лишь квадратные, сонные, благоухающие площади и несколько узких улочек, где еще можно было найти камни епископских дворцов.

На третий день они направились на восток, мимо Авиньона, к богатой фруктовой долине Апт, расположенной между двумя горными массивами. К югу от долины стояла гора Люберон, именно ее северный склон очаровал Мистраль в его предыдущий приезд. Он не мог забыть причудливые изгибы известняка, изъеденного ветром, за который отчаянно цеплялись редкая растительность и деревушки, нависавшие над главной дорогой. Казалось, туда было не подобраться, но Мистраль все же нашел узкую проселочную дорогу, ведущую к ним.

В далекие времена люди жили в этих укрепленных деревнях, и враги, проходившие по дороге внизу, не видели их. Многие сотни лет жители сражались с тиранами с севера, а теперь в этих охваченных дремой, крошечных деревушках вдоль узеньких улочек столпились дома серые и бледно-охряные, увитые виноградом, стоящие в тени серебристых оливковых деревьев, а по стенам ползли причудливые, цвета коралла цветы, которые местные жители называли «пальчиками фей». По ночам над деревушками поднимался туман. Как говорили, это были призраки некогда живших здесь протестантов, безжалостно вырезанных во времена религиозных войн. Теперь под мирным небом здесь жили те, чье благосостояние зависело от маленьких, но процветающих ферм в долине Апт.

Мистраль был очень возбужден. Никогда раньше он не забирался так высоко в горы. Отсюда он сумел разглядеть какую-то особенную ферму в долине Апт. И вот он уже тащил вниз по тропе упирающуюся Кейт, чтобы снова сесть в машину и снова мчаться в долину Апт и искать ту самую ферму.

Каждая большая ферма в Провансе представляла собой собрание каменных строений, выстроенных вокруг двора с невероятным количеством каких-то переходов, башенок, арок. Все крыши оказывались на разной высоте.

— В мире нет более прекрасного места, — объявил Мистраль Кейт, после того как они три дня подряд проехали по горам и фермам, возвращаясь в Вильнев только к ужину.

— Достаточно ли ты видел, чтобы судить беспристрастно? — не удержалась от едкого замечания Кейт.

— Есть очевидные вещи. Что можно еще просить у природы, Кейт, как не эти горы, эту землю, это небо, эти деревья и эти камни? Я был прав, что вернулся сюда. В Париже я забыл, что такое горизонт, я забыл, что такое зелень. Ничто на земле, Кейт, не бывает таким зеленым, как лист винограда, когда на него падает послеполуденное солнце.

Кейт еще ни разу не видела Мистраля таким довольным. Казалось, все его существо переполняет свет Прованса.

Да она и сама чувствовала себя иначе. Дни, проведенные на свежем воздухе, пропахшем вереском, розмарином и тмином, заставили ее забыть об утонченности. Острые черты ее лица, которое она обычно покрывала тонким слоем пудры, смягчились и загорели, и оно стало казаться круглее, мягче, теплее. Тонкие губы, на которых больше не было привычной ярко-красной помады, выглядели полнее и мягче на фоне порозовевших щек и белоснежного лба, на который падали пепельно-белокурые легкие пряди. Ими играл ветер, и Кейт забыла о правильном проборе, перестала надевать шляпу, позволяя волосам ложиться так, как им заблагорассудится. И эта новая небрежность только подчеркнула совершенство ее лица.

Оказавшись в деревне, она уже не выглядела так неприступно, и никак не старше своих двадцати трех лет.

— Ты был прав насчет путеводителя, — призналась Кейт, когда они заканчивали ужинать в саду пансиона мадам Бле.

— Но, Кейт, подумай только, ты же не видела папский дворец в Авиньоне, не посмотрела на римскую арену в Арле и фонтаны в Эксе. Да, чуть не забыл, еще мы не посетили так называемый «Квадратный дом» в Ниме, а ведь его построили в шестнадцатом веке до нашей эры!

— Почему ты все время дразнишь меня, Жюльен? Я уже сказала, что ты был прав. Ты хочешь, чтобы я извинилась?

— Извинилась? Ты? Высокомерная нью-йоркская дама, богатая и элегантная американка, манипулирующая людьми с такой ловкостью, что они даже об этом не подозревают? — Мистраль усмехнулся.

— Это несправедливо, я с этим не согласна. — Кейт говорила спокойно, не повышая голоса, но она чувствовала, как ее охватывает гнев. Почему всякий раз, как она идет ему навстречу, он на нее набрасывается?

— Почему же? Ты просто не хочешь видеть себя такой, какова ты на самом деле. Должен признать, что здесь, в Провансе, ты несколько изменилась. Но в Париже ты была в своей среде, и мне еще не доводилось встречать женщину, которая умела бы так настоять на своем. Ты неподражаема, Кейт. И что плохого в том, что ты богата, отлично одеваешься, не видишь дальше своего носа и берешь от жизни то, что тебе хочется? Многие женщины с удовольствием поменялись бы с тобой местами.

— Черт бы тебя побрал, Жюльен! Как ты можешь судить о том, что Я за человек? Ведь, кроме твоей работы, ты ни о чем больше не думаешь, я в этом убедилась. Ты настоящий монстр. — Кейт едва верила своим ушам. И это ее губы произносят все эти горькие слова? Где ее выдержка, где чувство меры и приличий, так свойственные ее натуре? Что с ней вообще происходит?!

Мистраль улыбнулся, словно мальчишка, дразнящий котенка.

— А ты, дражайшая Кейт, конечно, позволишь любому переступить через тебя, потому что ты слишком добросердечная. Мягкая, миролюбивая Кейт, ничего никогда не требующая взамен Кейт Браунинг, довольствующаяся в жизни только теми плодами, которые сами падают к ее ногам.

Слишком рассерженная, чтобы ответить ему, она молчала, кусая губы, пытаясь справиться со вспышкой гнева.

А Мистраль продолжал лениво:

— Мы с тобой просто замечательно приличные люди, две неповторимые личности, которые могут составить интересную комбинацию. Что скажешь, Кейт? Стоит ли нам провести эксперимент?

Она выскочила из-за стола и ушла в темный угол сада, подальше от света фонарей. Мистраль догнал ее и схватил за плечи. Тело Кейт напряглось, сопротивляясь, она отвернулась, крепко сжав губы. Но Мистраль сломил ее сопротивление, повернув ее лицо к себе. Кейт не подняла глаз. Было ли это негодование или обида, его, в сущности, не заботило. Мистраль захотел эту женщину, и она, конечно же, вызвалась сопровождать его в этой поездке не из человеколюбия. Опыт подсказывал ему, что женщины так не ведут себя. Даже богатые американки в дорогах твидовых костюмах.

— Кейт, идем в мою комнату. Я хочу увидеть тебя обнаженной на моей кровати.

— Жюльен!

— Только не говори мне, что ты шокирована. Неужели я слишком откровенен для мисс Браунинг? Тебе нужны изящные выражения, Кейт? Я хочу трахнуть тебя. Если тебя это не устраивает, просто скажи мне об этом. Я не стану просить снова. Так да или нет?

— Как романтично, — пробормотала она.

— Повторяю, да или нет?

В сумраке сада он увидел, как на ее лице отразилась такая буря противоречивых эмоций — от гнева и обиды до откровенного желания, — что он просто обнял ее, не говоря больше ни слова. Мистраль повел Кейт через сад, потом вверх по лестнице, едва придерживая рукой за талию. Кончики его пальцев ощущали, насколько неподатливо ее тело, как она не хочет прижаться к нему, как старается идти так, словно он не касается ее, и все же она идет, куда он пожелает.

Он отпустил ее, чтобы запереть дверь комнаты, а когда снова повернулся к ней, то обнаружил, что Кейт отошла к окну и, как ему показалось, зачарованно смотрит в сад. Через секунду Мистраль уже стоял с ней рядом. Он осторожно провел по ее шее кончиком пальца. Кейт не вздрогнула и не повернулась к нему, а продолжала стоять, вцепившись пальцами в подоконник.

— Кейт, как же мы начнем наш эксперимент, если ты даже не хочешь повернуться ко мне? — шепотом поддразнил он ее.

Она не шевельнулась и ничем не показала, что слышала его. Мистраль нагнулся и коснулся ее шеи губами. Кейт вцепилась в подоконник. Он едва заметно улыбнулся и коснулся кончиком языка того самого места, где кончались ее коротко остриженные волосы, и медленно спустился вниз по позвоночнику, остановившись между ее лопатками. Его губы прижались к ее коже, но он не сделал больше ни одного движения, пока ее руки не упали вниз. Она резко обернулась к нему. Кейт дрожала, ее лицо побледнело.

— Ты даже ни разу не поцеловал меня, Жюльен.

— Ошибка с моей стороны... Одна из немногих, в которых я признаюсь. — Мистраль нагнулся, поднял подбородок Кейт. Ее губы были холодными и крепко сжатыми, она не желала сдаваться, и он изумленно отпрянул. — Кейт, я никогда не навязываюсь женщинам, если они меня не хотят.

— Нет, Жюльен, нет, я хочу тебя. — Голос Кейт звучал застенчиво, что странно противоречило смыслу ее слов. Она обхватила его руками за шею и стала целовать, но ему показалось, что она клюет его.

Удивленный, Мистраль отстранил ее от себя.

— Не так быстро, Кейт, и не так яростно.

— Господи! Когда же ты перестанешь надо мной смеяться?

Вместо ответа Мистраль поднял ее на руки и отнес на кровать. Он лег с ней рядом, обнял ее и прошептал:

— Еще одна моя ошибка... Я забыл, насколько ты нетерпелива. Я научу тебя терпению, Кейт, потому что ты в этом отчаянно нуждаешься.

Она замерла. Мистраль провел руками по ее телу.

— Я не собираюсь раздевать тебя, Кейт, пока не собираюсь, — пробормотал Жюльен, склоняясь к ее губам. — Лежи спокойно, — приказал он, сосредоточивая все свое желание, а он давно не имел женщины, на этих плотно сжатых губах, пока они не стали теплыми, не

набухли и с готовностью не раскрылись навстречу его языку. Он долго ласкал ее губы, чувствуя, как постепенно расслабляется ее тело. Кейт перестала дрожать в тревожном ожидании, и скоро от ее пассивности не осталось и следа, Жюльен почувствовал, что ей хочется большего, чем эти нежные поцелуи, но он не отрывался от ее губ, смеясь про себя над тем, что он заставляет ее переживать. Она застонала. «Ты еще попросишь меня о том, чтобы я взял тебя, ты будешь умолять об этом, холодная, американская сучка», — говорил он себе, хотя сам едва справлялся с возбуждением.

— Жюльен, — еле слышно выдохнула Кейт, — раздень меня.

— Нет, Кейт.

— Жюльен, прошу тебя.

— Если ты хочешь меня, так раздень меня сама, — потребовал он, упав спиной на покрывало и скидывая ботинки. Кейт посмотрела на великолепного мужчину, который предлагал ей себя. Он сводил ее с ума. Дрожащими пальцами Кейт с яростью набросилась на пуговицы его рубашки, едва не отрывая их. Потом ее пальцы вцепились в пряжку ремня. Так, теперь брюки... Она ощутила величину и силу его пениса, напряженно ждавшего ее прикосновения, и вдруг почувствовала, что больше не может.

— Прошу тебя, Жюльен, разденься сам, — взмолилась она.

— Где же твоя уверенность, Кейт? — Он внимательно смотрел на нее, хотя каждая клеточка его тела требовала, чтобы он немедленно взял эту женщину.

— Черт бы тебя побрал! — яростно заорала Кейт, глубоко вздохнула и принялась расстегивать пуговицы. Он предстал перед ней возбужденный и нагой, потому что не носил ничего под вельветовыми брюками. Мистраль дышал так же тяжело, как и Кейт, осторожно расстегивавшая пуговицы по одной. Когда она расстегнула последнюю, он одним резким движением стянул с себя брюки и опрокинул ее на постель.

— Хорошо, Кейт, очень хорошо... Ты была терпеливой, — бормотал он, опытными руками медленно снимая с нее одежду. Как он и ожидал, у нее оказались маленькие груди, узкие бедра, а белокурые волосы внизу живота нежные, как у девочки.

— Очаровательная Кейт, — прошептал он, накрывая ее тело своим.

Он обнимал ее, согревая ее наготу своим теплом, пока не почувствовал, как она тает в его объятиях. Если бы с ним была любая другая женщина, он бы давно овладел ею, но Кейт была слишком бесчувственна, слишком неопытна. Да, она хотела его, но она хотела пройти через это как можно быстрее, не теряя себя, а этого Мистраль допустить не мог.

Когда ее тело стало таким же теплым, как и его собственное, он стал ласкать ее спину, мальчишески маленькие ягодицы, но как только он ощутил ее напряжение, он шепотом повторил:

— Терпение, Кейт, терпение, — и убрал руку. Потом он вновь и вновь ласкал ее, и наконец почувствовал, как она сама прижимается к его рукам. — Терпение, терпение, — шептал Мистраль, находя совершенно новое для себя удовольствие в том, что он так долго возбуждал женщину. Его никогда не заботили подобные мелочи, он никогда не сдерживал себя так долго и не испытывал боли от воздержания. Когда его пальцы скользнули между бедер Кейт, он удивился тому, насколько она возбуждена. Мистраль больше не испытывал к ней жалости, и его пальцы нашли потаенный уголок. Его средний палец стал таким же ловким и нежным как кончик языка. Он двигался медленно и мягко, потом все быстрее, все его желание сконцентрировалось в кончике его пальца и этом комочке плоти, который он пробуждал с таким умением.

— Жюльен... О господи! Перестань! — воскликнула Кейт, но он ответил только одним словом:

— Терпение... — Его палец задвигался еще быстрее, пока Кейт не содрогнулась в экстазе. Она уткнулась ему в шею, пытаясь заглушить крик удовольствия. Его пальцы не оставили ее, пока ее тело не перестало содрогаться. Она лежала на спине, удовлетворенная, но с широко раскрытыми глазами.

— Теперь ты видишь, что можно заработать терпением, Кейт? — прошептал Мистраль ей на ухо, но она не ответила и не кивнула, а лишь внимательно и серьезно смотрела на него.

— Такого никогда раньше со мной не случилось, — наконец проговорила она.

— Значит, наш эксперимент удался не полностью. Теперь моя очередь, Кейт, — ответил Жюльен и вошел в ее податливое, раскрывшееся ему навстречу, готовое его принять тело.

Кейт покрывала его руки поцелуями благодарности, пока не поняла, что Мистраль уже давно крепко спит.

Кейт Браунинг не находила себе места. Целую неделю каждую ночь после того, как Мистраль засыпал, насытившись любовью, она лежала без сна, в ее точеном теле эхом отдавалась страсть, о существовании которой она раньше не подозревала, потому что была слишком осторожной, чтобы позволить себе такое. Мысли о наслаждении, которому научил ее Мистраль, словно стрелы пронзили ее, причиняя сладостную боль. Она опускала руку между бедер, касаясь ядрышка плоти, непривычного к ее прикосновениям. Оно все еще трепетало, готовое снова содрогнуться от наслаждения. Каждый день тянулся бесконечно долго, а Кейт томилась по рукам и губам Мистраля. За едой она смотрела, как его пальцы ломают хлеб, держат приборы, и с ужасом ловила себя на том, что сжимает бедра под столом. Она стонала вслух при виде его рта, такого твердого при посторонних и такого горячего и мягкого на ее коже. Ее соски болели, и все-таки она терлась ими о руку Мистраля.

Смысл ее жизни изменился, и она склонилась перед неизбежным. Кейт не находила отдыха, думая о недоступности подлинного «я» Мистраля. Как она могла так бездумно отдаться этому человеку, который ей не принадлежит? Кейт чувствовала, что даже во время самого акта любви Мистраль не отдавался ей полностью, ни разу не признался в том, что она нужна ему, ни разу не сказал, что любит ее. И Кейт гадала, что тому причиной: его врожденная скрытность или ему просто все равно, кто лежит с ним в постели.

— Ты мне нравишься, Кейт, — говорил он, и это самое большее, на что она могла рассчитывать. А ей так хотелось услышать простые и вечные слова «я люблю тебя», но он молчал, и Кейт тоже не произносила их. Но с каждым днем она любила его все больше и больше. Мистраль стал единственным призом, который она жаждала получить. Только рядом с ним ее чувства насыщались, и этому ничего не мешало. Для Кейт не были помехой трудности, которые создавал Мистраль, ей не мешали его столь очевидные недостатки, она не думала о женщинах, с которыми он спал до нее. Все это не имело значения. Ничто не имело значения, кроме жадной одержимости, подобной пристрастию наркомана или алкоголика, которую не утолить ничем, кроме обладания.

Кейт была очень сильной женщиной, гордой, хитрой и изворотливой, но ее нервы были так натянуты из-за необходимости скрывать свои чувства, что она плакала, лежа рядом с великолепным мужчиной, который крепко спал, не думая о ней. Но, выплакавшись, Кейт лежала без сна, обдумывая сложившуюся ситуацию хладнокровно и серьезно. Дальновидности не смогла бы у нее отнять никакая страсть.

В глубине души Кейт не признавала поражений.

Пошла вторая неделя их пребывания в Провансе, и Мистраль решил съездить в Ним. Там они с Кейт гуляли в парке, потом карабкались вверх по каменным ступеням лестницы, ведущей к развалинам римской сторожевой башни, откуда открывался великолепный вид на медово-золотистый город. Они лежали на траве, испытывая приятную усталость. После долгого молчания Мистраль наконец заговорил:

— Я бы никогда не смог написать этот вид. Я не стал бы даже пытаться. Он настолько полный, в нем столько простора, здесь есть ответы на все вопросы, и он не нуждается в человеке.

— Ты не увидел в Провансе ничего такого, что тебе захотелось бы написать? — осторожно поинтересовалась Кейт. Жюльен впервые заговорил о живописи с того дня, как они выехали из Парижа.

— Нет, — ответил он.

Но Мистраль не сказал ей, что это испугало его. Никогда раньше он не испытывал такого ощущения пустоты, у него пропали желание и потребность рисовать. Вот молодая пара на скамье, их руки почти соприкасаются. Им нет дела до этого вида. Вероятно, молодые люди здесь выросли, матери водили их сюда играть. Но сейчас они осознали, что самой большой загадкой является другое человеческое существо. Раньше он бы писал эти едва соприкасающиеся руки, сделал бы десяток, сотню набросков и так бы и не сумел выразить свое ощущение от этих четырех рук, которые не осмеливаются коснуться друг друга. «Но я не хочу писать эти руки, — думал Мистраль. — Мне не для чего их писать. А раз я больше не художник, то почему я все еще жив?»

— Полагаю, — осмелилась высказать свое мнение Кейт, — этот вид писали множество раз. Здесь все такое... живописное... Наверное, поэтому тебе неинтересно.

— Что-то в этом роде, да, — коротко отозвался Мистраль. «Когда я был здесь в прошлый раз, — думал он, — я бы ни за что не вышел на прогулку без альбома для набросков. Я бы сгорал от возбуждения. И мне было бы плевать, что и кто писал до меня. Прованс звал меня, манил, мне казалось, что никто до меня не изображал его на холсте. Я остановился только тогда, когда почувствовал, что схожу с ума, как Ван Гог. «Живописное», твою мать. Тебе не понять этого, Кейт, а я не умею тебе объяснить. Но сойдет и такое объяснение, как и любое другое, факт остается фактом. Я потерял желание писать, и даже Прованс не сумел вернуть мне его».

— Вставай, Кейт, — коротко сказал он, поднимаясь, — трава еще влажная.

В течение следующей недели Мистраль все чаще ездил в Фелис, деревушку на северном склоне горы Люберон. Его тянула туда игра в шары, ставшая для него настоящей страстью.

В единственном кафе городка в полдень и вечером собирались все местные мужчины, которые могли ходить, чтобы выпить рюмочку-другую пастиса. Так как наступила осень, к ним присоединились и фермеры, проводившие в кафе большую часть свободного времени в этот период года, когда урожай был уже собран, а сезон охоты еще не начался. Промочив горло, мужчины выходили на плоскую площадку в тени деревьев позади кафе и начинали бесконечную игру в шары, чем-то напоминающую боулинг, только на юге Франции ее правила настолько сложны, что занимают три страницы убористым типографским шрифтом.

Один из фермеров, молодой человек по имени Жозеф Бернар, оглядел Мистралья с ног до головы, когда они с Кейт второй раз появились в кафе.

— Ты играешь в шары? — спросил он.

— Я всего лишь турист, — словно извиняясь, ответил Мистраль.

— Не имеет значения. Хочешь попробовать?

Мистраль справился. У него была отлично развита координация движений, и, хотя он ни разу в жизни не держал в руках стальные «ядра», ему все же удалось выбить шар соперника с позиции, близкой к цели. Жозеф Бернар получил море удовольствия и пригласил Мистралья принимать участие в игре всякий раз, как тот окажется по соседству.

Мистраль возвращался не один раз, увлеченный перипетиями игры, куда в обязательном порядке входили бесконечные споры, оскорбления, насмешки и подкалывания. Это, не считая бросков шара, в которых не прочь отличиться любой мужчина.

Кейт наблюдала со стороны, удивленная способностью Мистралья отдаваться игре, которую она сама находила предельно скучной. Но пока он играл, она могла исподтишка рассматривать его. Как быстро он стал своим среди игроков. Он с такой же легкостью бросал шары, спорил с таким же пылом, так же громко смеялся, играл, забывая о времени, и с каждым днем его мастерство росло.

— Ты уверен, что ты не из этих мест? — спросил Жозеф Бернар своего нового друга. — Прованс у тебя в крови и в твоём имени. Мистралем в Провансе называют «главный ветер». У меня есть родня по фамилии Мистраль, они живут на южном склоне горы. Может быть, мы родственники с тобой?

— Все возможно, только я не могу этого доказать. Я не знаю, где родились мои дедушки и бабушки. Они уже умерли. А когда были живы, я их не слушал и ни о чем таком не спрашивал. Мне было неинтересно.

— Обычно, когда чужаки пробуют играть в шары, они выглядят дураками. Это только со стороны все кажется простым. Если бы ты еще попрактиковался несколько недель, я бы взял тебя в мою команду. В последнюю субботу ноября у нас проходит турнир.

Мистраль обнял молодого фермера за плечи и заказал выпивку на всех присутствующих в кафе. Он понимал, насколько такой жест важен для человека, который обсуждает турнир по игре в шары как самое главное событие года.

— Мне бы тоже хотелось этого, Жозеф, но я должен работать, чтобы жить.

Но Мистраль не знал, сможет ли он снова начать работать. Шары помогали ему забыть на несколько часов, отвлечься от поисков того, кого он мог бы обвинить в том, что бывшее пламя угасло. Кто же виноват: Авигдор, потому что он был дилером и хотел получить только предмет для продажи? Кейт, потому что она устроила выставку, до которой он писал так же легко, как дышал? Маги, потому что она была дурой и ребенком и единственной женщиной, которая от него ушла? Собственно выставка, потому что она открыла ему глаза на алчность коллекционеров, покупающих за секунду то, на что было потрачено несколько месяцев работы? Коллекционеры, которые не уважают труд художника, ничего в нем не понимают, а просто открывают кошельки и покупают кусок его души? Мистраль знал, что никто из них не виноват, и все-таки снова и снова прокручивал в голове эти мысли, пытаясь найти виновного.

— Нам тоже приходится работать, — возразил Жозеф, — но всегда найдется время, чтобы поиграть в шары. Иначе зачем вообще работать?

Было еще кое-что, помимо шаров и кафе, что манило Мистралья в Фелис. Невдалеке он обнаружил заброшенную ферму. Как-то раз из чистого любопытства он свернул в глубокую колею, идущую вокруг невысокого холма. Из тенистого сумрака дубов дорога вынырнула на аллею высоких кипарисов, за которой высилась стена, окружающая ферму.

Мистраль оставил машину на лужайке между кипарисами и стеной дома. Солнце высушило крошечные желтые кустики чертополоха и диких трав. Высокие тяжелые двойные ворота не позволяли заглянуть внутрь. Вокруг царила тишина, нарушаемая лишь сухим, приятным для слуха стрекотом цикад. Не было слышно привычных для фермы звуков. Не лаяли собаки, никто не гремел посудой в кухне, никто не окликал детей. Жимолость вольно карабкалась вверх по стене, распространяя вокруг сладкий аромат, такой сильный, что его, казалось, можно было потрогать руками. Красные и желтые бабочки стайкой порхали над лужайкой, словно на китайской шелковой картине.

Кейт и Мистраль обошли кругом, пытаясь заглянуть во двор, но фундамент стены густо

зарос кустами ежевики, а ветки жимолости уходили высоко вверх.

Наконец стена уперлась в небольшую круглую башню, где они разглядели два окна, не прикрытые ставнями, высоко над их головами. Но тот, кто покинул это место, знал наверняка, что никто посторонний внутрь не проникнет. Им удалось разглядеть только пять черепичных крыш на разной высоте и верх оконных переплетов. Ферма располагалась в центре земельного надела, где поля казались частью огромного круга и были разделены между собой высокими стенами из кипарисов или кустарника. Один сегмент круга занимала оливковая роща, второй — поле невозделанной красной земли, затем шел виноградник, где никто не потрудился убрать налившиеся спелостью гроздья. Далее располагался абрикосовый сад, где землю устилала гниющие оранжевые плоды, а за ним снова невозделанная земля, выглядывшая так, будто плуг никогда не бороздил ее.

— Это просто невероятно! — взорвался Мистраль. — В этих местах используют каждый клочок земли, а ты только посмотри на это! Виноград и оливки не собраны, абрикосы гниют! Они выросли, созрели, но никто не нашел времени, чтобы их собрать. Какое безобразие!

— Возможно, эта ферма продается, — осмелилась подать голос Кейт.

— Но ведь ничего же не написано. Я заметил только название на почтовом ящике: «Турелло». Это слово провансальское. По-моему, означает небольшую башню или что-то в этом роде. — Мистраль был рассержен. — Скорее всего, эту землю оставили в наследство, а теперь наследники не могут договориться. Такое часто случается. Если они не станут вместе обрабатывать землю, им придется продать ее на аукционе.

— В Фелисе должны об этом знать, — предположила Кейт. — Если ферма продается, мы можем попросить разрешения осмотреть ее.

— Нет, не думаю. Я не хочу заходить внутрь. — Что-то в голосе Мистраля заставило Кейт насторожиться.

— Не хочешь? Ты? Мы же не пропустили ни одной фермы в округе. Почему же ты не хочешь побывать здесь?

— Не могу тебе объяснить. Это всего лишь ощущение.

На самом деле Мистраль защищался. Интуиция подсказывала ему, что он никогда не сможет забыть, как выглядел этот скрытый от посторонних глаз тихий уголок. Пусть он и видел только черепицу на крышах, но их простая геометрия оказалась настолько совершенной, что она тронула его сердце. Эта ферма на холме настолько сливалась с природой, что Мистраль не хотел ее осматривать, тем более, что здесь никто не жил и ее определенно можно было купить.

Он никогда в жизни не владел домом, и желание иметь собственный дом, знакомое любому человеку, никогда прежде не закрадывалось ему в душу. Ему хватало впечатлений, когда он осматривал фермы Прованса. Мистраль понимал, что именно это жилье было единственно возможным для него на этой земле. Он испытывал эстетическое удовлетворение, не испорченное желанием обладать. Но стоит ему переступить порог этой фермы, и он изменится навсегда.

— Хорошо, — согласилась Кейт, уважая его желание.

Они с Мистралем были очень похожи в том, что не хотели слышать того, о чем не хотели знать.

В течение следующей недели они еще четыре раза возвращались на заброшенную ферму, но Кейт ни разу не повторила своего предложения, хотя преклонение Мистраля

перед этим местом буквально выводило ее из себя. Он влюбился в этот старый дом, ревниво повторяла она про себя, обхаживает его, как будто несговорчивую женщину, бродит вокруг, словно больной от любви подросток. Жюльен сидел в кафе, играл в шары и гулял вокруг фермы. Больше он не делал ничего. Когда же он снова начнет писать?

Они сидели в кафе в Фелисе, когда Жозеф Бернар задал Мистрально вопрос:

— Ты говорил, что ты художник. Мы тут видели разных художников. Но они не рисуют ничего, кроме природы. Я-то думаю, что художник должен уметь рисовать людей так, чтобы они были похожи на себя. Что ты на это скажешь?

— Не каждый художник может написать портрет, Жозеф. И не каждый портрет выглядит точно так, как тот, кто на нем изображен. Или так, как человеку кажется, что он выглядит со стороны.

— Я так и думал, что ты начнешь нести всю эту чушь, — ответил Жозеф, и на его открытом лице появилось выражение явного разочарования. — Значит, ты не можешь нарисовать меня таким, каким я вижу себя в зеркале?

— Может, да, а может, и нет. Но я точно могу сделать кое-что, чтобы заставить тебя улыбнуться. — Мистраль взял со стойки карандаш и оторвал листок бумаги от блокнота, где записывали свои результаты игроки в карты. — Ну-ка погляди? — Несколькими крупными штрихами он нарисовал карикатуру на Бернара. Этим даром он владел с юности, и карикатуры всегда очень легко ему давались.

— Кто же это еще, если не я! Мой большой нос и все остальное! — Жозеф Бернар расхохотался. — А теперь изобрази Анри, пока он не налился!

Он схватил старика-фермера за плечо и силой усадил перед Жюльеном. Потом оторвал еще лист бумаги и положил его на стол. Очень скоро вокруг Мистраля собралась толпа, все просили его нарисовать карикатуру на них и спорили друг с другом, словно школьники, пытаясь не пропустить лезущих без очереди.

«Вот это да, работа так работа, — говорили они между собой. — И выглядишь как в жизни, и нарисовано за минуту. Просто волшебство какое-то!» Каждый разглядывал собственную карикатуру и ломал голову, как это художнику удалось такое? Те, кто жил рядом с кафе, сбегали домой, чтобы привести жену и детей. Скоро Мистрально пришлось взять еще один карандаш, за ним следующий. Они очень быстро становились тупыми, но ничто не могло остановить легких движений его талантливой руки. Наконец в Фелисе не осталось ни одного жителя, который не получил бы свою карикатуру. Теперь им было что разглядывать за ужином, выслушивая дружеские шутки.

Было уже почти семь часов, когда Мистраль и Кейт отправились обратно в Вильнев. Сердце Жюльена переполняла благодарность, и он не хотел разговаривать. Карикатуры, простое развлечение для вечеринок, он уже забыл, как легко это у него получалось. Благодарение небесам, карикатуры вернули ему способность творить. У него покалывало пальцы от желания побыстрее взяться за кисть, ему не терпелось вновь ощутить запах масляных красок на палитре, перед его глазами теснились образы, которые так и просились на полотно. И все потому, что он взялся за карандаш и попытался развеселить людей, которые ему так понравились. Они ответили ему таким теплом, так оценили его работу. Карикатуры переходили из его рук прямо к ним. Только такое вознаграждение за свою работу художник мог принять, не чувствуя себя отрезанным от того, что он сделал.

Мистраль наслаждался чувством триумфа, которое он никак не мог впитать в себя в вечер вернисажа. Он ощущал себя заново родившимся. Ему едва удавалось сдерживать собственное возбуждение. Как он сможет дождаться утра?

Тем же вечером после ужина Мистраль отправился на прогулку в одиночестве. В нем бушевала дикая энергия, которую невозможно было удержать под крышей. Его ликование было единственным и желанным спутником, когда он шел вдоль берега Роны, наслаждаясь прохладой, прислушиваясь к шелесту листвы и бормотанию воды. И вдруг он отчетливо понял, что не должен никуда уезжать из Прованса.

Никогда больше он не должен оказаться в одиночестве больших городов. Никакого Монпарнаса, где так много людей говорят на стольких языках, снуя в тысячах кафе и обсуждая правительства, религию, художественные школы. Никаких больше промозглых парижских зим, когда проливной дождь убивает свет и сияние красок. Каждый день он должен видеть горизонт. Он не должен уезжать из Прованса, потому что здесь он может работать. Ему словно открылось его будущее, это было видение, более сильное, чем суеверие, более ясное, чем любая логика.

На рассвете Мистраль разбудил Кейт:

— Каникулы закончены, Кейт. Я снова начинаю работать.

Она с облегчением вдохнула:

— Дай мне полчаса. Я очень быстро соберусь и упакую вещи.

— Не спеши, в этом нет никакой необходимости. Оставайся, сколько захочешь.

— Но ты же только что сказал, что возвращаешься к работе. О чем ты говоришь?

— Я остаюсь здесь, Кейт.

— Что?

— Да. Я буду жить в этой гостинице. Мадам Бле не закрывает ее на зиму, так что с жильем проблем нет. В Вильневе много пустых домов, я смогу снять помещение под студию. Как только откроются магазины, я немедленно позвоню Лефевру и попрошу выслать мне все необходимое для работы первым же поездом. А счет он может отправить Авиغدору. Все просто.

— Полагаю, что ты остаешься только ради того, чтобы продолжать играть в шары, — ядовито резюмировала Кейт.

— Это было бы неплохим предлогом, чтобы не уезжать, но у меня есть предлог получше. — Мистраль мерил шагами комнату, не обращая внимания на побледневшее от тревоги лицо Кейт. — Все дело в этом месте. — Он не знал, как объяснить этой женщине свою убежденность, но этого, пожалуй, и не требовалось. — Все дело в свете, ты понимаешь?

— Отлично понимаю, — бесстрастно откликнулась Кейт. Спорить с ним не имело никакого смысла. Кейт никогда не ошибалась, оценивая позицию другого человека. Мистралья было не свернуть. — Тогда я останусь на пару дней, если ты не против.

— Тебе незачем спешить с отъездом. Живи здесь сколько захочешь, только ты, наверное, заскучаешь, если я буду целыми днями работать. Я буду рад, если ты останешься, Кейт.

— Посмотрим. — Он что, решил, что она будет тереться об его ноги, словно кошка? Кейт переполняла ярость. Она поняла, что это заявление вывело ее из комы. Ей приходилось

так тщательно скрывать свою любовь к Жюльену, что она стала невнимательной. Она просто грезила наяву, сбитая с толку собственным телом. — Раз ты не возвращаешься в Париж, Жюльен, я начну собирать вещи. Придется кое-что купить. Я съезжу в Авиньон, может быть, там найдутся теплые свитера или пальто. Я возьму такси.

— Нет, возьми машину. Я пройду пешком, поищу помещение для студии. — Он даже не пытался скрыть свое нетерпение.

Кейт отсутствовала целый день. Когда она вошла в комнату ближе к вечеру, Мистраль едва мог усидеть на месте. Ему предстояло доехать до Фелиса — а на это уйдет не меньше сорока минут — и объявить своим друзьям о принятом решении.

По дороге Кейт попросила Мистраля свернуть налево, совсем недалеко от Фелиса.

— Зачем? Мы опоздаем на игру. Теперь я смогу бывать в «Турелло» в любое время.

— Я хочу тебе кое-что показать. Это не займет много времени. Прошу тебя, поедем.

Мистраль послушался, машина остановилась на знакомой лужайке.

— Хочешь посмотреть в последний раз? Я не знал, что тебе здесь так понравилось.

Кейт вышла из машины, подошла к высоким деревянным воротам, достала из кармана ключ, вставила его в замочную скважину и с трудом повернула. Мистраль в изумлении следил за ней. Кейт распахнула массивные створки и обернулась к нему.

— Входи!

— Что ты делаешь? Откуда ты взяла этот ключ? — Мистраль не собирался даже выходить из машины, не то что заходить внутрь.

Кейт вернулась к нему и протянула на ладони ключ.

— Возьми. Ключ принадлежит мне. Или, вернее, тебе. Если быть точной, это мое приданое.

Мистраль поперхнулся. Да, Кейт умела его удивить. И каков масштаб! Она ничего не делала кое-как и наполовину. Жюльен смотрел в ее серьезные, полные надежды глаза. Кейт никогда не выглядела нелепо, даже в эту минуту. Полная достоинства, она считала свое предложение вполне приемлемым, потому что она так считала.

— Ты станешь моим мужем, Жюльен? — спросила Кейт.

Художник молчал.

— Я люблю тебя, и тебе нужна жена. Тебе нужен дом. Сегодня днем я побывала у нотариуса в Фелисе и купила эту ферму. Прежний владелец умер, после него осталась только внучка, которой не терпелось продать этот дом. На следующей неделе в левое крыло переедут молодой фермер и его жена. Они наймут работников, чтобы те привели в порядок поля, посадки, виноградники. — Она остановилась на мгновение, но Мистраль все еще молчал. Кейт продолжала, рисуя перед ним заманчивые и четкие картины, словно выставляла на расстеленной на траве скатерти изысканные яства для пикника и выдержанное вино, приглашая его пировать. — Я ищу архитектора, чтобы он оформил твою студию. Я уже наняла опытного каменщика в Авиньоне. Завтра мы встречаемся здесь. С ним приедут водопроводчик и электрик. Здесь еще много придется сделать, прежде чем дом...

— Сможешь ли ты жить в деревне, в «Турелло»? — наконец прервал ее Жюльен.

— Судя по всему, я не смогу быть счастливой там, где нет тебя. Господи, помоги мне. Я и сама удивилась, когда поняла, что не в силах вернуться в Париж, оставив тебя зимовать здесь, а потом вернуться сюда в феврале под тем предлогом, что мне захотелось взглянуть на цветущий миндаль.

— Но я никогда не думал о женитьбе, — сказал Мистраль.

— Так подумай об этом сейчас, — с юмором заметила Кейт. — Пора заняться делом. Ты хорошо начал, но теперь предстоит самое трудное... Ты должен двигаться вперед, завоевывать новые земли, расширяться, создавать собственное государство... На это уйдут годы работы и много сил. Разве Флобер не говорил, что художники должны быть последовательными и обычными в жизни, чтобы быть страстными и оригинальными в творчестве?

— Я никогда не читал Флобера, — признался Мистраль. «Главное, — думал он, — состоит в том, что я хочу снова начать писать, и смогу это сделать только здесь».

— Жюльен, представь свою мастерскую в этом доме, откуда открывается вид на Фелис. Кейт не стала сопровождать свои слова жестом. За нее говорил тот щедрый дар, который она предлагала Мистралю. Ее любовь не нуждалась в украшениях, чтобы ее заметили. Мистраль увидел перед собой упорядоченное, спокойное, великолепное будущее и понял, что это возможно.

— Подумай, — добавила Кейт, и ее голос задрожал от сдерживаемых чувств, потому что Мистраль все еще не дал ей желаемого ответа. — Подумай о турнирах по игре в шары, год за годом.

— Ты пытаешься подкупить меня, Кейт.

— Разумеется, — она крепко стояла на земле, все еще протягивая ему ключ на раскрытой ладони, серьезные серые глаза наконец согрелись теплом ее любви, которую она больше не скрывала. По выражению ее лица Мистраль понял, насколько слепо она верит в него и как она уязвима.

— Я пытаюсь придумать повод для того, чтобы сказать «нет», — медленно сказал Мистраль.

— И?

Он выскочил из машины и схватил ключ. Мистраль ощутил его тяжесть, и его затопило ощущение узнавания. Эта земля, эта женщина — вот его будущее. Они одновременно рассмеялись, это был смех сообщников, и это случилось не впервые. Так было с первой их встречи.

— Как непредсказуема жизнь! — воскликнул Мистраль.

— Люби меня немного, чтобы любовь продлилась долго, — пробормотала Кейт по-английски.

— Что это значит, моя умная, упрямая американка? — спросил он, привлекая ее к себе.

— Это стихи одного поэта, давно уже умершего. Когда-нибудь... ты поймешь.

— Нет, нет и еще раз нет! Это совершенно невозможно! Об этом не может быть и речи, — воскликнула Пола. Она выглядела настолько шокированной, что несказанно удивила Маги, предполагавшую, что ее покровительница повидала всякое.

— Но почему? — простонала Маги.

— По двум причинам. Твое белье и туфли — это просто катастрофа. Они никуда не годятся! О, Маги, ты только взгляни на это! Я сейчас расплачусь. — Пола удрученно махнула рукой, глядя на нижние юбки, которые она достала из комода Маги и разложила на кровати. По выражению ее лица можно было подумать, что речь идет о половых тряпках.

— Эта заштопана, у этой оторвана подпушка, а этой не хватает половины лент. У тебя нет ни одного комплекта белья в приличном состоянии, — продолжала Пола, подстегивая свое негодование. — А где, позволь спросить, твои корсеты и бюстгалтеры? Я вижу только плохого качества подвязки, заштопанные чулки, панталоны, которые ты, должно быть, привезла из Тура, и три невозможные нижние юбки. Должна признать, что они абсолютно чистые, но это все, что можно сказать о них хорошего! — Пола всплеснула пухлыми ручками.

Маги откинула волосы со лба.

— Ну почему ты ведешь себя как старая герцогиня? Во время работы они мне определенно не требуются. Совсем наоборот! А что касается нижних юбок, то их надо только немного привести в порядок. Мадам Пулар отлично с этим справится.

Пола села на кровать, как будто обессилив от этого спора.

— Ты, девочка, должно быть, сошла с ума. Как ты можешь надеяться, что великие кутюрье отнесутся к тебе с уважением, если они увидят эти лохмотья. Что скажет мадемуазель Шанель такой нищенке? И неважно, сколько денег ты собираешься оставить в их ателье, никто не станет даже разговаривать с тобой, пока у тебя не будет хорошего нижнего белья, хороших туфель и хорошей шляпки.

— Что ж, моя потрясающая карьера в качестве содержанки требует слишком многого. Еще До того, как она началась. Если у меня нет достойной одежды, чтобы пойти и заказать приличествующие моему новому положению наряды, так как же я смогу переехать в отель «Лотти»? Может быть, мне сказать месье Пату, что я жертва кораблекрушения и потеряла все? Или попытаться убедить мадемуазель Шанель, что меня украли цыгане, нарядили в эти лохмотья, а потом отпустили, не причинив больше никакого вреда? Как люди умудряются покупать одежду у кутюрье, если они никогда раньше не шили ее на заказ? Это хуже китайской головоломки.

Маги уселась на пол по-турецки, скрестив голые ноги, и упрямо уперлась подбородком о ладони.

— Сегодня утром все казалось таким простым, а теперь мне даже думать ни о чем не хочется. Год назад ты учила меня без смущения выпрыгивать из одежды, а теперь хочешь заковать меня в корсет! Мне придется сказать Перри, что мы остаемся здесь, а его лакей, его гардероб и его бизнес пусть проваливаются ко всем чертям! Если я не нравлюсь ему такой, какая есть, что ж, ничего не попишешь. Во всем виноваты корсеты.

— Ладно, ладно, — торопливо прервала ее Пола. — Все проблемы можно решить. Успокойся, малышка. Надо все хорошенько продумать и спланировать, как и любое важное

событие в жизни. Мы начнем с нижнего белья. Все должно быть новым. На улице Сент-Оноре есть магазинчик, им управляют три эмигрантки из России, все титулованные дамы. Они умеют хранить секреты, все понимают и очень быстро работают. Они специализируются именно на таких случаях, как твой...

— Что? Я уже стала «случаем»? — с возмущением перебила ее Маги.

— На данный момент при сложившейся ситуации, да, — как ни в чем не бывало парировала Пола и продолжала: — Если они сегодня получают заказ, а я объясню, насколько срочно это тебе нужно, то через неделю ты получишь изысканное белье. Что касается туфель, то есть один замечательный итальянский мастер. Я с ним знакома. Когда заказываешь обувь, о белье можно не думать, так что к нему мы отправимся завтра же.

— Я бы могла обойтись туфлями от Рауля...

— Туфли по восемьдесят франков? — Пола посмотрела на нее с ужасом.

— Но именно их я носила прежде, и ты никогда мне ничего не говорила.

— Забудь о том, что тебе приходилось делать раньше. Разве ты не хочешь, чтобы Перри тобой гордился?

— Он и так мной гордится, — мечтательно ответила Маги, играя рыжими прядями, упавшими ей на лицо. Ее романтические представления о жизни содержанки превратились в дым, не устояв перед практичностью Пола. Теперь будущее представлялось ей чем-то вроде скучной службы. Бесконечные примерки, дни, потраченные на походы от одного мастера к другому, корсеты и все такое прочее, чтобы она могла произвести впечатление на продавщиц, которые все равно будут смотреть сквозь нее. Маги заранее ненавидела продавщиц.

Но тут вдруг память услужливо представила ее мысленному взору Кейт Браунинг. Маги вспомнила, как выглядела молодая американка в день своего первого визита в студию Мистралья. Она выглядела такой уверенной в себе в одеянии из прохладного белого шелка ручной работы. Кейт Браунинг в чистейших белоснежных перчатках, всегда выглядевшая такой стильной, умеющая держать себя в руках. Пожалуй, никто не усомнился бы в том, что из чрева матери она вышла аккуратно, на цыпочках, в крошечных белых башмачках и потрясающей шляпке от Розы Деска.

Маги вскочила как ужаленная, напугав Полу.

— А как насчет перчаток? — поинтересовалась она, хватая Полу за плечи и тряся ее как грушу. — Глупая женщина, неужели ты забыла, что ни одна уважающая себя дама не появляется на улице без перчаток? Как я могу начать новую жизнь без шести дюжин перчаток, потому что я не намерена надевать каждую пару больше одного раза?

Она отпустила Полу и закружилась по комнате, подбирая то там, то сям чулок, просматривая его на свет, пока не нашла целую пару. Все остальные Маги выкинула в мусорную корзину.

— Двенадцать дюжин пар шелковых чулок я должна получить до обеда! Затем отправимся к русским аристократам. Мне не терпится заказать себе белье: шелковое, нежное, с аппликациями из кружев, крепдешин цвета персика, пояс, подвязки и бюстгальтеры, чтобы мои сиськи казались еще красивее, бледно-зеленые, цвета лаванды и мокко панталончики, ночные рубашки из красного шифона... Что еще? Китайские пижамы! Но никаких корсетов!

Маги запыхавшись остановилась перед крошечным зеркалом, которое она когда-то повесила над раковиной, и принялась внимательно изучать свое лицо. Она заложила волосы

за уши, потом подняла вверх и закрутила узлом на макушке и медленно покачала головой, недовольная собой.

— Мне необходима стрижка.

— Разумеется. Иначе ты не сможешь носить модные шляпки.

— Да, да. Без модной шляпки ни одна уважающая себя продавщица не позволит мне даже переступить порог салона. Теперь скажи мне вот что, Пола. Следует ли мне сначала немного подстричь волосы и потом отправиться к Антуану, или Антуан снизойдет и будет заниматься моими волосами в их нынешнем плачевном состоянии?

Пола вытаращила глаза. Антуан был самым известным мастером по прическам в мире. Двадцать лет назад он придумал стрижку, и великая актриса Ева Лавальер согласилась пожертвовать своими волосами. Эксперимент потребовал от мастера такого нервного напряжения, что он не повторял ничего подобного в течение следующих шести лет. Теперь Антуан безраздельно царил в собственном салоне на улице Дидье, в день открытия которого он дал бал для тысячи четырехсот человек, и все приглашенные дамы были одеты в белое. Каждая женщина во Франции мечтала доверить свою голову его рукам.

— Антуан? — еле слышно с уважением выдохнула Пола.

— Ну разумеется, — ответила Маги. — Ему хватит одного взгляда, и он сразу поймет, что я достойна его ножниц, хотя я была бедной и временно не имею пристойного нижнего белья.

— Как же ты сумеешь записаться к нему?

— Я просто пойду в салон. Неужели Антуан устоит перед искушением остричь такие волосы?

— Едва ли, — сказала Пола.

Антуан славился своей импульсивностью. Совсем недавно он заплатил пять тысяч франков на благотворительном аукционе за единственную перчатку собственной клиентки, поэтессы виконтессы Мари-Лоры Ноайльской.

— Тогда поднимайся, моя дорогая. Ты же не думаешь, что я отправлюсь туда без тебя?

— Я бы тебя и не отпустила, — рассмеялась Пола. — Вдруг ты передумаешь на полдороге?

— Да, это возможно.

Маги ласково провела рукой по своим длинным пышным волосам. Их необходимо остричь, в этом она не сомневалась, но хватит ли у нее смелости вот так запросто обратиться к знаменитому Антуану? Ее сердце тревожно билось, она готова была заплакать, но, натянув лучшее дневное платье из имеющихся в ее распоряжении, она уселась в такси вместе с Полой, не давая себе времени передумать.

Никогда женщинам не приходилось так трудно, если они хотели следовать моде, как в двадцатые годы. Новые фасоны не красили никого, женственность во всех ее проявлениях следовало прятать. Шляпы скрывали лоб и глаза, брови выщипывали в тоненькую ниточку, тело должно было выглядеть по-мальчишески плоским, косметикой следовало злоупотреблять. Существовали только три оттенка губной помады, а стрижки были настолько уродливыми, что только подлинная красота могла устоять под таким натиском.

В те времена стрижка могла преобразить женщину или изуродовать ее. Еще десять лет назад дамы казались прелестными в нарядах эпохи короля Эдуарда, с пышными, высокими, тщательно уложенными прическами. И вот теперь их выставили напоказ под беспощадным

дневным светом, не оставив им ни очарования, ни прелести, и все это во имя моды. Те, кто совсем недавно казались воплощением царственной красоты, превратились в страшилищ с остриженными почти наголо головами, сидящими на немодных пышных плечах. Череп неудачной формы мог испортить будущее молодой девушки.

Маги сидела в кресле перед зеркалом, Антуан колдовал над ее головой, окруженный свитой помощников и учеников. Пола с мрачным видом устроилась в сторонке.

— Господи... Ваша линия волос! — воскликнул мастер с сильным польским акцентом.

— Что с ней не так? — поинтересовалась Маги, готовая вспылить.

Ей подошел бы любой предлог, чтобы уйти, сохранив достоинство. Уйти прежде, чем Антуан возьмется за ножницы. Она оглянулась по сторонам, охваченная паникой. У нее закружилась голова. Стены салона отделали зеркалами, лестницу, рабочие столики, украшения, светильники изготовили из стекла, чтобы угодить вкусу высокого, бледного поляка, который жил в хрустальном жилище над салоном и спал в хрустальном гробу. Это, как утверждал мастер, защищало его от вредного ночного электричества.

— Как вы могли так долго прятать вашу линию волос? — с упреком обратился он к Маги. — С нее начинается элегантность, мадам. А ваша линия волос — это настоящая поэма. — Без этого, — твердый палец Антуана коснулся высокого лба Маги, — не может быть никакой элегантности, линию волос необходимо показывать.

— Как скажете, — пробормотала Маги, закрывая глаза при виде появившихся в его руках ножниц.

С леденящим душу лязгом ножницы Антуана отрезали пряди ее волос. Каждый локон подхватывала ассистентка прежде, чем он успевал коснуться пола. Из этих волос делали шиньоны, косы, накладки, которыми клиентки, остриженные почти под ноль, могли воспользоваться вечером. Маги приоткрыла один глаз и увидела себя в зеркале, скорчившуюся и вжатуую в кресло.

Она храбро выпрямилась, потому что пути назад уже не было. Незачем вести себя как трусиха, и Маги улыбнулась. Неужели это ее шея, такая длинная, белая, грациозная? И это ее уши, такие маленькие и розовые? Антуан намочил ей волосы и взял в руки бритву, создавая на ее голове подобие сияющей каски. Волосы оставались совсем короткими, как у школьника. Это была так называемая «итонская стрижка», которую могли позволить себе только необыкновенно красивые женщины. Волосы зачесывались назад, с тонким пробором сбоку, и по одной пряди с каждой стороны словно стрелы устремлялись к щекам. На затылке волосы остригли так коротко, что великолепная форма головы Маги теперь открылась для всеобщего обозрения. Ее огромные желто-зеленые глаза, так широко расставленные, стали казаться вдвое больше. Проступили высокие острые скулы.

Маги откинула прикрывающий ее кусок ткани и встала во весь рост, не сводя глаз со своего отражения в зеркале, поворачиваясь то так, то эдак. Свита Антуана замолчала, казалось, все затаили дыхание. Даже великий мастер не проронил ни слова, пока Маги рассматривала творение его рук.

А ей казалось, что она сейчас потеряет сознание. Создавалось впечатление, что ее голова существует отдельно от тела, как будто это надувной шарик, которому позволили свободно парить в воздухе. Женщина в зеркале казалась лысой. Женщина в зеркале выглядела старше прежней Маги и отлично владела собой. Женщина в зеркале была в высшей степени шикарной, хотя бедное платье Маги и ее старенькие туфли никуда не исчезли.

На лице Маги не отражалось ничего. Пола замерла. Ее протезе медленно, очень медленно приблизилась к зеркалу. Наконец она уткнулась носом в стекло и постояла так несколько секунд, туманя его своим дыханием, и вдруг поцеловала свое отражение.

— Ах! — с облегчением выдохнули зрители.

— Мадам осталась довольна, — констатировал Антуан с видом собственника.

— Мадам потрясена! — Маги обняла изумленного поляка, крепко сжала его руками и поцеловала в щеку возле уха. — К ней теперь следует обращаться «месье». — Она схватила гвоздику, пришилленную к ее жакету, и заткнула ее Антуану за ухо. — От одного месье другому, — сказала она. — Я люблю вас.

Перри Килкаллен не знал, с чего начать, что, собственно, нужно женщине? В конце концов, мужчины тысячу лет содержат женщин, успокаивал он себя. Древние греки и римляне содержали женщин или мальчиков, в зависимости от своего вкуса. А может быть, и тех, и других? Кто знает? Все Людовики — XIV, XV, XVI — как-то справлялись с этой проблемой. Но как, ради всего святого, они все устраивали?

Впервые за много лет почувствовав себя истинным американцем в Париже, несколько обескураженный, но преисполненный решимости, Перри отправился к агенту по продаже недвижимости. Квартира Маги должна была находиться совсем близко от отеля Перри.

— В каком квартале месье желает поселиться? Сколько гостиных требуется месье? Сколько спален? И каков штат прислуги? Месье желает занять дом или квартиру?

— Послушайте, я ничего не смогу сказать, пока сам все не увижу. Покажите мне лучшее из того, что у вас есть.

Перри осмотрел не меньше десятка домов и квартир в фешенебельных кварталах Правого берега и отверг их все по той или иной причине. Он не брал с собой Маги, потому что хотел сделать ей сюрприз. Наконец на авеню Веласкеса ему показали просторную квартиру на третьем этаже, откуда открывался прелестный вид на благородный зеленый парк Монсо. И Перри сразу почувствовал себя в пустых комнатах как дома.

Маги он привез в квартиру вечером, уже в сумерках. Она буквально онемела, пока Перри с гордостью показывал ей одну комнату за другой.

— О мой бог! — наконец воскликнула она.

— Тебе не нравится? — встревожился Перри.

— Ты сосчитал комнаты? — В ее голосе послышались истерические нотки.

— Нет. Мне показалось, что их достаточно.

— В квартире одиннадцать комнат и не меньше двух десятков встроенных шкафов. Количество ванных комнат подсчету не поддается, и я не считала кухню, кладовые, прачечную и комнаты прислуги, которые, по твоим словам, находятся под крышей.

— Тебе кажется это слишком много? — Перри выглядел обескураженным и расстроенным.

— Мне хватило бы и двух комнат, если в одной из них есть ванная. Все остальное кажется мне лишним, — призналась Маги.

— Но, по-моему, ты сказала, что хочешь, чтобы тебя содержали как положено.

— О Перри, — Маги обняла его, — я помню свои слова, но это была всего лишь фантазия, а сейчас передо мной реальность. Мне отчаянно хочется вернуться обратно на Левый берег, найти крошечную комнатку в малюсеньком отеле, забраться с головой под

одеяло и никогда больше не выходить!

Он крепко прижал ее к себе, обнял, погладил по спине, чтобы успокоить. Ко всему нужно привыкнуть. Перри вырос среди богатых нью-йоркских женщин, которые всегда знали, что рано или поздно им придется управлять большим домом. Их с детства приучали к этому. Но что знала обо всем этом Маги, его маленькая девочка, его первая и единственная любовь? И она стала ему еще дороже оттого, что испугалась при виде квартиры из одиннадцати комнат, хотя у нее хватило храбрости убежать из дома в семнадцать лет. Его Маги в душе все еще оставалась сорванцом, принимавшим риск как нечто естественное.

— Послушай, — прошептал Перри ей на ухо, словно уговаривал ребенка, — если хочешь, мы можем все время жить в отелях. Но почему бы нам не попробовать пожить здесь? Ведь тебе необязательно переезжать сюда завтра же, дорогая. Понадобится время, чтобы обставить комнаты. Когда работа будет закончена и квартира все еще будет казаться тебе слишком большой, я просто от нее избавлюсь. Ну, что скажешь? — Перри уговаривал ее и понимал, как ему хочется создать для Маги настоящий дом именно здесь, в прекрасном месте, где они смогут жить вдвоем. Здесь им никто не сможет помешать.

Маги прижималась лицом к его пиджаку, поэтому ее голос прозвучал приглушенно.

— А это долго? — с подозрением поинтересовалась она.

— Долго, очень долго, — заверил ее Перри.

Ему вдруг пришло в голову, что он не знает, как люди обычно обставляют квартиры. Его жена, его теща и его мать устроили такую суету перед свадьбой. Но Перри не обратил тогда на это никакого внимания. Мужчины его поколения получали уже со вкусом меблированные квартиры, разумеется, новые. А следили за порядком женщины. И все было хорошо.

В течение следующих шести месяцев Маги узнавала каждый день массу нового. Во-первых, она начала учить английский. Ей казалось несправедливым, что Перри приходилось говорить только на ее языке, когда они оставались вдвоем. А потом, куда бы они ни ходили, вокруг все говорили по-английски, и Маги злилась, что не понимает шуток.

Покупательная способность американского доллара была настолько высокой, что в Париже на пятнадцать долларов в месяц жили многие американцы, покинувшие родину. Они удивляли Маги своей беззаботностью, шумной веселостью, непочтительным отношением к Парижу как к огромному детскому манежу. Кто, кроме американцев, стал бы играть в ночном клубе в теннис при помощи бумажных ракеток и таких же мячиков? Кто, кроме американцев, мог присоединиться к джаз-оркестру и играть с таким воодушевлением? Люди, не говорившие по-английски в Париже 1926 года, пропускали самую веселую вечеринку в истории.

Каждое утро, сразу после завтрака, Маги начинала урок английского с уроженкой Бостона, женой американского писателя, которому никак не удавалось закончить роман. Первым английским словом, которое усвоила Маги, стало слово «простой». Так ее учительница объясняла состояние дел своего мужа. Позже, стоило ей только услышать его, Маги сразу вспоминала свою гостиную с пышными драпировками из бледно-голубого атласа.

Перри пригласил известного дизайнера Жана Мишеля Франка оформлять квартиру. Утром он отправлялся по своим делам, а Маги по своим.

— Ты даже не представляешь, Пола, — сердито говорила она, — как много дел у содержанки. Из номера нельзя выйти, если ты не надела костюм от Шанель. После обеда

нельзя показаться на улице, если на тебе наряд не от Пагу. Просто так коктейль выпить нельзя. Для этого следует соответствующим образом одеться. Что-нибудь эдакое от Молинё, с узенькими бретельками и вышивкой по подолу...

— Я полагаю, ты не жалуешься? — сурово поинтересовалась Пола. — За все надо платить.

— Мне кажется, содержанка один процент своей жизни проводит обнаженной в постели, а остальные девяносто девять переодевается, — задумчиво сказала Маги. — А шляпки, Пола, шляпки! К каждому наряду свой головной убор, а сколько разговоров о ширине полей или ленты! Кто бы мог подумать?

— Я могла бы предостеречь тебя, — со знанием дела заметила Пола, — но я побоялась. Ты бы бросила эту затею, если бы у тебя осталось время для раздумий.

— Теперь уже слишком поздно, — вздохнула Маги, к которой вернулось хорошее настроение.

— Беседовать с кандидатами в дворецкие? — недоверчиво переспросила Маги.

— Квартира будет готова в следующем месяце, — спокойно ответил Перри. — У нас должны быть слуги. А если есть слуги, то должен быть и дворецкий. Он поможет подобрать прислугу.

— Но я не представляю, о чем его спрашивать! — Маги даже вспыхнула от возмущения. — Я ничего не знаю о кормлении и воспитании сигар, о личной жизни ящиков с вином, о том, как объявлять, что обед подан, и о том, как правильно чистить серебро. И как неправильно его чистить, кстати, тоже. Если тебе необходим дворецкий, ты должен сам разговаривать с ним. Я не уверена, что вообще перееду в эту квартиру.

— Ты ни разу не заехала посмотреть, как там идут дела. Разве тебе не интересно?

— Нет, — солгала Маги.

Она часто представляла себе, на что может быть способен месье Франк, но Маги не сомневалась, что стоит ей только высказать свое мнение, как это будет означать ее согласие жить в этой огромной, угнетающе большой квартире, которую приобрел Перри. С ее точки зрения, жизнь в отеле, даже таком престижном, как «Лотти», была наполнена очарованием суеты. В лифтах она часто встречала влюбленные парочки, определенно не супругов, в вестибюле слышался смех и играла музыка, с горничными всегда можно было поболтать минутку-другую, а с исполненными достоинства консьержами легко было обсудить шансы фаворита на скачках.

— Хорошо, я сам этим займусь, — смирился Перри.

— Послушай, я придумала. Позволь это сделать Поле. В этом она настоящий ас. Пола сразу понимает характер человека. Ее не проведешь. Во всяком случае, мне это ни разу не удалось. И не забывай, Пола замечательная сваха. Ее последний шихах ей, несомненно, удался.

— Шихах? — Перри оказалось незнакомо это слово.

— Знакомство. Ведь Пола познакомила тебя и меня. Но в нашем случае это слово не совсем подходит. В принципе, оно означает брак по договоренности родителей.

— Этому тебя научил твой раввин Тарадаш?

Перри нравилось, что Маги иногда употребляет еврейские выражения, неизвестные ему. От этого ее речь казалась ему горячей и пряной, как красная гвоздика в ее петлице.

— Не напоминай мне о моем бедном, ласковом ребенке. Маги Люнель, живущая во грехе с

католиком? Я даже представить себе не могу, что бы он на это сказал.

— Он бы вышел из себя?

— Вышел из себя, умер от горя, поседел от отчаяния, выбирай, что тебе больше по вкусу. Ребе бы не понял моего поступка, как и твой духовник. Хотя я отказываюсь чувствовать себя виноватой. Ты знаешь, в Талмуде написано: «Когда человек предстает перед своим Создателем, ему приходится отвечать за те удовольствия, которые он упустил случай испытать в жизни». С этими словами я совершенно согласна.

— Но ты не чувствуешь себя виноватой из-за того, что живешь со мной во грехе? — неожиданно серьезно спросил Перри.

— О нет, мой дорогой. Я не чувствую никакой вины, потому что так сильно люблю тебя. — Маги решила, что не стоит говорить Перри о том, какие чувства на самом деле она испытывает к нему.

Это была любовь, но без тайны, свободная от сюрпризов или грубости, такая любовь не могла причинить ей боли. Объятия Перри стали для нее крепостной стеной, которая защищала ее от новых разочарований. С ним Маги ощущала себя в полной безопасности, а теперь она знала этому цену.

Маги приходилось признать, что иногда ее настигали мысли о Мистрале, и она мгновенно вспоминала, как жесткая линия его рта становилась мягкой и чувственной под ее поцелуями. Но она гнала прочь непрощенные воспоминания и принималась считать свои раны. А что, если бы она прожила с Мистралем годы? Ее сердце было бы изранено этим одержимым художником, который никого никогда не любил. Ей удивительно повезло. Несколько месяцев жизни с Жюльеном Мистралем оставили в ее душе глубокие раны, но Маги верила, что ему не удалось соприкоснуться с ее подлинным «я». Она склонила голову на руку Перри и потерлась о нее щекой, ощущая, как колотятся тонкие белокурые волоски.

— Что касается дворцового... — прошептала она.

— Я займусь этим.

— Я знала, что ты согласишься.

— Крепко закрой глаза и обещай не подглядывать. Я проведу тебя в гостиную. Хочу, чтобы эту комнату ты увидела первой, — сказал Перри, нежно обнимая Маги.

— Но это так глупо. Ну ладно, почему нет? Все это предприятие совершенно безумно.

Маги крепко зажмурилась и взяла Перри за руку. Ей показалось, что они шли очень долго. Наконец раздался голос Перри:

— Можешь смотреть.

Маги открыла глаза и посмотрела на то, что могло считаться первой по-настоящему современной комнатой двадцатого века. Ей показалось, что свежий бриз перенес ее в новый мир, золотой, бежевый, белый и цвета слоновой кости, где роскошь представала в самых чистых формах. Такого ей еще не приходилось видеть. Ни единой картины, ни единого украшения, только бледно-золотая поверхность, сама по себе произведение искусства в лучах белых гипсовых светильников причудливых форм.

Комната, показавшаяся невероятно огромной при первом визите, теперь наполняла Маги ощущением праздника. Проходя по белым коврам, она почувствовала себя в новом пространстве. Ей никогда не приходило в голову, что можно жить в таких условиях, где все дышит свежестью и открытостью, а привычные интерьеры кажутся захламленными и старомодными. Маги провела пальцем по спинкам простых белых кресел, обтянутых очень

тяжелым шелком цвета слоновой кости без рисунка, погладила золотистую поверхность низких кофейных столиков и, почувствовав, что у нее кружится голова, упала на один из широких диванов. Она вытянулась во весь рост на бежевой натуральной коже и, полузакрыв глаза, изучала обстановку гостиной.

— Что скажешь? Разве это не замечательно? — с тревогой, торопливо спросил Перри. — Рисунок для ламп придумал Джакометти. На столиках сорок слоев золотистого лака, ковры сотканы вручную в Грассе.

— Не обременяй меня подробностями, дорогой, — сказала Маги. — Просто иди сюда и ложись со мной рядом. Мне кажется, что я парю...

Они переехали через три дня.

В первую ночь на новом месте Маги не смогла уснуть. Она тихонько выбралась из постели и завернулась в пеньюар. Молодая женщина бродила по квартире, и ей казалось, что чего-то недостает, что-то не так.

Никогда, думала Маги, проходя мимо шкафов, полных столового белья и серебра, она не мечтала о том, чтобы иметь так много всего. Все, что делало жизнь комфортной, было в этой квартире. Повсюду царила безукоризненная чистота, и теперь ее великолепные апартаменты в «Лотти» по контрасту казались Маги старыми и даже убогими.

Она зашла в гостиную и встала у высокой стеклянной двери, выходящей на балкон. С высоты третьего этажа ей было отлично виден самый веселый из парижских парков, классическая колоннада, овальный пруд и пирамида, привезенная по приказу герцога Орлеанского в 1778 году. Парк выглядел как гигантская сцена для старинного маскарада. Его дорожки словно ожидали процессию богинь в греческих туниках или стайку волшебных фей, созданных воображением поэта. Но Маги знала, что в парке ничего не произойдет до тех пор, пока там утром не появятся дети, хорошо воспитанные чада из живущих по соседству семей, в сопровождении гувернанток и бонн. Маги все бродила и бродила из комнаты в комнату, чувствуя, что в квартире чего-то нет, хотя никак не могла понять, чего именно. Она вернулась в постель и забылась тревожным сном.

На следующий день Маги вернулась в квартиру в сумерках, впервые воспользовавшись новеньким ключом. Порозовевшая от прохладного апрельского воздуха, она не стала снимать пальто, быстрым шагом пересекла вестибюль и вбежала в столовую. Под мышкой она держала объемистый пакет, завернутый в газету.

Все утро Маги провела в магазинчиках улицы Розье, пока не нашла то единственное, чего не хватало в ее новой квартире. Она поняла это рано утром, когда проснулась. Маги остановилась у низкого буфета, очень осторожно развернула пакет и поставила на буфет старый бронзовый подсвечник для семи свечей.

— Вот так будет лучше, — сказала Маги, когда мейстер заняла почетное место в ее доме.

Перри Маккею Килкаллену было наплевать. Наплевать на возмущенные письма матери, сестер и братьев. Наплевать на то, что уже сказала церковь, на то, что она продолжала говорить, и на то, что она еще скажет. Наплевать на молчаливое неодобрение партнеров и пересуды их жен. Наплевать на слухи, сопровождавшие его всюду. Наплевать на мнение тех, с кем он был знаком или кого он любил до того, как встретил Маги. В свои сорок два года Килкаллен прожил больше половины того срока, который обычно отпущен смертному мужчине, и только теперь понял, что значит по-настоящему жить. Маги. Без нее он был бы всего лишь подобием мужчины и так никогда не узнал бы об этом.

Перри по-прежнему усердно выполнял все свои обязанности в банке. Никто не смог бы обвинить его в пренебрежении интересами фирмы, но от своей прошлой жизни он отрекся окончательно и бесповоротно. Перри больше не принимал приглашений на ужин от своих друзей среди парижских банкиров. Когда его сокурсники по Йелю приезжали в Париж со своими женами, он не встречался с ними. Перри организовывал все свои дела так, чтобы ему не пришлось возвращаться в Нью-Йорк, где его с видимым спокойствием ждала жена, окруженная броней достоинства и религиозных убеждений. Мэри Джейн Макдоннелл Килкаллен была слишком гордой, чтобы дать понять своим друзьям, как она на самом деле относится к совершенно скандальному поведению мужа, открыто содержавшему в Париже любовницу-француженку. Она никому не давала повода пожалеть ее.

Осенью 1927 года Маги исполнилось двадцать. Она выглядела более светской, чем положено в ее возрасте, но в любой толпе женщин всегда обращала на себя внимание, хотя ее завораживающая красота никак не соответствовала идеалам того времени. Ее никто никогда не назвал бы миленькой, в ней не было ничего мальчишеского, как того требовала мода. За те несколько месяцев, когда Маги получила возможность потакать собственным капризам, она сумела добиться неподвластной времени, загадочной элегантности.

Чтобы отпраздновать день рождения своей любимой Маги, Перри повел ее в тот самый ресторанчик, где они впервые ужинали вместе под присмотром Пола, а затем они отправились в любимый ночной клуб Маги на Монмартре. Но этим вечером Маги почему-то оставалась странно задумчивой. Двадцать лет очень отличались от девятнадцати. Это был возраст молодой женщины, а не девушки. Ее девичество осталось позади, размышляла Маги и не знала, радоваться или печалиться. Она вздохнула и коснулась пальцами двойной нитки жемчуга, подарка Перри ко дню ее рождения.

— Что-то случилось, детка? — спросил он.

— Я больше никогда не буду по-настоящему юной. И не вздумай убеждать меня, что я говорю глупости.

— А что такого замечательного в том, чтобы быть, как ты выразилась, «по-настоящему юной»?

Маги покачала головой, удивляясь тому, что Перри не понял ее.

— Дело в том, что раньше все для меня было еще впереди. Я могла не задумываться о будущем, потому что оно было так далеко. Мои поступки не имели никакого значения. Что бы я ни делала, все в любом случае должно было еще измениться. Но теперь я чувствую себя такой... такой... — Маги сделала неопределенный жест рукой и досадливо покачала головой, не находя нужных слов.

— Ты хочешь сказать, что теперь тебе придется принимать решения? — ласково подсказал Перри.

— Что-то в этом роде. Как будто я же оказалась в моем будущем, как будто моя жизнь вот-вот должна измениться раз и навсегда, — она беспомощно пожала плечами.

— Твоя жизнь изменится. Ты выйдешь за меня замуж.

Маги недоверчиво всплеснула руками:

— Не говори этого! Ты же знаешь, что это невозможно. Как ты можешь говорить так даже в шутку? Я никогда об этом не думала!

— Ты не думала, и я знаю об этом, но об этом думал я. Мне кажется, что с того самого дня, когда я впервые увидел тебя, я только об этом и думаю. Жениться на тебе и жить с тобой до конца моих дней. Нет ничего более естественного, правильного или истинного. Мы принадлежим друг другу.

— Ты католик, и ты женат! — возмущенно возразила Маги. Она соглашалась на все, что обычно предлагал Перри, хотя общее будущее было для них невозможно. Все было против них. Он не мог жениться на ней, но Маги любила его, принимая ситуацию такой, какой она была.

— Мы с женой много лет не живем вместе, и ты знаешь об этом. У нас нет детей...

— Ну зачем ты заговорил об этом? — огорчилась Маги. — Ты же знаешь, что тебе не добиться развода.

— То же самое говорили Генриху VIII. — Перри лукаво усмехнулся.

Католики не могут разводиться, но это не значит, что они никогда не разводятся. Обычно в ход идут неограниченная власть, бесконечное терпение и деньги. Разумеется, никто из членов его семьи или его знакомых не сочтет разведенного добрым католиком. Он бы и сам присоединился к их мнению.

Но ради того, чтобы жениться на Маги, Перри Килкаллен готов был стать плохим католиком. Он с удивлением обнаружил, что его вера оказалась слабее его любви. Как только Перри дал волю своему воображению, он сразу счел свою жизнь бесплодной, свой брак бессмысленным продолжением того, что давно умерло, и законы церкви перестали его устраивать. Разве могут догмы, которые навязывают ему то, что глубоко противно его потребностям, быть правильными? Неужели он должен все оставшиеся годы подчинять свою личную жизнь только закостелым «можно» и «нельзя», установленным некогда Римом? Каждый раз, когда он занимался любовью с Маги, с точки зрения церкви он совершал грех. Но ее груди, ее живот, ее бедра — все становилось для него благословением. Такое совершенство не может быть греховным.

— Ну что ты улыбаешься? Ты просто не понимаешь, что говоришь? — воскликнула шокированная Маги. — Ты сошел с ума.

— Разве ты не вышла бы за меня замуж, если бы это было возможно? — Перри ожидал ее радости, смущения, но никак не отказа следовать его счастливым планам.

— Я не хочу стать причиной твоего несчастья, — упрямо сказала Маги.

— Я не жил до того, как встретил тебя! — горячо возразил Перри. — Я умирал от жажды, и ты спасла меня. Без тебя я бы засох изнутри и стал пустым, как трухлявый пенек.

— Но разве тебе не грозят неприятности? Серьезные неприятности? — стояла на своем Маги.

— Огромные, кошмарные неприятности, — на лице Перри снова засияла улыбка. Вот что ее огорчало, а он сразу не понял. — Все самое ужасное, что ты можешь себе

представить. Но если ты согласишься выйти за меня замуж, если скажешь, что любишь меня, я готов на все.

— Ты же знаешь, что я выйду за тебя, — медленно ответила Маги. Его желание растопило ее страхи.

— Даже теперь, когда ты перестала быть по-настоящему юной? Ты не передумаешь? Ведь на это могут уйти годы.

— Возможно, я стала зрелой женщиной, но я еще не настолько стара, чтобы не попытаться счастья.

— Значит, мы договорились? — Перри подался к ней.

— Хорошо. А теперь, пока я еще молода, давай потанцуем.

Через десять дней после двадцатилетия Маги Перри Килкаллен и его жена встретились в библиотеке их квартиры на Парк-авеню. За два часа Мэри Джейн ни разу не повысила голос и не позволила ни одному опрометчивому слову сорваться с ее губ. Она спокойно, не прерывая, выслушала все, что хотел сказать ей Перри. Перри выкладывал свои аргументы, излагал причины своего поступка и говорил о той боли, которую причиняет ему необходимость расторжения брака, и ему казалось, что жена впитывает каждое его слово. Возможно, ей самой хочется изменить свою жизнь. Он так давно не был дома, что вполне вероятно, Мэри Джейн нашла себе мужчину, который любит ее, потому что каждую женщину должны любить. Наконец Перри охрип и замолчал. Теперь жена знала все.

В библиотеке воцарилась тишина и длилась так долго, что Перри снова открыл рот, собираясь заговорить, но тут Мэри Джейн сказала очень тихо, едва слышно:

— Развод? Но я не могу так поступить с тобой, Перри.

— Но ты и не будешь ничего делать. Вся вина лежит на мне одном.

— Я не должна бросать тебя, Перри. Как ты мог думать, что я буду так жестока к тебе? — На лице жены появилось выражение сострадания.

— Мэри Джейн, перестань передергивать. Не ты меня бросила, это я оставил тебя.

— Ты не совершил ничего такого, что нельзя было бы исправить, Перри. — Она говорила так тепло, словно утешала испуганного ребенка. — Ты всего лишь совершил ошибку, хотя, возможно, люди скажут, что ты сбился с пути истинного. Это серьезно, но в этом нет ничего непоправимого. К счастью, церковь прощает своих заблудших овец и примет тебя обратно в свое лоно, когда все будет кончено.

— Мне казалось, ты слушала меня!

— Я слушала. Я слышала каждое слово. Но Перри, бедный мой Перри, ты словно забыл, что твоя душа бессмертна.

— Мэри Джейн, я взрослый человек. Мне сорок два года. Позволь мне самому заботиться о моей душе.

— Ты просишь о невозможном, Перри. Разве могу я взять на себя такой грех? Если бы я согласилась дать тебе развод, ты получил бы его и женился на этой девушке, пока я жива. Тогда тебя отлучили бы от церкви. И это будет не только на твоей совести, но и на моей.

— Я согласен на это, Мэри Джейн.

— Я не намерена обречь тебя на посмертные страдания. И у тебя нет никакого права просить меня об этом.

Перри мрачно посмотрел на жену. Может быть, она лишь играет в свою игру, прикрываясь благочестием? Но на лице Мэри Джейн он увидел только фанатичную убежденность в своей правоте. Перри понял, что надежды у него нет. Ее вера отрицала само

существование его страсти. Маги и его любовь к ней оставались нереальными для Мэри Джейн. Они были пустой абстракцией, грехом, который он мог бы искупить, сходяв на исповедь, принеся покаяние и вернувшись к ней. Перри понял, что проиграл.

Он вышел из библиотеки. Его жена посмотрела на часы и нахмурилась. Она пропустила заседание комитета Гильдии младенца Иисуса, на котором должна была председательствовать. Но она просто обязана была заставить Перри понять, что не существует таких обстоятельств, при которых она могла бы обречь его душу на вечные муки ада.

Мэри Джейн подняла трубку телефона, собираясь позвонить и извиниться за свое отсутствие на заседании. И ей вдруг стало жаль Перри. Боже, он надеется, что может быть счастлив вне церкви. Бедный грешник, он зашел так далеко, что возомнил себя способным убедить ее, Мэри Джейн Макдоннелл, стать первой женщиной в истории их клана, с которой развелся муж. И это показывает, насколько глубоко он погряз в своем грехе.

Перри провел в Нью-Йорке несколько недель, пытаясь уговорить членов своей семьи, имеющих влияние на его жену, помочь ему. Но все его попытки провалились. Ряды Макдоннеллов и Килкалленов сомкнулись, потому что речь шла о разводе. Когда он попытался заговорить о Маги, лишь одна из сестер согласилась его выслушать, и то только потому, что была неукротимой сплетницей. Он, собственно, ничего ей и не сказал, представив себе, как это будет выглядеть в ее изложении: «Двадцатилетняя натурщица, моя дорогая. Вы же понимаете, что это значит».

Разве мог Перри донести до них чистоту души Маги? Некоторые из родственников-мужчин не слишком осуждали его прежде, когда он всего лишь изменял жене с молоденькой француженкой. Такое случалось и с ними. С большинством из них, если быть честными. Но развод?! Это невозможно.

Перри смог вырваться в Париж только через два месяца. Он все время писал Маги.

Она уверяла Перри, что у нее отличное настроение; она часто встречается с Полой; она заказала себе соболиную шубку, как он настаивал; она снова занимается английским и уже достаточно бегло говорит. Да, она ужасно по нему скучает и надеется на его скорое возвращение.

Перечитывая письма Маги в зале Йельского клуба, Перри Килкаллен благодарил бога за то, что он богат. Причем настолько богат, что ему нечего беспокоиться об одобрении окружающих. Его родственники могут закрыть перед ним двери своих домов, но они не могут помешать ему создать собственный мир с Маги, где исполняются все желания, невозможен лишь законный брак. Они будут жить вместе, а французы понимают такие отношения. Еще перед отъездом он обратился к своему парижскому адвокату мэтру Жаку Юло с просьбой обеспечить Маги безбедную жизнь. Юло платил слугам, проверял и оплачивал все счета, занимался личными счетами Маги. Один из его клерков каждую неделю выдавал Маги некоторую сумму наличными, поскольку в то время ни одна французская женщина не могла открыть счет в банке на свое имя. Но в своих ежедневных посланиях возлюбленной он ни словом не обмолвился о результатах своей встречи с женой. А Маги в ответных письмах его об этом не спрашивала. Маги никогда не почувствует, что он ей не муж, разведен он или нет. Разумеется, она будет горько разочарована, когда он ей все расскажет, но, как истинная француженка, она все поймет.

А что касается его загробной жизни и бессмертной души, о которой так беспокоится Мэри Джейн, то с ними Перри сам как-нибудь разберется. Пока у него есть Маги, он

непобедим.

Маги приехала встречать его в Шербур. Перри получал свой багаж и сразу же увидел ее по другую сторону барьера. На ее лице застыло выражение ожидания и еле сдерживаемого возбуждения. Каждый день долгого путешествия по штормовому океану он представлял себе этот момент. И вот остались считанные секунды. Сейчас тягостные недели разлуки окажутся позади. Перри не терпелось сжать Маги в объятиях, но он все-таки предпочел бы, чтобы они встретились позже, уже в Париже. За четыре часа под неторопливый перестук колес он бы нашел необходимые слова, чтобы обрисовать Маги их совместное будущее в самых ярких красках. Мэри Джейн окончательно и бесповоротно отказалась дать ему развод, и Перри пока не мог относиться к этому с оптимизмом.

И тут Маги вдруг выбежала из-за барьера, подлетела к Перри и осыпала его лицо поцелуями. Заговорчавшему было на нее таможеннику она сказала на арго что-то такое, отчего он вдруг смутился, покраснел и тут же сменил гнев на милость.

— Дорогой мой, у меня такая новость! Это не может ждать! Я встала в четыре часа утра, чтобы успеть... О Перри! — Маги вдруг замолчала.

А он едва понимал смысл ее слов, потому что просто не мог на нее наглядеться, как в самую первую их встречу. Он ответил ей какой-то непритязательной шуткой, как если бы они продолжали только что прерванный разговор, а его пальцы нежно гладили щеки Маги.

— Если это не может ждать, почему же ты мне ничего не говоришь?

— Я слишком смущена, — ответила она, и ее лицо на фоне темного шелковистого меха собольей шубки казалось белоснежным.

— С каких это пор ты стала такой стыдливой? — поинтересовался Перри. Он и забыл, насколько юная, упругая у нее кожа.

— Я всегда была застенчивой. Я просто это скрывала. И люди никогда ни о чем не догадывались, потому что я слишком высокого роста, чтобы они могли заглянуть мне в лицо. — Маги говорила нервно, быстро.

— И ты встала в четыре утра, чтобы поведать мне о своей скромности? Твой рост тоже весьма интересная тема для разговора, но лишить себя сна ради этого...

— Угадай, — Маги отстранилась и приложила палец к губам.

— Ты уволила кухарку?

— Прошу тебя, будь серьезным, — попросила она.

— Дорогая, мы с тобой не виделись почти два месяца, а в твоих письмах не было и намека на тайну. Подожди минутку... Я, кажется, догадался! Вчера в ресторане Прюнье ты обнаружила жемчужину в раковине с устрицей, и теперь тебе хочется украсить ею мою булавку для галстука.

— Теплее, теплее, — прошептала Маги.

— Ты нашла уникальную модистку, о которой никто в Париже еще не знает; тебе предложили роль в фильме вместе с Рудольфом Валентино, и ты оставляешь меня, чтобы отправиться в Голливуд; ты купила замок в провинции, и мы сможем проводить там выходные; ты научилась кататься на коньках; ты выиграла соревнование среди исполнителей танго... Мне продолжать или я могу все же поцеловать тебя?

Маги глубоко вздохнула и перешла с французского на английский:

— У меня будет ребенок. Нет, не так. У нас будет ребенок.

— Это невозможно!

— Меня уже тошнит по утрам, — с робкой гордостью заявила Маги.

— Маги... Я никогда не мог иметь детей.

— Теперь ты живешь с другой женщиной, и все изменилось. — Ее губы улыбались, но глаза смотрели с тревогой.

— Я просто не могу в это поверить, — ошеломленно произнес Перри.

— Значит, ты не рад? О, я так боялась этого, Перри. Мне очень жаль...

— Нет! Господи, ты не должна ни о чем жалеть. Не говори так. Маги, моя дорогая, ты даже представить себе не можешь, как я всегда хотел ребенка. Я перестал надеяться много лет назад. Это самая замечательная новость! — Слезы радости потекли из его глаз, и, как только Маги увидела это, ее алебастровые щеки окрасил нежный румянец.

Пока Перри был в Штатах, Маги то радовалась, то впадала в отчаяние, то ликовала, то дрожала от страха. А вдруг она не станет его женой? Как только Перри уехал, она стала подозревать, что беременна, но почему-то постеснялась написать ему об этом. А вдруг она ошиблась? Теперь Маги была уже почти три месяца беременна. Это подтвердил и врач.

— Благодарение господу, что этого не случилось раньше, — сказала Пола, когда Маги поделилась с ней новостью. — Если бы ты забеременела от Мистралья, я бы посоветовала тебе избавиться от ребенка. Я знаю нескольких врачей, которые отлично справились бы с этой работой. Но Перри ты можешь доверять, он честный и хороший человек. Согласна, проблема с его разводом существует, но все можно уладить раньше или позже. Я не сомневаюсь в том, что американцы разводятся направо и налево. И ты только подумай, Маги, у тебя будет и муж, и ребенок... Я в своей жизни сожалею только о том, что у меня нет детей. Но у тебя, малышка, будет все. Признаюсь, я тебе завидую.

Маги снова и снова повторяла про себя слова Полы, искренне надеясь, что они окажутся правдой. И теперь она склонила голову на плечо Перри.

— Обними меня покрепче, ты даже не можешь себе представить, как ты мне нужен. — И Маги надолго замолчала. Только по дороге в Париж она наконец решилась спросить с напускной легкостью:

— Что же все-таки тебе сказала твоя жена?

— Все будет в полном порядке, дорогая, — немедленно ответил Перри. — Это всего лишь вопрос времени.

— Мы ведь не можем заставить Ватикан поторопиться, я полагаю?

— Ты хочешь знать, буду ли я свободен к тому времени, когда родится ребенок?

— Я на это надеялась, — призналась Маги.

Перри помолчал немного, потом заговорил негромко:

— Боюсь, что это невозможно, Маги. Но тебе не о чем тревожиться. Я клянусь тебе, что, когда наш малыш подрастет достаточно, чтобы разбираться в таких вопросах, мы будем уже обычной супружеской парой, как и многие другие. А пока ты должна как следует заботиться о себе, чтобы не случилось ничего плохого.

— Плохого?

— Я так хочу этого ребенка, Маги.

Теодора Люнель родилась в мае 1928 года. Ее имя означало «дар божий» в переводе с греческого, и родители решили, что оно очень подходит их дочери. Малышка была удивительным ребенком с первого дня жизни: редко плакала, отлично ела, спокойно спала по ночам и просыпалась с улыбкой. И она была необыкновенной красавицей. Тем, кто

думает, что все маленькие дети красивы, можно посоветовать пройтись по палате с новорожденными, чтобы понять: все груднички очаровательны в своей беспомощности, но никого из них нельзя назвать красивым. Тедди, чьи черты сразу были четко обрисованы без обычной младенческой расплывчивости, а светло-рыжие волосы вились, стала принцессой в детской палате.

Перри Килкаллен почувствовал свою правоту как никогда раньше. Атавистическая потребность продолжения рода, которую он скрывал долгие годы, пробудила в нем больше эмоций, чем он ожидал. Чудо рождения ребенка, его собственного ребенка, поглотило его, и Маги, прикованная после родов на две недели к постели, ощутила приступ ревности, но немедленно устыдилась своих чувств.

Больше всего радости ей доставляли ночные кормления, когда она оставалась с малышкой одна.

— Маленький ублюдок, — шептала она дочери с нежностью и любовью, — маленький обожаемый ублюдок, откуда в тебе эта снисходительность? Ты смотришь на мир с таким достоинством, даже когда сосешь мою грудь, что тебя можно принять за наследную принцессу. Ага, ты принимаешь себя всерьез, верно? И не думаешь о своей бедной матери. Ублюдок и дочь ублюдка, маленький двойной ублюдок, тебе следовало бы уделять мне побольше внимания. Ты только подумай о тех муках, через которые мне пришлось пройти, чтобы ты появилась на свет. Я требую некоторого уважения. Но разве тебе есть до этого дело? У меня не было матери, которая кормила бы меня грудью, и все же я выжила. Ты самый счастливый ребенок на свете, и все-таки ублюдок.

Когда Перри и Маги бывали вместе, они ни разу не заговаривали о том, что дочь носит фамилию матери. Перри не уставал повторять, что все будет исправлено, как только они поженятся. И все же это беспокоило Маги больше, чем она ожидала. Она редко вспоминала о собственном незаконном рождении, но, когда появилась Тедди, в мыслях Маги снова возник школьный двор и то, как яростно она была любого, кто называл ее ублюдком. Она не пасовала даже перед теми, кто был старше и сильнее, поэтому ее очень скоро оставили в покое. Ей казалось, что, если она сама будет называть Тедди ублюдком, никто другой этого сделать не посмеет. Она отсасывала яд прежде, чем он начнет циркулировать в крови ее дочери.

Маги поделилась своими страхами и сомнениями только с Полой. Вскоре после того, как Маги и ребенок снова оказались дома, Пола, часто навещавшая их в больнице, получила приглашение к чаю. Оставшись с Маги наедине, она сурово отчитала ее:

— Для француженки ты просто сущая дурочка, детка. Ты беспокоишься о том, что будет улажено. У нас, французов, врожденная склонность к улаживанию. Ты только посмотри по сторонам. Что может быть роскошнее, чем твой дом? Я не могу найти ни единого недостатка ни в чем, начиная от английской няни для малышки Теодоры до нитки великолепного жемчуга, которую ты так спокойно носишь на шее. Оглянись, Маги. Тебя окружает все то, о чем женщина только может мечтать. Каждая мелочь говорит о том, что Перри собирается жениться на тебе. Тебе должно быть стыдно, ты не должна произносить слово «ублюдок» даже про себя, если говоришь об этом великолепном ребенке. Пройдет время, и юридические тонкости будут улажены. Это твое несчастное детство заставляет тебя нервничать, только и всего. — Пола положила себе на тарелку еще один миниатюрный эклер. — Ты неблагодарная девчонка, у тебя есть даже собственный кондитер, который творит чудеса.

— Какая же ты материалистка, Пола, — со смехом запротестовала Маги.

— Разумеется, я материалистка. А что в этом плохого? И где же ты прячешь очаровательную наследницу? Я должна немного понянчить ее. Ты не можешь отказать мне в такой малости.

Тедди Люнель родилась в очень интересный год. В Париже пятнадцать стран подписали пакт Бриана — Келлога, согласно которому они отказывались от войны как орудия национальной политики. Сенсацией парижского салона стал портрет обнаженной Жозефины Бейкер в полный рост. Французская публика ломилась в кинотеатры, чтобы увидеть фильмы с участием Мэри Пикфорд, Чарли Чаплина и Глории Свенсон. Дом «Гермес» выпустил самую удобную сумочку из тех, что когда-либо носили женщины. Коко Шанель стала любовницей герцога Вестминстерского, самого богатого человека в Англии. Жан Пату впервые привез в Париж американских девушек, чтобы они демонстрировали его платья, придумал крой по косой и изобрел новый цвет, среднее между серым и бежевым, который стал цветом самых стильных женщин.

Это был удивительный год, и Маги позабыла обо всех своих страхах и тревогах, поглощенная жизнью молодой обеспеченной матери. Прислушиваясь к тому, как Маги поет, занимаясь ребенком в выходной няни, Перри решил, что ее не так уж и интересует его быстрый развод. Она как будто спокойно ждала, пока неторопливо вертятся колеса в Ватикане, но он-то не мог разделить оптимизма, который сам же ей внушил.

Перри просыпался по утрам, и его первой мыслью была мысль о разводе. Каждый день он собирался что-нибудь предпринять, но день клонился к вечеру, Перри вспоминал решительный отказ Мэри Джейн и позволял бездействию снова соблазнить себя. Рядом с Маги и Тедди он чувствовал себя счастливейшим из мужчин.

Их дочери исполнился год, а Перри как будто впал в транс. Летом 1929 года они всей семьей, с няней и личной горничной Маги, отправились на шесть недель в Бретань, на побережье, где воздух всегда признавали полезным для детей. Тедди уже бегала и не хотела сидеть в коляске.

Перри посмотрел на две супружеские пары, сидевшие неподалеку под большим пляжным зонтом. И как только он это сделал, вся четверка дружно отвернулась. Тут к нему подбежала Тедди и уткнулась к нему в колени с криком:

— Папа, папа!

И у Перри кровь отхлынула от сердца. Он узнал в соседях по пляжу своих деловых партнеров с женами. Килкаллен снова посмотрел в их сторону и увидел, что они пересели так, чтобы не видеть его. Перри знал, что здесь, на отдыхе, и по возвращении в Париж они только и будут говорить, что о Перри Килкаллене и его незаконной дочери.

Перри подхватил Тедди на руки и пошел прочь с пляжа, прижав ее к себе с такой силой, что девочка вскрикнула. С горечью назвал он себя трусом. О да, он купил себе счастье на два года, обманув Маги. А как быть с правами Тедди? Какое будущее ее ожидает? Какой он отец своему ребенку, своему единственному, обожаемому ребенку?

Перри отправился к своему адвокату Жаку Юло, чтобы проконсультироваться с ним перед тем, как начать новое сражение с Мэри Джейн. Может быть, он получит хотя бы минимальное преимущество, если примет французское гражданство? Юло многословно отказал ему, объявив, что он не может использовать французские законы для своего удобства.

Вскоре после разговора с Юло Перри уехал в Нью-Йорк, готовый заставить Мэри Джейн дать согласие на развод. Она назначила ему встречу только в середине октября. Жена показалась ему похудевшей и постаревшей. Перед ним предстала седеющая женщина средних лет, от бывшего очарования которой осталась лишь тень. Ее голубые глаза поблекли, и в них появилось выражение горечи, когда она увидела по-прежнему молодого мужа. Перри мало изменился со дня их свадьбы. Время пощадило его. «Как это несправедливо», — подумала Мэри Джейн.

— Мэри Джейн, у меня родилась дочь.

— Ты же не думаешь, что я об этом не знаю, Перри? Мне кажется, не осталось ни одного из знакомых, кто не сообщил бы мне об этом. Ты ждешь от меня поздравлений?

— Но разве ее появление на свет не изменило положение вещей? Теперь дело не только в твоих религиозных убеждениях или в моем отлучении от церкви, речь идет о будущем моей единственной дочери. И если я готов гореть в аду и быть навеки проклятым, то почему ты не хочешь отпустить меня?

— Я не несу ответственности за будущее этой девочки. Она была зачата в грехе и рождена в грехе. Она для меня ничто. Закон, установленный господом, ясен, и лично я намерена ему подчиняться.

— Мэри Джейн, я не могу поверить, что ты говоришь серьезно. Ты ведь не жестокая женщина...

— Почему ты так уверен в этом? Откуда тебе знать, какой женщиной я стала? Сколько лет прошло с тех пор, как ты отвернулся от меня? Уходи, Перри! Мне омерзительны и ты, и твой ублюдок!

Она ушла, а Перри остался стоять у окна библиотеки, глядя на неприветливые серые здания Парк-авеню. Его рука нащупала в кармане фотографии Тедди, которые он взял с собой, чтобы показать жене и попытаться смягчить ее сердце. Но теперь он понимал, что это только подлило бы масла в огонь. Перри радовалось, что Мэри Джейн все-таки вышла из себя. Она показала свои истинные чувства, оставила свою позу святой, думающей только о его спасении. Так что теперь они непременно сумеют договориться. Он придет снова, через неделю, через две недели. Он станет приходить каждую неделю в течение года, если потребуется. Главное теперь не сдаваться. Когда-нибудь Мэри Джейн капитулирует. Перри отправился обратно в Йельский клуб и постарался выплеснуть свое раздражение на корте для игры в сквош. Иначе он завыл бы в голос.

Две недели спустя, 29 октября 1929 года, рынок ценных бумаг рухнул. Семнадцать миллионов акций были проданы по бросовым ценам. Следующие несколько недель Перри пришлось справляться с паникой инвесторов, чьими деньгами он распорядился вместе со своими партнерами. Ему стало ясно, что уехать из Нью-Йорка в такой момент невозможно. Поэтому Перри написал Маги, чтобы она вместе с Тедди приехала к нему в Штаты.

— Слава богу, я выучила английский, — сказала Маги Поле, наблюдая за тем, как укладывали вещи в дорожные сундуки.

— Что случилось с состоянием Перри после краха на бирже? — с тревогой спросила Пола. За последние несколько недель она все реже видела в своем ресторане некогда щедрых и шумных американцев.

— Не знаю. Но он такой умный. Видишь ли, я никогда не говорила с ним о деньгах. Все происходило как по мановению волшебной палочки. Я покупала вещи, часто забывая

спросить о цене.

— Нет! — Пола была шокирована. — Одно дело, когда тебя содержат как герцогиню, но не спросить о цене, это совершенно не по-французски.

— Представь себе. — Маги хихикнула. — Я вела себя как одна из американских туристок. Я так рада, что мне удалось наконец изумить тебя. Я даже не представляла, что такое возможно.

Пола снисходительно фыркнула. Она просто не поверила Маги. Это было слишком, чтобы оказаться правдой. Пола смотрела на Маги, которая перебирала свои наряды, переливавшиеся всеми возможными оттенками шелка, бархата, атласа.

Та бросила платье на кровать, подбежала к Поле и обняла ее.

— Почему бы тебе не поехать со мной? Я приглашаю тебя. Ты ведь никогда не выезжала из Парижа, моя дорогая домоседка.

— Спасибо за приглашение, но нет, я не поеду с тобой. Я слишком стара, чтобы менять место жительства. Зачем плыть куда-то, чтобы полюбоваться небоскребами, если я устояла перед искушением взглянуть на гору святого Михаила в Бретани? Мне всегда хватало Парижа. Кстати, когда ты вернешься?

— Не знаю, не могу сказать наверняка. Скорее всего, когда все уладится.

— Надеюсь, что это скоро произойдет, — проворчала Пола. — Все эти глупости на бирже очень дурно влияют на дела.

Девять дней спустя Маги сошла на берег в Нью-Йорке. Она прошла по трапу, крепко держа Тедди, пытаясь совладать с собственным возбуждением и предвкушением встречи с Перри. За ней следовала няня Баттерфилд, приятная англичанка, присматривавшая за Тедди. Перри должен был встретить их и отвезти в квартиру, которую он заранее снял.

Маги стояла под гигантской светящейся буквой Л в длинном темном коридоре таможни, глядя вокруг веселыми сияющими глазами. Она так тщательно оделась, готовясь к их встрече. Коротенькая вуалетка зеленой атласной шляпки-колокольчика едва доставала до кончика ее носа. Поверх зеленого дорожного костюма с воротником из собольего меха она накинула прилагавшуюся к нему накидку с опушкой из соболя, но все-таки Маги дрожала на пронизывающем осеннем ветру, вдыхая незнакомые запахи. Ее улыбка погасла, когда неприветливый таможенник заставил ее открыть все сундуки и чемоданы. Тедди закапризничала, няне Баттерфилд уже пора было кормить ее вторым завтраком. Где же Перри? Почему он не пришел? Три носильщика погрузили ее вещи в тележки, и один из них спросил:

— Куда теперь, леди? Вас ждет машина или вам нужно такси? Все эти вещи не поместятся в одну машину.

— Я должна позвонить, — рассеянно отозвалась Маги, оглядываясь по сторонам в поисках высокой фигуры Перри.

— Это здесь.

Уже стоя в будке телефона-автомата, Маги сообразила, что у нее в сумочке нет американских центов. Почему Перри так задержался? Это непростительно. Маги вернулась к носильщику.

— Не могли бы вы одолжить мелочь для телефона и показать, как он работает?

— Конечно, леди. Вы у нас в первый раз, верно? Идемте за мной.

Он бросил монетку в щель автомата и дал телефонистке номер, который подсказала ему

Маги. Она звонила в офис Перри на Уолл-стрит. Носильщик вышел, закрыл за собой дверь и остался ждать снаружи, гадая, на какие чаевые он может рассчитывать.

— Могу я поговорить с мистером Перри Килкалленом?

— О! Я сейчас соединю вас с его секретаршей. Как мне представить вас?

— Мисс Люнель.

— Одну минуту.

Когда ей ответил другой женский голос, Маги нетерпеливо сказала:

— Здравствуйте, это мисс Люнель. Вы не могли бы мне сказать, где мистер Килкаллен?

Мы должны были встретиться с ним несколько часов назад.

— Вы одна из клиентов мистера Килкаллена?

— Нет, — Маги гневно закусил губу.

— Вы его друг, мисс Люнель?

— Да, разумеется, — рявкнула Маги, потеряв терпение. — Теперь я могу поговорить с ним? Это какой-то абсурд!

— Вы ничего не знаете, — устало ответила ей секретарша. Это был не вопрос, а утверждение.

— О чем я не знаю?

— Мне очень неприятно сообщать вам об этом... Все так расстроены. Четыре дня назад мистер Килкаллен играл в сквош, у него случился сердечный приступ, и он... Сожалею, но он умер.

— Мистер Перри Килкаллен? — механически переспросила Маги, все еще надеясь, что это какой-то другой Килкаллен, кто-то из родственников Перри. Телефонная трубка вдруг показалась ей ядовитой змеей, норовящей ужалить.

— Да. Мне очень жаль. Похороны состоялись вчера. Об этом сообщали все газеты. Может быть, вы хотите поговорить с кем-то еще? Я могу вам чем-то помочь?

— Нет, нет, нет.

Если бы не няня Баттерфилд, Маги, наверное, не пережила бы случившегося. Рассудительная англичанка все взяла в свои руки и отлично справилась с практическими вопросами. Побледневшая как полотно, онемевшая от горя и только что не парализованная ужасом, Маги не видела и не слышала ничего.

Няня Баттерфилд нашла корабельного казначея, обменяла франки Маги на доллары, узнала у него название приличного отеля, сняла две смежные комнаты в «Дорсете» и уложила свою хозяйку в постель с помощью гостиничного врача. Следующие несколько дней она обращалась с несчастной женщиной как с малышкой возраста Тедди, кормила с ложечки, сидела с ней, пока та не засыпала под действием лекарств.

Каждое утро Маги просыпалась, и вместе с ней просыпалась острая боль в сердце, настолько мучительная, что Маги не могла оставаться в постели наедине со страшными мыслями. Дрожа от холода, несмотря на теплый и уютный халат, Маги стояла перед зеркалом в ванной комнате и боялась взглянуть на свое отражение. Слезы текли по ее щекам и капали в раковину, пока она, пересиливая себя, чистила зубы и умывалась. Ей вспоминалась их жизнь с Перри, и каждая деталь становилась острым осколком льда, режущим ее измученное, пронизанное страданием тело.

Маги провела неделю в ночной рубашке и в халате, меряя шагами слишком сильно натопленную комнату, невидящим взглядом водя по обоям, словно их гладкая кремовая поверхность могла оградить ее от горя. Шторы в комнате не открывали, горели все лампы, а Маги все ходила из угла в угол, дрожа, ссутулившись, словно она могла умереть от страданий, если остановится хотя бы на минуту. Она боялась лечь в постель и просто падала туда от усталости.

Няня на несколько минут приводила к ней Тедди. Маги, ничего не видя и не чувствуя, прижимала к себе ребенка, пока живая и непоседливая Тедди не вырывалась из ее рук и не убегала играть. Эта малышка осталась единственным теплым существом в ее жизни. Маги была похожа на человека, легко и радостно скользившего на коньках по серебристому льду и неожиданно провалившегося под лед в холодные воды Арктики и начавшего тонуть. Она опускалась все глубже... глубже. Но Тедди была такой теплой. И Маги не могла утонуть, потому что Тедди все еще дарила ей тепло.

— Мы вернемся в Париж, мадам? — спросила няня Баттерфилд, заметив, что Маги готова подумать о будущем.

— Сколько денег у меня осталось?

— Около трехсот долларов, мадам.

— Я должна дать телеграмму мэтру Юло, чтобы он выслал мне еще. Этой суммы не хватит на билеты, — глухо ответила Маги.

Ответная телеграмма пришла на следующий день:

«Глубоко скорблю вашей потерей. Мистер Килкаллен не оставил никаких распоряжений по поводу вашего содержания, кроме ежемесячной оплаты квартиры и личных счетов. Все оплачено. Денег вперед выслать не могу. Передал все дела его адвокату Нью-Йорке мистеру Луису Фэрчайлду, Бродвей, 45. Советую вам обратиться за деньгами к нему.

Мэтр Жак Юло».

— Посмотрите на это, — Маги протянула телеграмму няне Баттерфилд, слишком изумленная, чтобы возмутиться.

— Он просто умыл руки, — прокомментировала ситуацию англичанка.

— Значит, необходимо встретиться с мистером Фэрчайлдом, — сказала Маги.

— Да, и как можно быстрее, — няня посмотрела на смертельно бледную Маги, с красными от слез глазами, с опухшим лицом. — Почему бы вам не написать ему и не договориться о встрече? И простите меня, мадам, но сегодня вам следует одеться и пойти погулять с Тедди и со мной. Здесь есть очень милый парк, и перемена обстановки пойдет вам на пользу. Стоит такая хорошая, солнечная погода.

— О нет, няня, я не могу.

— Вы должны, — ответила няня, а с ней никогда не спорили ни дети, ни взрослые.

Через три дня Маги встретила с Луисом Фэрчайлдом в его офисе. Она каждый день по несколько часов гуляла в парке с Тедди, а этим утром отправилась в салон Ричарда Блока, чтобы привести в порядок волосы. Ради встречи с адвокатом Маги накрашила губы самой яркой красной помадой.

— Благодарю вас за то, что вы уделите мне время, — обратилась она к седому мужчине, сидевшему за внушительным письменным столом.

— Не стоит благодарности. Должен сказать, что я был удивлен, получив ваше письмо...

— Вы знаете, кто я? — взволнованно спросила Маги.

— Разумеется, но бедняга Перри не говорил мне, что вы должны приехать в Нью-Йорк. Позвольте мне принести вам свои искренние соболезнования. Он был моим другом. До сих пор не могу поверить, что такой молодой человек, который никогда ничем не болел...

— Мистер Фэрчайлд, — взмолилась Маги, — прошу вас, перестаньте. Я не могу об этом говорить. Я пришла к вам за советом. Не могли бы вы прочитать эту телеграмму и сказать мне, что я должна делать?

Адвокат долго, внимательно читал текст, потом покачал головой.

— Я ведь говорил Перри, чтобы он составил завещание! Но он так этого и не сделал. Как и многие люди в его возрасте, он полагал, что у него в запасе еще много времени.

— Я не понимаю... Пожалуйста, обрисуйте мне мое положение.

— Положение? Боюсь, что у вас его просто нет.

— Но Перри намеревался разводиться! Мы должны были пожениться! — воскликнула Маги.

— Он умер женатым человеком, мисс Люнель. С точки зрения закона у вас нет никаких прав. К несчастью, в его бумагах нет никаких распоряжений на ваш счет.

— Но как же Тедди, наша дочь! Что будет с ней? — В голосе Маги слышалось неподдельное недоумение.

— Весьма сожалею, но прав нет и у нее.

Луис Фэрчайлд подумал, что, если бы Мэри Джейн была настроена иначе, он бы, возможно, сумел уговорить ее выделить девочке какую-то сумму, пусть и незначительную. Но жена Перри настаивала, что именно из-за этого ублюдка ее муж умер, не раскаявшись в своих грехах. Во всем виновата эта француженка и ее незаконнорожденная дочь, говорила она.

— Но ведь Перри обещал... — голос Маги прервался.

С той минуты, как она оказалась в Нью-Йорке, она ощущала только огромную,

невосполнимую потерю. А теперь гнев сдавил ей горло. Маги вдруг увидела себя со стороны, как она сидит перед адвокатом и хнычет: «Он обещал», как делали это миллионы других женщин испокон веков. Глупых, наивных, пострадавших женщин. Непростительно глупых женщин, веривших в своих мужчин, этих беззаботных мужчин, получавших то, что они хотели. Эти мужчины лгали, лгали, лгали... Жюльен Мистраль и Перри Килкаллен. Маги выпрямилась в жестком кресле и взглянула на совершенно несчастного адвоката.

— Прошу вас, мистер Фэрчайлд, скажите мне, чем я владею?

— В вашем распоряжении только ваша личная собственность, драгоценности, меха и подарки, полученные от мистера Килкаллена. Возможно, у вас есть машина?

— А наша квартира в Париже?

— Ею и ее содержимым распорядятся до того, как наследники получают наследство.

— Распорядятся, — повторила Маги. Гнев сделал ее голос сухим и деловитым. — Полагаю, слугам заплатят?

— Мэтр Юло переписывается со мной по этому вопросу.

— Я надеюсь, что они получают компенсацию за то, что лишились работы без предупреждения. Это будет справедливо, не так ли? К счастью для них, они потеряли только место. Да, мне тоже следовало бы научиться чему-нибудь полезному.

— Что вы будете делать? — спросил Фэрчайлд. На самом деле, ему совершенно не хотелось этого знать, не хотелось думать о будущем этой удивительной, но абсолютно неимущей женщины. Но приличия требовали задать этот вопрос.

— Вот об этом мне придется очень хорошо подумать. — Маги накинула на плечи великолепную шубу из серебристой лисицы и принялась натягивать длинные серые перчатки.

— Если я могу помочь вам советом...

— Вы могли бы подсказать мне имя честного ювелира. Полагаю, будет весьма разумным избавиться от кое-каких безделушек, которые у меня не будет времени носить. — Маги старалась говорить как можно беззаботнее. За гостиницу предстояло расплачиваться в конце недели.

Фэрчайлд написал имя на своей визитной карточке.

— Я всегда обращаюсь к мистеру Соммерсу, когда ищу жене подарок ко дню рождения. Скажите ему, что вы мой друг. Послушайте... — Адвокат замаялся, не решаясь предложить денег взаймы самой обворожительной женщине, которую ему приходилось встречать. — Если вам нужны наличные, я буду рад помочь вам...

— Благодарю вас, вы очень добры, но этого не понадобится. — Маги вспомнила о собственной гордости. Есть вещи, которые делать не следует ни при каких обстоятельствах. Во всяком случае, пока.

Луис Фэрчайлд проводил ее до лифта, а потом вернулся, чувствуя себя совершенно несчастным. Какая несправедливость. Он полагал, что мисс Люнель отправится обратно в Париж и найдет себе мужа. Такие женщины всегда могут найти себе спутника жизни. И если быть честным, то он совершенно не осуждал Килкаллена. Если бы у него появился шанс получить такую женщину, он бы его не упустил. Только ему хватило бы здравого смысла составить завещание. Во всяком случае, он на это надеялся. Такая женщина кого хочешь заставит забыть обо всем на свете.

Вечером Маги впервые раскрыла свою шкатулку с драгоценностями с тех пор, как

оказалась в Штатах. Красивые, сверкающие украшения казались давно позабытыми детскими игрушками. Она задумчиво отложила натуральные камни в одну сторону. В другую сторону Маги положила бижутерию, и эта горка оказалась значительно больше.

Тем не менее этого достаточно, чтобы они продержались долго, очень долго, размышляла она. Перри любил заходить с ней к ювелирам без всякого повода, каждый раз, когда они оказывались рядом с Вандомской площадью. Он требовал, чтобы Маги выбрала себе что-нибудь, просто чтобы отпраздновать еще один день, проведенный вместе. «Надо как-то отметить четвертый зубик Тедди», — говорил он, или: «Это исключительно ради твоих сосков, самых розовых сосков в Париже».

Маги решительно вынула все настоящие драгоценности, за исключением жемчуга — женщина должна иметь жемчуг — и любимого браслета, из бархатных футляров и сложила в свою сумочку. Ей не по карману сентиментальность, и, кроме того, она покончила с чувствами раз и навсегда, потому что они в конце концов приводят к печальной развязке.

Молодая женщина не могла простить себя. Она оказалась простодушной, легковерной дурочкой, над которыми всегда смеялись французы и которые верили любым розыгрышам. После встречи с Фэрчайлдом Маги почувствовала себя намного старше, мудрее и жестче. Никогда больше она не поверит мужчине. Маги чувствовала, как растет эта уверенность в ее душе, и она словно согревалась изнутри, в ней зарождалась новая сила. Не слишком весело в двадцать два года понять, что ни одному мужчине — любит он тебя на самом деле или нет — нельзя верить. Не слишком весело сознавать, что надеяться можно только на себя. Но зато это было полное понимание, без вопросительных знаков и исключений. Мутная, холодная вода, с которой боролась Маги, отступила, оставив ее на суше. Возможно, это пустой и неприветливый берег, но он куда меньше пугал ее теперь, когда она узнала, что помощи ей ждать неоткуда. Так бывало и раньше, но она выжила.

Маги выпрямилась в полный рост и посмотрела на свое отражение в зеркале. «Тебе остается только идти вперед», — сказала она себе и задумалась, что лучше всего надеть для встречи с ювелиром. Во-первых, простое черное платье от Вионне. Затем черное пальто от Скиапарелли, с широкими плечами, двубортное, напоминающее деревянного солдата. Наряд выглядел достаточно воинственным, но такой она и хотела себя чувствовать — суровой, целеустремленной, совершенно иной. Она наденет строгую черную шляпу от Каролины Ребу. Будет ли она выглядеть как вдова? Черное всегда ассоциируется с трауром, но она не должна вызывать жалости, это было бы чересчур.

Утром, облачившись в свои доспехи, Маги спокойно вошла в магазин Тиффани и нашла продавца, рекомендованного Фэрчайлдом. Мистер Соммерс просиял, когда она назвала себя.

— У меня нашлись кое-какие драгоценности, которые теперь мне не подходят, — как можно небрежнее заявила Маги. — Мистер Луис Фэрчайлд говорил мне, что вы можете помочь найти им нового хозяина.

Продавец погрузнел.

— Вы хотите вернуть то, что вы купили?

— Я покупала их не здесь, а в Париже.

— Но, мадам, мы никогда не принимаем драгоценности обратно, даже наши собственные. Это политика компании.

— А у других американских ювелиров другая политика? — Маги позволила себе лишь слегка удивиться.

— Ах, мадам, сейчас очень многие поняли, что у них куда больше драгоценностей, чем

им требуется.

— В самом деле. Право, как это неудобно. — Маги помедлила, вздохнула и искоса поглядела на ювелира с видом заговорщицы.

Соммерс кашлянул.

— Послушайте, вам наверняка больше повезет в маленьком магазине. Ювелиры-частники всегда оказываются стоворчивее. Они работают только на себя, так что они обрадуются хорошей покупке.

— Вы можете посоветовать мне, к кому обратиться? — Маги спросила об этом с такой призывной ноткой в голосе, что ювелир сразился бы ради нее с драконами.

— Нет, этого я не смогу. Но за углом, на Мэдисон, через пару кварталов, есть очень милый магазинчик. Его хозяина зовут Гарри Клейн. Помните, это лишь предположение, я вам ничего не говорил, вы понимаете.

— Разумеется, и я очень вам благодарна. Вы были очень добры.

— Это доставило мне удовольствие. Вы первый человек, с которым я говорю сегодня. Но паника на Уолл-стрит не может длиться вечно. Так что, когда фортуна снова будет на вашей стороне, загляните ко мне. Тиффани всегда будет к вашим услугам.

Соммерс смотрел вслед Маги с нескрываемым вождением. Он бы отдал все на свете, только бы увидеть на ней то новое ожерелье из рубинов и бриллиантов и серьги из комплекта. И больше ничего, может быть, только туфли на высоких каблуках.

У Гарри Клейна выдалось плохое утро. Одна старая клиентка, которой много лет назад он продал кольцо с сапфиром, пришла, чтобы сделать новую оправу для камня. Она настояла на том, чтобы лично присутствовать при переделке, чтобы мастер не сумел подменить сапфир другим, меньшей стоимости. У нее просто паранойя! В эти дни все словно походили с ума. Клейн едва не сказал ей, чтобы она убиралась и искала себе другого ювелира, которому она доверяет, но потом все же согласился. Мастера будут вне себя от ярости. А теперь еще эта молодая женщина вывалила ему на прилавок кучу украшений. Она что, принимает его за Санта-Клауса? Никто из ювелиров не стал бы сейчас ничего покупать. Клейн рассматривал серьги, браслеты, кулоны быстрым внимательным взглядом профессионала.

— Могу предложить только продажу на вес, — произнес он устало.

— Простите, я не совсем поняла вас.

— Предлагаю продажу камней на вес, потому что камни очень маленькие. — Он терпеливо показал ей пару серег, усыпанных мелкими бриллиантами. — Видите, они совсем крошечные.

— Но большие камни такие скучные! — воскликнула Маги. — Мне хотелось носить только забавные украшения, интересные. Крупные камни подходят лишь старым герцогиням.

— Камни приличного размера можно продать снова, — Клейн объяснял ей прописные истины, как маленькой.

— Я никогда не считала драгоценности вложением денег, — тихо ответила Маги. Она постаралась прогнать воспоминания о веселых завтраках в саду отеля «Ритц» и походы по ювелирным магазинам в поисках чего-нибудь блестящего и забавного. Пусть она была дурочкой, но Перри покупал ей все, что она хотела.

— Леди, леди, разве вы не знали, что драгоценности становятся вложением только в

том случае, если вы не собираетесь продавать их ближайшие лет пятьдесят? Да и тогда понадобится везение. Я говорю о том, чтобы вы могли получить почти столько, сколько за них заплатили. Но это относится только к крупным камням очень высокого качества, очень чистым. Лучше рубин в два карата настоящего малинового цвета, чем рубин в пять карат, но с изъяном.

— Но посмотрите на дизайн, на работу! — рассердилась Маги. Неужели все ее сокровища бесполезны? Этот человек, вероятно, пытается обокрасть ее.

— Это ничего не значит. Когда вы продаете украшения на вес, как *melee*, учитывается только вес камней и металла, из которого изготовлена оправа.

Маги насторожилась, услышав французское слово, а ювелир продолжал:

— Видите ли, в моем сейфе наверху полно камней без оправы, точно такого же размера, как в ваших безделушках. Возможно, они не так хороши, как эти, но тоже приличного качества. Я не могу предложить вам ничего, кроме небольшой суммы, весьма далекой от той цены, за которую вы покупали эти вещи. Сколько труда придется потратить на все эти ваши «забавные» штучки, чтобы вынуть камни. Впрочем, я все равно не могу их купить, потому что мой бизнес основывается на спросе и предложении, а после краха на бирже спроса на драгоценности нет. — Клейн кивком указал на жемчуг Маги. — Ведь ваше кольцо стоило целое состояние, верно? Но теперь японцы научились выращивать жемчуг, так что... — Он печально вздохнул, оглядывая кучку блестящих украшений, которые невозможно было продать.

— Вы употребили французское слово *melee*, но оно означает борьбу, схватку. При чем тут это?

— Ювелиры переводят это как «лом». То есть речь идет о драгоценностях, которые идут на переделку и оцениваются исключительно по весу. Вы француженка?! — В голосе Клейна послышалось изумление.

— Да, конечно. А что из-за этого мой, как вы выразились, лом будет приравнен к огромному рубину?

— Увы, увы. Но как может такая красивая французская девушка не иметь крупного бриллианта? — Ювелир говорил с ней сурово. — Почему у вас нет хотя бы большого сапфира или рубина? Вы не слишком сообразительны.

— Сообразительной я точно не была, — согласилась Маги, улыбаясь помимо своей воли его искреннему возмущению.

Она расстегнула пальто, сняла его и положила на прилавок. В магазине мистера Клейна было очень жарко, и к тому же Маги решила, что в простом черном платье у нее будет вид еще более безутешной вдовы. Вдруг этот мужчина равнодушен к молодым французским вдовушкам? Стоит попытаться продать этот, как он выражается, лом даже за бесценок.

— Минутку... А это что такое? — Мистер Клейн схватил ее за руку и стал рассматривать браслет, который Маги решила оставить себе.

— Еще немного лома, я полагаю, плюс несколько изумрудов.

— Эти камни выглядят интересно. Снимите браслет, я должен рассмотреть их получше. С вашим везением в них наверняка окажется какой-нибудь изъян.

Клейн осмотрел украшение через сильную лупу, по очереди разглядывая каждый изумруд. Наконец с удовлетворенным хмыканьем он вернул браслет Маги.

— Хорошо, очень хорошо. Ради этих изумрудов я готов сделать исключение. Не так уж и важно, если я не сумею продать их в скором времени.

— Вы хотите сказать, что можете приобрести у меня браслет?

— Я дам вам за него максимально справедливую цену.

— Но мистер Клейн, — Маги не собиралась с ним сюсюкать, — я не хочу продавать только браслет, я хочу продать все украшения. Тот, кто покупает браслет, должен приобрести и все остальное.

«А она совсем не дурочка», — подумал мистер Клейн с мрачным удовлетворением.

Для такого скромного ювелира, как он, шансы приобрести четыре очень хороших изумруда по два карата каждый были весьма призрачными. Даже ювелиру с хорошей клиентурой приходится долго ждать, чтобы такие камни попали к нему в руки. Можно сделать две пары великолепных серег или даже ожерелье... Нет, два ожерелья, по два изумруда в каждом в окружении бриллиантов. Пусть ему придется сидеть на этих камнях всю оставшуюся жизнь, он не может их упустить.

Маги надела браслет на руку и потянулась за пальто.

— Куда это вы собрались?

— Поищу того, кто купит все сразу.

— Хорошо, хорошо. Не стоит так торопиться. Мы заключим сделку...

Маги и сама знала, что изумруды хороши, но сначала пусть он их оценит.

К тому времени как Маги и Гарри Клейн заключили сделку по продаже ее драгоценностей, они стали добрыми друзьями. Он узнал ее печальную историю. Муж-француз, Андре Люнель, неосмотрительно вложивший деньги в Соединенных Штатах, разорился и погиб в автомобильной катастрофе, оставив ее с маленькой дочкой на руках. Клейн услышал рассказ о ее бабушке Сесиль и даже записал семейный рецепт жаркого, но не узнал ничего о жарких ночах на Монпарнасе, о художнике по имени Мистраль или о неосторожной девчонке, скидывавшей свое зеленое шелковое кимоно перед всяким, кто платил за это, желая нарисовать ее. Наконец, когда Маги получила на руки чек на двенадцать тысяч долларов, Гарри Клейн почувствовал живейший интерес к ее будущему.

— Полагаю, вы заберете дочурку и отправитесь домой? Может быть, начнете небольшой бизнес? В наши дни с такой суммой наличных можно делать большие дела.

— Я еще ничего не решила.

Маги медленно шла по Мэдисон-авеню, глубоко задумавшись, а драгоценный чек был надежно спрятан под одеждой. Этих денег ей и Тедди хватит на четыре-пять лет, если она найдет комфортабельную квартирку в не очень дорогом районе Парижа. Но когда деньги кончатся, что она станет делать? Каким бизнесом она могла бы заняться, когда она ничего не знает и не умеет? А если дело не пойдет и она потеряет все деньги? Может быть, она сумеет стать продавщицей в одном из тех магазинов, где она с такой легкостью оставляла деньги Перри, никогда не спрашивая о цене?

Она оглянулась по сторонам, втянула носом воздух. До Рождества оставалось несколько недель. День выдался ярким, солнечным, пронизанным синевой зимнего неба. Нью-Йорк выглядел удивительно живым, многообещающим, шумным, и по сравнению с ним Париж вдруг показался ей старомодным, традиционным и... непривлекательным. Почему не начать все сначала? Почему не остаться здесь, где для всех Маги станет миссис Люнель, вдовой. Зачем возвращаться туда, где люди знают о ней слишком много? Маги развернулась и бегом вернулась в магазин Клейна.

— Если вы передумали, то уже слишком поздно. Мы обо всем с вами договорились. —

Гарри Клейн сурово поднял на нее глаза, когда она влетела в магазин с раскрасневшимися щеками.

— Я должна получить работу! Здесь, в Нью-Йорке! Я только что решила: во Францию я не вернусь.

— И что вы станете делать?

— Не знаю. Может быть, вы мне что-нибудь посоветуете?

— Девушка, которая ни дня не работала... Вы что, шутите?

— Ну, я немного работала моделью.

— Какого рода моделью?

— Для... модных дизайнеров.

— Вот оно что. — Ювелир внимательно оглядел ее с ног до головы. Он ничего не знал о моделях, но потрясающую красавицу он бы никогда не пропустил. — У меня есть друг, который занимается этим бизнесом. Мы с ним дважды в месяц играем в покер. Он итальянец и очень многого добился. Мальчик из бедной семьи, но сейчас об этом никто не догадается. Его зовут Альберто Бьянки. Когда-то мы вместе играли на улице, а теперь он занимается модой. Я позвоню ему, узнаю, сможет ли он вам помочь. — Гарри ушел в кабинет позади магазина и через несколько минут вернулся сияющий. — Им нужна манекенщица, и, возможно, вы подойдете. Но он ничего не обещал. Одна из их постоянных манекенщиц сбежала с мужем их лучшей клиентки. Парень решил ради разнообразия сделать подарок на Рождество самому себе. Идите туда сейчас же. Теперь рабочие места улетают, как горячие пирожки. Вот адрес, — Клейн протянул Маги листок бумаги, — и поцелуй на счастье. — Ювелир расцеловал ее в обе щеки.

Маги нервничала как никогда. Стеклянные двери салона Бьянки на Восточной Пятьдесят пятой улице были закрыты шторами, рядом с ними не оказалось никаких витрин. Да и само здание было всего лишь кирпичным модернизированным городским домом.

Она вошла и впервые с момента приезда в Нью-Йорк почувствовала себя дома. Пораженная этим, Маги остановилась и глубоко вздохнула. Сердце предприятия билось где-то совсем рядом в таком знакомом ритме, что она почувствовала его в пульсации собственной крови. Ее окружала музыка Дома моды. Звучали голоса за дверями примерочных, почтительные и неторопливые продавщиц, высокие, нерешительные и капризные — клиенток. Запахи тоже были привычными: смешение ароматов дорогих духов, сигаретного дыма, новых тканей и меха.

Ее сердце забилось быстрее в этой особой атмосфере, пропитанной ожиданиями многих женщин, уверенных в том, что на них обязательно обратят внимание, если они найдут тот особый, нужный фасон платья. И это платье преобразит ту, которая наденет его. Все эти фантазии наделяли вещи большей силой, чем те могли иметь.

«Храм тщеславия», — подумала Маги. Сюда приходят не для того, чтобы молиться, а для того, чтобы мечты стали явью. Кто-то хотел стать моложе, кто-то красивее, кто-то изящнее, кто-то желаннее. Концентрированная сила этих фантазий могла бы разнести стены салона, но контролируемый покой царил в приемной с серыми бархатными стенами и высокими зеркалами.

Патрисия Фолкленд, темноволосая женщина средних лет, в великолепно сшитом костюме, сидела за полированным столом, на котором стояла узкая ваза с единственной белой розой. Она многие годы работала на Альберто Бьянки, выполняя совершенно

необходимую роль посредника между продавщицами и клиентками. Она сама никогда ничего не продавала, но ей полагалось давать советы колеблющимся клиенткам и контролировать работу персонала. Патрисия, как никто, умела с первого взгляда оценить новую клиентку.

Мисс Фолкленд легко узнавала в безвкусно одетой женщине средних лет жену владельца скотобоен из Чикаго, готовую потратить, не считая, тысячи долларов, и сразу видела, что молодая светская женщина, одетая по последней моде, не забывшая о роскошных аксессуарах, никогда не станет платить по счетам. Патрисия знала всех богатых женщин в Нью-Йорке, которые предпочитали приходить в салон Бьянки, чтобы получить великолепно исполненные им копии моделей от Шанель, Вионне и Жанны Ланвен, а не отправляться в Париж за новыми вещами. Хотя в 20-х годах моды диктовала только столица Франции, многие американки не собирались тратить по нескольку месяцев в году на перемещения из Нового Света в Старый и обратно, на бесконечные хождения по модным бутикам и бесчисленные примерки.

Когда Маги переступила порог приемной, Патрисия Фолкленд еле удержалась, чтобы одобрительно не присвистнуть. Такой реакции удостаивалась редкая женщина. Маги воплощала собой идеал, который оказывался не по карману даже самым богатым женщинам. Патрисия внимательно оглядывала незнакомку с ног до головы, от безупречно вычищенных туфель до изумительной шляпки, понимая, что на этой рыжеволосой даме оригинальные вещи из тех, что Альберто Бьянки привык копировать для своих клиенток. Вокруг нее витал неуловимый дух Парижа, который невозможно повторить или подделать, как бы тщательно ни работал мастер, подбирая ткани, пуговицы, отделку. Патрисия всегда задавалась вопросом, как это у лягушатников получается, но ответа не находилось.

Какое-то время обе женщины молчали. Маги оглядывалась по сторонам с видом богатой клиентки, оценивая, вынося приговор и ни минуты не сомневаясь в том, что ее приходу рады. За два года беззаботной жизни с Перри она к этому привыкла. Этому невозможно научиться, никакие тренировки не помогут, если человек не привык тратить большие суммы. Поведение Маги проистекало из внутреннего ощущения и зависело от отношения к одежде. Казалось, она заявляла открыто: «Нет ничего такого из того, что вы можете мне предложить, чего бы я не могла купить, если захочу. Но понравится ли мне что-нибудь? Попробуйте соблазнить меня. Вполне возможно, что я настолько пресыщенна, что даже не захочу, чтобы вы меня искушали. Покажите мне все самое лучшее. И если мне что-то понравится, я это куплю. А может быть, и нет. Решать буду только я».

Наконец Патрисия встала из-за стола и почтительно приблизилась к Маги.

— Могу ли я помочь вам, мадам? — Она говорила таким тоном только с самыми лучшими клиентами.

— Очень на это надеюсь, — ответила Маги.

— Присядьте, пожалуйста, я немедленно пришлю к вам продавщицу. — Мисс Фолкленд улыбнулась, словно прося прощение за то, что продавщица не материализовалась из воздуха в ту самую секунду, как Маги переступила порог салона.

— Нет, прошу вас, не надо. Я хотела бы поговорить с кем-нибудь о работе манекенщицы.

— О работе? — переспросила Патрисия, и ее улыбка увяла.

— Мне сказали, что вам нужна манекенщица. Я бы хотела занять это место.

— Это совершенно невозможно, — резко ответила мисс Фолкленд, и в ее голосе

явственно слышались гневные нотки.

Как посмела эта женщина войти в салон с видом клиентки, когда ей всего лишь нужна работа? Просто невысказано! Непростительно! Неслыханно! Патрисия Фолкленд рассердилась на эту женщину за то, что она заставила ее совершить ошибку там, где Патрисия стопроцентно полагалась на свою компетентность. Ее вывело из себя то, что она обратилась к соискательнице места, как к клиентке.

— Мой друг, мистер Гарри Клейн, сказал, что Дому моды Бьянки нужна манекенщица. Мистер Клейн говорил с мистером Бьянки не больше четверти часа назад, поэтому я сразу же пришла.

— Мистер Бьянки ищет профессиональную манекенщицу, а не дилетантку. Мы платим тридцать пять долларов в неделю, а на эти деньги не купишь и одной вашей туфли. И потом, наши девушки должны работать как звери за эти деньги, иначе им не продержаться и пары дней. Мы не будем даже говорить с той, кто не имеет опыта работы.

— Прошу вас, позвольте мне попробовать, — настаивала Маги. «Этой тетке не удастся от меня избавиться, — думала она. — Я больше не застенчивая дурочка из провинции, которая стесняется раздеться». — Мистер Бьянки сказал мистеру Клейну, что ему нужна...

Мисс Фолкленд услышала и отметила про себя настойчивость и упрямство в голосе молодой женщины. Патрисия всегда сожалела о том, что ее работодатель продолжает поддерживать связь со своими старинными приятелями, с которыми он играл в покер. Но она отлично знала, насколько патрон щепетилен в отношении друзей. Ей пришлось смириться с тем, что не удастся выгнать нахалку из салона немедленно.

— Идите за мной, — приказала Патрисия. — Но вы напрасно потеряете время.

Она поднялась на один пролет вверх, и они оказались в комнате, где висели французские оригиналы и стояли столики с косметикой для манекенщиц. Мисс Фолкленд выбрала белое атласное вечернее платье, настолько глубоко вырезанное спереди и сзади, что трудно было отличить перед от спинки. Скроенная по косой двуслойная юбка, зрительно увеличивающая объем бедер, превращала этот наряд в самый невозможный для носки из всех, придуманных мадам Жанной Ланвен. Патрисия протянула платье Маги и, не сказав ни слова, вышла.

Черт бы побрал эту девицу, кипела от злости Патрисия. Она знала достаточно, чтобы поминать мистера Клейна через слово, но ей не хватило ума сообразить, что стать манекенщицей она не сможет. Манекенщица не может быть такой, чтобы клиентке пришло в голову себя с ней сравнивать. Как бы ни была красива девушка, демонстрирующая платье, у женщины, его покупающей, не должно даже зародиться чувство зависти. Манекенщица не имеет права быть с клиенткой на одном социальном или материальном уровне. Клиентка всегда должна чувствовать свое превосходство. Об этом знали все, кто продавал одежду.

Мисс Фолкленд все еще злилась, когда Маги появилась на верхней ступени лестницы. Она завернулась в накидку из горносталя, которую нашла на вешалке рядом. Ее волосы казались укрощенным пламенем, все еще разделенные на пробор, как это когда-то сделал Антуан, но теперь они отросли и волнами прикрывали уши. Словно ожившее изваяние она двинулась вперед, не слишком быстро и не слишком медленно, ритм ее шагов позволял зрителю как следует рассмотреть ее наряд, но устремленный в пустоту взгляд не допускал никакого личного контакта. Исчезла, словно ее и не было, та Маги, которая вошла в салон. Вместо нее появилась манекенщица, созданная только для того, чтобы служить другим.

Казалось, она говорила: «Не смотрите на меня, смотрите на мой наряд, потому что он

может стать вашим. Я всего лишь помогаю вам реализовать ваши мечты. Я ничто, весь смысл в моей одежде, а разве она не великолепна? Я горжусь тем, что ношу ее, хотя бы и несколько минут. Представьте, как обворожительно вы будете выглядеть в этом платье».

Маги спустилась по лестнице и прошла по приемной. Мисс Фолкленд, разглядывая ее недружелюбным, придиричивым взором, заметила, что она нашла пару атласных вечерних туфель. Но любая женщина, даже самая безобразная, смогла бы завернуться в накидку из горностая и создать такой эффект. Все манекенщицы Бьянки надевали ее и все выглядели очень хорошо. Этот отвлекающий маневр не произвел на Патрисию впечатления.

Но Маги развернулась перед ее столом и вернулась обратно к основанию лестницы. Там она привычным жестом сняла мех так легко, словно это была органза, и, волоча его за собой, предстала перед Патрисией в белом платье. Наряд вдруг стал чрезвычайно соблазнительным, и именно потому, что его надела Маги.

Одну клипсу из фальшивых бриллиантов от Шанель, которую она нашла среди аксессуаров, она прикрепила внизу V-образного выреза спереди, а вторую сзади. Такого никто в Нью-Йорке еще не видел. Маги сделала круг по комнате, волоча за собой мех, а на ее губах появилась теплая, мечтательная улыбка. И этого легкого движения губ оказалось достаточно, чтобы дать зрительнице понять, насколько хорошо она может себя почувствовать в этом платье. Эта улыбка соблазняла, искушала, манила. Маги не смотрела на Патрисию Фолкленд, не искала ее одобрения или осуждения, но если бы и взглянула, то увидела бы, что женщина сурово поджала губы.

— Кто это? — услышала Маги мужской голос.

Мисс Фолкленд вскочила, а Маги осталась невозмутимо стоять. Она ждала, предлагая себя и одновременно сохраняя дистанцию.

— Эта девушка хочет получить работу манекенщицы, мистер Бьянки, — торопливо ответила Патрисию. — Мне кажется, она не подходит.

— Вам следовало бы проверить зрение, Пэтси. Как вас зовут, мисс?

Нейтральное выражение на лице Маги исчезло, она на всю мощь включила свое обаяние.

— Магали Люнель, но когда я работаю, то предпочитаю, чтобы меня называли просто Маги.

— Так это вы та девушка, о которой со мной говорил Гарри! Я не ожидал... Когда вы могли бы начать?

— Когда вам будет удобно. Завтра, если это вас устраивает.

— А как насчет того, чтобы приступить немедленно? Пэтси, миссис Таунсенд только что звонила. В конце концов она передумала и решила не ехать в Палм-Бич, так что ей просто необходимы новые наряды для вечеринок на Рождество в Такседо-парк. А манекенщиц у нас не хватает.

— Я готова начать прямо сейчас, — сказала Маги.

Ей понравился мистер Бьянки, который когда-то жил по соседству с мистером Клейном. Его отличали утонченность и изысканность европейца. Полноватый, с блестящими глазами, он был, несомненно, мастером своего дела. Маги легко понимала таких людей. Если его разочаровать, он превратится в демона, но будет добрым и даже щедрым, если Маги окажется тем совершенством в работе, которого он ждал.

Несколько часов спустя, продемонстрировав десятки платьев, костюмов и пальто для миссис Таунсенд, Маги вышла из Дома моды Альберто Бьянки, получив работу

манекенщицы за тридцать пять долларов в неделю. У нее в душе пели птицы. Она все-таки умела кое-что. Разве она не провела несколько лет, раздеваясь и одеваясь для художников? Разве не была внимательной зрительницей на показах мод? Она сумела вести себя так, как известные парижские манекенщицы. И это дало ей возможность получить работу. Ей хватит денег, чтобы платить няне Баттерфилд, и у нее еще останется пятнадцать долларов.

Маги дошла до угла Пятой авеню и Пятьдесят седьмой улицы и остановилась, очарованная красками заката. Ей вдруг показалось, что рядом с ней остановилась другая, семнадцатилетняя Маги, ожидавшая решения своей судьбы на Монпарнасе апрельским утром. «Как мало я тогда знала, — подумала сегодняшняя Маги, — как мало знаю теперь. Как многому мне надо научиться. Интересно, где тут цветочный магазин?» Маги должна была купить красную гвоздику для своей бутоньерки.

Почему Лавинии Лонгбридж удавалось влиять на самых молодых представителей нью-йоркского света? Даже вдовы, играющие в бридж в Саутгемптонском пляжном клубе, спрашивали об этом друг друга.

Один циник сказал, что в природе существует всего лишь четырнадцать групп, к которым можно отнести любые предметы от кристаллов до яблок, но на вершине каждой группы наверняка обнаружится Лалли Лонгбридж. Но это был бы слишком простой ответ. Хотя еще будучи дебютанткой, Лавиния произвела такой фурор и пользовалась такой популярностью, что все остальные девушки, впервые появившиеся в свете вместе с ней, выглядели безликой серой массой.

Когда Лавиния вышла замуж за Корнуоллиса Лонгбриджа, она вполне могла бы стать одной из богатых молодых жен, но она отказалась от такой роли. Поэтому в эпоху традиционных семейных пар супруга осталась самостоятельной личностью, сохранив свою индивидуальность, а Корни Лонгбридж превратился в одного из ее подданных.

Лалли была миниатюрной и очень красивой, с черными глазами, черными волосами, белоснежной кожей и ярко-красными губами. Но в Нью-Йорке достаточно и других красавиц. Нет, ее влияние основывалось не только на красоте и популярности. Главным козырем Лалли Лонгбридж было ее умение проводить время, наслаждаясь жизнью. А наслаждалась жизнью она только тогда, когда рядом с ней веселились и другие.

Веселость Лалли Лонгбридж с бесчисленных вечеринок двадцатых годов плавно перешла на мрачные и пугающие тридцатые. Состояние ее мужа не пострадало во время краха на бирже, поэтому Лалли очень серьезно относилась к тому, как со всей несерьезностью принимать гостей. Их дом стал тем очагом, у которого мог погреться любой, кто оказывался рядом. Считалось, что у Лалли самый лучший бар в городе, и, разумеется, она знала всех бутлеггеров. Лалли придумала ужин — шведский стол. Еда в ее доме всегда приобретала очарование пикника. Она с таким вкусом подбирала гостей, что ее вечеринки всегда удавались на славу. Лалли приглашала к себе джазовых музыкантов, репортеров, профессиональных боксеров, чечеточников из бродвейских шоу, авторов стихов для модных песенок и даже, как шептались завистливые сплетницы, гангстеров, что придавало вечеринкам только большую остроту. Смех и дружелюбие Лалли объединяли всех приглашенных, создавая великолепное единство.

Иногда, когда веселье было в самом разгаре, Лалли уходила в тень и наблюдала за происходящим с чувством режиссера, следящего за удачной постановкой. Она принимала гостей часто, потому что ее дом существовал ради гостеприимства. Слуг выбирали за их способность обслуживать большое количество людей так же вежливо и быстро, как одну очень важную персону.

Лалли Лонгбридж заказывала платья у Альберто Бьянки еще с того времени, когда была дебютанткой. Она принадлежала к числу тех женщин маленького роста, кто умеет одеваться так, чтобы казаться высокими. Дело в том, что Лалли никогда не считала себя маленькой, просто все остальные казались ей слишком крупными. До прихода Маги в Дом моды ни одна из манекенщиц этого не понимала и не показывала с таким желанием платья, которые, теоретически, могли носить только женщины, на голову выше миссис Лонгбридж.

За те полтора года, что Маги демонстрировала ей одежду, Лалли успела ею

заинтересоваться. Миссис Люнель определенно оказалась совсем не такой, какими обычно бывают манекенщицы, но что за загадку хранила эта француженка-вдова, если она ни в какую не соглашалась ничего о себе рассказывать? Любой человек, на которого Лалли обращала свое благосклонное внимание, всегда выкладывал ей о себе все. Скрытность Маги почти оскорбляла миссис Лонгбридж.

Однажды весной 1931 года она удивила Маги, пригласив ее в свой дом на вечеринку.

— Прошу вас, Маги, скажите, что вы придете! После ужина мы устраиваем игру «мусорщик идет на охоту», и победившая команда получит невероятный приз. Будет очень весело!

Маги замаялась. Манекенщицы никогда не общались с клиентками вне Дома моды. Их разделяла социальная пропасть, которую признавали обе стороны.

— Не будьте такой консервативной! Я знаю, о чем вы думаете. Это слишком глупо, чтобы даже говорить об этом. Сейчас многие женщины работают. Это не значит, что вам запрещено веселиться.

— Я с удовольствием приду, — серьезно ответила Маги.

Она решила, что просто обязана дать себе поблажку. Последние полтора года были временем суровой дисциплины и тяжелого труда. Больше десяти часов в день она демонстрировала наряды для клиенток Альберто Бьянки, и ей очень редко удавалось отдохнуть дольше десяти минут.

Но именно работа позволяла ей не думать о прошлом и засыпать, едва голова коснется подушки. Лишь изредка сны о Перри будили ее среди ночи, и она тихо плакала. Сны о Мистрале приходили чаще, заставляя ее скрежетать зубами от ярости. Почему ей до сих пор снится мужчина, которого она ненавидит? Маги в гневе задавала себе этот вопрос, пытаясь не думать об оргазме, разбудившем ее. После таких снов она с радостью мчалась на работу, потому что там у нее не оставалось времени для размышлений.

Теперь Маги стала ведущей манекенщицей в Доме моды Бьянки, и остальные девушки смотрели на нее снизу вверх. Даже Патрисии Фолкленд пришлось признать, пусть и про себя, что никто не мог так показать и продать платье, как эта рыжеволосая француженка. В редкие свободные моменты, когда манекенщицы собирались в комнате для переодеваний, девушки часто спрашивали у Маги совета, и она мгновенно одобряла или отвергала все, начиная от новой прически до оттенка чулок. Как-то так выходило, что именно Маги всегда успокаивала или мирила других манекенщиц, выслушивала отчеты о романах и предлагала какие-то решения, продиктованные либо собственным горьким опытом, либо воспоминаниями о том, что ей внушала Пола. Она даже отчитывала тех, кто прибавлял в весе, подсказывала, как лучше подкрасить глаза или губы.

Показы мод в благотворительных целях устраивались в Нью-Йорке очень часто, и Дом моды Бьянки всегда приглашали принять в них участие. И вскоре Маги стали просить о помощи организаторы подобных показов. Она отлично справлялась с манекенщицами, в роли которых в таких случаях выступали нервничавшие с непривычки, неловкие светские дамы, ни разу не ступавшие на подиум.

Благодаря этой дополнительной нагрузке заработок Маги поднялся до пятидесяти долларов в неделю. Правда, ей пришлось взять немного из отложенной заветной суммы, когда она обставляла небольшую квартирку на Шестьдесят третьей улице, которую сняла для своей маленькой семьи.

И все же заработка Маги едва хватало на то, чтобы прокормить Тедди и няню

Багтерфилд. Ее собственные расходы свелись к минимуму. Парижские наряды пока оставались модными, так как это были авангардные модели от самых известных кутюрье, и американцам они казались совсем свежими... Да это и не имело большого значения, говорила себе Маги, потому что ей не представлялось случая по-настоящему одеться для выхода.

Когда Маги только начала работать у Бьянки, другие манекенщицы часто приглашали ее в кабачки, где спиртные напитки продавали из-под полы, или в ночные клубы, где всегда оказывалось достаточно молодых мужчин, желающих с ней познакомиться. Но, побывав там несколько раз, Маги стала отказываться от подобных приглашений, и вскоре их поток иссяк. В письмах к Поле она даже не намекнула, что предпочла одиночество. Ее дорогая наставница наверняка не одобрила бы подобный выбор. Но как только рабочий день заканчивался, Маги бежала домой, чтобы поужинать вместе с Тедди и дать отдых усталым ногам.

И теперь, собираясь на вечеринку к Лалли Лонгбридж, Маги понимала: ей просто необходимо повеселиться как следует. Джаз потерял былую популярность, его убила депрессия, но Маги так хотелось снова услышать звук саксофона, томный перезвон гитары. Напевая мелодию, модную лет шесть назад, Маги одевалась и думала о том, что майским вечером даже Нью-Йорк, безжалостный, суровый город из бетона и стекла, может стать волшебным и полным обещаний.

Список гостей был готов, приглашения отпечатаны, но Лалли понадобилось не меньше часа, чтобы составить команды для салонной игры «мусорщик идет на охоту». Не имело никакого смысла объединять похожих людей и тех, кто уже давно знал друг друга. Эта игра становилась смешной только в том случае, если от души веселились сами члены команд.

Лалли решила, что Маги Люнель настолько умна, что ее необходимо включить в одну команду вместе с Гаей Барнс, в чьей очаровательной белокурой головке не нашлось бы ни одной здравой мысли. Гая была самой известной моделью до того, как вышла замуж за Генри Оливера Барнса, который был старше жены на тридцать пять лет. Лалли, всегда проявлявшая интерес к другим людям, поняла, что Гая завоевала светское общество Нью-Йорка благодаря двум особенностям своего характера. Во-первых, очаровательная блондинка выглядела необыкновенно декоративной, а во-вторых, она никогда не понимала рискованных шуточек, которые отпускали в ее адрес мужчины. Справедливости ради стоит заметить, что на эти шуточки их провоцировала сама Гая.

И каких мужчин добавить к таким женщинам? Лалли задумалась и прикусила кончик пальца. Может быть, Джерри Холта? Его колонку в «Уорлд» читал весь город, он человек умный, хотя и с сомнительной репутацией. Что ж, так ему и надо. И к этой троице стоит присоединить Джейсона Дарси, которого все звали исключительно по фамилии.

Можно себе представить, насколько оскорбленным будет выглядеть этот известный вундеркинд издательского бизнеса двадцати девяти лет от роду, когда узнает, что ему предстоит играть вместе с бывшей моделью, манекенщицей из Дома моды и журналистом-гомосексуалистом. Такая команда наверняка доставит самой Лалли массу приятных минут. На каждой вечеринке она создавала по меньшей мере одну группу из таких совершенно не подходящих друг другу людей, и это была только ее игра, и наслаждалась ею только она, Лалли Лонгбридж, хозяйка дома.

Несколько часов спустя, после ужина, десять команд собрались в украшенной белоснежными тюльпанами гостиной Лалли, где царили модные металл и стекло, создававшие атмосферу стерильности. Все ворчали и стонали, читая списки, которые она им раздала.

Одна дебютантка этого сезона, и только красавица.

Одна туфля мисс Этель Берримор.

Одна собака, непременно белая.

Одна программка, подписанная непременно Аделью и Фредом Астером.

Одна скатерть из ресторана «Колони».

Один английский дворецкий, и никаких подделок.

Один только что изданный экземпляр романа Хемингуэя «Прощай, оружие».

Одна желтая перчатка.

Одна каска нью-йоркского полицейского.

Одна куртка официанта из кабачка «У Джека и Чарли».

— Это просто жестоко! — воскликнула Гая Барнс. — Мы никогда не выиграем.

— А сколько у нас времени? — спросила Маги.

— Два часа, — объяснил Джерри Холт. Побеждает та команда, которая принесет больше всего вещей из списка до истечения указанного времени.

— Меня только что осенило! — объявила Гая Барнс. — Ведь в правилах не сказано, что мы не можем разделиться. Зачем нам всем вчетвером идти за одной и той же вещью? Мы с Джерри можем начать искать первые пять вещей, а вы двое попробуйте найти остальные. Как вам мое предложение?

— Я знаю только, что желтая перчатка непременно у меня найдется, — сказала Маги. Ее удивляло то, что эта молодая женщина затеяла такую возню, чтобы остаться наедине с гомосексуалистом.

— Решайте как хотите, — согласился Дарси, — но пора действовать. Мы и так уже потеряли пять минут.

Когда они вышли на Парк-авеню, Дарси помог Маги сесть в длинный лимузин.

— Восточная Пятьдесят вторая улица, дом двадцать два, — приказал он шоферу. — Я подозревал, что Лалли устроит еще одну игру «мусорщик идет на охоту», поэтому я попросил шофера подождать, — объяснил он Маги.

Огромный темно-синий «Паккард», который подошел бы и самому Моргану, был только одним из признаков, которыми Джейсон Дарси отличался от своих ровесников. Единственный сын владельца страховой компании, он стал лучшим среди однокурсников в Гарварде, который он окончил в восемнадцать лет. Позже он одолжил деньги у своего отца, чтобы открыть три новых журнала, каждый из которых быстро завоевал популярность и принес огромную прибыль.

Деньги вернулись к Дарси с процентами, и он жил на широкую ногу, словно паша. Он успел покрутить романы с большинством хорошеньких женщин Нью-Йорка, не разделяя сословий и отличаясь одной оригинальной чертой: со светскими дамами он обращался как с хористками, а с хористками как со светскими дамами. И как ни странно, это всех устраивало. Ни одной из его «пассий» не удалось выйти за него замуж, и растущее племя брошенных им любовниц утешалось громогласными заявлениями, будто Дарси женат на

своей работе.

Джейсон Дарси был по-настоящему влиятельным человеком, который рисковал превратиться в человека с большим сомнением. К несчастью для него, ему никогда не хотелось того, чего он не мог бы получить. Теперь он решил добиться расположения Маги, а значит, Гая Барнс, какой бы пустоголовой она ни была, выбрала как нельзя более удачный момент, чтобы разделиться на пары. Впрочем, если бы такой случай не представился, Дарси предпринял бы более конкретные шаги.

На Маги, откинувшуюся на мягкие удобные серо-голубые подушки, нахлынули воспоминания о Перри и его роскошном автомобиле. Она уже начала забывать, насколько уютно она всегда себя там чувствовала. Для нее ни один запах не был более чувственным, чем аромат внутри лимузина.

Она посмотрела на Дарси с интересом. Несмотря на его молодость, у него было худое продолговатое лицо ученого или философа. Взгляд серьезных серых глаз говорил, что его ничем не удивишь. Двигался он изящно и неторопливо, не позволяя себе лишних или суетливых движений. Он был готов обдать кого угодно презрением. Большой рот выглядел жестким. Темные волосы Дарси гладко причесывал, и он оказался выше Маги по крайней мере на несколько дюймов. «Этот человек похож на клинок», — решила она и выбросила его из головы. Автомобиль возбуждал ее больше, чем любой мужчина на свете.

Маги расстроилась, поскольку поездка закончилась слишком быстро. Они вошли в кабачок «У Джека и Чарли», заведение, больше всего похожее на клуб и самое дорогое в Нью-Йорке из тех, где нелегально продавали спиртное.

Их очень быстро усадили за столик, Дарси заказал шампанское и о чем-то шепотом договорился с официантом. Маги не терпелось вернуться в лимузин, и она не могла дождаться, пока принесут их заказ.

— Разве это не пустая трата денег? — спросила она. — Мы не сможем выпить всю бутылку. Вы только взгляните на этот список — английский дворецкий, шлем полицейского... Сколько у нас осталось времени? — В ней рос дух соперничества. Момент казался ей совершенно неподходящим для того, чтобы сидеть и лениво потягивать запретное шампанское, пусть и настоящее, французское.

Дарси остановил на ней снисходительный и достаточно высокомерный взгляд.

— Я договорился с официантом, и он одолжит нам свою куртку. Я позвоню домой, и мой дворецкий Кларксон будет ждать нас на тротуаре возле дома Лалли с моим экземпляром романа Хемингуэя. Кларксон когда-то работал у герцога Сазерленда, а за желтой перчаткой мы можем заехать к вам на обратном пути.

— Вы так представляете себе соревнование? — Маги нахмурилась. Этот человек лишил ее возможности повеселиться, предусмотрев все заранее.

— Я бы назвал это врожденной мудростью. Мы же не давали клятву на крови, что обязательно выиграем. Это всего лишь игра. И к тому же разве вам еще не наскучили все эти «мусорщики», вышедшие на охоту?

— Разумеется, нет! Я никогда в нее прежде не играла. Кто дал вам право превращать этот вечер в посиделки для двоих за бокалом вина? — резко бросила Маги. Как она их ненавидела, этих мужчин, думающих, что имеют право командовать женщинами.

Дарси не ответил. Он допил свое шампанское, внимательно глядя в ее сердитые зеленые глаза. Он чувствовал, что его тянет к ней, ощущал глубоко скрытую в ней страсть, которой она легко управляла. Дарси ничего не знал об этой женщине, но она не могла

оставаться незнакомкой вечно.

— Где Лалли вас откопала? — поинтересовался Дарси. — И почему мы раньше не встречались?

— Я работаю у Альберто Бьянки, — коротко ответила Маги.

— И что вы там делаете? — Итак, перед ним еще одна из скучающих дамочек, нашедших себе «занятие», чтобы продемонстрировать окружающим, что их не сломила депрессия.

— Я демонстрирую одежду, которую покупают другие женщины.

— Я вам не верю.

— Но это правда.

— Вы хотите сказать, что на самом деле пострадали от краха на бирже и теперь зарабатываете себе на жизнь?

— Именно так. Я получаю пятьдесят долларов в неделю. Как выяснилось, у меня неплохо получается.

— Расскажите мне все, — попросил он, уверенный, что его спутница жаждет именно этого. А какая бы женщина не захотела?

— Вы чертовски грубы, вы об этом знаете? Почему я должна вообще вам что-то рассказывать? Я не запомнила даже вашего имени, если говорить откровенно. Вы помешали мне получить удовольствие от игры, вы ведете себя совершенно бесцеремонно. И более того, вы даже не спросили, люблю ли я шампанское, прежде чем заказать его.

— Вы совершенно правы. — Дарси даже опешил от ее слов. — Приношу свои извинения. Вы хотите выпить что-нибудь другое?

— Этого более чем достаточно, благодарю, — сухо ответила Маги. Она оглянулась, не обращая больше на него внимания.

— Миссис Люнель, меня зовут Джейсон Дарси, мне двадцать девять лет, я родился в Хартфорде, штат Коннектикут, в весьма уважаемой семье. Я не сидел в тюрьме, я не жульничаю в покере, люблю животных, моя мать очень высокого мнения обо мне, и обычно я веду себя лучше, чем вы думаете.

— И вы рассказали мне все? — Маги соблаговолила слегка улыбнуться.

— Я издатель. Мне принадлежат журналы «Мода», «Журнал для женщин», «Городская и сельская жизнь».

— Надо же, три журнала у одного мужчины. И чем же занимается издатель? Кроме того, что ведет себя как следователь, разговаривая с незнакомыми женщинами?

— Я самый главный.

— Какое туманное объяснение. Кто вам подчиняется и почему? Будьте красноречивее, прошу вас.

Дарси посмотрел на нее, уловив издевку в ее словах.

— Неужели я не произвел на вас впечатления?

— А должны были? Я понятия не имею о том, чем конкретно занимается издатель.

— Я придумал эти журналы, я решил, как они должны выглядеть, я нашел нишу на рынке и своих читателей, я установил стандарты, форматы. Все, кто занимается собственно изданием журналов, отчитываются передо мной и докладывают мне о состоянии дел.

— Это издательская империя? — спросила Маги. — Как у мистера Херста, например?

— У меня скорее издательское королевство, а не империя, — сбавил обороты Дарси.

— Вы так скромны, мистер Дарси.

— Но вас совершенно не радует, что вы пьете шампанское с влиятельным человеком?

— Я слишком стара и умна, чтобы радоваться таким пустякам, мистер Дарси.

— Просто Дарси, прошу вас.

— Хорошо, Дарси. То, что я видела в этом мире, оставило меня пресыщенной, утомленной, испорченной и, что хуже всего, голодной.

— Сразу после ужина?

— Ужин всегда оставляет меня голодной.

— Здесь готовят отличное куриное рагу. Не хотите попробовать?

— Это совершенно варварское блюдо. — Маги давно не чувствовала себя такой свободной, такой пьяняще веселой с тех пор, как приехала в Штаты. И как же приятно выставить мужчину дураком! Мужчины только на это и годятся! Пола так говорила, и она оказалась права.

А Джейсон Дарси не мог оторвать взгляд от Маги, от ее удивительных золотисто-зеленых глаз, оранжевых волос, точеного лица. Она покраснела, как ребенок, выбежавший на мороз. Кто же такая, черт побери, эта Маги Люнель? Не хористка и не светская женщина. И к тому же он знал всех красавиц в городе.

— Я понял наконец! Вы новая девушка Пауэрса.

— И что это должно значить? — удивилась Маги. Последнее время она часто слышала это словосочетание, но у нее никогда не находилось ни времени, ни желания выяснить, что значит это выражение.

— Просто фотомодель, работающая в агентстве Джона Роберта Пауэрса. Прошу вас, не делайте вид, что вы этого не знаете.

— Поверьте мне, я далека от этого мира. Я всего лишь демонстрирую копии парижских моделей и помогаю вести светские показы мод. Дом моделей Бьянки никогда не пользуется услугами девушек Пауэрса.

— Агентство все время расширяется. Сам Пауэрс в этом бизнесе чуть больше двух лет, но с тех пор все журналы используют фотографии вместо рисунков.

— И сколько зарабатывают девушки Пауэрса?

— Насколько я помню, они начинали с пяти долларов за час, но теперь самые востребованные получают по пятнадцать.

— Пятнадцать долларов в час! Это же целое состояние! — Маги была потрясена.

— Чертовски верно замечено, тем более, что девушки работают все больше и больше, несмотря на депрессию. В наши дни любому товару нужна реклама, иначе можно оказаться на мели, а кто же продаст товар лучше, чем хорошенькая девушка?

— А сам мистер Джон Роберт Пауэрс сколько зарабатывает?

— Десять процентов от заработка модели.

— И сколько моделей на него работают? — продолжала расспрашивать Маги.

— Не могу сказать точно. Мне кажется, около сотни, включая мужчин и детей. Если вы и в самом деле манекенщица, получающая пятьдесят долларов в неделю, вы должны работать на него.

— Благодарю вас, — рассеянно ответила Маги.

Джейсон Дарси по-прежнему был далек от мысли, что Маги на самом деле та, за кого она себя выдает. Его переполняли подозрения.

Маги Люнель вела себя не так, как полагалось. В ее поведении, в ее взгляде, улыбке Дарси не заметил ни намека на желание его заинтересовать, и это показалось ему

невероятным. Он отлично знал, что он самый привлекательный мужчина Соединенных Штатов. У него было все. Во-первых, в свои двадцать девять лет он был богат и влиятелен. Во-вторых, он был свободен от обязательств любого рода. И помимо этого, когда Дарси смотрел на себя в зеркало, бывал очень доволен отражением. Молод, хорош собой, богат — чего еще надо. Да, разумеется, всего лишь счастливое сочетание генов, но важен результат.

Так почему же эта непостижимая женщина сидит с ним, пьет его шампанское и расспрашивает его о девушках Пауэрса, словно он для нее всего лишь источник информации и только?

Возможно, Маги Люнель влюблена? Только это объяснение могло бы удовлетворить Дарси. Но ведь она пришла на вечер одна. Ему отчаянно захотелось разузнать о Маги больше.

— Так где же знаменитое рагу? — неожиданно спросила она. — И почему мой бокал пуст? Может быть, мы потанцуем? — Маги говорила как-то равнодушно, как будто ее не очень интересовал ответ. Дарси отметил это про себя с изумлением, но обрадовался тому, что его спутница выказала хоть какие-то пожелания.

— А как насчет игры, которую затеяла Лалли?

— Но это, по-вашему, скучная и смешная американская игра, не так ли?

— Куда бы вы хотели пойти? На крышу отеля «Сент-Режис», в «Эмбасси» или «Коттон-клуб» в Гарлеме?

— В «Жокей», — задумчиво произнесла Маги.

— «Жокей»? — изумленно переспросил Дарси.

— Я так сказала? Неважно, его закрыли много лет назад. Давайте отправимся в Гарлем.

С тех пор, как пять лет назад Жюльен Мистраль поселился в Фелисе, после совершенно невероятной женитьбы на Кейт Браунинг, Авигдор трижды устраивал выставки его картин в Париже, и все полотна оказывались проданными. Каждая персональная выставка была успешнее предыдущей.

Весной 1931 года пришло время показать картины Мистраля в Нью-Йорке. Хотя показывать было практически нечего. Мистраль писал очень много, но выставлять картины не любил просто патологически. Он всю пользовался правом художника написать на обороте холста: «Не для продажи» — или даже вовсе запретить выставлять картины, хотя с Авигдором его связывал контракт.

Каждый год, за четыре месяца до предполагаемой выставки, Авигдор отправлялся в Прованс и проводил изнурительную неделю в «Турелло» в спорах с Мистралем по поводу его новых картин. В 1928 году Мистраль остался недоволен всеми своими работами, и осенняя выставка не состоялась, о чем Авигдор всегда вспоминал с тоской. Мистраль сжег не удовлетворявшие его картины в огромном костре под Новый год, бросая полотна в огонь подобно дьяволу с картины Иеронима Босха. Он бессердечно, с ухмылкой пригласил Авигдора посмотреть, как холсты с картинами на сотни тысяч франков дымом уносятся в небо.

— Я это делаю нарочно, Авигдор. Ведь если я завтра умру, то вы сразу же продадите те картины, которыми я сам не был доволен.

Мистраль по-прежнему подозревал всех и вся, как и крестьяне, среди которых он жил. Художник доверял только Кейт. Он ни минуты в ней не сомневался. Хотя Авигдор знал наверняка, что Кейт не станет следовать запретам мужа.

Для Авигодора наблюдать за ежегодными кострами в «Турелло» было мучительно, но в некоторой степени отраднo: пусть у него не остается на руках ни одной картины после ежегодной выставки, но ни один другой дилер в Париже не может похвастаться, что у него в запасниках имеется хотя бы одно полотно Мистралья. Насколько было известно Авигдору, никто из коллекционеров, купивших картины Мистралья, до сих пор ни одну из них не продал. А свои самые любимые полотна Мистраль держал у себя.

Цены на его работы поднялись намного выше того, что когда-то планировал Авигдор, потому что ажиотажный спрос всегда превышал весьма скромное предложение. Но Авигдор напоминал самому себе, что в мире всего тридцать шесть картин Вермеера, так, может быть, Мистраль знает, что он делает?

В любом случае не следовало бы позволять художникам жениться на богатых женщинах. Это дает им слишком много свободы. Ладно, Мистраль все же согласился выставить в Нью-Йорке свои новые картины и некоторые из старых. Многие американские коллекционеры решили предоставить имеющиеся у них полотна для выставки, так что экспозиция должна получиться внушительной. Критики из американских газет и журналов не оставляли Авигодора в покое. «Вэнити фэар» заказал большую статью о Мистрале, и фотограф приезжал в Прованс делать снимки. Владелец одной из лучших галерей в Нью-Йорке, Марк Нэтен, собирался устроить вернисаж, на который соберется весь артистический и светский Нью-Йорк. Это станет одним из самых значительных событий весны 1931 года в мире искусств. Всем было любопытно увидеть работы этого отшельника из Прованса, равнодушного к обрушившейся на него славе и создаваемой вокруг его имени легенды.

— Перед ужином, пожалуй, стоит заглянуть в галерею Нэтена, — предложил Дарси, разговаривая с Маги по телефону.

— Зачем? — У нее совершенно не было времени, чтобы следить за культурной жизнью города.

— Французский художник, Мистраль, выставляет там свои работы. Ты, должно быть, слышала о нем.

Маги оперлась о каминную полку, чувствуя, как отчаянно рвется из груди сердце. Шок от имени Мистралья, произнесенного так неожиданно, парализовал ее. Автоматически она ответила:

— Да, я его знаю, но у меня нет желания куда-либо идти сегодня вечером.

— Маги, что случилось?

— Я очень устала, мне не хочется никуда выходить, не хочется одеваться... Я, вероятно, простудилась.

— Мне очень жаль, — серьезно произнес Дарси.

— Мне тоже.

За те три недели, что прошли после их первой встречи, Дарси приглашал ее куда-нибудь пойти вечером чаще, чем Маги принимала его приглашения. Дарси не давали покоя ее сдержанность, ее упрямое нежелание ничего о себе рассказывать. Казалось, она уже сообщила ему все, что считала нужным. Маги настаивала на том, чтобы они встречались в ресторанах или кабачках, где продавали запрещенное спиртное. Она ни разу не пригласила его к себе, а когда они прощались у лифта в подъезде ее дома, Маги лишь пожимала ему руку и ни разу не подошла к нему достаточно близко, чтобы он мог коснуться легким поцелуем хотя бы ее щеки.

В его лимузине она всегда садилась подальше от него, складывала руки на коленях. А когда они танцевали, то Маги всегда держалась отстраненно и напряженно, что превращало песни, подобные «Ночь создана для любви», в жестокую насмешку. Была ли она фригидной, боялась чего-то или страдала от какого-нибудь особенного французского невроза? Загадочная женщина.

Дарси думал о ней все время, любопытство сводило его с ума, но Маги не давала ему ключа к разгадке. И что еще хуже, она оставалась недоступной. Всякий раз, когда Дарси говорил с Маги, ему казалось, что она едва сдерживается, чтобы не расхохотаться ему в лицо, но она ни разу не выдала себя. Какая же выдержка у этой женщины!

— Послушай, я позвоню завтра, но ты постарайся не заболеть. Ты сможешь лечь пораньше? — с тревогой спросил он.

— Да, — пустым, бесцветным голосом ответила Маги. — Обещаю тебе.

Джейсон Дарси безутешно бродил по галерее Нэтена.

Наблюдая за толпой, он удивился огромному количеству знакомых лиц. Это было больше похоже на премьеру оперы в Метрополитен, чем на вернисаж.

Но стоило Дарси взглянуть на картины, как он мгновенно утратил интерес к окружающим его людям. Ему показалось, что вихрь неистовой силы вырвал его из привычной обстановки и перенес в другую страну. Каждое полотно было шагом на пути в иной, лучший мир. Рассудок, размышления, логика, время и само пространство таяли, превращаясь в немыслимое великолепие красок, создававших нечто настоящее, живое, дышащее.

«Но что же вдохновило этого художника, что именно он изобразил?» — спрашивал себя Дарси. Столик в кафе и несколько стульев под оранжевым навесом; несколько тополей, млеющих на жаре; корзина с буханкой хлеба, редиской и букетом георгинов; женщина в утреннем саду. Все было таким простым, примитивным, много раз написанным другими художниками.

Но эмоции художника, охватившие его, когда он смотрел на эти предметы, настолько слились с тем, что он изобразил на холсте, что ему удалось стереть грань между своим миром ощущений и тем миром, в котором находился зритель. Какое-то мгновение Дарси видел мир глазами Мистраля, чувствовал, как он.

Пораженный, обрадованный, опьяненный нахлынувшими на него ощущениями, Дарси ходил по залу, и ему чудилось, что он уже не в Нью-Йорке, а где-то в сельской местности, среди просторов, залитых солнцем. Он прошел по длинному залу и оказался в небольшой комнате, но даже не заметил, что там необычно много народа и все говорят без умолку.

Маги! Дарси вздрогнул, волосы встали дыбом у него на затылке, когда он увидел на каждой стене огромные картины, на которых Маги, обнаженная, позволяла всем насладиться великолепием своего тела. Выставленная напоказ, бесстыжая, невероятно счастливая, открытая взгляду любого, более эротичная, щедрая и чувственная, чем любая из женщин, живая или изображенная художником.

Вожделение, осязаемое, голодное, неприкрытое, яростное вожделение насыщало картины, на которых Маги лежала, раскинув ноги на неубранной кровати, свесив одну руку на пол; стояла в ванной, намыливая свое тело; лежала на груди зеленых подушек и смеялась, ее соски были нежными и розовыми, а на волосах внизу живота горело солнце.

Дарси стоял неподвижно, застывший, не в силах отвести глаз от картин, и слушал обрывки фраз, долетавшие до него. В воздухе витало возбуждение, которое всегда

предшествует грандиозному скандалу.

— Манекенщица у Бьянки, моя дорогая, эта французская девушка... Любовница Перри Килкаллена... Какая кожа... Я видел их вместе у «Максима»... Вы сказали, Бьянки?.. Вдова, черт побери.... Невероятная грудь... А разве у них не было ребенка?.. Встречала ее у Лалли, да, я уверена... Да-да, ребенок, девочка... Как комитет больницы мог только допустить подобную... Килкаллены наверняка в ужасе... Не будь такой провинциальной... Шокирующее зрелище... Когда было написано, вы сказали? Манекенщица у Бьянки... Бедная Мэри Джейн... Чья любовница, Перри Килкаллена?

Почему, черт побери, он не писал свои картины спермой? Почему ему было просто не трахнуть свои полотна, думал Дарси. Его затрясло от истерического, еле сдерживаемого смеха. Никогда еще жизнь не нападала на него так неожиданно. Эта непорочная лилия, эта сдержанная и таинственная принцесса, как ловко она его провела! Какая женщина! И восхищение Маги наполнило сердце Дарси, пока он рассматривал лица собравшихся в комнате мужчин, чьи глаза пожирали полотна. Он мог бы поспорить, что большая их часть еле сдерживает возбуждение. Сам Дарси, во всяком случае, чувствовал себя жеребцом. О, Маги, дорогая Маги, так, значит, ты «слышала» о Мистрале... Интересно, сколько раз он бросал работу, чтобы трахнуть тебя? И каким образом ему вообще удавалось вспомнить о своих холстах и кистях? У мужика просто талант концентрироваться на работе при любых обстоятельствах. О, Маги, ни одной женщине не удавалось так меня поразить! Я снова чувствую себя пятнадцатилетним девственником. Браво!

К полудню следующего дня Маги осталась без работы. Она ни в чем не винила Альберто Бьянки. Такая манекенщица ему не требовалась. Он ответил десятку возмущенных клиенток и только потом попросил Маги зайти к нему в кабинет. И если никто из них не назвал Маги падшей женщиной, то только потому, что это слово давно вышло из употребления. Разумеется, Маги никто бы теперь не доверил организовать показ мод в целях благотворительности. А что касается ее работы в качестве манекенщицы, то она пошла бы во вред продажам. Люди приходили бы взглянуть на Маги из-за возникшего скандала, но никто бы не стал заказывать те платья, которые она надевала. Наряд, побывавший на ее плечах, сразу бы получил невидимый ярлык: «Непристойно».

Прощаясь с Маги и вручая ей чек с суммой, равной ее двухнедельному заработку, Альберто Бьянки испытывал два чувства. Ему было жаль расставаться с лучшей своей манекенщицей, и он сторал от желания побыстрее добраться до галереи Нэтена и своими глазами увидеть, как Маги выглядит в чем мать родила. Господь свидетель, он потратил немало времени на пустые догадки.

Дарси попытался поговорить с Маги по телефону, как только вернулся домой из галереи. Но у него ничего не вышло. Няня Баттерфилд сказала, что она уже легла. Дарси звонил еще и еще, но Маги не подходила. Не стала она разговаривать и с Лалли. Маги попросила няню подходить к телефону и всем отвечать, что хозяйка уехала из города и неизвестно когда будет.

Не дозвонившись до Маги, Дарси поехал к ней, но швейцар получил строгое указание никого не пропускать наверх. Дарси посылал ей цветы дважды в день, сопровождая букеты записками с просьбой позвонить ему домой или в офис, но Маги не откликнулась на его мольбы. Он простаивал часами на тротуаре возле ее дома, но Маги так и не вышла. Дарси перепробовал все, ему оставалось только переодеться в мальчишку-рассыльного. Он сам

удивлялся своему поведению, но отказаться от Маги Дарси не мог.

Через четыре дня после открытия выставки Дарси позвонил Маги ближе к вечеру, предполагая, что она наконец готова выйти из добровольного заточения. Когда зазвонил телефон, Маги нежилась в ванной, няня Баттерфилд готовила ужин для Тедди. Поэтому малышка осмелилась сама снять трубку, что ей категорически запрещали делать.

Тедди уже исполнилось три года. Она привыкла к восхищенным восклицаниям прохожих в парке и знала, что есть правила, которые ей не позволяют нарушать, хотя она такая красавица. Но все эти правила действовали дома. Няня и Маги старались держаться с ней поостороже, потому что обе были убеждены в том, что девочку очень легко избаловать. Звонящий телефон давно стал для Тедди объектом поклонения. Она схватила трубку с чувством вины и восхищения и негромко произнесла:

— Алло?

— Кто говорит? — спросил Дарси, полагая, что ошибся номером.

— Тедди Люнель. А вы кто?

— Друг твоей матери. Привет, Тедди.

— Привет, привет, привет, — она захихикала. — А у меня новые красные туфельки.

— Тедди, твоя мама дома?

— Да. Вы не хотите поговорить со мной? Как вас зовут?

— Дарси.

— Привет, Дарси, привет, Дарси. Сколько вам лет?

— Тедди, мне... Нет, неважно. Так твоя мама дома или нет?

— Она в ванной... Ой, нет, вот она. Мамочка, тебя к телефону.

Девочка торопливо протянула трубку Маги. Та быстро оглянулась в поисках няни Баттерфилд, потом взяла трубку, собираясь повесить ее, но потом передумала и коротко ответила:

— Да?

— Маги, слава богу, я думал, что ты так и будешь прятаться.

— Я не прячусь! — В ее голосе послышался гнев.

— Значит, у тебя зимняя спячка. Твоя дочка просто очарование, она куда милее тебя.

Может быть, поужинаем сегодня вместе?

— Ни в коем случае. Я не выхожу из дома.

— Но все в Нью-Йорке говорят только о тебе.

— Дарси, раньше ты не был таким злым.

— Я говорю правду. Галерея просто ломится от желающих взглянуть на тебя. Тебя считают первой красавицей десятилетия.

— Это скандальный успех. Неужели ты думаешь, что я этого хочу?

— Но это Нью-Йорк, Маги. И любой успех — это успех. Всем наплевать, чем он вызван, если люди говорят о тебе, — сказал Дарси, пытаясь успокоить Маги единственным известным ему способом.

— Если бы это было так, то я не потеряла бы работу, — устало отозвалась Маги. Неужели он не понимает, насколько она унижена?

— Это совсем другое. Альберто Бьянки приходится считаться с клиентами. Они мнят себя очень важными птицами, но по-настоящему они что-то значат только в своем маленьком мире.

— Неважно, Дарси, именно в этом мире я и зарабатывала на жизнь.

— Маги, ты помнишь, как я принял тебя за одну из девушек Пауэрса? Почему бы тебе не встретиться с ним?

— Нет, — резко отказалась Маги. — Я никогда больше не стану никому позировать. Мне было семнадцать, когда я стала натурщицей для художников. Сейчас мне двадцать три, и с меня хватит! Хотя... наверное, я сейчас скажу глупость... — Маги замолчала, у нее не было желания продолжать.

— Скажи мне, Маги, не молчи.

— Дурацкая идея. Нет, может быть, она не совсем дурацкая... Ты помнишь, как говорил мне, что на Пауэрса работают около сотни моделей и он получает десять процентов от их заработка?

— Разумеется, помню. А в чем дело?

— Так получилось, что я всегда учила манекенщиц, что делать и как. У Бьянки все девушки обращались ко мне за советом. Мне кажется, это у меня в крови. Я не представляю, какие требования предъявляют к моделям фотографы, но они не могут слишком отличаться от требований художников к натурщицам. Я подумала, что могла бы... открыть собственное агентство, — закончила Маги, пораженная собственной смелостью.

— Ты хочешь составить конкуренцию самому Пауэрсу? — с сомнением переспросил Дарси.

— А почему нет? Что такое особенное может делать мужчина, чего не смогу я? А вдруг у меня получится лучше? Он всего лишь посредник, а я знала многих посредников. Поверь мне, в их работе нет никакого волшебства. — Помолчав, Маги выпалила, подхлестнутая его сомнениями:

— Дарси, у меня есть небольшой капитал, который я могла бы вложить в дело.

— Маги, ты потрясающая женщина! Хочешь работать с моими журналами?

— Разумеется, хочу! О Дарси, это может получиться, правда?

— Все уже получилось! — Почему он никогда раньше не слышал, как смеется Маги. От ее смеха танцует весь мир. — Маги, давай поужинаем сегодня вместе и отпразднуем твое решение. Шампанское вполне подойдет для крещения нового агентства.

— При одном условии. Ты должен позволить мне заплатить за ужин.

— Почему же?

— Модельное агентство «Люнель» желает угостить шампанским своего первого клиента.

Черт, подумал Дарси, черт меня побери! Он слишком поздно понял, что обожает эту невозможную женщину, которой только что помог начать свое собственное дело.

— Ты права, Маги, — мрачно резюмировал он, — тебе и в самом деле нечему учиться.

Девушек Маги, как все называли манекенщиц из агентства «Люнель», сначала было совсем мало, но очень скоро их ряды выросли и явно собирались расти дальше. Единственные соперницы из фирмы Пауэрса никак не могли сравниться с этими утонченными, похожими на бабочек созданиями.

Девушки Маги порхали по жизни в тридцатых годах, словно не было никакой депрессии. В роскошных вечерних туалетах, с орхидеями, приколотыми к корсажу, они кружились в танце на балах в «Сторк-клубе» и «Эль Марокко», их всегда сопровождали не меньше четырех мужчин. Для многих американцев, устремившихся в кинозалы, чтобы посмотреть фильмы из жизни богатых людей, они олицетворяли уход от реальности. Журнал «Вог» откровенно писал, что глупейший фасон новых шляпок «прекратил дискуссии о котировках акций и о приходе к власти мистера Гитлера». Девушки Маги удовлетворяли отчаянную потребность публики в веселье, пусть это веселье и оказывалось призрачным. «Нью-Йорк дейли ньюс» провела опрос среди женщин. На вопрос, кем бы они предпочли быть — кинозвездой, дебютанткой или одной из моделей агентства «Люнель», сорок два процента проголосовали за Маги.

Маги процветала в Нью-Йорке, а Жюльен Мистраль лихорадочно работал в своем поместье недалеко от Фелиса. Это время критики позже назвали «средним периодом» художника, и продлился он двадцать лет. Мистраль больше не писал те предметы или пейзажи, на которых останавливался его взгляд, как это случалось в двадцатые годы. Теперь Мистраль посвящал два-три года одной теме, и результатом сосредоточенной работы, требовавшей множества эскизов, становилась серия картин, как минимум из десяти, как максимум из тридцати пяти полотен.

Мистраль начал с серии «Наклеивать плакаты запрещено». На картинах, вошедших в нее, он изображал стены, заклеенные афишами и объявлениями. Затем последовала серия «Утро пятницы», в которой он изобразил рыночные сценки на площади Апта. Серию «Стелла Артуа» Мистраль назвал в честь своей любимой марки пива и посвятил ее жителям Фелиса, собирающимся вечером в кафе, чтобы поговорить, поиграть в карты и выпить. Серия «Праздник» была посвящена празднествам, проходившим в каждой из деревень на горе Люберон в честь того святого, чье имя носила деревня: сладкая вата, детишки на деревянных лошадках карусели, шествия и фейерверки, дикое веселье и бурлящие деревенские страсти.

Мистраль каждый день работал в своей мастерской сразу после завтрака, выходя оттуда только к ужину. Служанка приносила ему холодное мясо, хлеб и бутылку вина, и художник поглощал это, стоя перед холстом, не замечая, что он ест. Кейт, пользуясь тем, что мужа не интересовало ничего, кроме работы, полностью контролировала его деловые отношения. Она следила за выполнением контрактов, вела переписку с галереями и управляла фермой.

Один раз в год, во время сбора урожая, Мистраль бросал свою мастерскую и работал в поле вместе с наемными работниками, но все остальное время он пребывал в собственном мире. Газет он не читал. Политические перемены в Европе его заботили не больше, чем украшения из петушиных перьев на модных вечерних платьях. Что же касается игры в шары в Фелисе, то Мистраль регулярно принимал участие в турнирах. Но вот о поджоге Рейхстага он даже не узнал. Если Мистраль обнаруживал, что у него закончился последний тюбик с

какой-нибудь краской, он выходил из себя, а когда услышал от фермеров в кафе о катастрофе дирижабля «Гинденбург», он не пробормотал ни одного слова сочувствия. Его не интересовало вторжение итальянцев в Эфиопию и оставляли равнодушным последние новинки кинематографа.

Мистраль пребывал в самом расцвете творческих сил, и его эгоцентризм лишь усугубило сознание, что никогда еще он не писал так хорошо. Что из происходящего в мире могло иметь значение, когда он просыпался каждое утро, чувствуя потребность немедленно встать к мольберту? Ни человеческие судьбы, ни исторические события не могли повлиять на него, пока он горел желанием работать.

Но Кейт Мистраль всегда находилась в курсе событий, происходивших за пределами Фелиса. Она несколько раз в год ездила в Париж, чтобы поддерживать связь с миром искусства и покупать новые наряды. Хотя Кейт жила в деревне, она все равно хорошо одевалась. Она тесно сотрудничала с Авигдором, представляла мужа на вернисажах, на которых сам художник отказывался появляться. Иногда Кейт покидала его на целый месяц, отправляясь в Нью-Йорк, чтобы встретиться с родственниками. Но Мистраль едва ли замечал ее отсутствие.

После краха на бирже в 1929 году Кейт больше не была богатой. Ей еще крупно повезло, что она истратила значительную сумму на покупку фермы «Турелло». Это оказалось очень хорошим вложением денег. Ее муж, которому она преподнесла ферму как свое приданое, даже не подозревал, что они вновь богатеют день ото дня. Поля вокруг дома были засажены плодовыми деревьями и овощами, собранный урожай отправлялся в Апт для продажи. У них были великолепные свиньи, куры, утки, несколько лошадей, новейшая сельскохозяйственная техника и сноровистые работники. Как только рядом появлялся свободный участок, выставленный на продажу, Кейт сразу же его покупала. Одна только ферма давала достаточно дохода для вполне комфортного существования, с удовлетворением думала Кейт, когда снова и снова подсчитывала все возрастающие суммы от продажи картин, которые она хранила в банке в Авиньоне. Счет в банке был, разумеется, открыт на имя Мистраля.

Финансовые способности Кейт во многих смыслах компенсировали отсутствие душевной близости между супругами. Мистраль редко говорил с ней о своей работе и ни разу не попросил жену позировать. Мистраль почти никогда не приглашал ее в свою мастерскую. И все же Кейт прославилась как гостеприимная хозяйка. Дом она обустроила с максимальным комфортом, и знакомые Кейт и Мистраля проводили в «Турелло» выходные.

Когда игроки в шары собирались на площадке у кафе, Мистраль почти ежедневно присоединялся к ним после того, как заканчивал работать. Домой он возвращался поздно. Зимой, когда для игры становилось слишком холодно, он работал целый день и рано ложился спать, буквально падая в постель, как изнуренный фермер. Но все же Кейт принадлежало его тело, всегда ненасытное, изголодавшееся. Мистраль удовлетворял себя, но Кейт этого хватало, чтобы достичь оргазма, потому что она существовала в постоянном возбуждении, вызванном близостью мужа. Стоило ему только прошептать: «Терпение, Кейт, терпение», и она была готова принять его.

Сидя в одиночестве в гостиной, когда Жюльен уходил спать, Кейт понимала, что Мистраль был для нее наркотиком. Но она ни о чем не жалела, не вспоминала с грустью о светской жизни, от которой отказалась ради него. Кейт знала: то немногое, что остается у Жюльена Мистраля, помимо его творчества, безраздельно принадлежит ей. Она улыбалась в

темноте, защищенная толстыми стенами «Турелло», а за окном летели осенние листья, и тяжелая красная луна низко висела над замерзшими пустыми полями и голыми виноградниками.

Кейт не интересовалась гражданской войной в Испании, считая ее сугубо внутренним делом этой страны. Так она пыталась сохранить душевное равновесие, потому что в отличие от Жюльена читала газеты. В сентябре 1938 года было подписано соглашение в Мюнхене, и миллионы французов, англичан и немцев вздохнули с облегчением, уверенные, что войны не будет.

Летом 1939 года Кейт, не видевшая свою семью два года, отправилась в Нью-Йорк. Город предавался безудержному веселью в связи с открывшейся ярмаркой «Мир будущего».

За два месяца до этого Гитлер оккупировал Чехословакию, но каждый день по другую сторону океана двадцать восемь тысяч человек, для которых это событие не имело большого значения, выстаивали в очереди, чтобы взглянуть на весьма убедительный мир 1960 года, предложенный им компанией «Дженерал моторс». С точки зрения организаторов, должна была наступить такая эра, когда автомобили на дизельном топливе будут стоить не больше двухсот долларов и понесутся по безопасным хайвеям; изобретут лекарство от рака; федеральные законы будут защищать каждый лес, каждое озеро и каждую долину; каждый человек будет уходить в отпуск на два месяца в году, а у женщин и в семьдесят пять лет будет великолепная кожа.

— Кейт, ты должна немедленно вернуться домой, — заявил Максимилиан Вудсон Браунинг, любимый дядюшка Кейт, который до выхода на пенсию сделал карьеру как профессиональный дипломат. — В Европе оставаться опасно.

— Дядя Макс, откуда такой пессимизм? А как же Мюнхенский договор? Ведь Гитлер получил то, чего хотел. Он же не может повести себя как идиот и начать воевать с Францией. У нас есть линия Мажино, а солдаты Гитлера — это всего лишь плохо одетый и плохо вооруженный сброд. Это всем известно. У Германии нет оружия, даже форму шьют не из натуральной шерсти.

— Это все пропаганда, моя дорогая. Не верь тому, — что слышишь.

— Какая глупость! Зачем французским газетам и радио заниматься пропагандой? Разве они не свободны?

— Кейт, ситуация очень тревожная. Я считаю — и многие разделяют мою точку зрения, — что Гитлер обязательно постарается захватить остальные европейские страны. Это всего лишь вопрос времени. Если начнется война, ты можешь оказаться в ловушке.

— Но, дядя Макс, никто не хочет воевать, война никому не нужна. Ты сгущаешь краски.

— Кейт, ты невероятно поглупела!

Услышав такое от человека, которого она всегда любила и которым восхищалась, Кейт призадумалась. В конце концов дядя настолько убедил ее, что она немедленно написала письмо Жюльену, прося его приехать в Штаты.

Получив первое письмо от жены, Мистраль отложил его в сторону не читая. Опять какие-нибудь бабьи глупости. Зачем она только тратилась на марку? Он был очень занят, работая над серией, посвященной оливковым деревьям. В такое время Мистраль всегда старался защитить свои мысли от вмешательства извне. Ничто не должно помешать медленному вызреванию замысла. Второе и третье письма, полученные вскоре, Мистраль

прочитал и немедленно ответил — в весьма неприятных выражениях, — что крестьяне в Провансе не верят, что будет война. У Гитлера кишка тонка, чтобы сразиться с французской армией. Или родственники Кейт не знают, что англичане, впервые в истории, наконец сумели что-то сделать хорошо?

Получив письмо мужа, Кейт принялась искать ферму к северу от Дэнбери, где Мистраль был бы счастлив. Она не сомневалась, что в случае ухудшения обстановки Мистраль поймет, что она была права, как это всегда бывало. Зная Жюльена, Кейт понимала, что просто необходимо найти удобную мастерскую, чтобы заставить его переехать. Тогда он последует за ней, пусть и неохотно, сопротивляясь до последнего. Как только мастерская будет готова, Кейт вернется во Францию и увезет Мистраля.

Первого сентября 1939 года немецкие войска вошли в Польшу, а два дня спустя Великобритания и Франция, связанные договором, неохотно объявили войну Германии.

Жюльен Мистраль мог бы, если бы хотел, уехать из страны, как сделали это тысячи французов. Но он только что начал серию картин под общим названием «Оливы». Воздух изменился, стал прозрачным, насыщенно-золотистым, что означало конец лета. Подул его любимый леденящий ветер-мистраль, унося листву с оливковых деревьев, и Жюльен не желал думать ни о чем, кроме своей работы. Он не мог уехать из Фелиса, словно женщина, у которой начались роды.

Всю зиму в своей мастерской Мистраль писал летние оливы, эти странные мифические деревья-гермафродиты со старыми узловатыми мужественными стволами, почти уродливыми, над которыми возносились к небу изящные женственные ветки и листья, серебристо-зеленые, ведущие извечный диалог с солнцем.

Мистраль иногда приходил в кафе, и там было спокойно. После поражения Польши все сошлись во мнении, что должен найтись какой-нибудь способ побыстрее покончить с этой «странной войной». Но пока Мистраль писал свои оливковые деревья, немцы отдохнули, собрались с силами и атаковали Европу. Семнадцатого июня 1940 года старый маршал Петен, ставший премьер-министром Франции, попросил о перемирии, о передышке, о прекращении огня или попросту сдался — оценка его поступка зависела от политических взглядов говорившего. Но в любом случае ловушка захлопнулась.

«Почему именно теперь? — в ярости спрашивал себя Мистраль, кляня собственную неудачливость. — Почему сейчас, когда мне так много надо сделать? Почему сейчас, когда у меня нет ни секунды свободной, когда я пишу лучше, чем раньше? Зачем меня прервали, почему мне помешали? А что будет, если я перестану получать краски из Парижа? Ведь в Авиньоне до сих пор нет приличного магазина! А откуда, черт побери их всех, я буду брать новые холсты?»

Он метался по студии, собирал пустые холсты и мрачно пересчитывал их, понимая, что осталось совсем мало. Из Парижа давно уже не было поставок. Правда, как и все художники, Мистраль всегда запасал краски впрок, но кто может сказать, сколько ему понадобится? А тут еще ферма... После того, как Кейт уехала в Нью-Йорк, дела в хозяйстве шли все хуже и хуже.

Жан Полиссон, тот самый молодой фермер, которого Кейт поставила управлять фермой еще до своей свадьбы с Жюльеном, всегда нанимал работников весной и осенью. Но теперь нанять оказалось некого. Кто-то отправился воевать, кто-то оказался в немецком плену, кто-то должен был работать на собственной ферме, чтобы заменить ушедших на фронт.

Полиссон старался изо всех сил, и купленная Кейт техника помогала ему в этом. Но наконец ему пришлось обратиться к Мистралю — он просто ворвался и помешал ему работать, так определил это сам Мистраль, — чтобы предупредить, что горючее для тракторов на исходе. Новое правительство виши ввело карточки на все.

— Черт побери, Полиссон! Разве это мое дело? — проревел в ответ Мистраль.

— Прошу прощения, месье, но я думал, что должен сказать вам, раз мадам нет дома.

— Полиссон, делайте, что хотите, но больше не смейте входить в мою мастерскую! Вы поняли?

— Но, месье Мистраль...

— Хватит, Полиссон! — рявкнул его хозяин. — Разберитесь сами, для этого вы и наняты!

Жан Полиссон торопливо вышел. Он бормотал себе под нос, что хотя месье Мистраль отлично играет в шары, делает вид, что, живет как все фермеры в округе, и покупает посетителям кафе выпивку, он все равно остается чужаком из Парижа, и с этим ничего не поделаешь.

Через пять дней после перемирия, 17 июня, перед ужином, Марта Полиссон тихонько постучала в дверь мастерской Мистраля. Обычно она просто оставляла поднос с едой у двери, но на этот раз ей необходимо было обсудить с ним ситуацию, и экономка постаралась подавить свой страх.

— Что еще? — рявкнул в ответ Мистраль.

— Месье Мистраль, я должна с вами поговорить.

— Входите, черт бы вас подрал! Какого дьявола вам понадобилось?

— Приехали люди на автомобиле с вещами. Они просят разрешения остаться на ночь. Это месье и мадам Берман и трое их детей. Я попросила их подождать у ворот, пока не поговорю с вами. Они едут к границе, чтобы попытаться попасть в Испанию. Месье Берман говорит, что евреям теперь небезопасно оставаться во Франции.

Мистраль в ярости ударил кулаком по ладони другой руки. Шарль Берман и его жена Антуанетта были его старыми друзьями. Берман — скульптор, и они познакомились еще на Монпарнасе. Он снимал студию рядом со студией Мистраля на бульваре Араго и часто подкармливал Жюльена, когда тот сидел на мели. Но теперь у супругов было трое маленьких детей. Несколько лет назад Кейт пригласила их на выходные, и шумные малыши совершенно вывели Мистраля из себя. Невыносимо! Почему Берман думает, что может вот так запросто свалиться ему на голову со своей жуткой семейкой, и ждет, что Мистраль приютит и накормит весь этот табор? Кто знает, насколько они решат задержаться, если им здесь понравится. Если Берман решил бежать в Испанию, потому что он еврей, так это его проблема. Ведь война кончилась, перемирие установлено.

— Вы сказали им, что я дома? — поинтересовался он, обращаясь к Марте.

— Не совсем так. Я сказала, что должна спросить у вас разрешения, прежде чем пушу их в дом.

— Возвращайтесь к ним и скажите, что не можете меня найти, что я ушел, и вы не знаете, когда я вернусь. Скажите им, что вы не можете оставить их ночевать без моего разрешения. Избавьтесь от них под любым предлогом. Вы ведь не пустили их во двор?

— Нет, ворота закрыты.

— Отлично. Убедитесь в том, что они уехали. Проследите за ними, пока машина не

скрывается за дубовой рощей.

— Да, месье Мистраль.

Через день после того, как он не пустил Берманов в дом, Мистраль отправился в кафе в Фелис и заказал пастис на всех. Он внимательно прислушивался к разговорам мужчин у стойки, что было ему совершенно несвойственно. Впервые между посетителями кафе возникли серьезные разногласия. Мужчины, многие годы добродушно и с юмором обсуждавшие политические проблемы, разделились на два непримиримых лагеря. Одни считали, что Петен спас Францию, а другие называли его предателем.

Сходились только в одном вопросе. Всех раздражало нашествие людей с севера, которым удалось убежать из оккупированной зоны до закрытия демаркационной линии. Чужаки были повсюду, неподготовленные к побегу, охваченные паникой, мечущиеся в поисках хлеба и бензина. Они осаждали местные власти своими просьбами, налетали как саранча на деревни и фермы. Крестьяне с большим неодобрением относились к этим ордам, которым не сиделось на месте.

Мистраль вернулся домой задумчивый. Он знал слишком многих в Париже. И многие из его друзей были евреями. Из-за Кейт и ее неумного гостеприимства слишком много парижан знали дорогу к его дому. Следовало ожидать набегов нежеланных посетителей. Берманами дело не ограничится. Об их приезде невозможно узнать заранее, как нельзя предугадать степень их обнищания.

Он немедленно позвал к себе Марту и Жана Полиссонов.

— Полиссон, — обратился он к Жану, — я хочу, чтобы вы возвели ограду на повороте к «Турелло» с основной дороги. Я не хочу, чтобы сюда кто-то приезжал и мешал мне работать. В Провансе полно людей, которые постараются сесть мне на шею, а меня ни в коем случае нельзя беспокоить.

— Да, месье Мистраль.

— Мадам Полиссон, вы не должны прерывать меня, если я работаю. Если кто-то окажется у наших ворот, не беспокойте меня. Говорите, что я уехал, а вы не можете оказать им гостеприимство. Ни при каких обстоятельствах никому не открывайте ворота. Пользуйтесь окошком для почты. Вы меня поняли?

— Да, месье.

В следующие два года многие из друзей Мистралья, в ужасе покинув Париж, подвергая свою жизнь опасности, оказывались у ворот «Турелло». По дороге в Прованс им помогали простые французы и француженки, рисковавшие своими жизнями, укрывая незнакомых им людей. Все беглецы надеялись провести хотя бы одну ночь под крышей, вдалеке от преследователей, безжалостно охотившихся за ними. Большинство отчаявшихся все же добирались до высоких дубовых ворот фермы, но те оказывались на замке. А Марта Полиссон уग्रом отказывалась впустить их.

В основном бежавшие были евреями, и лишь немногие из тех, кому Мистраль отказал в помощи, пережили войну.

В июне 1942 года, идя в похоронной процессии за гробом матери, Адриан Авигдор понял, что теперь он может уехать из Парижа. Он поправил пиджак, чтобы ярко-желтая звезда Давида с черными буквами на ней, складывавшимися в слово «еврей», была хорошо

видна. В Париже очень часто задерживали женщин, носивших сумочку так, чтобы скрыть заметную издали звезду. Накануне арестовали мужчину, у которого звезда оказалась неаккуратно пришита. На прошлой неделе старенькую соседку Авигодора забрали и увезли неизвестно куда, только за то, что она вышла забрать почту в халате, на котором, разумеется, никакой звезды не было. По приказу от 29 мая 1942 года каждый еврей должен носить три звезды. Авигодору пришлось отдать карточки на текстиль за каждую из них.

Когда Авигодор два года назад решил остаться в Париже, он не мог предвидеть ничего подобного. А кто мог? Его мать была так изуродована артритом, что никуда ехать не могла. Они вместе смотрели из-за скрытых жалюзи окон его квартиры на бульваре Сен-Жермен на исход парижан.

Дни и ночи напролет людская толпа текла прочь из города. Французы пускались в дорогу на любом транспорте, бросая его, когда кончался бензин, чтобы продолжать путь пешком. Они несли плачущих детей, укрываясь от жаркого июньского солнца под зонтиками и соломенными шляпами, толкали перед собой детские коляски, наполненные бесполезными, но дорогими сердцу вещами. Фермеры тянули за собой коров, несли в деревянных ящиках домашнюю птицу.

— Уезжай, Адриан, уезжай, — упрашивала сына мадам Авигодор. — Я старуха. Ты не должен оставаться из-за меня. Мадам Бланше из квартиры напротив предложила ухаживать за мной. Уезжай из Парижа, сынок, пока еще есть возможность.

— Мама, не говорите глупости. Вы только взгляните на этих людей. Они не понимают, что делают. Это же стадо. Уверяю вас, у меня нет намерения присоединиться к нему. Разве могу я оставить моих художников, мою галерею?

Авигодор не стал говорить старушке, что не испытывает ни малейшего доверия к мадам Бланше и не хочет оставлять мать одну, когда в городе вот-вот появятся немцы. И он не лгал, ему и в самом деле необходимо было спасти множество картин, оставленных ему теми, кто решил бежать. Он не мог бросить полотна на произвол судьбы. Кто знает, что сделают с ними германские варвары? Гитлер ненавидел современное искусство. В глазах нацистов даже старина Пикассо был дегенератом. Так что Авигодор просто обязан был остаться.

И теперь, два года спустя, он мог только мрачно улыбнуться, вспоминая свою браваду, хотя и сейчас он принял бы точно такое же решение. Авигодор радовался тому, что ему удалось скрасить последние дни матери, и тому, что бедная женщина прожила недолго после приказа всем евреям старше шести лет нашить на одежду звезды Давида.

Но мать Авигодора прожила достаточно долго, чтобы отстоять на изуродованных болезнью ногах многочасовую очередь в префектуре Парижа и зарегистрироваться как еврейка.

Благодарение богу, она уже не узнает, что всем евреям Франции, вне зависимости от того, сколько веков они прожили в этой стране, запретили иметь свое дело или профессию, запретили пользоваться телефоном, покупать марки, посещать рестораны, кафе, библиотеки и кинотеатры, сидеть на лавочке в общественных скверах и парках. «Хорошо еще, — с мрачной иронией подумал Авигодор, — что нам разрешили покупать еду один раз в день с трех до четырех часов дня, когда большинство магазинов закрыты».

Авигодор знал, что Сутин нашел приют в Турени. Друг Авигодора и тоже дилер Канвейлер жил в Лимузене под именем Керсена, Пикассо продолжал работать в Париже, как и сотрудничавшие с немцами Кокто и Вламник.

Галерею Авигодора конфисковали, и последние несколько месяцев он собирал

информацию о том, как выбраться из Парижа. Главный его помощник Пола Деланд умерла несколько месяцев назад от сердечного приступа, и ресторан «Золотое яблоко» закрылся.

Пола с первых же дней стала активной участницей Сопротивления.

— Я тренировалась ради этого всю жизнь, — весело объявила она Авигдору. — Я всегда знала, что есть множество причин не уезжать из Парижа, а теперь я нашла самый лучший предлог. Я сижу здесь и помогаю другим уехать.

После первого приступа паники многие парижане вернулись в город. Те, у кого оставались деньги, не скрываясь, обедали и ужинали в ресторанах черного рынка и не испытывали чувства вины, так как десять процентов от уплаченного по счету шло на благотворительность. Как и большинство французов, Авигдор пользовался услугами черного рынка, чтобы не умереть с голода. Там отоваривались все, у кого были деньги.

Хорошенькие женщины носили новые шляпки. В кафе интеллектуалы продолжали вести жаркие споры. Люди все так же влюблялись, венчались в церкви, женщины рожали детей. Но не было ни одного человека, чья бы жизнь полностью не изменилась.

Авигдор пытался угадать, кому можно доверить свою жизнь, обратиться за фальшивым удостоверением личности и аусвайсом. Достать можно было абсолютно все, от явной фальшивки до подлинных документов, выданных полицией.

Нашлись надежные люди и еще оставались деньги, чтобы заплатить и выбраться из Парижа, ставшего для многих тюрьмой.

Две недели спустя Адриан Авигдор, обладатель удостоверения личности без надписи «еврей», необходимого аусвайса, карточек на продукты и одежду, ехал в битком набитом поезде, следующем на юг. Он сменил приличный городской костюм на синий комбинезон фермера и не спускал глаз с драгоценного для него велосипеда.

Несколько раз немецкие патрули дотошно изучали документы Авигдора, сличая его лицо с фотографией. Открытая, приветливая, честная и глуповатая физиономия с голубыми глазами ни разу не вызвала у них подозрений. Его документы, намеренно «состаренные» и стоившие ему столько же, сколько небольшое имение, оказались безупречными. Авигдор намеревался примкнуть к отрядам Сопротивления, действовавшим в районе Экс-ан-Прованса, но прежде решил заглянуть к Мистралю.

Кто знает, увидятся ли они еще когда-нибудь? Авигдору хотелось убедиться, что с художником ничего не случилось и он в безопасности. А что, если его отправили в Германию на принудительные работы? После капитуляции Франции связь между ними прервалась. Кое-какие новости все же доходили до Авигдора, и поэтому он был крайне встревожен отсутствием известий о Мистрале.

Адриану пришлось проделать на велосипеде долгий путь от вокзала в Авиньоне до Фелиса, и ему это понравилось. Он давно не был за городом, все как-то не хватало времени. Но следовало поспешить, чтобы добраться в «Турелло» до комендантского часа. Авигдор проезжал мимо невозделанных полей и заброшенных виноградников. Правительство Виши распоряжалось на неоккупированной территории ничуть не лучше немцев, с такой же легкостью оно отправляло на работу в Германию всех трудоспособных мужчин. Но так как продукты были тоже необходимы, то на полях трудились женщины, дети и старики.

С трудом переводя дух и с силой нажимая на педали, Авигдор въехал по дороге, ведущей к ферме, на холм, миновал дубовую рощу, пересек луговину и постучал в хорошо знакомые ему крепкие ворота. Ему пришлось долго ждать, пока наконец мадам Полиссон открыла

небольшое окошко и недовольно посмотрела на него.

Авигдор улыбнулся:

— Нет-нет, мадам Полиссон, не пугайтесь, я не привидение. Как приятно вас видеть! Я надеюсь, у вас найдется для меня бутылочка доброго вина? Открывайте же ворота! А где месье Мистраль?

— Я не могу вас пустить, месье Авигдор, — ответила она.

— Что-то случилось? — встревожился Адриан.

— Нет, месье. Просто я никого сюда не пускаю.

— То есть как? Я проехал на велосипеде от Авиньона. Вы чем-то напуганы, мадам Полиссон?

— Ничем, месье, я просто выполняю приказ.

— Но я должен увидеть месье Мистраля.

— Его нет дома.

— Но, мадам Полиссон, вы ведь меня знаете! Сколько раз до войны я гостил в этом доме! Я друг, даже более чем друг для месье Мистраля. Впустите же меня! Да что с вами такое?

— Это все в прошлом. Месье Мистраля нет, и я не могу открыть вам ворота.

— Где же он? Его забрали на работу в Германию? А где мадам?

— Как я уже сказала вам, месье, хозяина нет дома. А мадам у себя на родине. Всего наилучшего, месье Авигдор. — Экономка отошла от двери и захлопнула окошко перед его носом.

Авигдор не верил своим глазам и ушам. Ферма выглядела совершенно неприступной, как какой-нибудь средневековый замок. Что за черт! Почему она непустила его? И куда мог подеваться Мистраль? Интересно, что он сделает с этой мадам Полиссон, когда узнает, что эта мегера непустила его? Авигдор решил постучать еще раз, но сначала взглянул на небо. Уже начинало смеркаться, и до комендантского часа осталось совсем немного времени. Авигдор решил, что ему стоит поторопиться, если он хочет успеть вернуться в деревушку Бометт, где есть гостиница.

Разъяренный, изрыгающий проклятия, Авигдор оседлал свой велосипед и поехал прочь. Но в дубовой роще он остановился и оглянулся, чтобы бросить последний изумленный взгляд в сторону фермы.

И тут в окне верхнего этажа он увидел голову Мистраля, которого невозможно было спутать с кем-либо еще. Художник стоял и смотрел ему вслед. Благодаря острому зрению Авигдор сумел разглядеть непримиримое, решительное выражение на его лице. Их глаза встретились на какое-то мгновение. Мистраль отпрянул от окна. Авигдор с сильно бьющимся сердцем помчался обратно к воротам и стал ждать, что Мистраль спустится ипустит его в дом. Это все экономка. Мистраль, конечно, ничего не знал.

Медленно текли минуты, сумерки подступали к молчаливой, зловеще замершей ферме. Адриан Авигдор все понял. Он не плакал, когда немецкие солдаты маршировали по Елисейским Полям; он не проронил ни слезинки, когда пришивал желтые звезды на свою одежду; он не оплакивал мать, когда шел за ее гробом, но теперь слезы брызнули из его глаз.

Через пять месяцев, когда Авигдор уже работал на Сопротивление, союзники высадились в Северной Африке, немцы заняли всю территорию Франции. Неокупированная зона перестала существовать. Крупный немецкий гарнизон расположился

в Авиньоне, войска стояли в пяти километрах от Фелиса.

Почти два года Мистраль работал в поле. Даже ему пришлось признать тот факт, что, если он не будет участвовать в выращивании продуктов питания, как это делали все в Провансе, ему грозят принудительные работы. В любом случае, если он хотел есть досыта, то должен был обрабатывать землю. В магазинах Фелиса давно пустовали прилавки. Только фермер имел возможность есть хотя бы прилично. В больших городах люди умирали от голода, а молоко, мясо и масло увозили в Германию.

Мистраль днем трудился на ферме, а по ночам писал, как следует закрыв ставнями окна мастерской, чтобы ни один лучик света не пробивался в темноте. Он пользовался свечами, которые купила Кейт еще до войны. Его дальновидная жена многое запасла, и теперь у него было даже мыло, ценившееся на вес золота. Кейт набивала бельевые шкафы тяжелыми льняными простынями и скатертями, к большому неудовольствию Мистрала. Но теперь эти простыни после специальной обработки служили холстами для его картин. Они превратились в его бесценные сокровища. Когда он начинал работать, то забывал о намерении аккуратно расходовать краски. Очнувшись после многочасового стояния у мольберта, Мистраль с тоской разглядывал полупустые тюбики, бывшие такими полными, тяжеловесными до начала работы. Он чувствовал себя совершенно несчастным.

Прошло несколько недель с тех пор, как немцы заняли Авиньон, и перед домом Мистрала остановился черный «Ситроен». Из машины вышел немецкий офицер в зеленой полевой форме. Его сопровождали два дюжих автоматчика. Побледневшая, испуганная Марта Полиссон пошире распахнула ворота, чтобы водитель мог поставить «Ситроен» во дворе.

— Это дом Жюльена Мистрала? — спросил офицер на приличном французском.

— Да, господин.

— Идите и приведите его сюда.

Все французы боялись немецких военных, даже Жюльен Мистраль, хотя в его доме не нашлось бы радиоприемника, настроенного на волну Лондона, он не принимал участия в Сопротивлении, не сочувствовал ему и ничем не насолил властям Виши.

Офицер с улыбкой назвал себя:

— Капитан Шмитт. — Он протянул руку, и Мистраль пожал ее. Шмитт махнул рукой автоматчикам, и те опустили оружие. — Это большая честь для меня познакомиться с вами, герр Мистраль. Я давно восхищаюсь вашими картинами. Я и сам немного рисую, правда, совсем по-любительски. Но я большой поклонник искусства.

— Благодарю вас, — ответил Мистраль. Этот тип разговаривал точно так же, как десятки других мазил, общения с которыми он в прошлом всегда избегал. Униформа плохо сочеталась с комплиментами.

— До недавнего времени я находился в Париже и бывал у Пикассо в его мастерской. Я надеюсь, что вы позволите мне взглянуть на вашу студию, если это не причинит вам неудобств. Я столько читал о ней.

— Прошу вас, проходите. — Мистраль повел немца в то крыло, где он работал. Шмитт внимательно рассматривал полотна, которые Мистраль расставил вдоль стен. Его замечания оказались лестными, умными и тонкими. Видно было, что Шмитт действительно хорошо знаком с творчеством художника. Он становился все более разговорчивым.

— Я не могу не писать, — болтал Шмитт, — это моя слабость, во Франкфурте у меня своя студия. В Париже последние два года я рисовал каждые выходные. Вы понимаете, что

это такое.

— Отлично понимаю.

Капитан отдал приказание солдатам, один из них вышел и очень быстро вернулся с бутылкой коньяка. Оба автоматчика сразу же ушли.

— Я подумал... — Офицер явно смутился, протягивая коньяк Мистралю. — Прощу вас, позвольте мне... Вы окажете мне честь...

Тяжелый взгляд Мистраля остановился на вежливом, образованном, воспитанном и полном энтузиазма немце, первом человеке, увидевшем его работы за последние два с половиной года. Художник жил своим творчеством, дышал им, оно было неотделимо от него.

— Присаживайтесь, — пригласил Мистраль. — Я принесу стаканы. Давайте выпьем.

Капитан Шмитт стал постоянным гостем в доме Мистраля. Он появлялся каждые две-три недели. Во время первого визита он предложил Мистралю достать для него краски, разумеется, Мистраль пришел в восторг.

Когда в тот же год немцы частым гребнем прошли по Провансу, забрав фермеров для строительства военных баз, взлетных полос и дотов, Шмитт сделал на доске Мистраля особую пометку, навсегда освободившую того от работы на рейх.

Если соседей Мистраля и беспокоила его дружба с немецким офицером, художник об этом не узнал, потому что он больше не бывал в кафе Фелиса. Выпивки там не осталось, хотя возникла совсем новая атмосфера, полная недоверия и взаимных подозрений. Только мальчишки и старики изредка пытались играть в шары, но уже без Мистраля.

Как-то вечером, вернувшись с огорода, Мистраль увидел, что мадам Полиссон чем-то разгневана.

— Они пришли и все забрали. Абсолютно все! Последних кур, турнепс, банки с джемом, продуктовые карточки. Эти бандиты обыскали весь дом. Они даже меня обыскали! О, месье Мистраль, если бы вы только были дома...

— Кто это был? — жестко спросил Мистраль.

— Не знаю. Я никогда их раньше не видела. Какие-то чужаки. Молодые дикари! Они ушли через лес к Лакосту...

— Эти молодчики заходили в мою мастерскую?

— Они побывали везде, открыли все двери.

Мистраль бегом поднялся в студию и вернулся с криком:

— Где мои простыни?

— Они унесли их с собой, прихватили еще пододеяльники и скатерти.

— Все простыни?

— Что я могла сделать, месье Мистраль, как по-вашему? — возмущенно воскликнула экономка. — Говорю же вам, это настоящие бандиты.

Когда на следующий день на ферме появился капитан Шмитт, принесший показать Мистралю свое очередное творение, художник встретил его, убитый горем.

— Что случилось? Какое-то несчастье?

— Меня ограбили, — мрачно сообщил Мистраль.

— Кто? Немецкие солдаты? Если это так, то виновные будут наказаны, не сомневайтесь.

— Нет, я не знаю, кто это был. По словам моей экономки, какие-то молодые негодяи.

— Партизаны?

— Мне известно только, что они не из этих мест. Мадам Полиссон их никогда раньше не видела.

— Что они забрали? — Шмитта встревожило выражение отчаяния на лице Мистраля.

— Много чего, все какую-то ерунду, черт бы их побрал. Но они унесли мои простыни! Как я теперь буду работать? У меня не осталось ни одного холста. Я бы их убил, попадись они мне в руки. Ублюдки! Мерзавцы!

— Куда они направились?

— Не знаю я! Мадам Полиссон говорит, куда-то в сторону Лакоста, по лесной дороге. Но теперь они могут быть где угодно.

— Я посмотрю, нельзя ли достать для вас холсты. Это почти невозможно, но я попытаюсь вам помочь.

Шмитт вернулся через два дня и привез простыни.

— Холстов я не достал, но возвращаю вам ваши простыни, — с торжествующей улыбкой объявил он.

— Как вам это удалось?

— Мы нашли воров там, где вы сказали. Это был целый лагерь. Они обирали местных жителей. Что вы хотите, партизаны!

— Они не были партизанами!

— Были, Жюльен, были. Двадцать человек. Не волнуйтесь, эти свиньи никому больше не причинят вреда.

Тедди Люнель с тоской и завистью смотрела на своих одноклассниц. За те семь лет, что она провела в школе «Эльм», небольшом частном учебном заведении рядом с Центральным парком, она так и не стала своей среди них. И Тедди вынуждена была признать, что причина кроется в том, что она на них совсем не похожа.

Во-первых, у нее не было отца и многочисленных родственников. Во-вторых, ее мать, в отличие от матерей ее одноклассниц, работала целый день. В-третьих, Тедди из первого класса перешла сразу в третий и поэтому оказалась на год моложе остальных. И наконец, она была выше всех. Тедди решила, что именно из-за роста ее определили в аутсайдеры. Верховодили в классе несколько девочек, и именно они решали, кто самый популярный в классе. Тедди всегда оказывалась хуже всех.

Ее никогда не приглашали на дни рождения, за исключением тех редких случаев, когда чья-нибудь мама настаивала на том, чтобы дочь позвала весь класс без исключения. Во время перерыва на ленч никто не занимал для нее места в кафетерии. Если девочки собирались стайкой и о чем-то шушукались, никто из них не махал призывно рукой, подзывая Тедди.

Иногда Тедди казалось, что ее «исключили» из разряда своих с первого же школьного дня, и ничто не могло этого изменить. Ей некого было спросить, в чем дело. Ее как будто не замечали, и загадочное коллективное решение не подлежало обжалованию.

Рядом с ней не оказалось никого, кто объяснил бы Тедди, что всему виной ее красота. Ее внешность была настолько совершенной, что девочки не могли с этим примириться. Когда взрослые делали ей комплимент, а лишь немногим удавалось воздержаться от этого, Тедди не принимала их слова близко к сердцу. Ведь им было невдомек, что, несмотря на идеальную правильность черт и непобедимое очарование, никто не любил Тедди.

Кто в тринадцать лет склонен к философским обобщениям? В крови бурлит желание быть такой же, как все, принадлежать к какой-то группе, с кем-то шептаться, кому-то поверять свои секреты и чувствовать себя своей среди себе подобных. Так ведут себя люди в лепрозориях, тюрьмах и на тротуарах Калькутты. Тедди не понимала, что всегда есть те, для кого не находится места в общепринятой иерархии.

Но даже если бы она задумалась об этом и что-то поняла, это никак не исправило бы ее настроения. В тринадцать лет Тедди Люнель была выше своего преподавателя мистера Саймона, а он был мужчиной нормального роста.

Маги не могла даже представить, что ее дочь — пария в своем классе. Тедди не нашла в себе сил рассказать о своих переживаниях матери, которая так любила ее, так гордилась ею. И эта любовь требовала, чтобы Тедди была счастливой в своей исключительности и стала воплощением всего того, что Маги мечтала видеть в ребенке. Тедди с ужасом думала о том, что перестанет радовать мать, если признается, как одиноко и печально ей в школе. Она скрывала свои раны от Маги, словно и в самом деле совершила нечто позорное, заслужив подобное отношение к себе. В очень раннем возрасте Тедди научилась фантазировать, создавая у Маги впечатление, что ее дочь провела чудесный, ничем не омраченный день.

Маги часто задумывалась над тем, что Тедди не хватает нормальной, естественной уверенности в себе. Но, возможно, это и к лучшему, учитывая ее юный возраст, успокаивала

себя Маги, чувствуя себя мудрой и осторожной. Совершенная красота дочери казалась ей иногда колдовской. Тедди была существом, созданным из самых романтических контрастов. Ее густые темно-рыжие волосы вились, переливаясь всеми оттенками от каштанового до светло-золотистого. Белоснежная кожа отличалась прозрачностью дорогого фарфора, а вспыхивавший нежно-розовый румянец напоминал о лепестках цветущей яблони. Пухлые губы четкого, красивого рисунка казались накрашенными. Из-под изящно изогнутых бровей смотрели на мир широко расставленные, как у самой Маги, большие глаза, казавшиеся то серыми, то зеленоватыми, то голубыми в зависимости от освещения и настроения девочки. Нос хорошей формы придавал ей несколько высокомерный вид, но, пожалуй, был чуть крупноват для детского личика без косметики. Хотя Маги не сомневалась, что время исправит этот небольшой недостаток. Наметанный глаз Маги видел женщину, которой она станет, а не слишком высокую, слишком заносчивую, слишком не похожую на других девочку, какой она была на самом деле.

Когда агентство «Люнель» только начинало свою работу и Маги руководила им из дома, она радовалась тому, что работающие на нее девушки относятся к Тедди как к младшей сестренке. Ведь у девушки была только мать, и никого больше. Потом Маги заняла офисное помещение в административном здании Карнеги-холла, получила несколько телефонных линий, взяла на работу помощников. С тех пор она расширяла свои владения и штат каждый год. Тогда она просила няню Баттерфилд, а затем сменившую ее мадемуазель Галлиран приводить Тедди после школы Несколько раз в неделю к ней в кабинет, чтобы девочка могла побыть с ней несколько часов.

Когда Тедди подросла и должна была выполнять домашние задания, ей поставили небольшой письменный стол в одном из уголков поспокойнее. Девушки Маги, чье число достигло ста двадцати, заглядывали в «кабинет» Тедди, чтобы обнять ее, поболтать несколько минут, показать новые фотографии, пожаловаться на боль в ногах или попросить яблоко из корзины, всегда стоявшей на ее столе. Они ничем не хуже ватаги родственников, с вызовом думала Маги, отправляясь по субботам за покупками в магазин Сакса, чтобы приобрести для Тедди еще несколько новых кашемировых свитеров, дорогую импортную фланелевую или твидовую юбку.

От «Сан-Ремо», красивого многоэтажного дома на углу Семьдесят четвертой улицы и Западного Центрального парка, где Маги снимала квартиру, было совсем близко до школы «Эльм». Из окон дома были видны башни Пятой авеню, отделенные зеленым массивом Центрального парка. Именно эта отделенность понравилась Маги, когда та выбирала квартиру, хотя она могла позволить себе жить в самой элегантной части города на Восточных Шестидесятых или Семидесятых улицах и послать Тедди в более известную и модную школу. Но в Ист-Сайде девочка могла в любую минуту встретиться с кем-нибудь из Килкалленов, Макдоннеллов, Мюрреев или Бакли. Этот квартал принадлежал богатым католическим семьям, а после скандала с картинами Мистраля Маги старалась держать свою дочь подальше от них. Это легко сделать в большом городе. Достаточно сменить соседей и школу. Особенно легко, если ты никогда не принадлежал к этому кругу.

Тедди путешествовала по «Сан-Ремо», словно это были ее владения. Она знала историю жизни всех чернокожих лифтеров. Привратники обожали ее, и у них всегда находился кусочек мела, чтобы она могла порисовать на тротуаре. Тедди охотно играла в «классики» и благодаря длинным ногам всегда выигрывала. Вне стен школы она оставалась разговорчивой

милой непоседой, носящейся то на роликах, то на велосипеде. Зимой она с удовольствием каталась с гор в парке. За ней всегда увязывались дети помладше. Тедди рассказывала им длинные, запутанные истории о тропических джунглях или Амазонке.

Ранней весной, когда шел мелкий дождик и первые золотистые цветы форсайтии оживляли серый парк, Тедди находила пристанище в саду Анны Хэтавей у подножия старой каменной башни и сидела там одна. И тут ее фантазии вырывались из строгих рамок, ее надежды взмывали ввысь, сердце пело, и Тедди мечтала о любви, гадая, — когда же она придет к ней.

В тринадцать лет Тедди, закончила среднюю школу.

Когда девочка прошла через сцену в белом платье, чтобы получить диплом, в зале раздались аплодисменты. Маги пригласила на церемонию Дарси, Лонгбриджей, Гаю и Оливера Барнсов и кое-кого из моделей. Двенадцать девушек в самых модных шляпках, получающих самые высокие гонорары и снявшиеся на обложках многих журналов в 1941 году, аплодировали, свистели и радостно приветствовали дочку Маги, когда та с врожденной грацией, о которой многие из них могли только мечтать, прошла по сцене.

— Господи, До, — обратилась одна из них, только что отметившая свой двадцать четвертый год рождения, к своей соседке, — разве не чудесно снова было бы стать молодой?

— Я все еще молода, дорогая, — уверенно ответила ей До, но ледяной палец сомнения коснулся ее сердца. Ей тоже было двадцать четыре.

В старших классах школы Тедди вдруг стала общаться с такими же непопулярными девочками, как и она сама. Они сплотились в крепкий союз: Салли, вечно обливающаяся потом, настоящий книжный червь в очках с толстыми стеклами; заика Гарриетт в ортопедических ботинках; Мэри-Энн, любимица учителей, всегда сидевшая за первой партой, готовая триумфально поднять руку, если другие задерживались с ответом. Эти три девочки стали лучшими подругами Тедди.

После уроков она перестала ходить в парк или в агентство «Люнель», а готовила домашние задания со своими новыми приятельницами. Вся четверка собиралась у кого-нибудь дома, побыстрее заканчивала с уроками и приступала к живому обсуждению романтических мечтаний. Они не говорили о каких-то конкретных мальчиках или молодых людях, это был смутный образ представителя мужского пола, которому в далеком будущем предстояло появиться в их жизни. Самая горячая дискуссия разворачивалась вокруг первой брачной ночи. Разве можно показаться мужчине в такой ночной рубашке, какую носит мама? Ведь она совершенно прозрачная, через нее все видно! Каждая из девочек проверила содержимое комода своей матери и обнаружила этот невероятный, шокирующий факт. Как выйти из ванной комнаты и прошествовать через спальню, если рубашка просвечивает? Допустим, всегда можно надеть халат, но как его потом снять? А потом еще нужно лечь в постель... Или надо прилечь поверх одеяла? А что дальше? На этом месте все начинали хихикать и отправлялись на кухню за печеньем и колой.

Однажды Тедди попыталась рассказать своим подружкам, что происходит дальше:

— Отец берет пенис в руку и вставляет в вагину матери, сперма изливается...

Ее прервали возмущенные возгласы. Девочки не желали выслушивать такие отвратительные подробности. Они не могли поверить, что мама Тедди — пусть даже она и работает — рассказала дочери такие ужасные вещи. Им всем недавно исполнилось

четырнадцать, они еще не пришли в себя после шока от первых месячных, и то, что Маги называла «правдой жизни», казалось им совершенно неромантичным и абсолютно невозможным. Значит, незачем это все и выслушивать.

Интересно, что бы они сказали, если бы узнали о ней всю правду, часто думала Тедди. Ее подруги не хотят слушать, откуда на самом деле берутся дети, а как бы они повели себя, если бы узнали, что она незаконнорожденная?

Тедди уже и не помнила, когда Маги решила рассказать ей об этом. Между собой они всегда говорили по-французски, а не по-английски. Маги казалось, что на родном языке ей будет легче открыть дочери правду. Тедди была еще совсем крошкой, а когда выросла и поняла, что на самом деле означают слова матери, то была уже достаточно взрослой, чтобы все понять правильно. Как так получилось, что Тедди всегда помнила — никаких расспросов о прошлом матери? Когда она научилась твердо отвечать, что ее отец умер? Бог его знает, но все это стало само собой разумеющимся много лет назад, и Тедди приняла это как должное.

Тедди сама уходила от опасной и запретной темы. Понимание настолько укоренилось в ней, что это табу распространилось и на общение Тедди с подругами. Хотя их дружба предполагала общие секреты, взаимную поддержку, чувство локтя и помощь в сложный период полового созревания.

Маги не стала рассказывать Тедди об отце слишком подробно. Когда она сочла дочь достаточно взрослой, она сообщила, что отец Тедди был ирландским католиком, который умер от сердечного приступа прежде, чем успел жениться на ней. Оформить брак раньше им помешали законы церкви. То, как Маги изложила все это, навсегда отбило у Тедди желание расспрашивать. Мать выглядела такой печальной и напряженной, что девочка никогда бы не решилась ничего спросить.

Тедди боготворила свою мать и все же немного боялась ее. Маги Люнель пугала многих.

Привычка руководить, отвечать за собственное дело изменила характер Маги, придав ему черты, которых не хватало большинству женщин в сороковые годы двадцатого века. К ней трудно было относиться как к матери, но очень легко воспринимать ее как «босса». Именно так обращались к ней девушки из ее агентства, воздерживаясь от этого только в те моменты, когда Маги сердилась. Тогда они шепотом сообщали друг другу, что «Мария-Антуанетта» разбушевалась. В такие дни почти все девушки придумывали предлоги не появляться в агентстве. Те, кто задержался накануне вечером дольше положенного в «Сторк-клубе» или в «Эль Марокко», тщательнее обычного накладывали косметику, и ни одна из моделей не осмеливалась опоздать на съемку.

В тридцать четыре года Маги выглядела как настоящая, признанная красавица и вела себя соответственно. В семнадцать она выглядела взрослее своих лет, а теперь ее сверстницы казались старше. Время лишь подчеркнуло изящество ее черт, не состарив великолепной кожи. В движениях появилась уверенность, в золотисто-зеленых глазах засветились мудрость и опыт.

В офисе Маги всегда появлялась в сшитых на заказ, идеально сидящих черных или серых костюмах, меняя их летом на белые. Ее шею неизменно украшал бирманский жемчуг, подаренный ей Перри к двадцатилетию, а в петлице по-прежнему пылала красная гвоздика. Известный дизайнер создавал для нее шляпы, которые Маги не снимала даже в рабочем кабинете. Так поступали в то время многие дамы из мира моды. Маги находилась в

дружеских отношениях со многими из них. Она часто приглашала их на ленч в «Павильон», где для нее всегда был зарезервирован лучший столик.

Вечера она проводила с Дарси, лучшим другом, многолетним любовником, помощником в делах, за которого она не собиралась выходить замуж. Вот этого ее лучшая подруга Лалли Лонгбридж никак не могла понять, хотя Маги приложила все силы — господь тому свидетель, — чтобы объяснить.

Много лет назад Лалли спросила ее:

— Маги Люнель, ты совсем потеряла рассудок? Дарси умирает от желания жениться на тебе. Почему ты не скажешь ему «да», что тебе мешает?

— О Лалли, я не могу зависеть от мужчины. Все изменится, как только мы поженимся. Я отлично себе представляю, как будут разворачиваться события. Я буду появляться в своем офисе все реже и реже, пока совсем не заброшу бизнес. Я превращусь в домашнюю хозяйку, буду всюду сопровождать Дарси, следить за нашими домами, управлять прислугой, устраивать приемы и, вполне возможно, воспитывать детей. Я окажусь в его власти, Лалли, а этого я не хочу. Я не могу зависеть от мужчины, не могу позволить, чтобы он содержал меня. — Маги поставила бокал на стол и еле удержалась от желания встряхнуть Лалли, чтобы та наконец поняла. — А если выяснится, что мы не можем быть счастливы вместе и нам придется разводиться? И с чем я останусь? Нельзя бросить такой бизнес, как мой, а потом вернуться как ни в чем не бывало. Лучше все оставить так, как есть. Дарси знает, что я принадлежу ему и люблю его. В моей жизни нет другого мужчины. Мне его, конечно, жаль, но наши отношения иными быть не могут.

— А я собиралась организовать вашу свадьбу, — с преувеличенным сожалением заявила Лалли, но в глубине души она была встревожена подобными взглядами Маги на брак. Если бы все женщины так трезво рассуждали о разводе еще до свадьбы, род человеческий прекратил бы свое существование.

Маги понимала, что Тедди скоро начнет задумываться о ее отношениях с Дарси. Но если она не могла объяснить все умнице Лалли Лонгбридж, то она не станет даже пытаться говорить на эту тему с девочкой-подростком. Она столь многого не умеет объяснить своей дочери, с привычным чувством вины думала Маги. Она никогда не говорила Тедди, что и сама была незаконнорожденным ребенком. Из ее слов дочь поняла, что Маги очень рано осиротела. Тедди, зачитывавшаяся «Грозovým перевалом», бредившая «Унесенными ветром» и посмотревшая «Филадельфийскую историю» четырнадцать раз, утешалась романтическими сказками и ни о чем не расспрашивала мать.

Маги не воспитала дочь религиозной, а когда спохватилась, оказалось уже слишком поздно. Себя она осознавала еврейкой, но это никоим образом не зависело от соблюдения религиозных догм. Маги жила в плотном еврейском окружении в детстве, а раввин Тарадаш являл собой образец достоинств и мудрости иудаизма, но когда она убежала из дома, то совершенно не испытывала потребности следовать каким-либо традициям. Она ощущала себя еврейкой, и все тут. Та менора, которую она когда-то купила для своей новой квартиры, так и осталась в Париже. А приобрести взамен другую Маги отчего-то не хотелось.

Она послала было Тедди в воскресную школу при испанской и португальской синагоге. К ней отнесли как к чужой. Тедди решила, что ничто на свете не заставит ее вернуться туда, потому что по сравнению с этой воскресной школой порядки в школе «Эльм» казались просто райскими. Когда Тедди подросла и могла сама доехать на автобусе до собора Святого

Патрика, она вошла под его высокие своды, села на жесткую скамью и со страхом оглянулась.

Огромное каменное строение, разноцветные витражи, мягкое мерцание тысячи свечей, молчаливые, уверенные в себе люди, точно знающие, зачем они здесь и как должны себя вести... Какое отношение это имеет к ней, Тедди Люнель? Никакого, решила она. Она не католичка и не еврейка. Матери девочка объявила, что считает себя пантеисткой или, может быть, язычницей. Во всяком случае, ей больше по душе яблони в цвету, сестры Бронте, плакучие ивы, сиамские кошки, хот-доги на Джоунс-бич и паром Стейтен-Айленда.

— Пэтси Берг трогала мальчика там! — объявила Салли так, словно сама не верила своим словам.

— Я тебе не верю! — пораженно выдохнула Мэри-Энн.

— Если она так поступила, значит, он ее заставил, — сказала Гарриетт с видом знатока.

Тедди промолчала. Она бы отдала многое, чтобы только увидеть эту штуку. Чтобы до нее дотронуться, об этом она даже не мечтала. Она долго бродила по залам музея Метрополитен в надежде найти скульптуру с таким пенисом, который не выглядел бы как мраморная завитушка, похожая скорее на украшение для торта. Большая часть мужских изваяний вообще была лишена этого органа, обломанного как носы греческих статуй. Тедди не сомневалась, что музейные экспонаты далеки от правды.

Но ей вот-вот должно было исполниться шестнадцать, а только один мальчик приглашал ее на свидание, троюродный брат Гарриетт, которого звали Мелвин Алленберг. Он оказался крошечного роста, хрупкостью сложения напоминал эльфа и носил очки с толстыми стеклами. Но он учился в последнем классе школы, и что-то в его смущенной улыбке напомнило Тедди известного актера.

Когда Мелвин впервые увидел Тедди, она с легкостью вошла в его мечты, наполненные обожанием и желанием. Ее рост казался еще одним достоинством в сонме тех, которые украшали рыжеволосую девушку. Его воображение уносило Мелвина на остров, населенный высокими, красивыми женщинами, которые по первому требованию исполняют все его желания.

Перед тем как отправиться на свидание, Тедди сбрила тонкие золотистые волоски на ногах. Она первой из дружной четверки сделала это. Остальные наблюдали за ней с выражением мрачного отчаяния.

— Они отрастут и будут колоться, как щетина у мужчин на щеках, — предупредила Мэри-Энн. — Теперь тебе придется делать это каждую неделю.

— Всю оставшуюся жизнь, — не удержалась от ядовитого замечания Салли.

— Не могу поверить, что ты пошла на это ради коротышки Мелвина. Согласна, ему уже восемнадцать, но ты просто дурочка, Тедди Люнель. — Гарриетт неодобрительно сощурилась. — Ты знаешь, что сказала его мама моей? Она назвала собственного сына странным! Предполагается, что у него очень высокий коэффициент умственного развития, но он не хочет учиться в колледже, не интересуется спортом и ничем другим, кстати, тоже, кроме своего фотоаппарата и темной комнаты... Тетя Этель не может удержать в доме ни одну приличную горничную, потому что Мелвин заставляет их позировать. Горничную, ты представляешь? И потом, тетя нашла в его комнате кучу неприличных журналов. Тебе следует быть с ним поосторожнее. Пусть он достает тебе только до плеча, но кто знает, что у него на уме?

Тедди улыбнулась Гарриетт и принялась за левую ногу. Они просто завидуют, решила она. Ни одну из них еще ни разу не пригласили на свидание.

Тедди просидела весь фильм — «Смотри в оба, рядовой Харгроу», — не осмеливаясь встретиться взглядом с Мелвином, но она чувствовала, что он время от времени пристально рассматривает ее профиль, странно склонив круглую курчавую голову.

После сеанса они ели вафли, и Мелвин торжественно заявил:

— Ты самая красивая девушка в мире, Тедди Люнель.

— Я? — Она не поверила своим ушам.

— Совершенно верно. — Его очки блеснули, когда он посмотрел на нее. — Я признанный знаток женской красоты. Можешь спросить у нас в школе, и тебе это любой подтвердит.

— Я тебе не верю!

— Верить или не верить, это значения не имеет.

Тедди вспыхнула от смущения, в ушах стоял гул, и она испугалась, что вот-вот расплачется. Она часто слышала комплименты от взрослых и никогда не придавала им никакого значения, но слова Мелвина! Он действительно думал так, как говорил, ошибиться было невозможно. Этот юноша как будто вынес ей приговор, а за толстыми стеклами очков сияли его умные, пронизательные, ярко-синие глаза. На его забавном круглом лице появилось выражение крайней серьезности. Мелвин выглядел как крохотная пичужка, сосредоточившаяся на необычайно упитанном червяке.

— Я стану называть тебя Рыжиком, — продолжал Мелвин. — Каждой красавице просто необходимо прозвище, чтобы ее красота не казалась такой пугающей. А называя тебя Тедди, я всякий раз вспоминаю о Теодоре Рузвельте. Когда парень смотрит на тебя, Рыжик, он видит то, что до этого считал несуществующим или возможным только на киноэкране. И он сразу пугается, что не сумеет сказать ничего интересного, ему не удастся привлечь твое внимание. Скорее всего, у тебя с этим возникнут проблемы. Люди не смогут с тобой нормально разговаривать и вести себя как обычно. Все красивые женщины от этого страдают. Только особенные мужчины понимают их.

— Ты просто псих, Мелвин Алленберг. — Тедди никак не могла прийти в себя от тех слов, что он так спокойно, с такой уверенностью наговорил ей.

— Подумай об этом, Рыжик, просто подумай, — миролюбиво успокоил он ее. — Когда-нибудь мы оба будем богаты и знамениты, и тогда ты скажешь мне, что я был прав.

Тедди не нашлась, что ответить. Это его небрежное «когда-нибудь» подействовало на нее так, словно волшебный луч указал ей дорогу в будущее, более того, подтолкнул ее к неведомому миру, где Тедди Люнель двигалась легко и свободно, где невозможное становилось возможным. Она опустила голову и впервые в своей жизни задала провокационный вопрос:

— Что такое грязный журнал, Мелвин?

— Значит, Гарриетт рассказала тебе. Я не могу даже собрать коллекцию художественных снимков, семья немедленно называет меня грязным чудовищем. Скажи, Рыжик, неужели я и тебе кажусь грязным чудовищем?

— Гарриетт никогда не говорила мне, что ты грязное чудовище. — Тедди поспешила защитить подругу. — Она вообще ничего не рассказывала о тебе, пока ты не пригласил меня в кино.

— Что ж, о тебе она тоже не упоминала, так что все справедливо. И к тому же я с ней не вижусь. Наши матери заключили своеобразный пакт и стараются не встречаться.

— Так Гарриетт никогда не говорила тебе о моей семье, о моем... отце?

— Нет. А зачем?

— Видишь ли, мой отец служил в бригаде имени Авраама Линкольна... Он погиб, сражаясь с фашистами в Испании... Он был настоящим героем.

Мелвин торжественно произнес:

— Господи, как ты должна гордиться им!

— Я горжусь. Моя мама... так и не смогла оправиться после его смерти. Она целиком посвятила себя работе. Мама — француженка из аристократической семьи. Среди ее предков есть даже один маркиз, которого казнили во время Великой революции... У них конфисковали всю землю и все деньги, но осталась гордость. Мама последняя в роду, вернее, последняя представительница семьи — это я... — Голос Тедди звучал мечтательно.

Ее собеседник заворуженно сглотнул. Точно, Рыжик не похожа на тех девушек, с которыми он встречался раньше.

— Ты часто проводишь время вне дома? — поинтересовался он несмело после довольно долгой паузы, которой, по его мнению, следовало отдать дань погибшему маркизу.

— У меня очень строгая мама. Она разрешает мне всего два свидания в неделю, по пятницам и субботам. В воскресенье я должна рано ложиться спать из-за школы.

Мелвин немедленно взглянул на часы, так как ему напомнили о времени.

— Идем, я провожу тебя домой, Рыжик. Твоя мама сказала, что мы должны быть дома к половине двенадцатого. Я не хочу, чтобы у тебя были неприятности.

У парадного Мелвин Алленберг взглянул на странно молчаливую Тедди снизу вверх.

— Ты уже видела «Джейн Эйр»? — поинтересовался он.

Пусть он смешной коротышка, но Мелвин верил, что всегда надо просить то, чего тебе хочется, какой бы странной ни казалась просьба.

— Нет, — ответила Тедди, уже трижды посмотревшая картину.

— Хочешь сходить в следующую субботу? Если ты, разумеется, свободна.

— Гм-м... Может быть, сходим в пятницу? К сожалению, суббота у меня уже занята.

— Договорились, — просиял Мелвин. Как всегда его примитивный подход к решению проблемы, неведомый большинству восемнадцатилетних юношей, имел успех.

— Спасибо за приятный вечер, — поблагодарила его Тедди, которую перед свиданием ревностно натаскивали три ее подружки.

Мелвин улыбнулся, светская фраза Тедди вселила в него уверенность.

— Надеюсь, что ты так же хорошо провела время, как провел его я. Послушай, я сразу могу сказать, что ты не из тех девушек, кто позволил бы парню поцеловать себя на первом же свидании, но, может быть, ты сделаешь исключение?

Тедди не колебалась ни минуты. Она сняла с него очки и в порыве благодарности так крепко обняла его, что он уткнулся носом в ее ключицы. Мелвин высвободился и укоризненно покачал головой.

— Не так, Рыжик. Нагнись ко мне и стой спокойно. — Он коснулся ее губ целомудренным поцелуем. — Вот так! А теперь пообещай мне, что больше никому этого не разрешишь.

— Обещаю, — прошептала Тедди. Мужские губы оказались совсем непохожими на женские. Кто бы мог подумать? С первой в жизни игривой, флиртующей улыбкой она

нагнулась снова, легко поцеловала Мелвина и снова водрузила ему на нос очки. — Только не говори никому, — пробормотала она. — А то ты разрушишь мою репутацию.

— Что ты ему сказала?! — Банни Эббот, соседка Тедди по комнате, не могла прийти в себя от изумления. Ей казалось, что она уже изучила все фантазии Тедди, сделавшейся знаменитостью среди четырехсот первокурсников мужского пола, поступивших в колледж Уэллесли вместе с ней осенью 1945 года.

— Я всего лишь прибавила себе росту, — спокойно повторила Тедди, вернувшаяся из телефонной будки, стоявшей в коридоре. — Таким образом, я избавляюсь от коротышек.

— Почему ты вообще продолжаешь эти свидания вслепую? — спросила Банни. — У тебя и так не осталось места в ежедневнике, все расписано по часам.

— Это меня забавляет... Возникает такое чувство, словно открываешь подарок на Рождество. — Голос Тедди звучал намеренно равнодушно, потому что она понимала, что не может объяснить то ощущение острого счастья, которое она испытывает здесь, в колледже. В первый же день своего появления в Уэллесли Тедди как будто заново родилась. Ее охватило пьянящее чувство радости. Каждую ночь она долго лежала без сна, пытаясь разобрать по косточкам и разложить по полочкам причины охватившего ее безграничного блаженства.

Тедди стала невероятно популярной. Каждый день ближе к вечеру телефон в спальном корпусе принимался трезвонить, не переставая. Девушка, отвечавшая на звонки, кричала «Люнель» с ироничной покорностью, но без всякого осуждения. В колледже Тедди поняла, что можно жить, будучи не похожей ни на кого.

На ее курсе были девушки, просиживавшие за книгами полночи. С ней учились и те, кто мечтал стать старостой, кто не интересовался ничем другим, кроме искусства, музыки или философии, и даже те, кто после занятий усаживался играть в бридж и при этом вязал носки со сложным узором. Если Тедди Люнель больше всего интересовалась мальчиками, то до этого никому не было никакого дела, пока она успешно училась. Она оказалась достаточно смышленной, раз ее приняли в Уэллесли вместе с остальными, так что прежде всего для девушек она оставалась их соученицей, с которой они провели в колледже уже четыре года.

В кампусе колледжа Уэллесли разразилась эпидемия свиданий, которая началась сразу после того, как только что поступившим девушкам раздали маленькие красные книжечки с фотографиями первокурсниц и их краткими биографиями. Предполагалось, что так им будет легче познакомиться между собой, но не прошло и суток, как копии разлетелись по всем мужским общежитиям колледжей Новой Англии, где среди вновь поступивших оказалось много ветеранов Второй мировой войны.

В течение второй недели обучения Тедди получила приглашения на все футбольные матчи вплоть до Рождества. Девять человек пригласили ее на зимний карнавал в Дартмуте, и ей оставалось только выбрать, с кем она туда отправится. И если бы не учеба, то она могла бы каждый вечер ужинать с разными мужчинами из расположенного по соседству Гарварда.

Когда Тедди в тот год приехала домой на рождественские каникулы, Маги поняла, что ее высокая дочка стала молодой женщиной, соблазняющей мужчин без всяких усилий с ее стороны. В холодильнике горами лежали присланные орхидеи, которые Тедди могла при желании приколоть к корсажу платья. Каждое утро почтальон приносил любовные послания. Тедди отправлялась на свидание каждый вечер, а потом спала до полудня. Маги, наблюдая за дочерью, решила, что пусть лучше та флиртует и веселится, безжалостно издеваясь над поклонниками, чем станет одной их тех дурочек, которые доверяют

мужчинам, потому что вообразили, что их и в самом деле любят.

Первые годы учебы в колледже Тедди провальсировала, окруженная любовью, и эти годы остались у нее в памяти, как первый поцелуй, который невозможно забыть и невозможно повторить. Один роман сменялся другим, и ее уверенность в собственных силах росла. Тедди научилась держать себя в руках и носить маску вечного счастья, как будто ничто на земле не могло ее расстроить или взволновать. Теперь она входила в каждую комнату с таким видом, словно не сомневалась, что ей рады. Любые перемены она принимала, будто их придумали исключительно с намерением доставить ей удовольствие. В ее мире не осталось места для разочарований и несбывшихся ожиданий.

«Я не верю, что это происходит со мной», — говорила про себя Тедди снова и снова, но она ни разу не произнесла этого вслух, потому что ее не покидал страх вновь оказаться аутсайдером так же неожиданно, как она взлетела на пике популярности.

Каким-то образом окружающему миру не удавалось проникнуть в ее подсознание, формируя жизненный опыт, на который она могла бы опереться. Ей было только шесть лет, а она уже научилась превращать повседневность в нечто более привлекательное, когда рассказывала Маги о проведенном в школе дне. Теперь каждый день был окрашен в самые радужные тона, и все-таки этого Тедди казалось мало. Внешний успех почему-то не мог преобразоваться во внутреннее удовлетворение, которое подарило бы ей покой. Мало-помалу фантазия, заставившая ее выдумать историю об отце, погибшем в Испании, и облагородить происхождение матери в разговоре с Мелвином Алленбергом, стала вторым «я» Тедди Люнель и расцвела пышным цветом.

Встречаясь со студентом из Гарварда, Тедди говорила: «Мой отец учился в Гарварде. Пока он не погиб, папа всегда водил меня на матчи по футболу, если команда Гарварда играла недалеко от Нью-Йорка. Он погиб на Тибете во время восхождения, но успел спасти тех, кто был с ним рядом». В Принстоне, среди тех, кто обсуждал планы на лето, она предавалась ностальгическим воспоминаниям: «В детстве я каждое лето проводила в семейном замке в Дордони. Люнели живут в Дордони с незапамятных времен. В замке около сотни комнат, но половина превратилась в настоящие руины. После смерти бабушки я ни разу там не была». На зимнем карнавале в Дартмуте она признавалась своему кавалеру: «Ты не будешь возражать, если я не стану кататься на лыжах? Видишь ли, мой отец погиб в Альпах на глазах у моей матери. Он прыгал с трамплина, готовясь к Олимпийским играм. С тех пор мама так и не стала прежней».

Никто ни разу не усомнился в правдивости ее рассказов. Тедди выглядела настолько необычно, что в ее жизни просто обязано было найтись место для трагедии и романтики. И потом, она обрушивала плоды своих фантазий только на головы тех молодых людей, с кем не планировала встречаться в Нью-Йорке, где они могли бы познакомиться с Маги и узнать правду.

А Маги взяла за правило знакомиться с теми молодыми людьми, с которыми встречалась дочь, при всякой возможности. Черда молодых людей в рубашках-поло, розовощеких, неиспорченных и преисполненных уважения, успокоила ее. Она решила, что они не могут обидеть ее дочь.

— Я уверена, что такое количество поклонников абсолютно безопасно, — говорила она Лалли Лонгбридж. — Хорошо, что Тедди встречается с десятком молодых людей, а не с одним или двумя. Но она ужасно с ними обращается... Я просто перестала ее понимать, если

вообще когда-нибудь понимала. Я догадываюсь, что уже слишком поздно, ведь она учится в колледже, но все же мне не по себе. Я как будто утратила связь с ней... Тедди пугает меня, Лалли, а ведь я дала ей все... Я так ее люблю. У нее всегда был уютный дом, я всегда покупала ей самую лучшую одежду... Я просто не понимаю...

— Половина матерей из тех, с кем я знакома, говорят о своих дочерях то же самое, — успокаивала ее Лалли, защищенная своей бездетностью, о которой она редко сожалела. — Как только девочки уезжают в колледж, они становятся чужими. Ты уверена, что в жизни Тедди нет молодого человека, к которому бы она относилась серьезно? Ей скоро двадцать. Интересно, что ты делала в этом возрасте?

— Весь день примеряла наряды и вела жизнь замужней женщины, — задумчиво ответила Маги. — Мы во Франции настолько быстро выросли. Или так было только в двадцатых годах? Не знаю, но молодые люди, окружающие Тедди, кажутся мне такими незрелыми. Они еще только ищут свой путь в жизни. Дочь уверяла меня, что эти мальчики даже не думают о том, чтобы заняться с ней любовью. Как ты думаешь, это правда?

— Разумеется, правда! О чем ты говоришь, Маги Люнель? Милые мальчики никогда не занимаются сексом с милыми девочками.

Все зависит от того, что понимать под «милыми», думала Маги, вспоминая, как у нее самой бурлила кровь от звуков гавайской гитары, как сводило ее с ума багровое небо над Монпарнасом, как тягучие мелодии танго заставляли семнадцатилетнюю девочку тяготиться своей невинностью. И ничто не могло заставить ее забыть, как весенним вечером пятьсот человек аплодировали и улюлюкали от восторга при виде ее обнаженного тела.

Но Лалли Лонгбридж не ошибалась. Конец сороковых годов был очень консервативным периодом. Большинство однокурсниц Тедди оставались невинными до замужества, и в эту эпоху флирта и поддразнивания Тедди Люнель причиняла подлинные физические мучения большому количеству молодых людей, чем любая другая девушка в Бостоне. На нее очень сильно повлияло подозрительное отношение Маги к мужчинам.

Лишь немногие молодые люди удостоивались разрешения целовать Тедди на заднем сиденье автомобиля или на диване в полутемной комнате, пытаясь достичь оргазма через плотную ткань, разделявшую их тела, потому что Тедди никому не разрешала расстегнуть брюки или забраться к ней под юбку. Она торжествовала над ними, позволяя получать лишь то удовлетворение, в котором она сама непосредственного участия не принимала. И никто из них не догадывался, что Тедди сама достигала оргазма очень легко, не выдавая себя ни единым звуком или движением, стоило ей только почувствовать прикосновение напряженного члена, скрытого брюками. Этот оргазм достигал ее даже на танцевальной площадке. Она никого не подпускала настолько близко к себе, чтобы кто-то узнал эту ее маленькую тайну. Платой за ее жестокость становилось наслаждение, когда молодые люди делали ей предложение.

Она не относилась равнодушно к тем, кто любил ее, но их мучения ее совершенно не трогали. Тедди обожала собственную популярность. Недоступная, высокомерная, отчаянная чувственность становилась несколькими капельками влаги для мужчин, жаждавших утолить жажду. Это сводило их с ума. Ощутить прикосновение ее набухших сосков, обнимать хрупкое, благоухающее тело, чувствовать, как от поцелуев опухают губы, и быть остановленными ее железной волей... «Я надеюсь, Тедди Люнель, — сказал ей один из них вне себя от ярости, — что однажды кто-нибудь заставит тебя страдать так же, как страдаю

сейчас я».

Она изобразила приличествующее случаю сожаление, но не усомнилась, что такого никогда не случится.

Если в хороших колледжах в конце сороковых годов девушки редко занимались сексом до брака, то выпивали все без исключения. На первом же футбольном матче на стадионе Гарварда, на который пригласили Тедди, она попробовала очень крепкий ромовый пунш.

В колледже Уэллесли практически царил сухой закон. За пьянство на территории колледжа студентку исключали немедленно.

И ей понравилось пить. По-настоящему понравилось. Только спиртное позволяло ей достичь ощущения, когда мир наконец, становился понятным и появлялась возможность им управлять.

Тедди оставалось проучиться в колледже последний год. В самом начале осени в воскресенье ее приехали навестить участники музыкального ансамбля из Гарварда. Тедди отвела их в «Арборетум», скрытое от посторонних глаз и мало посещаемое место, где за зданием факультета естественных наук росли редкие деревья. Они вошли в ельник, наполненный ароматом смолы, под ногами зашептались опавшие иголки, и все инстинктивно понизили голос. Казалось, молодые люди очутились в совершенно незнакомом уголке, где-то далеко от Уэллесли.

— Выпьешь, Теодора? — поинтересовался один из ребят, вынимая из кармана фляжку и усаживаясь под деревом.

— Гарри! Что ты такое говоришь? Ты сошел с ума?

— Ничто не сравнится с глотком шнапса на свежем воздухе. Брось, здесь же никого нет, кроме нас, а мы, увы, совершенно безобидны.

— Не смейте! — крикнула Тедди, но студенты уже пустили фляжку по кругу.

Сначала она отказалась с ними пить, но потом, подчиняясь расслабляющему аромату смолы и неожиданно теплему октябрьскому воздуху, она осмелилась пригубить спиртное. Затем повторила, а потом приложилась и в третий раз. Гарри оказался прав. Выпивка на свежем воздухе оказалась волшебным приключением. Любой напиток действует иначе, если человек ощутил себя частью природы. «О, как прекрасно ощутить себя частью природы, какое блаженство», — думала Тедди, делая добрый глоток шотландского виски из второй фляжки.

— У джина отвратительный запах, бурбон слишком крепкий, смешанный виски просто ужасно, но тот, кто изобрел шотландский виски, был человеком добрым и искренним, — громко объявила Тедди. Она чувствовала, что совершила величайшее открытие.

— Роберт Грейвс выжил в окопах Первой мировой войны только потому, что выпивал по бутылке шотландского виски каждый день, — сказал Лютер, сосед Гарри по комнате. — А мне хватит и половины.

— А ты даже писать не можешь, — поддел его Гарри.

— Но я могу петь, правда, Гарри?

— Лютер, разумеется, ты можешь петь. Мы все можем петь чертовски здорово, что и делаем! И сейчас мы тебе споем, Тедди!

И ребята в самом деле запели, сначала негромко, нежно выводя старинные лирические баллады, настолько приглушая голоса, что было слышно пение птиц. Тедди улеглась на

спину и наслаждалась музыкой и покоем. Потом студенты запели футбольные песни, уже не замечая, что их голоса громко разносятся по всему лесу. Тедди вскочила на ноги и исполнила какой-то дикий танец на еловых иглах. Пятеро певцов заплодировали.

— Еще, Тедди, еще!

— Спойте песню Йеля, и я станцую.

— Ни за что.

— Ты предательница Гарварда, Теодора!

— Тогда спойте боевую песню ирландцев, — настаивала Тедди, чуть покачиваясь.

— Какого черта?

— Мы же не ирландцы!

— Да ладно вам, порадуем красавицу, а она пускай танцует.

Голоса взмыли вверх в боевой песне, а Тедди закружилась по поляне, неукротимый демон в шортах, удивительно грациозная и совершенно пьяная.

Именно во время выступления «на бис» ее увидели преподаватель философии и его жена, когда, привлеченные шумом, заглянули во время привычной послеобеденной прогулки в «Арборетум».

Через два дня Тедди уехала из Уэллесли. Ее исключили. Дело было немедленно расследовано, приговор вынесен и обжалованию не подлежал. Совершенное ею преступление оказалось слишком серьезным.

Садясь в поезд, Тедди помахала на прощание виновато понурившимся певцам из Гарварда, пришедшим ее проводить. Но когда поезд набрал скорость, она уронила голову на руки и закрыла глаза. «Глупая сука, глупая сука, безмозглая корова! Сама во всем виновата. Почему я решила, что мне все сойдет с рук? Дура, дура, чертова дура! Я все потеряла, все... Меня выбросили из рая пинком... И навсегда. Я никогда больше не буду счастлива». Она бы застонала или выругалась вслух, но вокруг сидели другие пассажиры. Никогда еще она не чувствовала себя такой беспомощной. Тедди и раньше не сомневалась, что ее жизнь в колледже слишком хороша, чтобы быть правдой. Ничто столь прекрасное не может длиться вечно. И вот теперь все подсознательные страхи, все мучившие ее предчувствия сплелись в один плотный комок, душивший ее.

Наконец она немного пришла в себя и заказала сэндвич и кофе. Во время еды она осмотрелась по сторонам, впервые с той минуты, как вошла в вагон. С ней вместе путешествовали бизнесмены, и куда бы Тедди ни взглянула, она всюду наталкивалась на чужой взгляд, полный одобрения и восхищения. Мужчины смотрели на нее со жгучим интересом, их взгляды притягивали к себе, звали. У Тедди впервые отлегло от сердца с того момента, когда профессор Томкинс изумленно окликнул ее: «Мисс Люнель!» Тедди встала и медленно прошла по всему вагону до туалета. Оказавшись в узком пространстве, напоминающем шкаф, она встретилась глазами с собственным отражением. Неважно, что чувствовала Тедди, внешне за последние два дня она ничуть не изменилась. Поезд неотвратимо приближался к Нью-Йорку, а значит, все меньше времени оставалось до разговора с Маги, которого Тедди панически боялась. Было так страшно, что она даже не пыталась себе представить, что скажет ей мать.

«Ты должна что-то сделать, — мрачно сказала она себе. — Ты не можешь вот так явиться и сообщить, что тригода учебы пошли коту под хвост. Ты должна придумать, чем займешься в будущем, составить какой-то план. Три года изучения истории и отсутствие

диплома — это не плюс, а минус на рынке труда. Выходит, у меня ничего нет, кроме лица. Но я не могу приехать и просто так сидеть дома».

Тедди принялась рассматривать себя, вспоминая, что говорила Маги, отбирая фотографии моделей. Тедди помнила ее комментарии с тех пор, когда проводила много времени в агентстве еще девочкой. Прошло семь лет, сменилось целое поколение моделей. Их место заняли новые лица. И все это время Тедди лишь мельком просматривала гляцевые журналы, не обращая внимания на снимки. И все же она не забыла того, что должно быть в лице фотомодели. Маги слишком часто повторяла это, рассматривая снимки.

Уставясь в мутное зеркало, Тедди принялась перечислять требования, и ее сердце забилось быстрее. Высокие скулы, широко расставленные глаза, точеный нос, но не слишком маленький и не слишком большой, волосы, которые можно уложить в любую прическу, чистая кожа, длинная-длинная шея, маленький подбородок четкого рисунка, высокий лоб, линия волос хорошего рисунка, нетипичное лицо... О да, у нее все это есть. Тедди знала, что достаточно высока ростом и достаточно костлява, но вот фотогеничное ли у нее лицо?

Только камера могла это выяснить. Вопрос заключался в том, как выглядела на черно-белой фотографии сумма всех вышеперечисленных черт, представленная всего лишь в двух измерениях, лишённая объема и природных красок. Маги никогда не проявляла излишнего оптимизма по поводу потенциала новой модели, пока не увидит фотопроб, потому что многие девушки в жизни выглядели лучше, чем на снимках. И точно так же многие чувственные и красивые модели оказывались совершенно неинтересными в жизни.

«Нет, я ни в чем не могу быть уверена», — решила Тедди и вернулась на свое место. Но можно хотя бы попробовать. И мама, вероятно, одобрила бы ее выбор. «Глупая корова, кого ты пытаешься обмануть? Если бы она хотела, чтобы ее дочь стала фотомodelью, то почему она ни словом об этом не обмолвилась? Зачем тогда ей было посылать меня в Уэллесли? Но лучше соломинка, чем вообще ничего».

Маги была разгневана, Маги была расстроена, но позже она неожиданно задала себе вопрос: стоило ли так сурово наказывать дочь только за то, что она немного выпила на территории колледжа. Сама Маги в возрасте Тедди жила в грехе с женатым мужчиной и ждала незаконного ребенка. «Не забывай о прошлом», — с мрачной иронией обратилась Маги к самой себе. Да, Тедди не получит диплома, но она от этого не умрет. Пусть немного поработает моделью, это приучит ее к дисциплине.

Девушки из агентства «Люнель» были целеустремленными и неиспорченными, и труд их не был веселой игрой. Никто бы не догадался, глядя на красивые гляцевые фотографии, оживлявшие рекламные объявления и модные фасоны, сколько сил, энергии и готовности терпеть неудобства скрывается за игривыми улыбками и непринужденными позами.

Почти все успешно работающие модели рано ложились спать, чтобы отдохнуть не меньше восьми часов и быть готовыми к тяжелому трудовому дню. Деловые, настолько жизнерадостные, насколько это было возможно, они вставали утром и отправлялись на первую съемку. Пунктуальность была необходимым качеством. Модель должна быть полностью готова к съемке. Никто не мог отменить фотосессию под менее серьезным предлогом, чем госпитализация. И даже если модель валилась с ног от усталости, она не имела права это показывать, пока камера была направлена на нее. Усталость воспринималась как нечто неотделимое от денег, получаемых за работу. Топ-модель получала сорок долларов за час.

Эта сумма до сих пор удивляла Маги, хотя она изо всех сил старалась увеличить ее. Когда она впервые оказалась на Монпарнасе, натурщицы обычно получали не больше шестидесяти центов за три часа работы. Разумеется, когда трудоустройством Маги занялась Пола, ее гонорар сразу вырос до сорока центов за час. Но эти часы она проводила, стоя обнаженной в ледяной студии в разгар парижской зимы. Маги как-то удавалось жить на эти деньги и даже оплачивать комнату, покупать себе одежду, каждый день украшать свой наряд свежей красной гвоздикой и даже содержать Жюльена Мистралья в течение одной незабываемой прекрасной весны. Маги задумалась и на мгновение представила себя на месте той юной девочки. Что она тогда чувствовала? Но Маги хорошо помнила только канву событий, а все остальное исчезло из ее памяти.

Она пожалала плечами. Наверное, еще и сейчас кто-то позирует художникам за гроши, но, если ее девочки снимались для рекламы нижнего белья, они получали по двойному тарифу, правда, расплачивались при этом потерей статуса. Ее самые известные модели вообще отказывались сниматься в ночных рубашках и пеньюарах. Что ж, в любом случае никто не прикажет Тедди снять трусы, и от этого у Маги стало легче на душе.

Маги долго обдумывала, какой фотограф должен сделать первые фотопробы Тедди. Эти снимки имели очень большое значение. Если они ее разочаруют, то все надежды на будущее дочери в качестве модели рухнут. Если фотографии окажутся удачными, то они составят первый фотоальбом Тедди, который станет ее визитной карточкой, паспортом и временным удостоверением личности. Потом, после долгих месяцев тяжелой работы, будет составлен портфолио из самых удачных ее фотографий, который она станет всюду носить с собой и показывать издателям, сотрудникам рекламных агентств и фотографам.

И вдруг Маги, давно закрывшая свое сердце перед натиском амбиций, надежд и мечтаний тысяч девушек, которые обращались к ней каждый год, отчаянно захотелось удачи для своей дочери. Когда-то с таким же желанием она пыталась открыть свое дело. Маги представила, как рассматривает фотоальбом Тедди и сравнивает ее... ну, скажем, с топ-моделью Санни Харнетт. Санни Харнетт стала воплощением белокурого шика, она выглядела так, словно бежала за теннисным мячиком под мягкими лучами солнца, даже когда она сидела на месте. Будет ли в снимках Тедди такая же энергия? Маги со всем ее опытом поняла, что ничем не может помочь Тедди. Разве только с макияжем? Легкая косметика подходила для ученицы колледжа, но для фотографий совершенно не годилась.

Маги перебирала в уме имена самых знаменитых фотографов и поняла, что ей придется обратиться к Фальку, одному из трех великих мастеров камеры. Он был сейчас более или менее свободен.

«Это все равно, что отправиться на гильотину, — думала Тедди, — или готовиться с вышки прыгнуть в кольцо пламени над водой бассейна». Она стояла перед входом в переделанную из каретного сарая студию Фалька между Легсингтон-авеню и Третьей авеню. Была пятница, пять часов, по улицам торопливо шли люди, спеша домой в предвкушении уик-энда.

Отличная погода для футбольного матча, сказала себе Тедди, дрожа на холодном ветру. Ей следовало бы находиться за сотни миль отсюда и готовиться к предстоящему свиданию. Она перебирала в памяти имена знакомых студентов из Гарварда. Как ей хотелось оказаться сейчас рядом с ними! А вместо этого ее причесали, накрасили, одели в новый наряд и

отправили сюда. Тедди понимала, что выглядит великолепно, но от этого почему-то не становилось легче.

Фальк согласился сделать фотопробы для новой девушки из агентства «Люнель» при условии, что она придет в пятницу. Если бы Дора Мэзлин, главный букер Маги, не упростила секретаршу Фалька сделать ей личное одолжение, Фальк вообще не стал бы этим заниматься. Но секретарша была обязана Доре. Та не раз выручала ее в сложных ситуациях. Каждому фотографу иногда требуется топ-модель в последнюю минуту, и именно Дора могла ее прислать.

На звонок Тедди дверь открыла жизнерадостная молодая женщина маленького роста.

— Это вы новая девушка из агентства «Люнель»? Заходите.

Тедди вошла в приемную и огляделась. Комната выглядела достаточно уютно, но обычно, если не считать развешанных по стенам фотографий.

— Можно мне посмотреть? — обратилась она к секретарше, потому что нервничала и никак не могла усидеть на месте.

— Конечно, пожалуйста.

Тедди медленно переходила от одного фотопортрета к другому, а внутреннее напряжение росло с каждой секундой. Она никогда не обращала на подобные снимки особого внимания, но эти казались отражением сна, представляя мир, в чем-то похожий на мир реальный, но чудесным образом возвышенный, более значимый, наполненный магической силой. Маги узнавала лица девушек из агентства «Люнель». Ни одна из них не выглядела в жизни настолько интересной. Камере удалось каким-то образом обнажить их личность. За красивыми чертами проступало нечто таившееся в душе каждой модели. Это были не просто фотографии моделей, а фотопортреты женщин, и автору словно удалось подслушать их самые сокровенные мысли.

— Послушайте, — неожиданно обратилась к Тедди секретарша, — если я пробуду здесь подольше, то точно опоздаю на свидание. Звонить сегодня больше никто не должен, так что я уйду. Вы не могли бы сказать боссу, что мы увидимся с ним в понедельник утром?

Девушка схватила пальто и сумочку и выскочила за дверь, махнув Тедди рукой на прощание.

Тедди присела на край кресла в пустой приемной. За следующие томительные двадцать минут не произошло ровным счетом ничего. В бывшем каретном сарае царила особая тишина, которая устанавливается в офисах только в конце пятницы, когда вся работа на неделю закончена. Неужели ей неправильно назначили время? Неужели она осталась здесь одна? Тедди не находила себе места.

Наконец она не выдержала, поднялась с кресла и, медленно переступая одеревеневшими ногами, вошла в студию и остановилась у самого порога. Она попыталась стянуть с рук плотно прилегающие перчатки, но те словно приклеились к пальцам. Сесть было негде, яркий свет ламп заливал все пространство. Тедди почувствовала, что обливается потом.

— Есть здесь кто-нибудь? — отважилась еле слышно крикнуть Тедди. Ответа не последовало. Неожиданно дверь темной комнаты распахнулась, в студию вошел мужчина с листком бумаги в руке и мельком взглянул на Тедди.

— Я сейчас вами займусь, — пробормотал он, потом вдруг уставился на нее во все глаза.

— Рыжик?

Тедди вздрогнула, прищурилась.

— Рыжик!

Выражение лица Тедди изменилось, предвещая бурю. Прикрывая глаза ладонью, она уверенно шагнула навстречу фотографу.

— Только один человек называл меня Рыжиком, и именно этот сукин сын несколько раз сводил меня в кино, научил целоваться по-французски, а затем бросил без всяких объяснений.

— Рыжик, я могу объяснить...

— Вот как? — Тедди, позабыв о страхе и волнении, схватила мужчину за рубашку. — Я выплакала из-за тебя все глаза, мерзавец! Я не находила себе места, считала себя уродиной, говорила матери, что мы с тобой поссорились, а твоей кухне сказала, что ты распустил руки... Так почему ты мне ни разу не позвонил, Мелвин Алленберг?

— Неужели ты и в самом деле думала обо мне? — спросил он.

— Негодяй, теперь тебе интересно узнать, насколько плохо я себя чувствовала. Ну ты и дрянь! Кстати, что ты делаешь здесь?

— Работаю.

— Понятно. Значит, тебе все-таки удалось умаслить знаменитого мастера, втереться к нему в доверие и устроиться на работу. Черная овца в белоснежном стаде Алленбергов... Держу пари, что твоя мать до сих пор этим расстроена.

— Она привыкла.

— А где Фальк? Я жду уже полчаса, — тоном королевы объявила Тедди.

— Фальк — это я.

— Бред!

— А ты видела здесь кого-нибудь еще?

— Докажи, что Фальк — это ты.

Мелвин Алленберг рассмеялся:

— Рыжик, ты ничуть не изменилась.

Тедди все так же крепко держала его за рубашку. Она даже пыталась трясти своего бывшего приятеля, но он стоял непоколебимо, как скала. Коренастый как медведь, Мелвин заливался веселым смехом, наблюдая за ее усилиями, рассердив Тедди настолько, что у нее из глаз брызнули слезы.

— Идем наверх... Я живу на втором этаже. Я представлю тебе все доказательства.

Он повернулся, вырвавшись из ее рук, и вышел в приемную. Тедди последовала за ним, начиная верить его словам. В движениях Мелвина сквозила уверенность хозяина, а поднявшись за ним по лестнице и войдя в просторное помещение, занимавшее весь второй этаж бывшего каретного сарая, она мгновенно поняла, что он у себя дома. Комната подходила Мелвину Алленбергу. Здесь было тепло, царил беспорядок, отовсюду на нее смотрели фотографии красивых женщин. Письменный стол скрывали наваленные грудой журналы. Низкие диваны и несколько кресел были обиты мягкой темно-зеленой кожей.

— Выпьешь? — спросил Мелвин, направляясь к подносу с бутылками и стаканами, стоящему на старом матросском сундучке.

— Шотландское виски со льдом, но этим тебе не удастся меня подкупить, Мелвин Алленберг.

— Мелвин Фальк Алленберг.

Тедди промолчала и нахмурилась, чтобы дать ему понять, что все еще недовольна им.

Мелвин налил им выпить, уселся в кресло, оперся локтями о колени и положил подбородок на руку. Некоторое время он спокойно наблюдал за Тедди.

— Сними шляпку, — наконец велел Мелвин.

— Что? — изумилась она.

— Сними шляпку... Мне не нравится вуалетка, потому что я не вижу твоих глаз.

— Я еще не знаю, стоит ли мне вообще здесь оставаться, — ответила Тедди, сопровождая свои слова ледяной, как она надеялась, улыбкой. К ней вернулась бравада, приобретенная за те три года, что она купалась во внимании мужчин. — Я даже не уверена, что позволю тебе сделать мои пробные снимки. Все зависит от того, почему ты перестал мне звонить. Меня совершенно не волнует тот факт, что ты стал богатым и знаменитым, как и обещал.

— Я говорил, что мы оба будем богатыми и знаменитыми.

— Ты помнишь об этом? Спустя пять лет?

— Я помню все. Когда мы встретились, ты как раз вступала в фазу разрушения. Хотя мне едва исполнилось девятнадцать, я видел ее приближение, неизбежное как восход солнца, и я не хотел оказаться твоей первой жертвой. Поэтому я сбежал, прежде чем все эти безумные поцелуи у твоей парадной двери не свели меня с ума окончательно. — Помолчав немного, он добавил: — Незачем и говорить, что я ошибался. Было уже слишком поздно для спасения.

— Гм-м... — Тедди приходилось слышать подобные заявления в различных вариациях и раньше, но в словах Мелвина ее покорили безграничное терпение и смирение, куда более убедительные, чем любые страстные излияния. Она сняла шляпку. Мелвин все рассматривал ее, пока она проводила пальцами по волосам, разрушая прическу, позволяя электрическому свету заиграть на ее рыжих кудрях.

Тедди не спеша потягивала скотч, который теперь сохранит навсегда для нее вкус опасности, и спокойно выдерживала взгляд Мелвина. Он повзрослел, но это его не испортило. Алленберг по-прежнему напоминал птицу своим крючковатым носом и круглыми очками, но его большие глаза светились умом и энергией, излучая очарование. Его лицо не должно измениться с годами, время лишь подчеркнет его форму, твердый подбородок, широкий лоб, шапку густых волос. Ей никогда не забыть его рот, впервые поцеловавший ее.

— Полагаю... — начала Тедди, и в уголках ее губ затрепетала легкая улыбка, подсказывающая Мелвину, что она готова простить его. Потом Тедди замолчала, пораженная неожиданным воспоминанием. — А я собиралась при следующей нашей встрече пригласить тебя на выпускной бал. Но ты не позвонил мне, а я была слишком гордой, чтобы звонить самой.

— А как насчет легиона парней, с которыми ты встречалась?

— Я решила не приглашать никого из них, поэтому просто туда не пошла. Я пропустила свой выпускной бал, — печально солгала Тедди.

Мелвин резко поднялся, пересел к ней на диван, крепко обнял и поцеловал в губы.

— Мой дорогой Рыжик, моя бедная детка, мне так жаль... Мне следовало позвонить тебе, но что я мог тебе сказать? Я ничего бы не сумел объяснить тебе, не нашел бы нужных слов... — Он нежно вытер ее губную помаду носовым платком и снова поцеловал ее. Тедди он казался надежным, его губы были такими знакомыми. Ее столько раз целовали за те три года, что она провела в колледже, но эмоциональная память сохранила прикосновение

Мелвина, его вкус и тепло. Он тоже изменился, с радостью поняла Тедди. Мелвин стал мужчиной и целовал ее как мужчина, а не как мальчик. Тедди скинула туфли и легла на диван, она не закрывала глаз и смотрела на розовые отблески сумерек на потолке. Она с наслаждением вздохнула и позволила Мелвину убрать волосы с шеи и целовать за ушами. Они раньше никогда не целовались сидя, и она намеренно увернулась и совершенно по-детски потерлась носом о нос Мелвина.

— Мир? — с тревогой спросил он.

— Я тебя прощаю. Но только ради прошлого, — проворковала Тедди.

Руки Мелвина пробежали по ее жакету, туго стянутому в талии.

— Все эти пуговицы, — пожаловался он, принимаясь аккуратно их расстегивать, — между мной и моей девочкой.

Это всегда становилось для Тедди сигналом тревоги, но сейчас она даже не пошевелилась, зная, что блузка защищает ее еще одним двойным рядом из мелких пуговичек, обтянутых тафтой. И скоро она уже лежала на диване в изящной блузке и новой юбке, паря в невесомости, взлетая и падая под натиском страстных поцелуев Мелвина. Неожиданность этого шквала, налетевшего без предупреждения, без флирта, без игры, без всякой прелюдии, осознание того, что они в доме одни, что вокруг нет еще десятка целующихся парочек, как это бывало на студенческих вечеринках, встревожили ее на мгновение, но Тедди взглянула в лицо Мелвина и успокоилась. Он снял очки и казался таким милым, таким привычным, что она отдалась его ласкам, ощущая свое превосходство, как чувствовала его всегда, когда целующий ее мужчина возбуждался все больше и больше, а его сердце билось все чаще. Но тут Мелвин повел себя совершенно иначе, чем предусматривала схема, отработанная за три года. Он поднял ее на руки и отнес в маленькую спальню, дверь в которую Тедди попросту не заметила.

— Мелвин! — запротестовала она, отбиваясь. — Прекрати немедленно! Что ты придумал? Я никогда не ложусь на постель с мальчиками!

— Все когда-нибудь бывает впервые, и я не мальчик, — отозвался он. Его голос звучал приглушенно, но твердо. Тедди попыталась отпихнуть его и встать, но он оказался намного сильнее. И потом Мелвин продолжал целовать ее: пальцы, подбородок, волосы, глаза горели как в огне от этих легких поцелуев. Ее проверенная годами стальная стена, за которую не удавалось проникнуть ни одному мужчине, рухнула.

«Этого просто не может быть», — думала она, пока Мелвин снимал с нее блузку, расстегивал пояс юбки и стягивал ее вниз. Его теплые пальцы расстегнули плотный бюстгальтер и освободили грудь, а Тедди все еще не верила в происходящее. Но когда его губы коснулись сосков, которых никогда никто еще не касался, даря потрясающее наслаждение, Тедди наконец поверила в то, что это происходит на самом деле. А потом Мелвин Алленберг вдруг оказался обнаженным, он прижимался к ее наготе. Она знала, что сейчас произойдет, и оказалась готова. Лежа, они идеально подходили друг другу, словно были одного роста. Мелвин действовал очень медленно, дрожа от необходимости сдерживать себя, он был изощренно терпеливым, но неумолимым. Он взял ее постепенно, всю целиком, не дав ей возможности ускользнуть, не оставив никаких секретов. Она лежала рядом с ним, освобожденная от груза сурового целомудрия, счастливая и благодарная.

Жюльен Мистраль стоял на трамплине, приготовившись нырнуть. Его мощное, загорелое тело прикрывала только узенькая полоска эластичных плавок. Этот фасон мужчины в Европе носили только пятый сезон. Ему исполнилось пятьдесят два, но пропорции подошли бы скорее тридцатилетнему мужчине. У него были крепкие, мускулистые ноги человека, прошедшего многие годы, стоя перед мольбертом или расхаживая по мастерской, хорошо развитые мышцы рук и спины, потому что он привык к физическому труду.

Вид важничавшего аристократа, присущий Мистрально еще в молодые годы, ничуть не изменился. Он всегда высоко держал голову, но теперь это не считали высокомерием, а говорили о взгляде гения, устремленном в далекие миры. Вокруг глаз появились морщины, резче обозначились носогубные складки, но ярко-синие глаза не потускнели. Мистраль коротко стриг густые рыжие волосы, на висках они поседели и оттенком напоминали песок. Рот ничуть не изменился, он был таким же суровым, бескомпромиссным, властным. У Мистраля было лицо вождя.

Он замер на мгновение, перед тем как нырнуть в бассейн. Нахмурившись, Мистраль как будто забыл о манящей воде в этот жаркий сентябрьский день 1952 года. Он прислушивался к звукам вокруг. Райское гудение пчел, некогда окружавшее «Турелло», давно исчезло.

Теперь новые звуки наполнили воздух Прованса. По дороге в Апт, расположенной в полумиле от «Турелло», взад и вперед сновали автомобили. На отдаленном поле, где некогда трудились наемные работники, гудел трактор. Время от времени над головой проносился самолет из Парижа в Ниццу или обратно. Из-за забора донесся резкий звук захлопнувшейся дверцы нового «Ситроена» Кейт, потом взревел мотор, и машина, визжа на поворотах, понеслась прочь. Как всегда его жена в последнюю минуту вспомнила, что не хватает какой-то мелочи для сегодняшнего званого ужина. Мистраль, поглощенный какофонией звуков, нарушавших мирную тишину сельской местности, не услышал легких шагов по трамплину.

— Папа! — взвизгнул детский голосок у него за спиной.

— Черт! — выругался Мистраль, подскочил на месте, поскользнулся, потерял равновесие и рухнул в бассейн.

Кейт Мистраль вернулась во Францию сразу после войны и через три месяца обнаружила, что снова беременна. За время их брака с Мистралем у нее было несколько выкидышей, но Жюльена это не слишком расстраивало. Он никогда не хотел ребенка, как хотят этого другие мужчины. Если бы он нашел время подумать над этим вопросом, то наверняка сказал бы, что дети вечно мешают, на них уходит масса времени, они не оправдывают возложенных на них надежд и непростительно своевольно вмешиваются в жизнь родителей.

Мистраль постарался загнать поглубже тревогу из-за поздней беременности Кейт, наступившей в сорок три года. Он хотел, чтобы ее внимание как можно быстрее снова вернулось к ферме. Он не собирался снова погружаться в пучину повседневных забот. Ведь когда Кейт прибыла весной 1945 года с двумя чемоданами, набитыми всякой всячиной, забытой французами во время войны, он вздохнул с облегчением. Ему больше всего на свете хотелось уходить в мастерскую на рассвете и не выходить оттуда до ужина, забыв о

мучительных для него проблемах ежедневного существования. Обычно мужчины хотят, чтобы у них был сын, который продолжит их род. Таким образом они пытаются доказать самим себе, что существовали и оставили след на этой земле. Жюльен Мистраль знал, что он бессмертен и что его сын никоим образом не изменит то место, которое он занимал в истории живописи.

И все же, когда в феврале 1946 года Кейт родила девочку, маленькую, тощенькую, со странно недовольным выражением лица, она была так горда собой, что даже Мистраль почувствовал себя обязанным присоединиться к ее счастью. Кейт назвала малышку Надин и не разочаровала Мистраля, так как очень быстро перестала кормить младенца грудью, и уже через несколько недель к ней вернулась былая сила и присущая ей энергия.

Уже в 1946 году Францию наводнили дилеры из Штатов, чтобы посмотреть картины, написанные за годы войны. В мастерской Мистраля оказалось больше полотен, чем прежде, которые он счел возможным продать. Художник закончил все серии картин, начатые им в самом начале войны.

— Ты уже виделся с Авигдором? — спросила Кейт почти сразу же после своего приезда.

— Нет, я решил сменить дилера, — ответил Мистраль. — Авигдора всегда больше интересовали молодые таланты. Он не любит зарабатывать деньги для тех, кому обязан своим успехом. Почему этот субъект не открыл отделение в Америке, позволь тебя спросить? Его невнимательность стоила мне кучи денег. Я не продлевал с ним контракт во время войны, так что воспользуйся этим обстоятельством.

Как Мистраль и предполагал, Кейт послушалась его, не задавая больше никаких вопросов. Кейт в конце концов нашла дилера по имени Этьен Делаж, который продавал картины Мистраля в Нью-Йорке, Лондоне и Париже и был приятно удивлен тем обстоятельством, что не все художники приносят дилерам прибыль только после смерти. Жюльен Мистраль — явное исключение из этого правила.

Когда музей современного искусства в Сан-Пауло организовал выставку его работ в 1948 году, Мистраль даже не соизволил пересечь океан. За тем, как развешивают полотна, наблюдала Кейт. Год спустя она появилась в Нью-Йорке, где в музее современного искусства организовали ретроспективу работ ее мужа, а Мистраль снова предпочел остаться дома. Он присутствовал на выставке в честь двадцать пятой годовщины со дня его первой встречи с публикой. В течение двух месяцев толпы ломались на эту выставку в Париже.

Когда празднование закончилось, Мистраль объявил, что больше никогда в жизни не появится на выставке ни в одном музее, сколь бы престижным и посещаемым он ни был. Мистраль ненавидел все эти церемонии, множество незнакомых людей, которые считали себя вправе запросто обращаться к нему только потому, что им нравились его работы.

— Пусть Пикассо развлекается подобным образом. Он любит пускать все на продажу. А мне есть чем заняться, я не дрессировщик в цирке.

И Мистраль не изменял принятому решению.

Цены на его картины резко рванули вверх. Немногочисленность делала их очень ценными. В конце сороковых и в начале пятидесятых в Фелис устремились журналисты. Кейт едва удалось убедить Мистраля дать интервью хотя бы самым именитым из них. Правда, она оберегала его от тех, кто хотел написать о нем книгу, от желавших сфотографироваться с ним туристов, от девочек-студенток, жаждавших получить его автограф, от школьников, писавших работы о его творчестве, от коллекционеров,

полагающих, что при личной встрече им удастся выманить у Мистралья что-нибудь, раз уж у Делажа ничего не нашлось. Так что ничто не отвлекало и не раздражало Мистралья, если не считать навязчивого желания Кейт играть роль хозяйки дома и как можно чаще принимать гостей.

Мистралю казалось, что именно бассейн, сооруженный известной фирмой из Канн, стал отправной точкой этого безумия. В начале 60-х годов Кейт превратилась в столп местного светского общества. Аристократы из Англии купили замок возле Юзеса, специалист по творчеству Сезанна из Америки поселился в Менербе, Гимпелы, семья дилеров, купили еще один замок недалеко от Фелиса. И теперь они и им подобные ездили друг к другу в гости, развлекались и веселились, и Кейт принимала приглашения и радовалась гостям в собственном доме.

Вскоре после того, как Кейт родила, Мистраль потерял интерес к ее телу.

Поэтому, чувствуя свою вину, Мистраль полагал, что надо подарить Кейт хоть какое-то удовольствие. Пусть уж обедает с Чарли Чаплином и герцогиней Виндзорской.

Да, амбиции начинают кружить женщине голову, когда ей отказывают в плотских радостях, рассуждал про себя Мистраль. Разумеется, себе он в подобных удовольствиях не отказывал. У него были женщины — в Авиньоне, конечно, чтобы сохранить видимость приличий. Молоденькие девушки менялись часто, ни одна не значила для него больше, чем пара шнурков, но ведь и без шнурков не обойдешься, верно?

Но Кейт явно была довольна постоянно растущим списком гостей, ее радовала Надин, которая становилась все говорливее день ото дня. Пару раз Мистраль разрешил Надин тихонько посидеть в уголке его мастерской, потому что она так просила позволить ей посмотреть, как папочка работает. Но несносный ребенок то и дело донимал Мистралья вопросами. «А зачем тебе столько красной краски, папа? А это большое желтое пятно — солнце? А ты можешь нарисовать птичку, папа?» Нет! Этого он был не в силах вынести. Мистраль запретил дочери переступать порог мастерской, хотя ее крошечный подбородок дрожал, она надула губки — все были без ума от этих ее дурацких ужимок — и принялась дергать себя за белокурые волосы.

В свои шесть лет Надин уже умела добиваться того, чего ей хотелось. У нее в запасе оказалось немало хитростей. Мистраль частенько ловил ее на лжи. Особенно часто она оговаривала прислугу. Когда Мистраль попытался настоять на том, чтобы девочку наказали, Кейт рассердилась.

— Она наделена богатым воображением и слишком чувствительна. И потом, Надин в ее возрасте не понимает разницы между слугами и другими людьми. Не будь таким моралистом, Жюльен.

Мистраль придерживался другого мнения. Он отлично знал, насколько легко солгать, и поэтому с большим подозрением относился к ребенку, научившемуся это делать так умело в столь юном возрасте. Но Марта Полиссон, у которой не было своих детей, как будто сговорилась с Кейт, и они вдвоем вовсю баловали Надин, несмотря на строгую дисциплину, которую тщетно пыталась установить няня из Швейцарии. Мистраль пробовал говорить об этом с женой, но она лишь смеялась в ответ и уверяла его, что только французы ждут от детей такого же поведения, как и от взрослых. Неужели он не понимает, что его дочь необычный ребенок? Она особенная девочка, у нее такой пытливый ум.

Плывя под водой после того, как он неудачно свалился в бассейн, Мистраль мрачно размышлял о том, что пытливый у этой девчонки ум или нет, но он задаст ей хорошую

трепку и научит не подкрадываться сзади к человеку, если он стоит на трамплине. Но когда Мистраль вынырнул, Надин предусмотрительно убежала. Вот бестия! Его дочь родилась хитрой и расчетливой, сказал себе Мистраль и выкинул ее из головы.

Пока Жюльен Мистраль плавал в собственном бассейне, он думал о своей работе. Вот уже полгода он обдумывал новую серию картин, навеянных формами виноградных лоз зимой. Пол его мастерской устилали наброски и зарисовки, но по утрам ему больше не хотелось поскорее встать с постели, чтобы писать, писать, писать, пока не стемнеет.

С того дня, как Мистралю исполнилось пятьдесят, он все время думал о смерти. Он часто спрашивал себя, что настигло его раньше, размышления о неминуемом конце или утрата желания писать, что было для него равнозначно смерти, подкравшейся к нему изнутри. Не то чтобы он больше не мог писать. Совершенство его техники позволяло ему продолжать работу до последнего вздоха, но что-то неуловимое ушло из его полотен, и этого он не мог не замечать, пусть даже ему удавалось одурачить публику. Да и кто бы не смог обмануть это сборище кретинов?

Мистраль пытался найти причину затянувшегося кризиса. Присущее ему видение не исчезло, но больше не возникало непреодолимого желания отобразить на холсте то, что разглядели его глаза. Только ужас перед тем, что он умрет, если бросит живопись, заставлял его снова и снова приниматься за работу. Откуда же это... отсутствие аппетита к жизни? Вот оно, нужное слово!

Жюльен Мистраль вздрогнул. Многому в жизни можно научиться, многого можно достичь тяжелым трудом, но этот аппетит легко пропадает, и ничего с этим поделать нельзя. Как ни один врач не сумел объяснить, почему ровно через девять месяцев матка начинает работать и ребенок появляется на свет, никто не сумел определить, как возникает у художника эта божественная жажда творчества, заставляющая его утолять ее день за днем. Но когда эта жажда, этот аппетит проходят, то... Если бы Жюльен Мистраль верил в бога, он бы помолился.

— Совершенно невероятно, но у меня нехорошее предчувствие, — обратилась Мариетта Нортон, старший редактор журнала «Мода» к Биллу Хэтфилду, одному из лучших фотографов, работающему для ее журнала. — Последний раз подобные предчувствия возникли у меня после того, как я услышала о Перл-Харборе.

— Предчувствия, черт побери... Я так просто напуган до смерти. Последние три раза, когда Мистраля пытались сфотографировать, парни вернулись с пустыми руками. На пленке остался только его затылок. Но у них не было нашего секретного оружия, прекрасной Теодоры.

Мариетта и Билл сидели в стареньком такси, нагруженном чемоданами, и направлялись в «Турелло». Ночь накануне вся группа провела в гостинице. Первоначальный замысел Мариетты Нортон состоял в том, чтобы снять костюмы для отдыха в мастерских трех самых великих из живущих французских художников — Пикассо, Матисса и Мистраля. Благодаря связям Дарси в мире искусства она получила на это разрешение.

За один день в Валлариусе Билл Хэтфилд отснял пятнадцать пленок с Тедди и Пикассо. Среди скульптур Берри облачила Тедди в черное платье из шелкового органди без бретелек с нарисованными на ткани огромными белыми бантами. Чуть покачиваясь в черных босоножках на высоченных каблуках, Тедди стояла среди разрозненных металлических частей, которые Пикассо собирал для своей будущей скульптуры: рули и цепи от велосипеда, колеса и педали разных размеров, разнообразная железная рухлядь, которую можно найти на помойке. А Пикассо с наслаждением флиртовал с рыжеволосой красавицей, пока она изо всех сил пыталась не зацепиться тонкими чулками за гвозди и колючую проволоку. Затем Тедди быстро переделалась в цветное шелковое платье, и вся группа переместилась в студию, где мастер писал. Пикассо выглядывал из-за пузатой печурки, с гордостью показывая на свисающую с потолка паутину, которую он никому не позволял уничтожать. Билл щелкал при каждом удобном случае.

Из Валлариуса они направились в Ниццу к Матиссу, прикованному к постели в своем номере в отеле «Регина» и живущему среди великолепных зеленых растений, поющих птиц, воркующих голубей и вырезанных из бумаги разноцветных творений, созданных художником, который не мог больше писать.

Матисс встретил их очень тепло и был просто очарован Тедди в пышном платье, которое разноцветьем напоминало о Востоке. Он очень высоко оценил движение ее обнаженных рук и сказал, что ни одна из его одалисок не была способна на такое. Тедди приходилось все время переодеваться, чтобы заполнить восемь страниц журнала новейшими весенними моделями. А во владениях Мистраля Мариетта Нортон планировала отснять модели для зимнего отдыха, которые должны были занять еще четыре страницы.

По дороге в «Турелло» Тедди сидела рядом с водителем в машине, ехавшей следом за такси Мариетты. На заднем сиденье беседовали помощник Хэторилуа Сэм и Берри, отвечавшая за все во время путешествия. Между ними определенно развивались какие-то отношения, если судить по расслабленному и очарованному виду, с которым Берри накануне вечером вернулась в номер, который занимала вместе с Тедди. «Счастливая ты, Берри, — подумала Тедди, — я тебе завидую. Эта страна создана для любовников».

Такси миновало старинные, но по-прежнему работающие мельницы и каналы вокруг

города Иль-сюр-ля-Сорг, и Тедди посмотрела на карту. До Фелиса оставалось ехать не меньше получаса. Тедди нервничала. Знают ли остальные, что ее мать когда-то позировала Мистралю? С того памятного шоу в Нью-Йорке в 1931 году серия полотен под общим названием «Рыжеволосая женщина» никогда больше не выставлялась. Но любой, кто хотя бы в малой степени интересовался искусством, наверняка видел их в репродукциях. И все же вряд ли в 1952 году их связывали с именем Маги Люнель.

Тедди училась в колледже, когда во время занятий преподаватель показывал им слайды и рассказывал о творчестве Мистралья. Она никогда не рассматривала эти картины внимательно, но в тот раз, сидя с пылающими щеками в полутемной аудитории, Тедди ясно поняла, что эта красивая, рыжеволосая, полная чувственности девушка и есть ее замкнутая, деловая, строго причесанная, элегантно одетая мать.

Приехав домой на каникулы, Тедди набралась храбрости и спросила Маги об этих картинах. Но услышала лишь краткий, невыразительный ответ:

— Я была совсем юной, когда позировала художникам. Это было так давно и так недолго, что я почти ничего не помню. Разумеется, мы все позировали обнаженными. Мне казалось, ты об этом знаешь.

Тон матери не оставлял ни малейшего сомнения в том, что она не намерена обсуждать свою жизнь в Париже и вдаваться в подробности. Тедди слишком ее боялась, чтобы настаивать. Почему-то жизнь Маги до приезда в Штаты тоже оказалась в числе запретных тем для разговоров, как и рождение Тедди или так и не заданные ею вопросы о ее отце.

За последние четыре года, став финансово независимой от Маги, Тедди почти забыла о мучительных для нее двойных стандартах. Вопросы без ответов перестали играть какую-нибудь роль в ее жизни. Тедди думала исключительно о себе, окруженная множеством поклонников. Только из-за грядущей встречи с Мистралем она снова вспомнила о старых проблемах.

Когда Маги узнала о съемках для «Моды», она категорически возражала против участия Тедди в этом проекте, но та настояла на своем. Тедди надеялась, что мать все-таки объяснит ей, почему она не хочет отпускать ее в Прованс. Но Маги привела десяток причин, ни одна из которых не имела отношения к Мистралю. В отместку Тедди отмела все ее возражения.

Тедди пыталась угадать, чего боялась Маги, и, когда такси свернуло на дорогу, ведущую к ферме, ее сердце забило быстрее. Что это за секрет, который, по мнению матери, может иметь значение после стольких лет? Неужели мама так наивна, что думает, будто ее светскую дочь может ужаснуть это давнее позирование художнику, ставшему теперь глубоким стариком?

— Берри, — негромко сказала Тедди, — мы почти приехали. Пожалуй, тебе стоит снова подкрасить губы, пока Мариетта тебя не увидела.

— Мне очень жаль, что я заставляю вас ждать, — извинилась Кейт, обращаясь к Мариетте, — но Жюльен все еще работает, и я не осмелилась сказать ему, что вы приехали.

— Надеюсь, свет не уйдет, — озабоченно пробормотал Билл.

— Не волнуйтесь. Я заставила мужа пообещать, что он закончит работу ровно в пять, и напомнила ему об этом за завтраком. Он редко соглашается на это, но если мне удастся добиться от него положительного ответа, то он всегда выполняет обещания.

— Мы вам крайне признательны, — произнесла положенные слова Мариетта и взмолилась про себя, чтобы за очередным проявлением благодарности с ее стороны последовало появление Мистралья. Пикассо работал с ними целый день, а Мистралья едва

уговорили на несколько часов во второй половине дня.

— Что вы, не стоит. Я многолетняя читательница вашего журнала. Во Франции я получаю его по почте, — улыбнулась Кейт, воплощение жены великого художника. Она провела всю группу по дому, продемонстрировала просторные, в соответствии с модой несколько пустоватые комнаты с выбеленными стенами, высокими потолками и выложенными сверкающей восьмиугольной терракотовой плиткой полами. Корзинки с высушенной лавандой стояли среди изысканной антикварной мебели. Кейт выделила комнату для Тедди, где она могла переодеваться между съемками. Группа ждала художника больше часа, сидя в уютных креслах в увитой виноградом беседке и потягивая из высоких стаканов лимонад с ароматом черной смородины.

Кейт Мистраль не обращала внимания ни на кого, кроме Мариетты Нортон. Она обладала врожденной способностью сразу выделять из любой группы самое важное лицо и поэтому теперь говорила только с редактором отдела моды. Она хотела продолжать рекламную кампанию в самых модных изданиях, чтобы публика не утратила интереса к работам ее мужа.

Пока Кейт мило болтала с Мариеттой, сидя на плетеном диванчике, остальная группа расположилась в отдалении. Только Тедди осталась стоять в своем платье из белого джерси без рукавов от Анны Фогерти. Верх платья был заложен в мягкие складки и образовывал глубокий вырез в форме буквы V. Пышная юбка прикрывала ноги почти до щиколоток.

Чтобы подчеркнуть иллюзию того, что Тедди — одна из танцовщиц невидимого кордебалета, Мариетта украсила ее талию плотным золотым поясом. На ногах у модели были золотистые туфельки без каблуков, а повязка такого же оттенка удерживала массу ее солнечно-рыжих волос. В этом платье Тедди выглядела словно невесомая и переливающаяся снежинка посреди жаркого лета. Наряд — теоретически — не мялся. Но Берри не разрешила ей присесть, потому что верхнюю тонкую юбку поддерживали восемь крахмаленных нижних. Мало ли что. Поэтому Тедди осторожно прислонилась к стене и аккуратно тянула напиток из стакана, который держала для нее Берри. Не хватало только капнуть розовым лимонадом на это платье, думала Тедди. Удивительно, но у нее дрожали руки. Почему, черт побери, он не выходит?

— Лихорадка перед выходом, — сочувственно пробормотала Берри, удивленная тем, что Тедди так нервничает. С Пикассо и Матиссом Теодора вела себя так, словно познакомилась с ними еще в детстве.

— Как мои брови? — спросила Тедди.

— Все еще на месте, — успокоила ее Берри.

Стиль 1952 года предписывал иметь широкие, изогнутые и очень черные брови, которые должны были располагаться намного выше, чем природные. Ни одна модель, даже Тедди, не могла пренебречь этой деталью. Но в отличие от остальных девушек Тедди не позволила ни сбрить, ни выщипать ее светло-рыжие брови. Она покрыла их слоем крем-пудры и нарисовала фальшивые повыше. На это ушло не меньше получаса.

— У меня такое жуткое чувство, что они потекли.

— Не беспокойся, я тебе скажу, если это случится.

Высокие двери мастерской распахнулись, и Жюльен Мистраль медленно вышел к ним. Он неторопливо прошел по краю бассейна, на ходу вытирая испачканные краской руки о тряпку, торчавшую из кармана его вельветовых брюк. Кейт познакомила его с Мариеттой Нортон, а затем попросила ее представить своих коллег. Мариетта, обескураженная

воинственным обликом Мистралья и его очевидным желанием оказаться совсем в другом месте, поторопилась выполнить просьбу хозяйки дома, называя своих сотрудников только по именам. Пожимая руку Тедди, Мистраль посмотрел на нее несколько пристальнее, чем на остальных.

— Заходите в студию, — сказал он по-французски. — Давайте побыстрее закончим с этим.

Все его поняли. Берри учила французский в школе, Мариетта знала кое-что благодаря показам мод в Париже, на которых она бывала дважды в год. Тедди французскому научила мать, а Билл общался с французскими фотографами.

В огромной мастерской никто не проронил ни слова. Там царил особенный, величественный беспорядок, по сравнению с которым хаос в студии Пикассо казался банальным.

Только Билл, костеря на чем свет стоит необходимость выбирать между тем, чтобы посмотреть картины, и между уходящим дневным освещением, сохранил способность двигаться. Остальные замерли, застенчивые и робкие, словно школьники, не осмеливаясь произнести ни слова, потому что любая оценка показалась бы глупой перед величием картин. Каждое полотно показывало иной мир, в котором повседневные, привычные вещи становились волшебными. Внутреннее видение художника преображало их, и тот, кто смотрел на картину, как будто видел окружающий мир впервые.

Наконец Билл выбрал место для съемки.

— Иди сюда, Тедди, — он взял ее за руку. — Встань рядом с этим господином и сделай вид, что тебе весело.

Мистраль нетерпеливо ждал у мольберта перед пустым холстом.

Вспомнив, что она все-таки профессионал, Тедди довольно непринужденно подошла к художнику, ее юбки заколыхались, как театральное оперение Царевны Лебедь. Мистраль был таким высоким, что ей пришлось поднять голову, показывая длинную, точеную, белоснежную шею. Никогда раньше она не чувствовала себя такой маленькой рядом с мужчиной, думала она, чуть покачивая головой, оттянутой назад массой тяжелых волос. Цвет ее глаз не сумел бы определить даже Мистраль, в них словно плескались сумерки. Ее улыбка завораживала.

Мистраль взял Тедди за подбородок и бесстрастно повернул ее голову сначала в одну сторону, потом в другую. Его пронзительные синие глаза изучали ее лицо. Мистраль вытащил из кармана тряпку, о которую вытирал руки, и не успел никто даже ахнуть, как художник стер тщательно нарисованные брови Тедди. Мариетта вскрикнула, Берри взвизгнула, Билл выругался, Сэм присвистнул.

— Так-то лучше. Ты слишком усердно пользуешься косметикой, как и твоя мать. — Мистраль говорил совсем тихо, и только Тедди слышала его. Он неожиданно улыбнулся. — Только ты в тысячу раз красивее.

Когда все немного успокоились, съемочная группа вернулась в ту комнату, где передевалась Тедди, и Мариетта Нортон принялась изучать нанесенный ущерб. Потом она велела всем ждать, а сама отправилась на поиски Кейт. Хозяйку дома Мариетта нашла на кухне.

— Мадам Мистраль, у нас проблема, — мрачно объявила она.

— О нет... Я могу вам чем-то помочь?

— К несчастью, месье Мистраль уничтожил брови моей модели.

— Что?

— Они были нарисованы, и он взял и стер их. К тому же месье Мистраль снял и грим со лба Тедди. Ей потребуется не меньше часа, чтобы заново сделать макияж. Но к тому времени солнце будет уже слишком низко, чтобы мы могли сделать цветные снимки.

— Но зачем же... — Кейт была так зла на мужа, что ярость помешала ей договорить.

— Не имею ни малейшего представления. Полагаю, это был творческий порыв. Но дело в том, что мы попали в безвыходную ситуацию. У нас нечем заполнить целых четыре страницы журнала.

— Поверьте, мне искренне жаль. Муж просто не ведал, что творил. Мне не хочется разочаровывать вас, вы проделали такой долгий путь. Я поговорю с ним. Если он сможет уделить вам время завтра утром, вы будете фотографироваться?

— Будем, — на лице Мариетты явственно читалось уныние.

— Позвольте мне предложить вам джин с тоником и все уладить.

— Не беспокойтесь, тоника не нужно, — Мариетта с облегчением вздохнула.

Кейт Мистраль знает свое дело, значит, четыре страницы будут, а больше Мариетту ничего не интересовало.

На следующий день, когда вся группа возвращалась обратно в «Турелло», Тедди не находила себе места. Она не могла забыть прикосновения Мистраля, он взял ее за подбородок и это отпечаталось в ее мозгу, словно ей выстрелили в лоб и пуля застряла. Сразу начался крик и всеобщий бедлам, но Тедди теперь не могла думать ни о чем другом. Как будто, когда Мистраль коснулся ее, режиссер крикнул: «Снято». Пока они не встретились, экран оставался белым, пустым, полным ожидания.

Когда вся группа ввалилась в его студию, Тедди увидела, как нахмурился Мистраль. Она сразу же поняла, что ему так же отчаянно хотелось увидеть ее, как и ей его. Ошибки быть не могло. Она подошла к мольберту, затаив дыхание. Мистраль протянул ей руку, и она пожала ее. Рукопожатие длилось долго, пока они не вспомнили, что им следует лишь едва коснуться ладонями друг друга, как это принято во Франции.

— Здравствуйте, мадемуазель Люнель. Как спалось?

— Здравствуйте, месье Мистраль. Я не спала вовсе.

— Я тоже.

— Тедди, — прервал их Билл Хэтфилд. — Повернись немного, мы не видим платья.

«Я должна дотронуться до его лица, — думала Тедди, поворачиваясь на несколько дюймов вправо. — Я должна коснуться ладонями его щек».

— Чуть пониже подбородок, сделай вид, что ты смотришь на полотно, — продолжал командовать Билл.

«Я хочу поцеловать его глаза. Я хочу ощутить под моими губами его веки», — говорила себе Тедди, невыразительно глядя на холст.

— Тедди, нельзя ли немного поживее? — Билл был явно недоволен.

«Я хочу коснуться губами его шеи в вырезе рубашки. Я хочу расстегнуть эту рубашку и положить голову ему на грудь. Я хочу вдохнуть его дыхание. Я хочу, чтобы мое сердце билось в такт его сердцу».

— Тедди, повернись ко мне спиной, пожалуйста, я снимаю платье.

«Я хочу, чтобы его рот таял под моими губами. Я хочу, чтобы его губы смеялись под моими поцелуями. Я хочу молить его о поцелуях, я хочу, чтобы он умолял меня поцеловать».

его».

— Черт побери, Тедди! — Билл был скорее удивлен, чем раздражен. Девушка никогда не нуждалась в его указаниях.

— Твой фотограф беспокоится, — спокойно констатировал Мистраль.

— Его настроение меня не интересует.

— Но он не успокоится, пока не получит те снимки, которые ему нужны.

— Вы правы.

— И чем скорее он закончит, тем скорее мы сможем поговорить.

— А о чем мы будем говорить?

— Тедди! Ради всего святого! Ты же знаешь, что я не могу снимать, если у тебя шевелятся губы! — вмешался разъяренный Билл.

— Так о чем же мы будем говорить? — повторила она.

— О нашей жизни.

— Завтра я лечу в Нью-Йорк.

— Неужели?

— Вы же знаете, что это правда.

— Послушайте, ребята... То есть я хотел сказать, месье Мистраль, это не годится. Почему бы вам обоим не подойти к столу. Вы можете показать Тедди вашу палитру? — Билл старался не показать своего гнева. А зол он был безумно, уж будьте уверены.

— Где мы можем поговорить? — спросила Тедди Мистралья.

— В Авиньоне, в ресторане «Иели» в восемь тридцать, сегодня вечером, договорились?

— Да. — Тедди улыбнулась Биллу, и он потом всю жизнь жалел, что не сфотографировал ее в тот момент.

Она начала двигаться, как хорошо обученное животное, принимая необходимые позы, чуть наклонив голову, чтобы иметь возможность смотреть на Мистралья, не встречаясь с ним взглядом. Если бы она заглянула ему в глаза, то ноги просто перестали бы держать ее.

Эти годы, думала Тедди, потрачены были на мечты, на поиски счастья, на разочарования, и все только ради этого дня, этой минуты, этой встречи. Мужчины, промелькнувшие в ее жизни до Мистралья, ничего уже не значили для нее. И никогда уже не будут значить.

Как только Тедди пришла в себя? Билл очень быстро отснял все необходимое. Кейт, вернувшаяся из Фелиса как раз к окончанию съемки, пригласила всю группу остаться на ленч. Но Мариетта вынуждена была отказаться. Ей хотелось успеть на дневной поезд в Париж.

— Ты уже собрала вещи? — Берри через плечо обратилась к лежащей на постели Тедди. Стены, обитые бледно-желтой тканью с крошечными цветочками в провансальском стиле, придавали их номеру почти домашний уют.

— Я остаюсь.

— Прощу тебя, Тедди, перестань шутить. Ты же знаешь, что у меня начисто пропадает чувство юмора, если речь идет о работе.

— Я не поеду с вами.

— Ты видела мой список? У меня на руках все эти чемоданы, а я никак не могу найти список вещей! Кстати, почему ты лежишь и ничего не делаешь?

— Ты меня не слушаешь, Берри. Я остаюсь в Провансе... на какое-то время. Мне здесь

очень нравится.

— Но ты не можешь остаться!

— Почему? — Голос Тедди звучал спокойно, но в нем уже появились нотки нетерпения, а на скулах зажглись два красных пятна. Берри с тревогой посмотрела на нее:

— Ты заболела?

— Со мной все в порядке. Считаешь, что это каприз... Разве ты никогда не капризничаешь, Берри?

— Ни в коем случае. Еще лет десять я не смогу позволить себе капризничать. Что ж, оставайся... А вот и список. Господь бог, должно быть, услышал мои молитвы. Вот твой обратный билет, я кладу его на бюро. Ты могла бы раньше предупредить меня, только и всего.

— Я сама ничего не знала раньше. — Голос Тедди звучал мечтательно. — Я пошлю телеграмму в агентство, так что там узнают новость еще до твоего возвращения.

— А что скажет Маги? Ей ведь это не понравится, правда?

— Я думаю, она меня поймет, — медленно ответила Тедди. — У меня такое ощущение, что она поймет меня лучше, чем остальные.

В небольших французских городах лучший ресторан часто отличается полным отсутствием внешней роскоши, словно заявляя о том, что все внимание хозяина и персонала сосредоточено только на отличной еде.

Ресторан «Иели» в Авиньоне занимал просторный прямоугольный зал, отделанный банальными деревянными панелями. Большие столы были накрыты желтыми скатертями без рисунка, натертый паркетный пол сверкал как зеркало. На центральном столике стояло блюдо с огромным копченым окороком в окружении ваз со свежими фруктами, тарелками с жареными лобстерами и вином в плетеных бутылках. И больше никаких украшений, никаких штор на окнах, никаких цветов на столиках.

Мистраль и Тедди сидели за столиком в оконной нише лицом друг к другу, и Тедди думала о том, почему никто не предупредил ее, что любовь с первого взгляда лишит ее способности непринужденно вести беседу. Закаленная тысячами ужинов с малознакомыми мужчинами, она не замечала за собой подобной молчаливости. Они уже так много сказали друг другу при посторонних, защитившись от последствий своих слов их присутствием, что теперь, оказавшись наедине с Жюльеном, Тедди не могла выдать из себя ничего, кроме банальных замечаний о еде.

Жюльен Мистраль, которому застенчивость представлялась чем-то вроде детской болезни, ни разу не задумавшийся перед тем, как высказать свое мнение, вдруг понял, что стал таким же молчаливым, как и Тедди. «Плачевное зрелище», — иронично заметил он про себя. Ему не терпелось высказать то, что было у него на душе, а вместо этого он возил кусочки мяса по тарелке. Мистраль твердо знал лишь одно — эта женщина должна навсегда остаться в его жизни.

Тедди казалось, что свет от неяркой лампы дрожит точно так же, как дрожат ее руки, когда она делает вид, что ест. Ей вдруг совершенно расхотелось прибегать в привычному для нее арсеналу кокетства. Она жаждала одного: прикоснуться к Мистралю, обнять его. Ей незачем было флиртовать с ним, потому что стадию флирта они миновали, признавшись друг другу, что провели ночь без сна.

С ужином было покончено. Тедди подняла глаза от своего бокала с вином и встретила

взглядом с Мистралем. Одинокая слеза, вызванная тем чувством, о котором Тедди не осмелилась бы заговорить, медленно покатила по ее щеке. Мистраль подхватил ее кончиком пальца, и их окутала паутина неуверенной, робкой радости. Мистраль наконец смог заговорить:

— На прошлой неделе я не сомневался, что никогда больше не почувствую себя снова молодым. Я посмотрел на небо, которое я всегда так любил. Солнце пробивалось сквозь тонкую пелену облаков, и в этом освещении мне почудилась крайняя безнадежность. Я сказал себе, что старею, как и все люди, и странно полагать, что я неподвластен годам.

— А теперь? — напряженно спросила Тедди.

— Я чувствую себя так, словно раньше не был молодым. Я просто существовал в ожидании лучших времен. Я не был несчастлив. Я работал и жил, как любой другой мужчина, и не задавал себе вопросов. Я рисовал и верил, что только этого и хотел. Я не могу сказать, что мне не хватало тебя, потому что я не знал о тебе. Только сейчас я понял, насколько неполной была моя жизнь.

— Но ты прожил половину жизни к тому времени, когда я появилась на свет. — Тедди нежно улыбнулась ему.

— Неужели такое кажется тебе возможным? Я знаю, что это правда, но не могу заставить себя прочувствовать это.

— Нам следовало родиться в один день! — страстно воскликнула Тедди. — Мы должны были вместе расти... И тогда бы ты всегда был рядом со мной. По-моему, я всегда ждала только тебя. Все то время, когда я чувствовала себя несчастной, когда мне казалось, что я существую только наполовину, все это было оттого, что тебя не было рядом. — Она говорила открыто, радуясь возможности не скрывать своего счастья.

— Я наконец понял других мужчин, которые бросали все ради женщины... — не веря своим словам признался Мистраль. Я всегда презирал их. Но теперь я чувствую себя человеком, таким же, как все.

— Это наказание? — спросила Тедди, и в ее улыбке таилось обещание.

— Это было бы наказанием до вчерашнего дня. А теперь я ощущаю невероятное облегчение...

Мистраль говорил, слышал свои слова и удивлялся им. Никогда еще он не разговаривал так с женщиной, никогда не думал, что такое вообще возможно, не подозревал, что такие слова будут легко слетать с его губ, не представлял, что его может настолько захлестнуть чувство, которое стало для него самым важным из тех, что он испытал. И это было чувство восторга.

— Я не смогу пережить тебя, — в этом заявлении Мистраля смешались уверенность и догадка.

— Тебе не придется.

— Ты не оставишь меня. — Это был приказ, а не вопрос.

— Разве я могу? — спросила Тедди. Ее лицо светилось любовью, будто она протягивала ему в ладонях свое сердце.

— Ты не смогла бы.

Они рассмеялись вместе, как языческие боги. Всего пять фраз, но они договорились вычеркнуть окружающий их мир, отменили в сторону все вероятные проблемы, решились, даже учитывая все возможные последствия, что ни одному из них не будет позволено убежать, что ничто не остановит их. Они приняли хаос, сумасшествие, это безумие на двоих, которое

поражает любовников и отныне станет их хлебом насущным.

— А теперь ты пойдешь со мной, — сказал Мистраль.

— Куда?

На мгновение Мистраль задумался. Он вспомнил об отеле «Европа», этом особняке вельможи шестнадцатого века с поющими во внутреннем дворике фонтанами, превращенном в гостиницу сто лет назад. В это время года там наверняка найдутся свободные номера. Завтра он снимет для них что-нибудь, но на эту ночь гостиница приютит их, как и раньше давала приют любовникам в этом напоенном чувственностью городе, где даже при папском дворе грешники не забывали о плотских утехах.

— Не спрашивай. Я позабочусь о тебе, разве ты этого не знаешь?

Тедди покраснела от совершенно нового для нее ощущения счастья. Ни один из мужчин не подозревал, что она жаждет, чтобы ей говорили, что делать, чтобы ей приказывали. Мелвин как будто догадался об этом... Мысль о нем всплыла на мгновение и тут же исчезла, чтобы никогда больше не появиться.

Тедди встала и пошла рядом с Мистралем, не замечая, что все мужчины в ресторане оказали ей наивысшую честь. Они перестали есть или пить, чтобы посмотреть на нее.

Неизбежно. Неотвратно. Навсегда. Это слово зажглось в ее мозгу, когда Жюльен Мистраль в первый раз овладел ею. Навсегда. Едва оказавшись в номере, они вместе рухнули в постель, не колеблясь, не раздумывая ни одной лишней минуты. Безумное желание охватило их, не оставляя времени для ритуальной игры. Почти полностью одетые, они любили друг друга с неловкостью и поспешностью подростков. Они должны были соединиться немедленно, их пакт скрепило совокупление.

Только после этого Мистраль раздел Тедди и разделся сам, а потом долго ласкал ее длинными, сильными пальцами, словно он был слепым и мог узнать ее только ощупью.

А Тедди наслаждалась собственным послушанием, испытывая редкое наслаждение, не позволяя себе стонать или шевелиться, будто Мистраль приказал ей лежать и ждать. Теперь, когда она принадлежала ему, они могли не торопиться. Она приподнялась и накрыла его тело своим, обнаружив его почти мальчишеское нетерпение.

Навсегда. Он двигался внутри нее, наполняя собой, как никто не наполнял прежде. Она не отпускала его, позволяя всем своим чувствам расцвести, пока не воспарила свободно, вырвавшись из сдерживавших ее пут. Они слились в единое существо. Навсегда, подумала Тедди. Неизбежно. Неотвратно. Навсегда.

Даже в разгар зимы в Авиньоне царило веселье. Тедди торопилась в парикмахерскую. Она куталась в пальто, прячась от порывов холодного, сухого воздуха, затопившего юг Франции. Но солнце по-летнему сияло в ясном небе, заливая золотом старинные камни города — серебристые цвета жженого сахара, шампанского, розовые и потускневшие пурпурные. Встреча с парикмахером в пятницу утром оставалась единственной запланированной заранее встречей, потому что совместная жизнь Тедди Люнель и Жюльена Мистралья не укладывалась в обычные временные рамки.

После первой ночи, которую они провели вместе, эти двое больше не расставались. Мистраль так и не вернулся в «Турелло», бросив дом, мастерскую, жену и дочь, словно это был старый, выношенный до дыр носок. Они с Тедди наслаждались счастьем, не перестававшим удивлять их самих. И это странное положение, длившееся последние четыре месяца, изолировало их от повседневной жизни. Эту пару не интересовали общепринятые соображения, они напоминали корабль, в чьи паруса подул сильный попутный ветер, понесший их к розовому острову.

Проведя первые несколько дней в отеле «Европа», они нашли большую квартиру в престижном квартале Префектуры. Она занимала весь второй этаж дома, выстроенного в восемнадцатом веке и некогда принадлежавшего богатому торговцу. Из высоких окон открывался вид на лужайки и цветники музея Кальве, по которым разгуливали павлины. Самую большую комнату Мистраль превратил в мастерскую, а рядом они устроили спальню, поставив туда огромную кровать с балдахином. На синем королевском бархате занавесей изнутри были вышиты сцены борзой охоты. В морозные ночи занавеси можно было задернуть и загородить постель со всех сторон.

В квартире не было центрального отопления, но в каждой комнате располагался огромный камин, где с начала ноября весь день и всю ночь горели еловые и эвкалиптовые поленья. В мастерской было теплее, чем в остальных комнатах. Там царила высокая венская печка из белого фаянса, похожая на взбитые сливки. Мистраль специально купил ее у торговца антиквариатом, чтобы Тедди не мерзла, когда позировала ему.

Мистраль говорил Тедди, что никогда в жизни он не ложился спать так поздно. Они засиживались перед камином в спальне далеко за полночь — она пленницей в его объятиях, — разговаривали, смеялись, щелкали орехи, поджаривали каштаны, пили фруктовые наливки из горлышка высоких бутылок. Тедди покупала их, не в силах устоять перед названиями: лесной терновник, ежевика, шиповник, лесная черника. И никогда раньше он не залеживался так долго по утрам. Просыпался Мистраль по-прежнему рано, но не вставал, а смотрел на спящую Тедди до тех пор, пока она не открывала глаза. Потом они занимались любовью, забыв о времени. Когда Тедди приходила в себя, она иногда не могла понять, где находится, разглядывая вышитых охотников, прыгающих борзых и крохотные полевые цветы.

— Мадам желает, чтобы я еще раз намылила ей волосы? — спросила помощница мастера.

Тедди кивнула в знак согласия и снова расслабилась, вспоминая мельчайшие детали своей новой жизни. Они жили словно монархи, закружившиеся в водовороте любви, довольные уже тем, что могут смотреть друг на друга, целоваться и знать, что они поступили

правильно.

Каждый день перед ленчем они отправлялись в «Дворцовое кафе» выпить аперитив. Им не надоедало смотреть на площадь Часов, открытую, просторную, обсаженную рядами величественных платанов, с ее ленивыми голубями и оживленными горожанами, всегда прогуливавшимися здесь в середине дня.

Хотя Тедди частенько замечала, что люди смотрят на них с Мистралем на улице или в ресторане, ей казалось, что в Авиньоне никому нет до них дела. Мистраль авиньонцы привыкли видеть. Он то приезжал, то уезжал, а раз он появлялся с молодой женщиной, то глазеть на него было бы неприличным.

Друзьями они не обзавелись, если не считать доктора и его жены, занимавших квартиру под ними. Большой компании им не требовалось, тем более что Мистраль легко поддавался грубой примитивной ревности. Он хотел, чтобы Тедди не отходила от него ни на шаг, он не выпускал ее из вида. Мистраль тщательно скрывал свои страдания, когда она отправлялась за покупками, но даже по ночам он просыпался, прислушивался к ее дыханию. А когда мужчины смотрели на нее на улице, он готов был зарычать и вцепиться им в глотку. Тедди была его женщиной, его женой, его ребенком. Эта рыжеволосая женщина — его сокровище, не доступное никому другому.

Тедди, сидя в кресле парикмахера, нахмурилась, вспомнив письмо, полученное ею накануне от Маги. Мать явно хотела помириться, тон послания совсем не был похож на те жестокие и гневные проповеди, которые получала Тедди после того, как сообщила ей о своем намерении жить с Жюльеном Мистралем. Теперь Маги писала, что ее тревожит только будущее Тедди. Она боится, что ее собственная история может каким-то образом повториться, если намерение Жюльена развестись окажется не более успешным, чем попытки отца Тедди.

Как мама может сравнивать! В негодовании Тедди дернула головой. Кейт Мистраль протестантка. Их брак с Жюльеном гражданский. Все очень просто.

Времена изменились. Сегодня ни одна женщина не станет цепляться за мужчину, который для нее потерян.

Теперь Тедди выглядела моложе, чем в то время, когда начала сниматься для рекламы. Ее щеки порозовели, потому что они с Мистралем проводили много времени на свежем воздухе. Все эти ужины в ресторанах, аперитивы, вино, бренди на ночь и ленивые, неторопливые дни, когда Тедди позировала Мистралю всего три-четыре часа в день, нежась в тепле печки-голландки, привели к тому, что она прибавила в весе. Юбки, которые она купила, когда решила остаться в Провансе, стали тесны в талии, брюки, привезенные еще из Нью-Йорка, еле застегивались.

«Сегодня никто не взял бы меня на работу в модельное агентство, — размышляла Тедди, направляясь в «Дворцовое кафе», где ее должен был ждать Мистраль. — Мариетта Нортон упала бы в обморок, если бы увидела меня». Тедди остановилась у рынка, чтобы купить горшочек лавандового меда, длинный теплый батон, белый цилиндр козьего сыра и полкило бледно-желтого масла с фермы. Тедди готовила только завтрак. В остальное время они ели в кафе и ресторанах. Иногда они устраивали некое подобие пикника в просторной столовой, потому что их единственной мебелью были два глубоких кресла, обитых выцветшей золотистой парчой, и старинный инкрустированный карточный столик, на котором стояли четыре тяжелых серебряных канделябра разного рисунка. После безусловно

чистого, ухоженного дома Кейт Мистраль наслаждался этим подобием богемной жизни.

Тедди взглянула на часы и ускорила шаг. Она увидела спешащего ей навстречу Мистрала. Художник на голову возвышался над прохожими, и его рыжие кудри были заметны издали. Распугивая сонных голубей, Тедди побежала к нему.

Кейт Мистраль задумчиво стояла в большом хранилище без окон, где Мистраль складывал свои работы. Здесь ряд за рядом, защищенные от дневного света, пыли и пламени, покрытые лаком, но не подписанные и не вставленные в рамы стояли его лучшие полотна, созданные за четверть века. Мистраль никогда не продавал те картины, которые считал наиболее удачными. Кейт знала наизусть каждый холст, помнила, в каком ряду находится та или иная картина, знала до последнего пенни прибыль, которую получит Этьен Делаж, если ему отдадут их для продажи. Кейт включила все лампы и прошла в самый дальний угол. Там стояла картина, изображающая обнаженную Маги на гряде зеленых подушек, самую известную из серии «Рыжеволосая женщина». Кейт не смотрела на нее ни разу после 1931 года, когда картина вернулась с выставки в Нью-Йорке. Но она никогда не забывала, что картина, как и шесть остальных, здесь словно смертельно опасное радиоактивное вещество в металлическом контейнере, невидимое, но живое.

О, да, это легко понять. Какой мужчина сумеет устоять? Молодая плоть, от нее все сходят с ума в его возрасте, и если бы мужчинам позволили, они бы покупали ее на рынке на вес. Жюльен ничем не лучше других. Ей ли не знать, что для него важнее всего то, что видят его глаза. Поверхности, ничего, кроме поверхностей. Но все-таки какой же он дурак! Самый обычный, типичный дурак, возомнивший себя юнцом. На этом не женятся, ради плоти не бросают свою жизнь!

Сколько времени Жюльену потребовалось, чтобы понять это, когда речь шла о матери этой шлюхи? Несколько месяцев. Как же я ненавидела ее, эту рыжеволосую девку, у которой не было ничего, кроме пухлых губок и пышного тела. Она так и не смогла сообразить, что нужно такому гению, как Жюльен, от женщины. Губы Кейт исказила брезгливая гримаса, стоило ей только вспомнить о Маги. Эта дрянь наверняка имела не одного любовника и после Жюльена, ведь это отродье наверняка незаконнорожденная, раз носит фамилию матери.

Возможно ли, чтобы Жюльен увидел в дочери мать? Неужели он решил, что может вернуть прошлое и снова стать молодым, если его тело сольется с молодой упругой женской плотью? Кейт еще крепче сжала кулаки, борясь с желанием разорвать, разрезать холст, благо острых инструментов в мастерской по соседству было достаточно.

Резким движением она задвинула картину на место. За семь лет, прошедшие после окончания войны, эта серия втрое выросла в цене, как бесценное свидетельство раннего творчества Мистрала. Это стало ее наилучшим вложением капитала, мрачно усмехнулась Кейт. Никто не поручится, что они не поднимутся в цене еще в два или три раза за следующие десять лет. Она ничего не выиграет, когда продаст их сейчас. Но если она все же решится их продать, если присутствие этих картин в доме станет для нее совершенно невыносимым, она обратится к Адриану Авигдору. Если уж иметь дело с евреями, а в этом бизнесе без этого не обойтись, то пусть это будет самый умный из них.

Кейт вспомнила свою поездку в Париж сразу после окончания войны и последнюю встречу с Авигдором. Ей было необходимо с ним увидеться, потому что у него еще оставались несколько картин Мистрала, переданные ему до оккупации. Кейт опасалась, что

Авигдор станет настаивать на том, что именно он должен их продать, хотя его контракт с художником уже истек. Но, к ее изумлению, Авигдор буквально горел желанием передать все Делажу.

Кейт ничего не могла понять, пока Авигдор сам не объяснил ей, почему впредь не желает вести дела с Мистралем. Она возмутилась. Его не впустили в «Турелло»? Ну и что в этом такого?! Любой француз, давший приют еврею, рисковал своей жизнью, разве Авигдор об этом не знал? Ах, такой же прием был оказан Мистралем еще десяткам евреев. Ей в высшей степени наплевать на это. Хоть сотням, хоть тысячам.

Какое право имели они подвергать риску Жюльена, поинтересовалась она у Авигдора, сидевшего перед ней с красной ленточкой ордена Почетного легиона в петлице. Он не преминул сообщить ей, что это награда за активное участие в Сопротивлении. Кейт с гневом спросила, неужели с его точки зрения гений, подобный ее мужу, должен жить по тем же правилам, которые установил для себя Авигдор? Неужели он так мало знает о художниках после стольких лет работы с ними, что считает политику интересным для них предметом? Про себя она назвала Авигдора кретином и постаралась побыстрее о нем забыть. Свое дело он сделал.

Кейт вспомнила о своем разговоре с нотариусом, состоявшемся всего неделю назад. Для этого ей пришлось отправиться в Ниццу. В Фелисе был нотариус, но его жена была приятельницей Кейт. Могут пойти ненужные разговоры.

Собственно, визит не занял много времени, и ответы на ее вопросы оказались простыми. Нотариус заверил Кейт, что институт гражданского брака во Франции намного прочнее, чем в других странах. С 1866 года развод возможен только при наличии вины.

— При наличии вины? — переспросила Кейт, умело скрывая тревогу.

— Только после того, как будут представлены факты серьезного и неоднократного нарушения брачных обязательств, моя дорогая мадам, приведших к тому, что супружеская жизнь стала невыносимой. — Он явно наслаждался собственным красноречием и с удовольствием грассировал.

— Я не совсем понимаю вас, — забеспокоилась Кейт. — Означает ли это, что в том случае, если мой муж даст мне основания для развода, то я могу развестись с ним?

— Разумеется, мадам. Это вопрос времени и доказательств.

— Но если я не хочу с ним разводиться, несмотря на его вину?

— Тогда развод невозможен, — ответил нотариус.

— Даже в том случае, если муж сам захочет развода?

— Нет, мадам, без вашего согласия расторжение брака невозможно.

Кейт поблагодарила нотариуса, заплатила положенную сумму и отправилась в Фелис по длинной извилистой дороге мимо пустых зимних полей. Ей незачем волноваться, не нужно ничего предпринимать. Ее защищает столетний французский закон.

Интересно, а этот престарелый сумасброд, ее муж, знает об этом? Или он уже выяснил горькую правду у другого нотариуса? Кейт не собиралась ничего ему говорить. Пусть все узнает сам, пусть выяснит факты, и, может быть, тогда он начнет понимать, что впервые в жизни оказался бессильным что-либо изменить. Разумеется, сначала он не поверит, примется бушевать и все крушить, заявит, что ничто не помешает ему получить то, чего ему хочется, но... Кейт могла бы даже пожалеть его, если бы захотела. Но такого желания у нее не возникло. Мистраль наверняка забыл, каким безграничным терпением она обладает, и

точно не помнит, что его жена никогда не сдастся.

«Я не позволила тебе уйти, когда была молода, — размышляла Кейт, — когда я могла заполучить любого мужчину, которого хотела, когда могла выбирать собственное будущее. Но я выбрала тебя, Жюльен. Разве теперь, когда я посвятила всю мою жизнь твоей карьере, я отпущу тебя? Вряд ли ты напишешь мне и попросишь об этом. Ты слишком в себе уверен. Но как ты мог хотя бы на минуту поверить в то, что я отдам тебя этой распутной, наглой воровке? Неужели ты и в самом деле так плохо меня знаешь? Ты принадлежишь мне. Я владею тобой точно так же, как этими картинами. Я заплатила за них, у меня до сих пор сохранился чек, это моя собственность. И нравится тебе это или нет, но ты тоже моя собственность».

Мистраль резко отложил кисть и замер. Тедди мечтательно смотрела на лепной потолок, где среди цветочных гирлянд и бантов резвились купидоны, к которым она так привыкла за долгие часы позирования. Разве уже пришло время сделать перерыв? Ей казалось, что она только что улеглась на помост. Но вполне вероятно, что она задремала после необычно тяжелого второго завтрака. Мистраль подошел к ней, не отрывая взгляда от ее тела.

— Что случилось, дорогой мой? Только не говори мне, что я храпела.

Мистраль присел на корточки и пальцем провел линию по ее обнаженному телу от груди до живота.

— Нет, ты не храпела. Ты никогда не храпишь. Но ты изрядно поправилась.

— Я знаю. Это все от безделья и хорошей жизни. Скоро я составлю конкуренцию моделям Рубенса. Но мне все равно... А тебе?

— Я... Меня все устраивает, только...

В голосе Мистраля зазвучала легкая неуверенность. Возможно, ему на самом деле она нравится костлявой, такой, какой она была, когда работала манекенщицей. Возможно, ее новые округлые формы, так нравившиеся ей самой, не годились для его полотен. Французы всегда так беспокоятся о линии. Француженки, во всяком случае. Мистраль погладил ее налившиеся груди. Потом его руки спустились к талии. Тедди казалось, что он к чему-то прислушивается.

— Эй, что происходит? — рассмеялась она. — У тебя холодные руки.

— Ты беременна, — как будто не веря собственным словам, произнес Мистраль.

— Нет, что ты! — Тедди резко села, ее глаза в тревоге расширились.

— Ты беременна. Поверь мне, я знаю. — Мистраль уткнулся лицом в ее живот и принялся как безумный целовать белоснежную кожу. — Господи, ты даже не представляешь, как я счастлив!

— Жюльен, ты пугаешь меня! Откуда ты узнал?

— Ты думаешь, что это невозможно, Тедди?

— Нет! То есть... О нет! Это возможно. Черт, этого просто не может быть!

— Я прав, — торжественно объявил Мистраль. — Я так и знал.

— Что же мне теперь делать! — Тедди схватила шаль и лихорадочно закуталась в нее.

— А зачем тебе что-то делать?

— Жюльен, ты же еще не развелся с женой!

— Тедди, я разведусь. Я клянусь тебе моей жизнью, моей любовью к тебе, моей работой; всем святым. Я получу развод! Особенно теперь, когда ты беременна. Когда Кейт узнает о ребенке, она поймет, что бессмысленно цепляться за меня. Я знаю, как она

рассуждает, я знаю ход ее мыслей. Она просто еще ничего не поняла. Кейт никак не может взять в толк, что ты единственная женщина — единственный человек, — которую я любил и люблю в своей жизни. — Он встал и посмотрел вниз на Тедди, которая все так же куталась в шаль. — Меня самого это удивляет. Я благословляю каждый день, который провожу рядом с тобой. А когда мы станем семьей, когда я признаю ребенка в ратуше, когда об этом станет известно, гордость Кейт не позволит ей так это оставить... Она станет действовать, ради Надин, ради спасения собственного имени, чтобы люди не сплетничали. Да, я получу развод. Я убежден в этом.

— Знаешь, о чем ты мне сейчас напомнил? — с яростью поинтересовалась Тедди. — О племенах, где мужчины не считают возможным жениться на женщине до тех пор, пока она не забеременеет и не докажет, что не бесплодна. — Она заговорила громче. — Жюльен, ты говоришь обо мне, о Тедди Люнель! Это у меня будет незаконнорожденный ребенок. Ты будешь признавать его в городской ратуше?! Это же варварство! Я жительница Нью-Йорка, а не какая-нибудь крестьянка. Я зарабатываю три тысячи долларов в неделю! О Жюльен, ты просто не понимаешь! — Голос Тедди прервался, она замолчала и разрыдалась, цепляясь за него словно ребенок, чувствуя, как его руки обнимают ее все крепче и крепче.

Пока Тедди плакала, она вдруг поняла, что она перестала быть той Тедди Люнель, которая носилась по Нью-Йорку и зарабатывала по три тысячи долларов в неделю. Она превратилась в совершенно другую женщину, просто в женщину, которая любила мужчину и ждала от него ребенка, женщину, которая стала частью его жизни.

Она подумала о том, как легко было бы сделать аборт. Достаточно позвонить знакомым моделям, и ей сразу же подсказали бы адрес клиники в Швеции. Два часа самолетом от Марселя до Стокгольма, выходные в безупречно чистой больнице, и можно возвращаться домой во вторник или в среду. Но, думая об этом, Тедди уже знала, что не станет этого делать. Жюльен понял бы ее. Он настолько счастлив с ней, что ему не нужен младенец для полноты этого счастья.

Нет, Тедди уже чувствовала себя изменившейся, настоящей женщиной, не девчонкой. Лишь однажды она испытала это ощущение неизбежности. Такое же чувство родилось в ней в их первую ночь в гостинице «Европа». Это было неотвратимо, так же неотвратимо, как ее любовь к Мистралю. Значит, так и должно быть.

Один месяц сменял другой, кончилась зима, наступила весна 1953 года, приближался срок родов. Ребенок должен был появиться на свет в июне, как сказал Тедди ее врач, и она жила в состоянии очарования и гармонии с того самого момента, как узнала о своей беременности. Она знала, что Мистраль пытается добиться развода, но она совершенно не волновалась, выслушивая подробный отчет о переговорах с Кейт, которые, как она догадывалась, проходили достаточно сложно. Теперь ее не касались никакие неприятности. Чтобы Маги не суежилась вокруг нее, Тедди просто не сообщила матери о том, что ждет ребенка, хотя каждый месяц писала ей подробные письма. У нее еще будет для этого время. Когда она сможет сообщить о дне свадьбы, тогда напишет и о малыше.

Мистраль настоял на том, чтобы они наняли слуг, и Тедди выбрала молодую супружескую пару за то, что их любовь буквально бросалась в глаза. Тедди не противоречила Мистралю. Она даже позволила ему каждый месяц сопровождать ее к врачу, хотя никогда в жизни не чувствовала себя такой здоровой. Она любовалась своим отражением в зеркале, чего никогда не делала в примерных при мастерских лучших фотографов мира. Она

жаловалась только на то, что засыпала над вечерней рюмочкой, и Мистралю приходилось относить ее в постель.

По утрам они отправлялись на долгие прогулки, а во второй половине дня Тедди по-прежнему позировала. Никогда ничто так не захватывало Мистралья, как ее наливающееся тело. Его живопись всегда оставалась простой и понятной, в ней не существовало загадок и тайн, хотя он упивался рапсодией формы и цвета. Но теперь, когда он писал беременную Тедди, Мистраль принялся искать что-то новое, проникая дальше поверхности. Материнство как предмет живописи никогда не интересовало его раньше. Когда Кейт ждала ребенка, его отталкивал ее живот, растущий как будто отдельно от ее хрупкого тела, — оранжерея для одного-единственного плода. Лицо Кейт в то время побледнело, утратило свои краски и энергию. И хотя она никогда ни на что не жаловалась, Мистраль не испытывал к будущему младенцу никаких чувств, кроме досады.

Но Тедди расцвела. Ее груди, некогда маленькие, налились и казались огромными, бесстыдно вызывающими. Синие вены явственно проступили сквозь белую тонкую кожу, соски еще больше порозовели. Ее тело было чудом красоты, и в нем Мистраль чувствовал такую силу природы, какой не бывало ни в одном пейзаже. Ни гроза, ни небо, ни ночь, полная звезд, ни спелые фрукты, ни гроздья винограда никогда так не волновали его. Художник мог каждый день рисовать ее все время меняющийся живот. Законченных полотен в его студии становилось все больше и больше. Впервые после того, как он писал Маги, Мистраль работал так плодотворно.

В середине июня у Тедди начались схватки. Мистраль отвез ее в ближайшую больницу, и по старинной традиции Прованса ему разрешили присутствовать при родах. Тедди цеплялась за его руку, но ребенок родился через шесть часов, и ей не пришлось слишком страдать. Врачу пришлось несколько раз шлепнуть появившегося на свет младенца, чтобы он заплакал. Сестра быстро завернула новорожденного в розовую пеленку и передала Мистралю.

— Это девочка, месье, — с гордостью сообщила она, словно сама родила ее. Мистраль зачарованно смотрел на крохотный сверток. Красное личико, крохотный ротик, из которого вырывались сердитые крики, огненные волосы, и все это завернуто в розовую ткань. Он пристально изучал свою дочь, что-то ворча себе под нос.

— Господи, дорогая, ты родила маленькую дикую зверушку. А какие краски! Им позавидовали бы фовисты^[1]! Давай назовем ее Фов... Тебе нравится это имя?

Тедди кивнула в знак согласия, но сестра запротестовала.

— Месье Мистраль, это не христианское имя. Разве вы не хотите назвать девочку, как принято?

— Черта с два! Никаких христианских имен! Фов — дочь художника!

— Мама, — захныкала Надин, — Арлетта сказала, что у меня теперь есть сестренка. А я сказала, что она врет. Не буду больше играть с ней. Она противная, я ее ненавижу.

— Почему Арлетта так сказала? Вспомни, Надин, постарайся.

— Она сказала, что ее мама услышала об этом от своей сестры, которая работает в больнице в Авиньоне.

— Когда Арлетта тебе об этом сказала?

— Сегодня в Фелисе, когда я ездила с месье Полиссоном на почту забрать посылку. Арлетта всем рассказала.

— Она солгала, Надин. У тебя нет никакой сестры и никогда не будет. Но у твоего отца родился незаконный ребенок. Таких называют ублюдками, и ты скажешь об этом Арлетте, когда ей захочется снова распустить свой длинный язык.

Глаза у Надин стали совсем круглыми, она обеими руками пригладила свои кудряшки. Девочка отлично знала это слово, да и какой семилетний ребенок в Фелисе его не Слышал? Дети прислушивались к разговорам взрослых с того самого момента, как родители сажали их к себе на колени во время еды.

— Я не понимаю, мама.

— Вспомни, когда отец уехал от нас. Сейчас он живет не с нами, а с плохой женщиной, а теперь эта женщина родила ребенка. Этот ребенок и есть ублюдок.

— А когда папа вернется?

— Тебе отлично известно, что у меня нет ответа на этот вопрос, но если ты будешь терпеливой, то твой отец рано или поздно появится.

— Он привезет с собой эту плохую женщину?

— Ты говоришь глупости, Надин.

— А ублюдка он привезет? — ревниво поинтересовалась девочка, используя слово только потому, что его уже произнесла мать.

Окружающие так баловали ее после отъезда отца, что Надин о нем почти не вспоминала. Мистраль всегда видел ее насквозь, и она его боялась. А теперь никто больше не критиковал ее плохие манеры за столом. Но у многих ее одноклассников были младшие братья или сестры, и с их слов Надин знала, что после рождения малыша старшим детям приходилось потесниться и уступить свое место в сердцах родителей младенцу.

— Разумеется, нет! Надин, прекрати нести чепуху!

Кейт вскочила и выбежала из комнаты, даже не подумав утешить захныкавшую дочь. Она бросилась к себе в спальню, заперла дверь, уселась в любимое кресло и уставилась прямо перед собой. Со дня на день Кейт ждала эту новость, но ей и в голову не приходило, что она услышит ее от собственной дочери.

Мистраль сообщил ей о беременности этой девицы Люнель месяцев шесть назад. Кейт даже согласилась встретиться с его адвокатом и изложила свою позицию. Ее муж сбился с пути истинного, он во власти иллюзий, это временное помешательство, от которого страдают миллионы мужчин в его возрасте. Она на развод не согласна.

Но Мистраль не смирился. Он продолжал посылать ей длинные, бессвязные письма, уверяя ее, что она ничего не потеряет, если даст ему развод. Ведь он все равно никогда не вернется к ней.

Ничего не потеряет? Кейт готова была расхотаться ему в лицо. Она, мадам Жюльен Мистраль, пользовалась глубочайшим уважением в мире искусства, ее власть над самим Мистралем стала легендой. Ее умоляли о помощи кураторы музеев. Она могла создать имя любой галерее, позволив выставить работы Мистраля. Только она могла разрешить — а могла и не разрешить — печатать репродукции его картин. Лишь Кейт решала, кто из журналистов или студентов сможет пообщаться с гениальным Мистралем. Она столько лет вела его дела. И он говорит, что ей нечего терять?

А если бы она не привела тогда Авигодора взглянуть на работы Мистраля? С той ненавистью, которую Жюльен питал к дилерам, он бы так и не дождался первой выставки, а значит, и всего, что за ней последовало. Скольких художников давно похоронили к тому моменту, когда их работы заметили и оценили? Именно Кейт дала Мистралю шанс, и именно на ее деньги была куплена эта ферма. Только благодаря ее труду Мистраль мог свободно работать последние двадцать пять лет, не задумываясь ни о чем. О нет, Кейт не намерена все бросить и позволить молоденькой шлюшке, бывшей манекенщице, занять ее место. Мистраль обязан ей всем, всей своей жизнью.

Кейт скрипнула зубами от ярости, встала и принялась ходить от окна к окну. Как Мистралю только в голову пришло, что капля его спермы, попавшая в тело этой суки Люнель, заставит ее оставить все, чего она добилась собственным трудом? Как же плохо он ее на самом деле знает. Ничто другое не заставило бы ее так держаться за свои права, как рождение этого ублюдка. Жюльен в письмах предлагал ей все: ферму, все картины, деньги на счетах в банках, словно вопрос был только в том, чтобы дать ей достойные отступные. Он ничего не понимает. Она и только она мадам Жюльен Мистраль. И ничто не сможет этого изменить.

Кейт пригладила волосы и отперла дверь. Она плохо поговорила с Надин. Если девочка повторит ее слова, все станет только хуже. Скандал и без того дал жителям деревни славную пищу для разговоров и стал для них очередным развлечением. Они жили только ради того, чтобы обсуждать соседей, а о тех, кто по-настоящему «своим» не был, сплетничали с особым наслаждением, отличаясь отменным острословием.

Кейт нашла Надин на кухне. Она увела девочку в спальню и там усадила к себе на колени.

— Надин, дорогая моя, забудь все, что я тебе говорила. Мама вела себя глупо. Иногда взрослые тоже делают глупости, как и дети. Я не хочу, чтобы ты говорила хотя бы слово Арлетте, если она спросит тебя о папе или обо мне. Все скоро наладится. Папа вернется к нам, но с посторонними об этом говорить не стоит. Они все перепутают, и потом, наши дела их не касаются. И знаешь, я не хочу, чтобы ты сейчас ездила в Фелис...

— Но, мама, занятия в школе заканчиваются только в конце июня.

— Я помню, детка. Я поговорю с твоей учительницей, и она все поймет. Ты так хорошо учишься, что это не имеет значения. Мы проведем время вместе. Будем путешествовать на большой мамочкиной машине, ты будешь обедать со мной в ресторанах, увидишь много нового. Каждый день я буду покупать тебе особенный, неожиданный подарок, что-нибудь невероятно хорошенькое. Разве нам не будет весело?

Но Надин явно сомневалась. «Если бы я только могла увезти ее в Париж или Нью-Йорк, — думала Кейт. — Если бы только могла выбраться из этой чертовой долины, где все всё про всех знают. Но я не могу уехать. Небольшие поездки, на несколько часов в день, и только. Как только Жюльен узнает, что мы уехали, он решит, что я сдалась. Нет, я должна

продолжать жить как обычно. Наступит день, эта история станет старой, неинтересной, не имеющей никакого значения. Но сейчас ни у кого не должно быть оснований жалеть меня».

— О чем ты думаешь, мама? — спросила Надин.

— Я решаю, что надеть сегодня вечером. У Гимпелсов званый вечер. Как считаешь, лучше надеть белый костюм или то синее платье, которое так тебе нравится?

Тедди и Мистраль сидели на террасе кафе «Сеннекье» в Сен-Тропезе и потягивали пастис. Годом раньше журнал «Вог» разрекламировал эту маленькую рыбацкую деревушку, но место оставалось еще неиспорченным. Как только Фов исполнилось две недели от роду, они упаковали вещи и отправились на побережье, прихватив с собой няню. Они сняли апартаменты в отеле «Доли» на все лето.

— Я беспокоюсь, Жюльен, — угрюмо сказала Тедди.

— Я знаю, дорогая. Чувствую, что еще немного, и ты на меня набросишься. Неужели я так долго играл в шары сегодня днем? Прости меня, местные старики чертовски хорошо играют. И почему только мне никогда раньше не приходило в голову приехать сюда? Это были замечательные каникулы.

— Еще бы! — взорвалась Тедди. — Мы с Фов стали для тебя наилучшими моделями. Любовница художника и его незаконнорожденная дочь... Классический сюжет!

— Тедди!

— Знаю, знаю, это не твоя вина. Господи, да ни в чем я тебя не обвиняю, но сколько все это может тянуться? Я просто в ярости, Жюльен! Это отвратительно.

— Дорогая, будь же благоразумна! Фов только два месяца. Когда-нибудь Кейт поймет, что ведет себя как собака на сене. Для нее все абсолютно безнадежно. Нам надо только немного потерпеть.

— Если тебя послушать, то это не развод, а отступление Наполеона из-под Москвы. Что ждет меня, Жюльен? Послушай меня. Я провела зиму в тепле, ела, спала, мечтала месяцы напролет, будто мама-медведица в берлоге. Маленькие хитрости природы, но мне тяжело жить, не зная, чего ждать.

— Ты получила очередное письмо от своей матери, — проворчал Жюльен.

— Ты угадал. И я уже начинаю думать, что она была права с самого начала. А что, если история и в самом деле повторяется? Ей так и не удалось выйти замуж за моего отца, а любой скажет, что она намного умнее меня.

Мистраль взял обе ее руки в свои и прижался губами к ладоням.

— Прошу тебя, любовь моя, не говори так. Все становится еще хуже, если...

— Тедди! Тедди Люнель! Не верю своим глазам! — взвизгнул по-английски высокий женский голос.

Измученная Тедди подняла голову. На тротуаре перед кафе стояли двое мужчин и две женщины. Пегги Арнольд, узнавшая ее, последние два года работала на агентство «Люнель» и была настоящей звездой. Тедди вскочила и обняла ее. Ее саму удивило, насколько она была рада увидеть знакомое лицо. И даже Пегги Арнольд показалась лучшей подругой.

— Так вот где ты прячешься, оказывается! Все давно голову сломали и решили в конце концов, что ты пропала. Твоя мать сказала, что ты влюбилась во Францию и решила здесь остаться, но ей никто не поверил. Позволь представить тебе Джинни Максвелл. Она теперь тоже работает на «Люнель». А это Билл Кларк и Чейз Тэлбот.

Мистраль встал и тоже подошел к ним.

— Это Жюльен Мистраль, — произнесла Тедди голосом собственницы.

Ей вдруг на мгновение показалось, что тенистая терраса кафе превратилась в театральные подмости. Она смотрела, как Жюльен пожимает руки четверем загорелым, одетым в белое американцам, неожиданно оробевшим, смущенным, неловким. Они не скрывали своего восхищения. Тедди вспомнила тот день, когда сама впервые увидела Мистраля, и, глядя на него теперь, она заново была покорена его величественной осанкой, крупной породистой головой, ростом и сдержанной силой его взгляда. Она так гордилась тем, что кто-то из ее прежней жизни увидел их вместе.

— О Пегги, у меня к тебе миллион вопросов! — воскликнула Тедди. — Послушай, может быть, вы поужинаете с нами сегодня вечером?

— Мы не можем, дорогая, мы уже пообещали появиться на одной вечеринке. Но я предлагаю другой вариант. Яхта Чейза стоит здесь в гавани. Почему бы вам не присоединиться к нам завтра? Мы могли бы выйти в море, поплавать и позавтракать на борту.

— Это просто замечательно, правда, Жюльен? Мы с радостью принимаем приглашение.

— Вы очень любезны.

Мистраль обрадовался бы любому приглашению, если бы оно отвлекло Тедди. Он не сомневался, что когда-нибудь Кейт обязательно сдастся, но стало ясно, что этот день наступит не скоро. Он не осмелился поделиться своими сомнениями с Тедди. С каждым днем ему все труднее было успокоить ее и внушить оптимизм.

На следующий день в десять часов утра Тедди и Мистраль поднялись на борт «Барона», яхты, принадлежавшей Чейзу Тэлботу. Команда из четырех человек, включая повара, была нанята, чтобы путешественники могли спокойно плыть из одного порта в другой вдоль побережья Франции и Италии.

«Барон» легко заскользил по синей глади залива, выходя из бухты Сен-Тропеза в открытое море. Вся компания расположилась на подушках на залитой солнцем корме. Рука Тедди лежала на руке Мистраля. Тедди упоенно болтала с Джинни и Пегги, впитывая новости из того мира, откуда она ушла, ни разу не оглянувшись назад.

Она вдруг поняла, насколько ей не хватало подруг из ее прежней жизни, таких же, как она сама. Они с Жюльеном жили в таком насыщенном одиночестве, что на какое-то время было просто замечательно окунуться в ту атмосферу, где разница между Беном Цукерманом и Норманом Нореллом была если не критической, то во всяком случае, заметной всем.

Женщины не умолкали ни на минуту, делясь новостями Нью-Йорка. Тедди легко поглаживала пальцем мускулы на руке Мистраля. Это легкое прикосновение давало ей возможность понять, что ее старая жизнь была лишь тенью настоящего существования. Она перестала поддерживать разговор и прикрыла глаза. Ее реальность — это Жюльен Мистраль, мужчина, сделавший ее жизнь полной, превративший ее из девчонки, боявшейся, что она никогда не сможет полюбить, в женщину, которая знала, что может любить вечно. Реальностью была Фов. Когда она брала ребенка на руки, утыкалась носом в атласную шейку, ощущала пухленькое, но такое крепкое тельце, доверчиво приникающее к ней, Тедди охватывало чувство, так непохожее на то, что она раньше называла любовью, для которого она не находила нужных слов.

Реальностью были Жюльен и Фов. Реальностью было окончание каникул и возвращение в Авиньон. Реальностью были предстоящие осень и зима в городе цвета шампанского,

покупка мебели для огромной квартиры в антикварных магазинах, прогулки с Фов в парке, запас дров, походы на рынок... О, реальность включала в себя столько замечательных вещей! И если в ее реальности найдется место еще для одного ребенка, Кейт придется признать свое поражение. Тедди усмехнулась про себя. И почему она раньше об этом не подумала? Великолепная идея!

— Давайте бросим «датчанина», — голос Билла прервал ее мечты.

— Что это такое? — удивилась Тедди.

— Это легкий якорь. Мы всегда им пользуемся, когда хотим остановиться на часок, чтобы поплавать или поесть. Есть еще один якорь; «пахарь», но с ним так много возни, что мы спускаем его только на ночь. Здоровенный ублюдок, так что я по возможности дольше держу его под кормой. Я ленивый яхтсмен.

— О! — Яхтсмены всегда норовят обрушить на вашу голову больше информации, чем требуется. Тедди помнила об этом еще с тех времен, когда проводила лето в Хэмптоне.

— Хотим ли мы поплавать, выпить или и то, и другое? — обратился к ним Чейз Тэлбот.

— А как вода? — спросила Джинни.

— Отличная. Если вы хотите купаться, то сейчас самое время.

Яхта стояла в спокойной воде в нескольких милях от берега. Солнце припекало. Все единогласно решили сначала искупаться, а потом выпить.

Тедди уже два года не ныряла, но после нескольких попыток к ее мускулам вернулась память.

— Джин-тоник для всех, — громко сообщила Пегги, когда Тедди собралась нырнуть еще разок. Тедди оглянулась. Все ее американские друзья уже улеглись на подушках на корме и тянули руки к подносу со стаканами. Она снова взглянула на океан. Из воды Жюльен махал ей рукой.

— Еще один прыжок, — откликнулась Тедди. Сейчас она нырнет, вынырнет, в несколько взмахов окажется рядом с Мистралем и примется его целовать, а между поцелуями поделится с ним своей замечательной идеей насчет второго ребенка.

Большое рыболовецкое судно прошло рядом с «Бароном», но из-за общего шума на него никто не обратил внимания. Волна ударила в борт яхты. «Барон» резко подпрыгнул. Тедди потеряла равновесие, взмахнула руками, пытаясь удержаться, и неловко свалилась, ударившись головой об острый край стальной лапы якоря. Мистраль, видевший это, мгновенно нырнул. Он сразу же нашел ее и вытолкнул на поверхность. Чейз и Билл помогли ему втащить Тедди на борт. Она не утонула. На это ей не хватило времени. Тедди умерла еще до того, как коснулась воды.

Через три дня Тедди похоронили на американском кладбище в Ницце. За гробом шли только Маги и Жюльен Мистраль. Он запретил приходить четверем американцам с яхты, а те были слишком напуганы его гневом, чтобы настаивать.

Теперь Маги и Мистраль сидели вдвоем в холле отеля. Маги не могла заставить себя посмотреть на него. Она чувствовала к нему такую горячую, всепоглощающую ненависть, что не в силах была пробормотать даже несколько приличествующих случаю слов. Она понимала, что должна сохранять спокойствие и убедить Мистралья отдать ей внучку. Ее дочь он уже убил.

— Я хочу забрать Фов с собой, — наконец произнесла Маги.

— Разумеется, — пробормотал он.

— Ты понимаешь, что я имею в виду? — Мистраль ведь мог просто ее не слушать.

— Естественно, ее должна забрать ты. Мне некуда везти девочку. Я никогда не вернусь в Авиньон. Видеть «Турелло» я не хочу. Уеду. Не знаю, куда.

— Если ты дашь свое согласие и я увезу Фов, ты не сможешь ничего изменить.

Мистраль тяжело поднялся. Его огромное тело дрожало, руки тряслись. Щеки заросли седой щетиной. Все три дня после гибели Тедди он не брился, не спал, не ел. Его глаза не покраснели, потому что плакать он не мог, они поблекли, погасли. Перед Маги стоял старик с потухшим взором.

— Возвращайся домой, Маги. Я больше не могу говорить. Уезжай. — Мистраль нетвердой походкой вышел из гостиницы. Спустя несколько минут Маги услышала, как отъехала его машина.

Она сидела неподвижно, не осмеливаясь встать, боясь, что он вернется. Потом все же подошла к стойке, забронировала билет на ближайший рейс в Париж, заказала такси и поднялась в свой номер, чтобы собрать вещи.

— Мадам? — няня ждала ее приказаний.

— Соберите один чемодан с вещами малышки. Чем вы ее кормите?

— Последние две недели она пьет обычное молоко, мадам. Только не забудьте подогреть бутылочку.

— Спасибо, мадемуазель, это я запомню.

Через день в сопровождении младшего консьержа из «Ритца», которого отправили проводить ее до самолета, Маги шла по залу аэропорта Орли, собираясь вылететь в Нью-Йорк. На руках она несла Фов. Проходя мимо газетного киоска, она неожиданно остановилась и так крепко прижала к себе девочку, что та заплакала. На прилавке только что выложил стопку новых номеров «Пари матч». Черно-белая фотография на обложке была снята на борту «Барона». Тедди и Мистраль беззаботно смеялись, поглощенные друг другом. Локон влажных волос Тедди лежал на его мускулистом плече. Мистраль крепко прижимал ее к себе обеими руками.

«Сколько минут оставалось жить Тедди?» — спросила себя Маги. Ей показалось, что у нее вырвали сердце.

— Что случилось, мадам? — с тревогой спросил младший консьерж, когда увидел выражение ее лица.

— Пожалуйста, купите для меня номер «Пари матч», — напряженно попросила Маги. Она должна прочитать статью. Она не сможет делать вид, что между Мистралем и ее дочерью не существовало никаких отношений, когда все прочтут ту или иную версию.

Маги села в зале ожидания для пассажиров первого класса и, прижимая к себе Фов одной рукой, принялась листать журнал. Ее пальцы так дрожали, что глянцево-страницы скользили, не желая переворачиваться. На обложке было написано: «Гибель подруги Мистраля». «Хорошо еще, что они называли Тедди подругой, а не любовницей», — мрачно подумала Маги.

Судя по всему, в мире не произошло ничего более захватывающего или трагического, если издатели посвятили этой истории двенадцать страниц текста и фотографий.

Маги впервые увидела фотографии, сделанные Биллом Хэтфилдом в «Турелло», которые не были опубликованы в «Моде». Ему удалось заснять Тедди и Мистраля в мастерской художника, когда они говорили друг с другом, не замечая никого вокруг, не

обращая внимания на камеру, уже влюбленные, уже потерянные для мира. Маги смотрела на более ранние снимки Мистралья, Кейт и Надин. Художник и его преданная семья, какими-нибудь двумя годами раньше. Среди фотографий Тедди, сделанных в то время, когда она снималась для рекламы, оказалась и вполне достойная фотография самой Маги в окружении ее самых известных манекенщиц. Она вспомнила, что этот снимок делали для журнала «Лайф» три года назад. И разумеется, как Маги и ожидала, присутствовала репродукция самой известной картины из серии «Рыжеволосая женщина». Эти чертовы зеленые подушки на развороте! Ей незачем было читать подпись, в «Пари матч» хорошо знали свое дело.

Она просмотрела текст, затаив дыхание от страха. До последних дней нигде не было ни единого упоминания о Фов. Сама Маги узнала о рождении внучки через три недели после знаменательного события... Тедди написала ей только из Сен-Тропеза. Маги была так шокирована, так разгневана, что не ответила ей. А теперь и отвечать было некому... Маги стало так больно дышать, что она едва нашла в себе силы не бросить журнал.

Вот оно. Во втором столбце. Журналисты нашли запись о рождении в ратуше Авиньона. Фов Люнель, *enfant adulterine*. Ребенок, родившийся от внебрачной связи лица, находящегося в законном браке, таков был социальный статус ее внучки. По французским законам такого ребенка отец не может признать. Это определение не имело ничего общего со статусом внебрачного ребенка, чьи родители могли бы пожениться, если бы захотели, и отец имел право дать ребенку свою фамилию, не вступая в брак с его матерью.

Тедди стала американской гражданкой в то время, когда гражданство получила ее мать. Но Маги знала, что достаточно репортерам порыться в записях парижской ратуши, и они найдут похожую запись: Теодора Люнель, *enfant adulterine*. Что ж, хотя бы это ищейки не раскопали.

Маги закрыла журнал, не дочитав статью до конца. Какая разница? Какое это может иметь значение теперь, когда Тедди больше нет? Тедди умерла, ее красивая, мечтательная, беззаботная, ласковая девочка... Маги незачем больше опасаться за нее, с ней уже ничего не может случиться.

Малышка на руках у Маги проснулась. Ее глазки, ясные, дымчато-серые, казались бездонными. Она посмотрела на Мага с пугающей сосредоточенностью. Девочка дважды моргнула, ярко-рыжий хохолок вздрогнул, но так как со стороны Маги ничего не последовало, она издала громкий писк. Пока Маги искала бутылочку с молоком в объемистой сумке, она вспомнила поговорку: «Бог троицу любит». Магали Люнель. Теодора Люнель. И вот теперь Фов Люнель.

Девочка закричала так громко, что все пассажиры обернулись. Маги ответила им свирепым взглядом. Этим людям что, заняться больше нечем? Или они думают, что она даст внучке холодное молоко?

— Послушай меня, ты, маленький ублюдок, — прошептала она Фов, — замолчи немедленно. Я сейчас дам тебе поесть. — Ребенок мгновенно перестал плакать. — Ах вот как. Значит, тебе больше нравится слушать, чем есть? Что ж, это по крайней мере признак ума. Возможно, ты станешь той, кому повезет.

Маги подозвала служащую, чтобы та подогрела бутылочку, а тем временем, нежно прижимая к себе Фов, принялась напевать ей колыбельную, половину слов в которой она не помнила. Откуда она знает эту песню? Маги пела по-французски, как ее бабушка, Сесиль Люнель.

— Как ты себе это представляешь? — обратилась Маги к Дарси. — Ребенок еще не умеет ходить. Разве она сможет играть с пандой в два раза больше ее самой?

— Я не смог устоять. Я проходил мимо магазина и увидел игрушку в витрине...

— Это ловушка для таких, как ты. Они наверняка продают полдюжины каждую субботу.

— Ничего подобного. Это выставочный экземпляр. Те, что в магазине, намного меньше, — с гордостью заявил Дарси. — Я проверял.

— Что ж, я положила медведя в манеж, и, так как с тех пор из комнаты не раздалось ни звука, надо полагать, панда ей понравилась. Ты обеспечил мне полчаса покоя. Будем наслаждаться тишиной, пока у нас есть такая возможность.

Прошел год с тех пор, как Маги привезла Фов из Франции. Они с Дарси сидели в роскошной гостиной ее только что отделанной новой нью-йоркской квартиры на Пятой авеню. Комнату обставляли с таким расчетом, чтобы у сидящих в ней создавалось впечатление, что за окнами расположен огромный парк поместья в георгианском стиле где-нибудь в Девоне. Квартира занимала половину этажа одного из самых безупречных зданий Манхэттена. Этот жилой дом на Ист-Сайде гарантировал отличную родословную всех, кому удалось здесь поселиться.

Маги решила: чтобы должным образом воспитать и вырастить девочку, чье незаконное происхождение отметила вся мировая пресса, она должна обеспечить себе достойное положение и окружение. В свое время Маги спрятала Тедди в немодном Вест-Сайде, определила в непрестижную школу «Эльм», но с Фов она поступила с точностью до наоборот. У ее внучки будет положение с самого начала. Все всё о ней знают. Отлично! Раз Мистраль — отец Фов, пусть это окажется для девочки преимуществом. Дочь одного из самых известных в мире художников, внучка и единственная наследница Маги Люнель, владелицы агентства «Люнель», Фов станет известной персоной еще в колыбели!

Маги часто говорила себе, что не стоило так суетиться. Она стала самой заботливой бабушкой на свете, но Фов и без ее забот обладала удивительной способностью располагать к себе людей. Стоило ей засмеяться, как даже незнакомые люди бросались выполнять ее требования. Девочка не любила, когда ее долго держали на руках. Она вырывалась, а освободившись, сразу же отправлялась изучать окружающую ее обстановку. Она обожала новые лица, новые предметы, все незнакомое. Она могла бы оказаться рядом с ядовитой змеей или злощей огромной собакой и все равно отправилась бы «знакомиться» с ними, повизгивая от восторга.

Фов ничего не боялась и не признавала никаких ограничений. В год и два месяца она приходила в бешенство от того, что еще не умела как следует ходить. Она трясла прутья своего манежа, как рассерженная обезьянка, выкрикивая все слова, которые знала. А словарный запас у нее был внушительный. Когда ее выпускали на пол, она передвигалась на четвереньках с невероятной быстротой, не обращая внимания на препятствия. Поэтому столы, лампы, пепельницы летели на пол, но она только от души смеялась, радуясь устроенному шуму. Если падающий предмет ударял ее, малышка плакала недолго. Жизнь слишком интересна, чтобы тратить ее на слезы. Слезы ярости лились дольше, но все равно лишь до того момента, пока на глаза Фов не попадалось что-нибудь новенькое.

У девочки была няня. На самом деле няни сменяли одна другую, не выдерживая ее

энергии. Все они любили малышку, объясняли они Маги, даже обожали ее, но они так уставали... Маги сочувствовала и нанимала следующую.

И снова она старалась не совершить ошибку, которую, как она была убеждена, она совершила с Тедди. Маги проводила с Фов очень много времени, реорганизовав ради этого работу агентства. Она наняла трех человек, которые выполняли большую часть работы, а Маги сохранила общее руководство. Так что агентство процветало как никогда раньше.

По субботам у няни был выходной, поэтому Маги и Дарси обычно отправлялись с Фов на прогулку в парк, по очереди толкая ее коляску. Они шли на Пятьдесят Седьмую улицу в «Русскую чайную». Там Дарси и Маги могли выпить что-нибудь покрепче, сидя в обитом красной кожей кабинете напротив длинной барной стойки, пока Фов с наслаждением поглощала свежесжатый апельсиновый сок. Официанты в красных косоворотках и русские старушки-официантки с радостью приносили сок очаровательной девочке, старательно выговаривавшей их имена. «Катя! Даша! Григорий!» — радостно выкрикивала Фов. Иногда к ним подходил владелец «Русской чайной» и рассказывал ей забавные истории, а девочка слушала, тараща круглые серые глазенки и удивленно поднимая рыжие бровки.

— Я похожа на бабушку? — неожиданно обратилась Маги к Дарси, пока они сидели, наслаждаясь редкой тишиной в квартире.

Ей исполнилось сорок шесть. Где-то между сорока и сорока одним годом она буквально за неделю перестала выглядеть моложе своих лет, хотя это отлично ей удавалось раньше. Маги проснулась однажды утром и увидела в зеркале женщину, достигшую согласно деликатному выражению французов, «определенного возраста».

Маги говорила себе, что замечательно сохранилась. Но «замечательно сохранить» можно только то, что уже утрачено. Разница была такой же, как между вечерним платьем, впервые надетым на бал молоденькой девушкой Викторианской эпохи, и тем же нарядом в музейной коллекции.

В следующие шесть лет во внешности Маги происходили необратимые изменения, заметные, правда, только ее строгому, придирчивому взгляду. Она не относилась к тем женщинам, которые в зеркале рассматривают только свои достоинства, подсознательно, но очень мудро избегая разглядывать следы, оставленные возрастом. Маги точно знала, как часто следует подкрашивать ее рыжие волосы, чтобы в проборе не появлялась седина. Она смотрела на свой рот, по-прежнему пухлый, и замечала, что над верхней губой появились вертикальные морщинки. Овал лица стал менее четким. Да, она женщина средних лет, и ни полноценный сон, ни отдых, ни усилия пластического хирурга не вернут ей юной свежести. Маги решила, что это неизбежно, как закат солнца, и бороться с этим не имеет никакого смысла.

Но она не увидела тех перемен, что произошли в ней после смерти Тедди. Ей и в голову не приходило, что горе, с которым она успела сжиться, может заметить посторонний по горькому выражению глаз, чей взгляд устремлялся вдруг в неизвестные дали.

Ее деловой стиль, никогда не отличавшийся мягкостью, стал еще более жестким, и теперь Маги чаще выходила из себя. Новые помощницы в агентстве знали, что им следует должным образом обосновывать любые свои решения, чтобы Большой Босс оставался справедливым и рассудительным. Большинство манекенщиц по-настоящему ее боялись. Маги об этом знала. Порой это ее огорчало, порой забавляло, но она считала, что расслабляться им совершенно незачем, а значит, все нормально.

— Так похожа я на бабушку или нет? — повторила Маги свой вопрос.

— Ты никогда не будешь выглядеть как бабушка, — ответил Дарси. Он не замечал в ней никаких перемен. Золотисто-зеленые глаза Маги, покоровившие его когда-то, не утратили своей власти над ним. Она оставалась все той же великолепной женщиной, с которой он познакомился когда-то у Лалли Лонгбридж. Но он так и не смог понять ее до конца.

Их многолетняя связь раздражала многих. Если эти двое так близки, так преданы друг другу, то почему бы им попросту не пожениться, как всем нормальным людям? «Потому что мы не такие, как все», — мог бы ответить им Дарси, если бы кто-то осмелился прямо задать ему подобный вопрос. Он не сомневался, что Маги отдает ему все, что может отдать мужчине.

Маги коротко взглянула на него. Нет, Дарси не солгал ей. Он прямо ответил на ее вопрос, и этот его пронизывающий взгляд... Именно он привлек ее много лет назад. Лицо Дарси стало еще более утонченным с возрастом, его черты не смягчились, волосы заметно поседели, рот приобрел властное выражение. Маги с любовью коснулась его руки. Как она оказалась права, что так и не вышла за него замуж.

Позади них с грохотом обрушились книги. Маги и Дарси одновременно подскочили и оглянулись. К ним, переваливаясь на толстеньких ножках, не очень уверенно шла Фов, широко растопырив руки, чтобы не упасть. На ее лице сияло блаженное выражение.

— Панда! — крикнул маленький пешеход, направляясь к Дарси, который, сам того не ожидая, помог малышке выбраться из манежа-тюрьмы. — Лезла на панду!

Венеция, Лондон, Александрия, Осло, Будапешт — все эти города ни к черту не годились. И страны оказались ничуть не лучше. Швейцария, Испания, Гватемала. На островах — тесно. Иския, греческие Киклады, Фиджи. Нигде не нашел он того, что просила его душа. И наконец Жюльен Мистраль понял, что должен вернуться домой.

За три года после смерти Тедди он не написал ни одной картины, не сделал ни единого наброска, лишь безудержно пил, везде, где задерживался на день, на неделю, на месяц. Иногда Мистраль останавливался в отеле и выезжал оттуда через час, не объясняя причины. В некоторых городах он оставался надолго, хотя пейзаж уже потерял для него прелесть новизны, но его привлекала неподвижность камня, так непохожая на его метания. И вот он слишком устал, чтобы двигаться вперед. Теперь Мистраль мог только вернуться. Фелис — лучшее место из тех, что он повидал.

Когда Мистраль подъехал к «Турелло», ворота фермы оказались закрытыми. Он остановил машину на лужайке и не стал сигналить или звонить, чтобы ему открыли. Было время второго завтрака, и вся прислуга, должно быть, собралась на кухне. Мистралю хотелось избежать момента встречи. Он двинулся по почти заросшей, всеми забытой тропинке в обход фермы, вдоль высокой ограды, пока не оказался у низкой двери, ведущей в его мастерскую. От этой двери был только один ключ, и он по-прежнему лежал в его кармане. Только этот ключ он взял с собой, когда отправился на встречу с Тедди в Авиньон четыре года тому назад.

Мистраль открыл дверь и вошел. В мастерской было темно, лишь несколько солнечных лучей пробивались сквозь шторы, закрывавшие стеклянный потолок. Мистраль дернул за шнур, плотная ткань ушла в сторону, и в мастерскую хлынул поток полуденного света. После его отъезда никто ни до чего не дотрагивался. Чистый холст, возле которого он позировал фотографу вместе с Тедди, все так же стоял на мольберте. На старом столе лежала палитра с

засохшими красками.

Он медленно огляделся. На стенах тесно висели картины, заставившие тогда всю группу из «Моды» потерять дар речи. Мистраль долго рассматривал их и вдруг понял, что всегда писал то, что он чувствовал в ту минуту, когда смотрел. Картины стали визуальным эквивалентом его чувств. Не мысли на полотне, но движения души.

Это внезапное озарение принесло ему первые минуты покоя с той самой минуты, когда он опустился на колени на палубу «Барона» и понял, что Тедди оставила его. Картины стали доказательством того, что Жюльен Мистраль жил, чувствовал, любил. Он покачнулся, сломленный усталостью и ужасом. Мистраль передвигался по миру последние три года под страхом того, что если позволить чувствам вырваться на волю, то за ними придет боль настолько страшная, что он покончит с собой, только бы избавиться от нее.

В углу мастерской стояло старое кожаное кресло. Его сделали много лет назад для владельца табачной плантации на Мартинике, и в нем скрывалось хитрое устройство, позволяющее человеку откинуться и вытянуться во весь рост. Мистраль опустился в него и с облегчением вздохнул. Через несколько минут он крепко спал.

Вскоре Кейт вышла во внутренний двор, чтобы поплавать в бассейне. Она заметила, что штора, прикрывающая стеклянный потолок мастерской, отодвинута. Но четыре года ее никто не трогал! Либо штора упала, либо в студии Мистраля побывал вандал или вор, пробравшийся через заднюю дверь. Неслышно ступая, Кейт подошла к студии и заглянула сквозь неплотно прикрытые ставни. Ей удалось увидеть только крупную мужскую руку, свисающую с подлокотника кресла. Кейт немедленно развернулась и отправилась на кухню.

— Марта, скажите кухарке, чтобы к ужину она зарезала еще одну курицу, — приказала Кейт. — Пусть садовник принесет еще латука, помидоров и винограда. А вы отправляйтесь в спальню месье и застелите постель. Проверьте, чтобы нигде не было пыли, повесьте полотенца в ванной, положите мыло... Почему вы так на меня смотрите?

— Вы мне не говорили, что ждете гостя, мадам, — с достоинством ответила Марта Полиссон. Она ненавидела спешку и суету.

— Месье вернулся.

— О мадам!

— Ничего удивительного, — холодно парировала Кейт. Она поспешно отвернулась, чтобы Марта не увидела ее торжествующей улыбки. — Я ждала его.

Однажды весенним вечером, четыре года спустя, в 1961-м, когда Маги одевалась к ужину, в ее спальню без стука ворвалась Фов. Маги резко повернулась, собираясь отчитать девочку, но суровые слова застыли на ее губах, когда она увидела свою внучку.

Фов было почти восемь. Ее одежда, как всегда после прогулки в парке, оказалась порванной, коленки ободранными, на туфлях лежал плотный слой пыли, кофточка выбилась из-под пояса юбки, один карман на которой был вырван с мясом. Что ж, на этот раз хотя бы без синяка под глазом, с облегчением вздохнула Маги, да и нос не разбит. Фов, как жаловались мальчишки-одноклассники, дралась «не как девчонка». Она уже успела поколотить их всех по очереди, но они все равно не оставляли ее в покое. Одноклассников неудержимо тянуло к ней, и они проявляли свою симпатию, как и положено восьмилеткам — тумачами и поддразниваниями.

Внучка Маги отличалась особенной, какой-то тревожной красотой. Ее всегда переполняла энергия, эмоции бушевали в ней с ураганной силой. Ее волосы из морковных

превратились в рыжие, но ни один художник не смог бы подобрать точного названия для этих непокорных тугих завитков, где почти розовые пряди соседствовали с бронзовыми, а медные с золотистыми. Светло-серая радужка лучистых глаз была обведена более темной каймой. Если Фов была серьезной, то ее взгляд становился суровым и немного высокомерным. Когда Маги заглядывала внучке в глаза, то ей казалось, что туманная дымка чуть рассеивается, но только для того, чтобы открыть следующий слой тумана, еще более насыщенный и глубокий. Но сейчас глаза Фов сияли так ярко, что Маги решила: внучка на грани истерики.

— Что с тобой случилось? — с тревогой спросила она. Фов была любопытная, непокорная, своенравная и своевольная. Маги никогда не удавалось предугадать, что сделает внучка в следующую минуту.

Фов держала одну руку за спиной.

— У меня сюрприз, самый замечательный сюрприз в мире, Магали! — У Фов даже голос задрожал, так она старалась не выпалить все сразу. Маги не терпела, чтобы ее называли бабушкой, бабулей и тому подобное. «Маги» показалось ей чересчур фамильярным, и поэтому Фов, единственная из всех, называла ее настоящим полным именем. Маги потянулась к девочке, чтобы посмотреть, что та прячет за спиной, но Фов отступила назад.

— Надеюсь, это не какое-нибудь животное? — поинтересовалась Маги. Они давно воевали с внучкой по этому поводу.

— Я же тебе обещала, разве нет?

— Растение или камень?

— Нет, не угадала, — пропела Фов, дрожа от возбуждения.

— Тогда сдаюсь!

— Мой отец! — выпалила Фов и сунула в руку Маги листок из альбома для рисования. На нем была изображена Фов, сидевшая на скамейке.

Маги молча смотрела на внучку, пытаясь оправиться от шока, а слова потоком лились с губ девочки.

— Мы все играли в парке, а тут подошел старик с бородой и представился миссис Бэйли и миссис Саммер. Они так удивились и обрадовались. А потом он подошел ко мне и сказал, что я, должно быть, и есть Фов Люнель, и я ответила, что да, это я, и тогда он спросил... Он спросил, знаю ли я, кто мой отец. Я сказала, что я дочь Мистралья и что все об этом знают. И тогда, Магали представляешь, он сказал, что он и есть Жюльен Мистраль, мой отец! Я ему сначала не поверила, потому что на фотографии он намного моложе и бороды у него нет. Но потом я почувствовала, что он вправду мой отец, и крепко обняла его. И еще он сказал, что я выгляжу именно так, как он и думал. Он держал меня за руки и целовал их, и он как будто не знал, что еще сказать... Тут подошли миссис Бэйли и миссис Саммер, чтобы поговорить с ним, но он не захотел с ними разговаривать, а попросил меня посидеть минутку спокойно, чтобы он мог нарисовать меня. И он так быстро меня нарисовал, Магали, даже быстрее, чем я, а ты ведь знаешь, как быстро я рисую. И потом он еще написал письмо и заставил меня пообещать, что я передам его тебе. Мой отец! О Магали, я так счастлива! Я хотела, чтобы он пришел сюда вместе со мной, но он сказал, что не может, пока не может... А, да, вот письмо. — Девочка достала сложенный вчетверо листок бумаги из оставшегося целым кармана юбки.

— Фов, иди в свою комнату, вымой лицо и руки и переоденься в чистое, — тихо сказала

Мага.

— Но я хочу посмотреть, как ты будешь читать письмо.

— Иди, дорогая, и возвращайся через десять минут. Ты же помнишь, что мы собирались с тобой поужинать, так что ты не можешь выглядеть пугалом.

«Итак, это случилось», — подумала Мага, не спеша развернуть письмо. Последние восемь лет прошли в ожидании этой минуты. Сначала она говорила себе, что это всего лишь вопрос времени, что Мистраль обязательно появится, несмотря на свое обещание. Когда Фов немного подросла, Маги почти удалось убедить себя, что она ошиблась. Возможно, этот человек, не подчиняющийся никаким законам, кроме собственных, забыл о внебрачном ребенке. И все же появление Мистраля не удивило ее. Маги медленно развернула листок.

«Дорогая Маги!

Я думал, что смогу один раз взглянуть на Фов и уехать. Мне пришлось приехать в Нью-Йорк по делам, а оказавшись здесь, я не смог устоять. Теперь я должен увидиться с тобой и поговорить. Завтра я позвоню тебе в офис или домой. Прости меня, но я уверен, ты поймешь меня.

Жюльен».

Простить его? Его так же невозможно простить, как легко понять. И он отлично об этом знал.

Жюльен Мистраль так и не догадался, что не его разумные доводы убедили Маги в необходимости отпустить Фов к нему на лето в «Турелло». Он даже не подозревал, что вообще мог не заводить разговор на эту тему и избавить себя от встречи с ней.

Годами после смерти Тедди Маги задавала себе бессмысленные, печальные вопросы. Сложилась бы жизнь Тедди иначе, если бы у нее был отец? Жюльен Мистраль был намного старше ее, и не поиски ли отца привели ее к нему? А если бы Маги рассказала ей о Перри Килкаллене? Может быть, тогда бы Тедди почувствовала, что у нее на самом деле был отец, а не довольствовалась бы лишь смутными воспоминаниями далекого детства, напоминающими счастливый сон? А если бы Тедди знала все об отношениях Маги и Мистраля? О том, как равнодушно он принял то, что семнадцатилетняя Маги могла ему дать — девственность, сердце, даже ее деньги, — а потом просто бросил ее, не задумываясь и ни о чем не сожалея, променяв ее на богатую американку. Может быть, Тедди возненавидела бы его еще в детстве? Сколько раз Маги упустила возможность изменить ход событий? Насколько велика ее вина?

В конце концов Маги заставила себя прекратить эти бесплодные мучения и приложила максимум усилий для того, чтобы жизнь Фов не оказалась ни в чем похожа на жизнь Тедди. У Фов будут традиции, решила Маги и купила менору, которая заменила ту, что она оставила в парижской квартире. С тех пор, как Фов помнила себя, она помнила и Маги, зажигающую свечи каждую субботу. Это был первый огонь, который увидела девочка, и он заморозил ее. Каждый из восьми дней Хануки они отмечали подарками. Именно Фов задавала четыре вопроса на праздничном седере в честь еврейской Пасхи, который теперь устраивала Маги, предусмотрительно не приглашая на него детей моложе Фов, чтобы им не выпала эта честь.

Маги часами занималась с Фов каждый день и, задолго до того, как девочка смогла уяснить значение этих слов, сказала ей, что она ее любимая незаконнорожденная внучка. Так родители приемных детей повторяют слово «приемный», чтобы они привыкли к нему и

оно не вызывало у них чувства отторжения. Когда Фов немного подросла и смогла понять, Маги рассказала ей историю своей семьи, как помнила ее по рассказам своей бабушки Сесиль, начиная от появления евреев в Провансе до трагедии Тедди и Жюльена Мистралья. Фов услышала о Маги и Перри Килкаллене, она знала печальную повесть о Давиде Астриюке, отце Маги, и о ее матери, умершей в родах.

Маги рассказывала внучке и о ребе Тарадаше. Иногда она задавала себе вопрос, имеет ли она право забивать голову ребенку рассказами о еврейских родственниках, хотя у нее только одна бабушка-еврейка, но что она могла еще ей дать? Маги ничего не знала о Килкалленах, о Мистральях, зато по женщинам Люнель она, увы, была специалистом.

— Почему папа никогда меня не навещает? — спрашивала Фов, и только на этот вопрос Маги не могла дать ей достойного ответа.

— Он женат... Твой отец живет очень-очень далеко, очень много работает, и потом, он из тех, кто никогда не путешествует.

И что это были за ответы? Маги даже собиралась написать Мистралья, чтобы напомнить о существовании еще одной дочери, но так и не нашла для этого сил. Она решила, что Фов — счастливый ребенок и с одним разочарованием ей по силам справиться. Но теперь, когда Жюльен все-таки явился, чтобы увидеть дочь, Маги стиснула зубы и дала согласие на то, чтобы летние каникулы Фов проводила в Провансе. Только при мысли о Кейт ей становилось не по себе.

— Маги, уверяю тебя, Кейт всегда согласна с моими желаниями, — нетерпеливо прервал ее Жюльен. — Она принимает меня таким, какой я есть, и так было всегда. Восемилетний ребенок не представляет для нее угрозы. Вспомни, Маги, мне шестьдесят один, ей почти шестьдесят, мы женаты тридцать четыре года... Ты же не думаешь, что она станет ревновать к маленькой девочке?

— Я думаю, что Кейт будет ревновать тебя даже к канарейке, если ты решишь ее завести.

— Маги, ты никогда не могла терпимо относиться к Кейт.

— На женщин, подобных Кейт, моя терпимость не распространяется. Если бы она согласилась на развод, ты бы женился на Тедди...

— Но мы все равно могли оказаться на этой проклятой яхте, Маги. Кто, оглянувшись назад, может с уверенностью определить, какое стечение обстоятельств позволило судьбе нанести роковой удар?

— Никогда бы не подумала, что услышу от тебя рассуждения о судьбе.

— Это единственное объяснение, с которым я сумел смириться.

— Ты никогда не просыпаешься по ночам и не задаешь себе вопрос, что же ты сделал не так? Ты не винишь себя?

— Я буду всегда винить только себя. Я живу с чувством вины, но разве это помогает? Если бы рыбацкое судно появилось минутой позже, если бы я не помахал Тедди рукой, если бы она не собралась нырнуть именно в тот момент, если бы эти американцы не приехали в Сен-Тропез, если бы мы не решили посидеть на террасе того кафе... Этим «если бы» нет конца. Я могу только писать, Маги. Обвинения в собственный адрес не стоят и ломаного гроша. Я не прав?

— Прав. — Маги замолчала. Опасно доверять девочку Жюльену даже на короткие летние месяцы. Ему вообще опасно доверять. Но куда опаснее не позволить Фов иметь отца.

В начале лета 1969 года на Лионском вокзале Жюльен Мистраль и его шестнадцатилетняя дочь сели в поезд Париж — Марсель. Последние восемь лет каждый июнь Мистраль приезжал из Фелиса в Париж и встречал Фов в аэропорту. Они ночевали в гостинице, а утром отправлялись в Прованс до конца августа. И все эти восемь лет Фов приходила в восхищение от того, что поезд носит гордое имя «Мистраль».

Во время своего первого путешествия она решила, что экспресс назвали так в честь ее отца. И хотя Фов давно выяснила, что так называется ветер, дующий большую часть года в Провансе, она все равно радовалась.

Фов быстро заняла два места у окна, пока ее отец покупал талоны на обед в вагоне-ресторане.

— Лион, Дижон, Баланс, Авиньон, — прошептала Фов, как обычно гадая, как бы ей набраться терпения и просидеть шесть часов. Хуже всего она себя чувствовала на перегоне от Баланса до Авиньона, когда пейзаж резко менялся. Ее сердце начинало биться быстрее при виде первого же кипариса, пьянящее возбуждение охватывало ее, стоило показаться у дороги оливковым деревьям и виноградникам.

— Фов, ты не хочешь аперитив перед вторым завтраком? — Голос Мистраля ворвался в ее мысли.

Фов вскочила и пошла с отцом в вагон-ресторан, где официанты в белых куртках уже открывали бутылки с вином, наливали виски или перье для пассажиров первого класса. Аперитив перед вторым завтраком стал еще одной традицией, начало которой было положено во время ее первого путешествия в Фелис. Фов всегда пила ананасовый сок из маленьких бутылочек.

— Херес, пожалуйста, — сказала она на этот раз.

— Ты употребляешь спиртное? — рука Мистраля накрыла ее пальцы.

— Только в особых случаях, — рассмеялась Фов, чувствуя огромную любовь отца, которая передавалась ей от его большой, теплой ладони. С ее точки зрения, Мистраль оставался самым неприрученным из всех мужчин, хотя Фов знала наверняка, что все происходящее с ней или касающееся ее значит для него больше, чем все остальное.

— Херес для моей дочери, — обратился Мистраль к официанту, — а мне принесите пастис.

Он пристально вглядывался в ее лицо, в который раз ища с надеждой и страхом в чертах Фов признаки или хотя бы намек на классические, поразительные по красоте черты Тедди. Но чем старше становилась Фов, тем отчетливее становилось видно, что от матери она унаследовала лишь рост и цвет волос. Мистраль попытался подобрать слово для определения внешности своей обожаемой дочери, и ему пришло на ум выражение «задумчивая красота». На лице Фов всегда была видна напряженная работа мысли, поэтому Мистралю хотелось знать, о чем она думает каждую минуту. И эта ее задумчивая красота никак не давалась ему, он не был доволен ни одним из написанных им портретов дочери. В ее серых глазах притаилась загадка, и он никак не мог выразить это на холсте. Ее лицо казалось ему ландшафтом в переменчивый весенний день. Ни одно настроение не задерживалось на нем надолго, каждая следующая минута несла новый нюанс, новое восприятие. Нет, ни на одном портрете Фов не была похожа на себя.

Фов потягивала херес, отлично сознавая, что отец рассматривает ее. Так всегда бывало сразу после их встречи. Он выпитывал перемены, произошедшие с ней за год. Она весело смирялась с этим осмотром, потому что росла под пристальным взглядом Маги. Кого еще из девочек-подростков каждый день разглядывает женщина, владеющая самым известным модельным агентством в мире, а в летние месяцы каждая минута принадлежит отцу, который видит абсолютно все?

— Тушь для ресниц, — нейтральным тоном констатировал Мистраль.

— Я думала, ты не заметишь.

— Полагаю, это неотделимо от хереса перед вторым завтраком?

— Именно так. Магали сказала, что в шестнадцать лет я могу пользоваться тушью, если буду это делать правильно. Она сама научила меня. Тебе нравится?

— Не слишком, но, с другой стороны, раз ты выглядишь вполне приемлемо, с чего бы мне жаловаться? И потом, это мне ничего не будет стоить. Я пережил четыре года миниюбок, которые становились все короче, эру сапог выше колена. Я не дрогнул, когда ты сделала себе симметричную стрижку — у Видала Сэссуна, кажется? Так стоит ли мне переживать из-за черной краски на твоих ресницах, которая непременно к вечеру слезет?

— Какой у меня терпеливый, широко мыслящий, очаровательный папочка.

— Ты всегда смеялась надо мной, даже когда была еще совсем маленькой. А ты знаешь, что только тебе это позволено?

— Ты хочешь сказать, что меня единственную ты оставил в живых после этого?

— Никто и не пытался.

— А как насчет моей матери? Неужели она не видела, насколько ты комичен?

— Нет, нет... Тедди совсем не была на тебя похожа, Фов. Ни у кого нет твоей наглости.

— Это не наглость, а смелость, папа. Хотя Магали это совсем не нравится.

— А что плохого в смелости? Ты добьешься своего, только и всего.

— Магали хотелось бы, чтобы я в своей смелости оставалась больше похожей на леди. Я понемногу меняюсь к лучшему. В этом году я ни с кем ни разу не подралась, ходила на скучнейшие танцы в миленьких платьицах и вела занудные разговоры с кошмарными мальчиками...

— Неужели тебя никто не заинтересовал?

— Я бы написала тебе об этом, ты же знаешь. Нет, папа, твоя дочь находит мужской пол куда менее привлекательным, чем ей внушали.

— Но тебе ведь только шестнадцать! У тебя будет достаточно времени для этого, когда ты вырастешь.

— В шестнадцать лет я считаю достаточно взрослой. — Фов ответила серьезно, но Мистраль лишь покачал головой.

В шестнадцать лет девочка еще ребенок. Ему самому уже исполнилось шестьдесят девять, и шестнадцать лет казались ему такой далекой юностью, что он уже и не помнил, что чувствовал в этом возрасте. А о том, что бабушка Фов была всего лишь на год старше, когда впервые предстала перед ним обнаженной, Мистраль предпочитал не вспоминать.

О Маги он думал как можно реже. Ему хотелось, чтобы Фов принадлежала только ему, но все равно существовала эта Маги, которую девочка любила. И это была кровная связь. Его внуки станут для Маги правнуками, но кто из них обратит внимание на эту разницу? Мистралю не нравилось, что Маги употребляет слова на идиш или иврите, его раздражало ее

увлечение еврейскими каникулами, о которых Фов ему писала, он сердился на Маги за то, что она забивала голову его дочери рассказами о еврейских родственниках. Какое отношение ко всему этому имеет Фов? Она же не еврейка!

И все-таки Мистраль не осмеливался критиковать Маги, потому что не хотел вызвать гнев Фов. В прошлые летние каникулы она все время распевала песню провансальского поэта:

О Магали,
Нежная Магали,
Красавица Магали,
Сердце мое трепещет от радости, когда я вижу тебя!

И Мистраль ни разу не сказал ей о том, насколько Фов действует ему на нервы.

— Что-то будет, когда Магали ее услышит! Жаль, что в песенке нет ни слова о сексуальности Магали, правда, папа?

— Наверное, ей понравится, — осторожно ответил Мистраль.

— Я учу провансальский, — с гордостью заявила Фов.

— Зачем? — удивился Мистраль.

— В Провансе пригодится. Буду совершенствовать его, беседуя со старым месье Югоном или месье Пиано. Они должны помочь мне организовать женскую команду для игры в шары.

— Что?!

— Да-да, именно так все и реагируют. Как будто я решила раздеться и станцевать на стойке бара. Конечно, Фелис не самое лучшее место для развития женского спорта, но почему нет? Самая большая проблема с участницами. Девочки с ужасом на меня смотрят, стоит мне только упомянуть об этом. В конце концов, что такого священного в обычном железном шарике?

— Фов, не пытайся изменить многовековые традиции. Разве девушки в США играют в футбол?

— Папуля, в Штатах девушки делают все.

— Не называй меня папулей, — только и смог выговорить Мистраль в ответ на ее потрясающую дерзость.

Официант положил перед ними меню. В вагоне-ресторане работали два повара, и им удавалось готовить очень приличные блюда. Фов и Мистраль заказали налима, жаркое из кролика с молодым картофелем и салатом, а на десерт сырное ассорти и мороженое, о котором Фов мечтала целый год.

— Что ты теперь пишешь? — спросила Фов. С годами Мистраль становился все более самокритичным. Он заканчивал совсем немного полотен, большинство из недописанных картин отправлялись в огонь.

— Не напоминай мне об этом! Скажи лучше, чем ты занимаешься? Ты все еще ходишь на занятия живописью?

— Конечно... Скажи, папа, настанет ли день, когда я пойму, что научилась хоть чему-нибудь по-настоящему стоящему, нужному?

— Со мной такого не случалось. Так что вряд ли и тебе выпадет такая удача. Можно всю жизнь просыпаться с вопросом: что тебе еще откроется? Что из неизвестного утром станет знакомым и понятным к вечеру? Но сколько раз я говорил тебе об этом, моя Фов! Когда же ты наконец поверишь мне?

— Я все еще думаю, что должна больше работать, — негромко ответила Фов. Только в живописи она ощущала себя неудачницей, неспособной двигаться дальше, добиться успеха из-за собственной неуверенности и досады.

Когда она была маленькой — и теперь, когда Фов оглядывалась назад, эти годы казались ей такими беззаботными и беспечными, — она не знала никаких ограничений. Фов без страха рисовала, писала красками, но с каждым годом груз от сознания, что она дочь Мистралья, становился все тяжелее. Иногда ей хотелось, чтобы у нее вообще не оказалось никакого таланта к живописи. Жизнь стала бы намного проще.

Фов ела рыбу и вспоминала свое первое лето в «Турелло». Подумав несколько дней, Мистраль разрешил ей войти к нему в мастерскую при условии, что она не станет докучать ему вопросами, пока он будет работать. Отец дал ей уголь, бумагу, несколько тюбиков с краской, пару старых кисточек, холст и устроил ее в углу комнаты.

Сначала Фов молча наблюдала за ним, но он так долго ходил по студии между двумя мазками краски на холсте, что она быстро потеряла интерес к его странным перемещениям и занялась тем, что он ей дал.

Дома в Нью-Йорке у нее были карандаши, пастель и акварельные краски, которыми она пыталась копировать картинки из любимых книжек. Но никому и в голову не приходило предложить ей поработать маслом.

Запах опьянил ее сразу же. Затем, повторяя движения отца, Фов выдавила по капле краски из каждого тюбика, расположив их полукругом на старенькой палитре, которую дал ей Мистраль. «Что дальше?» — думала Фов, стоя перед первым чистым холстом в своей жизни. Ей очень хотелось спросить отца, но она не решилась мешать ему. Книг в комнате не оказалось, и она не могла найти картинку, чтобы скопировать ее, не оказалось ни цветов в вазе, ни фруктов на подносе. Огромные картины на стенах вокруг нее показались ей слишком сложными. Фов вздохнула, окунула кисть в темно-синюю краску и принялась рисовать то, что привлекло ее внимание — мольберт отца.

Она свела рыжие бровки в одну линию, рисуя свободно и упрямо, не задумываясь о перспективе, так как не знала, что это такое. Она рисовала только то, что видела. Фов работала упорно и так тихо, что прошло больше часа, прежде чем Мистраль вспомнил о ее существовании. Девочка была так поглощена рисунком, что не заметила, как отец подошел к ней и встал сзади, пытаясь понять, на что она способна. Волосы зашевелились на затылке у Мистралья, когда он увидел работу дочери. «Она видит так, как видят художники», — подумал он. Мистраль ничего не сказал девочке, но на следующий день принес в студию пучок травы в вазе, а позже дал ей яблоко.

— Смотри, смотри, Фов... Малышка, ты должна научиться видеть. Вот это яблоко. Оно кажется совсем круглым, но если присмотреться, то ты увидишь, что оно немного неровное, чуть выше с одной стороны, и совсем не круглое... А почему оно не катается, как шар, это яблоко? Потому что внизу оно почти плоское... Маленькая моя девочка, ты видишь эту царапину на его коже? А какого цвета эта царапина? Фов, смотри! Она почти белая. А ты видишь этот оттенок желтого на красном? Ты заметила, где желтый становится ярче? Ты

понимаешь, что все эти краски могут оказаться на твоём холсте, Фов?

И Мистраль наконец сделал то, о чем мечтал с первого дня. Этот момент ни один из них никогда не сможет забыть. Его рука легла поверх руки Фов и направила ее, чтобы кисть двигалась в нужном направлении, передавая свою силу ее хрупким пальчикам. Фов расслабила руку, только крепко держала кисть, и позволила своей руке слиться с рукой отца, прочувствовала каждой клеточкой ее движения. Она видела и чувствовала, как ее кисть наносила один мазок за другим, впитывая знания умом и телом.

Его рука учила ее руку. Пусть каждый художник неповторим, но Мистраль верил в то, что в живописи существует особый язык, которому можно научиться. И его грамматике он учил в тот день Фов.

В то лето, когда восьмилетняя Фов впервые появилась в «Турелло», Мистраль после двадцатилетнего отсутствия снова начал бывать в кафе в Фелисе. Каждый день перед ужином Мистраль приводил туда девочку только ради того, чтобы заказать «прохладительное для моей дочери Фов». Мрачные мужчины неохотно, с подозрением, но все же сдались перед обаянием рыжеволосой забавной девчушки, и Мистраль снова стал заказывать выпивку для всех.

Мистраль никогда не брал с собой Надин. Если бы ему даже пришло это в голову, Кейт ни за что бы не отпустила дочь. Когда Мистраль вернулся после своих странствий по свету в 1956 году, он узнал, что Надин с восьми лет учится в школе в Англии, и ни разу не пожалел об этом.

Надин была еще совсем юной, но она уже привыкла считать Фелис некой старомодной причудой, вмешавшейся в ее сложную жизнь. Хотя его существование и придавало вес мадемуазель Надин Мистраль. Кейт позволила дочери относиться к «Турелло» как к не слишком удачно выбранному месту для проживания, капризу ее знаменитого, но эксцентричного — в рамках приличий, разумеется, — отца.

Когда Надин стала старше, она обнаружила, что ферма отлично вписывается в ее систему ценностей. «Турелло» было хорошо известно в мире, и стоило ей упомянуть поместье в разговоре с друзьями, как к ней начинали относиться, словно к наследной принцессе. Именно в «Турелло» Надин привозила ненадолго своих «особых» друзей, чтобы потом умчаться на более модные и шумные курорты.

Надин, утонченная Надин, с холодными зелеными глазами, прямыми белокурыми волосами до плеч и хитрой усмешечкой на пухлых розовых губах была крайне непопулярна в Фелисе.

К жене Мистраля местные кумушки относились тоже не слишком благосклонно. Когда приехала Фов, пересуды вспыхнули с новой силой, и в потоке сплетен, наводнивших Фелис, нашлось место и для смакования подробностей семейной жизни Мистраля, занимавших жителей Фелиса и его окрестностей не один год. Кейт Мистраль отправлялась за покупками в Апт или в Авиньон, игнорируя лавочки в Фелисе, чего ей не могли простить все соседи. Ее поведение лишь подливало масла в огонь всеобщей недоброжелательности. Кейт редко останавливалась даже на местной заправке. Но чего еще ждать от женщины, которая считает себя лучше своих соседей?

После войны Мистраль и Кейт отгородились от жизни соседей, но это не заставило сплетников замолчать.

Отчуждение усугубилось еще и после того, как Марта Полиссон не утерпела и рассказала кое-что о жизни в «Турелло» своей двоюродной сестре, владевшей магазином в Фелисе. Очень скоро все женщины в городке знали, сколько мадам Мистраль тратит на шампанское для своих гостей, сколько килограммов паштета из гусиной печени и копченого лосося доставляют из магазина деликатесов в Авиньоне, сколько служанок нанимают дополнительно в летний сезон.

Чего же еще от нее ждать, рассуждали жительницы Фелиса, если эта женщина, едва купив ферму, приказала устроить пять ванных комнат с горячей водой? И это в те времена, когда на самых богатых фермах по соседству не было даже водопровода. Какое безумие! Неужели Мистрالي думают, что налоговый инспектор пройдет мимо такой роскоши?

Если бы жители Фелиса узнали, что в 1960 году на аукционе в Нью-Йорке за раннюю картину Мистраля заплатили миллион долларов, это никак не повлияло бы на их мнения. Они и без того с трудом верили в рассказы о том, как отделали спальню к приезду Фов. И всего за шесть недель!

Каменщик, которого наняли для реставрации круглой комнаты на самом верхнем этаже башни, с удовольствием болтал об увиденном, заставив своих слушателей затаить дыхание.

— Уверяю вас, стены обтянуты тканью, от пола до потолка. И ее собрали глубокими складками. На это ушли сотни метров. Рисунок какой? Белые и голубые цветы. Экономка сказала мне, что материал доставили с фабрики месье Демари из Тараскона. — Он замолчал, чтобы убедиться, что никто не пропустил ни одного слова. — А кровать, — продолжал он, довольный тишиной в кафе, — стоит под балдахином из такой же ткани. Изголовье все резное, как для принцессы. На полу, конечно, плитки, но там положили белый ковер. Марта Полиссон говорила, что испанский. А еще есть белая клетка для птиц, и в ней сидят попугаи-неразлучники. Да, я своими глазами их видел. А вы слышали, что стены ванной комнаты тоже обтянуты тканью!

Именно эта деталь заставила домохозяйек Фелиса усомниться в правдивости его рассказа. Даже мадам Мистраль не так глупа, чтобы устроить подобное!

Они были правы. Это не Кейт, а сам Мистраль придумал все это. Он торопил рабочих, он решил отделать для девочки романтическую башню, зная, что Фов придет в восторг.

Когда Фов приехала в «Турелло» тем летом, она немедленно влюбилась в свою комнату, как только переступила ее порог. Но потом она провела там не один печальный час, размышляя о том, почему ее так ненавидят Надин и Кейт. Неужели только из-за того, что она незаконнорожденная, Кейт смотрела на нее с враждебностью? Кейт была слишком умна и осторожна, чтобы не понимать, что любая гадость, сказанная маленькой девочке, обойдется ей очень и очень дорого. Она была достаточно предусмотрительна, чтобы вести себя как ласковая и щедрая хозяйка, хотя ее ненависть сквозила в каждом слове, когда она заставляла Фов съесть «ну еще ложечку домашнего абрикосового джема», в каждом жесте, когда она наливала ей стакан молока, и даже в ее улыбке, когда она говорила, что Фов следует купить велосипед, чтобы она могла съездить в деревню «поразвлечься».

В конце концов Фов смирилась. Если Кейт и Надин так ее ненавидят, она не станет обращать на них внимания и будет заниматься своими делами. Она найдет детей своего возраста в Фелисе и подружится с ними.

Фов и представить себе не могла, с каким подозрением и недоброжелательностью отнесутся к ней дети Фелиса. Для них она была высокой, странно одетой американкой из замка, как они называли «Турелло», въезжающей в деревню на сверкающем новеньком

велосипеде, для которой специально приготовили невероятную, волшебную комнату. У нее не было даже нормального имени, чтобы можно было отмечать именины. Фов пыталась говорить с ними на городском «северном» французском, но она делала много ошибок в грамматике и не всегда понимала ребят. Она не знала, что надо всем пожать руку, и не догадывалась, что девочки не должны вместе с мальчиками играть на игровых автоматах.

Дети завидовали ей, потому что отец приводил ее в кафе и всем показывал. Они завидовали новенькому велосипеду и новой одежде. Кто она такая, что пытается стать частью их маленькой сплоченной группы?

Но никто не мог сопротивляться Фов слишком долго, никто не мог уклониться от ее желания любить их всех. Она помогала им резать траву для кроликов, с готовностью присматривала за младшими братишками и сестренками. Фов научила их играть в бейсбол, приглашала в «Турелло» на полдни, где им подавали горячий хлеб, бриоши, шоколад и три вида домашнего джема. А потом все шли в ее комнату, валялись на роскошной кровати, нежились на белом ковре, а Фов рассказывала о своей школе в Нью-Йорке, где, судя по всему, никто вообще по-настоящему не учился, если сравнивать с тем, что от них требовали в деревенской школе. Зимой Фов писала каждому длинные письма, поэтому, когда позже она приезжала летом на каникулы, все воспринимали ее как вернувшегося старого друга.

С двумя девочками Фов подружилась особенно: с темноволосой хорошенькой Софи Борель, чьи румяные щеки напоминали яблоки, и похожей на ангела Луизой Горден, отличавшейся весьма взрывным характером. Софи, смешливая и непоседливая, была неиссякаемым источником информации, потому что ее отец работал почтальоном. А Луиза с первого дня защищала Фов от тех девочек, которые не желали принимать иностранку в свой маленький шовинистический мирок.

И теперь шестнадцатилетней Фов не терпелось вновь увидеть Софи и Луизу. Второй завтрак шел своим чередом, ловкие официанты изящно балансировали подносами, разнося рагу из кролика, не обращая внимания на то, что поезд, шедший на большой скорости, заметно качало из стороны в сторону.

Софи и Луиза не любили писать письма, и Фов все время боялась, что в ее отсутствие любимая ею деревня изменится. А что, если там кто-то построил супермаркет, оптовый рынок или кинопавильон?

Для нее Фелис был красив сам по себе. Фелис оставался скромной, очаровательной в своем совершенстве деревней. Там жили люди, и в нем не было ничего привлекательного для праздного туриста. В этом уголке Прованса повседневная жизнь не менялась на протяжении веков.

Фов часто задумывалась о том, насколько по-разному относятся в Нью-Йорке и в Фелисе к ее незаконному рождению. На Манхэттене недоброжелательное и завистливое внимание преследовало ее, когда она появлялась на публике с Маги, Дарси или Мелвином Алленбергом, ставшим ее проводником в мире искусства. Она часто ловила на себе любопытные взгляды, слышала, как говорившие понижали голос, оглядываясь на нее, и всюду эти глаза, как будто пустые, но тщательно отмечающие все детали ее облика. Она видела, что ее узнавали, и понимала, что один только что прошептал другому: «Смотрите, вот она, незаконная дочь Мистраля».

В такие минуты Фов, сама того не замечая, выпрямлялась в полный рост, расправляла плечи, широко открывала глаза и не мигая разглядывала тех, кто обратил на нее внимание.

На ее лице появлялось гордое, высокомерное выражение, составившее бы честь и ее отцу, заставлявшее людей замолчать.

А в Фелисе к этому относились иначе. Считалось, что во всем виноваты только родители. Почему они не были достаточно осторожными? Никому не приходило в голову тыкать пальцем в незаконнорожденного ребенка. В Фелисе Фов чувствовала себя дочерью Мистралья, и ее принимали как невинный плод преступной страсти, но все-таки принимали.

Она нетерпеливо выглянула в окно поезда. Второй завтрак почти закончился, а они еще не доехали до Лиона.

— Какие новости в деревне? — спросила она у отца.

— Новости? Никаких, если не считать кучки полоумных декораторов из Парижа, которые скупают старые дома по всей долине и красят их вопреки всем традициям в зеленый, лимонно-желтый и — прости меня, господи — в лиловый цвета. Они переделывают их внутри и продают иностранцам или просто состоятельным парижанам в десять раз дороже их настоящей цены. Это просто какое-то бедствие! — прорычал Мистраль.

— И в Фелисе тоже? — В голосе Фов слышалась искренняя тревога.

— Там не больше, чем прежде. Появились еще новички, но их немного. А в Горде и Русильоне становится все хуже и хуже. Деревни потеряли свой дух, раскрашенные, словно дешевые потаскухи на свадьбе. И толпы туристов! Настоящие варвары. Литрами поглощают кока-колу, пачками скупают открытки. Мечутся туда-сюда, снова садятся в автобус и дальше, дальше... Предполагается, что за один день они должны осмотреть весь Люберон!

Мистраль кипел от гнева, а Фов подумала, что ее отец стал еще больше похож на благородного конкистадора. Она становилась старше. И научилась по-настоящему видеть его. Его осанка, гордая, немного высокомерная посадка головы не изменились. Жюльен Мистраль как всегда выглядел сильным, стройным, прямым. «Он просто изумительный, — подумала Фов, используя новое модное словечко. — У меня изумительный отец».

— Извращенка! — взвизгнула Софи. — Развратная... Похотливая... Испорченная... Ты просто больная, Фов Люнель!

— Отсталая... Дремучая... — еле выдавила из себя Фов, захлебываясь слезами от смеха, пока Софи трясла ее как грушу. — Ты живешь в Средних веках, бедная моя девочка. — Когда она ставила на проигрыватель пластинку с песней «Легко быть твердым», она догадывалась, что ее подруги вряд ли готовы услышать подобное. Прошлым летом ей удалось увлечь их Джонни Кэшем и Энгельбертом Хампердинком, хотя они все-таки оставались искренними поклонницами «Би Джиз». И на этот раз она не удержалась от искушения подразнить их. Впрочем, песенка им понравилась, как и ей.

Подростки в Провансе тоже были без ума от танцев, хотя их предпочтения намного отставали от моды в Нью-Йорке. В каждой деревне дважды в год устраивали бал, так что в Любероне танцевали почти каждую субботу. На танцы приезжали обычно на машинах или на автобусе.

В четырнадцать и пятнадцать лет Фов отпускали на танцы вместе с другими девочками под присмотром одного из отцов, но в шестнадцать они должны были ходить на танцы с мальчиками.

Когда Софи и Луиза с большой неохотой отправились по домам ужинать, Фов задумчиво отложила пластинки в сторону. Подруги очень изменились за прошедший год. Они говорили только о танцах в Юзесе, куда их пригласили мальчики. Они заверили Фов, что она тоже приглашена и может поехать вместе с ними, но Фов спрашивала себя, что она станет делать на танцах.

В прошлом году не было ничего зазорного в том, чтобы стоять в «девичьем» углу вместе с хихикающими подружками, и если никто не приглашал танцевать, то можно было отплясывать с одной из них. Из-за высокого роста Фов часто приглашали в качестве партнера. Но в этом году будет неприлично танцевать с другой девочкой. Большинство девушек Фелиса появятся в Юзесе с молодыми людьми, если верить Софи, сведения которой всегда отличались достоверностью.

Фов с тоской подумала о провансальских танцах. В зале девочки и мальчики расходились по отдельным углам и разглядывали друг друга издали. Общались только те, кто пришел вдвоем. Первыми на танцплощадку выходили те, кому было безразлично мнение окружающих: жизнерадостный бакалейщик со своей пятилетней дочкой; девятилетняя девочка, крепко ухватившая своего шестилетнего братишку; двоюродные братья и сестры, решившие подурочиться.

В конце концов мальчик приглашал ту девочку, с которой он пришел на танцы, но с таким видом, словно его заставляли силой. Подходящим выражением лица считалось застывшее отчаяние. Даже речи не могло быть о том, чтобы переброситься парой слов с партнером или хотя бы улыбнуться ему. Как только музыка замолкала, танцующие бросались в разные стороны с такой скоростью, будто убегали от огня, и снова вставали в соответствующем углу, где они наконец могли поболтать с представителями собственного пола. И это называют танцами!

Фов улеглась на постель и задумалась. И кому нужны мальчики? Почему Софи и Луиза так беспокоятся из-за них? Обе ее подружки пустились в плавание по морю романтики, если

судить по нежности, проснувшейся в хулиганке Софи, когда она заговорила о Реймоне Бинаре, молодом электрике из Апта. И куда только подевалась язвительная насмешливость колючей Луизы, когда она объявила, что ее друг Поль Алуэтт, приехавший на побывку, одолжил у отца новенький «Ситроен» ради такого случая? Тоже мне подвиг: взять машину у собственного папы.

Если бы время могло остановиться! Если бы ничего не менялось!

Удивленная собственными слезами, Фов глубоко вздохнула, не догадываясь, что это первый вздох ее взрослой жизни. Она осознала течение времени и поняла горечь и бесполезность этого знания, потому что ничего не поделаешь.

Постепенно Фов почувствовала, как умиротворяюще действует на нее комната. Уж она-то никогда не изменится, на это Фов могла рассчитывать. Спальня в башне каждое лето ждала ее возвращения, она жила собственной жизнью, принадлежавшей только Фов. Когда-то здесь была мельница, затем голубятня. Фов с легкостью представляла, как двигаются тяжелые каменные жернова и слышала шорох крыльев сотен поколений голубей, гнездившихся под этой крышей.

За те восемь лет, что Фов приезжала в Прованс, она превратила спальню в музей своего взросления. Поколения кукол сидели вдоль стен, фотографии Мистраля и Фов украшали стены рядом со старомодными открытками, которые она купила в лавочке, засушенные цветы под стеклом в рамках, афиши, объявляющие о деревенских праздниках и других событиях, дорогих ее сердцу. Она никогда ничего не выбрасывала, ничего не брала с собой в Нью-Йорк. Инстинктивно Фов не смешивала два мира, как они не пересекались в действительности.

В полудреме она услышала голос Кейт во дворе. Как он похож на голос Надин, которая, по счастью, появлялась не чаще двух раз за все лето. Она вышла замуж за Филиппа Дальма и теперь жила в Париже.

При мысли о сводной сестре Фов сжала кулаки, вскочила с постели, и вся ее тоска исчезла, уступив место нетерпению, вылившемуся в вечный вопрос, заставивший бы любую женщину забыть и о скоротечности юности, и о быстро убегающем времени: что ей надеть?

Пять дней спустя Фов стояла в «девичьем» углу в танцевальном зале в Юзесе. Фов всю неделю перед танцами провела перед зеркалом, примеряя один наряд за другим. К немалому ее удивлению, они оказались либо чересчур вычурными и предназначенными отнюдь не для деревенских танцев, либо слишком повседневными. А это уж совсем никуда не годилось. Все решили бы, что она и не подумала принарядиться ради такого случая. Она так и стояла перед зеркалом в оранжевых колготках, когда Марта Полиссон постучала в дверь и сообщила, что подружки уже ждут ее.

Фов решительно облачилась в вызывающе короткое ярко-розовое платье, отделанное по подолу геометрическим рисунком из красной ленты, расчесала еще раз свои рыжие кудри, сунула ноги в зеленые туфельки без каблуков и сбегала вниз по лестнице своей персональной башни. Она даже не подумала заглянуть в гостиную и попрощаться. Если Кейт и не одобрит выбранную ею цветовую гамму, то она не желает ничего об этом знать. Особенно сегодня.

Девушки негромко болтали между собой, но Фов не прислушивалась к их разговорам. Она видела, как два молодых человека приближаются к ней из противоположного угла зала.

Оба определенно намеревались пригласить ее потанцевать. Одним из них был Люсьен Громе, чей дурной запах изо рта она помнила с прошлого лета. А вторым оказался Анри Савати, который не умел танцевать и вечно сбивался с такта. Фов задавала себе вопрос, не пригласить ли ей какую-нибудь девушку, чтобы избежать участи танцевать с любым из этих двоих.

Юноши шли медленно, не обгоняя друг друга, явно не желая соревноваться с соперником. Они были уже в нескольких шагах от Фов, когда третий «кавалер» без церемоний отпихнул их в сторону, обернулся и витиевато извинился:

— Прошу прощения, мои дорогие друзья, но мадемуазель уже обещала танцевать сегодня только со мной.

У Люсьена и Анри при этих словах открылись рты. Здесь было принято приглашать девушку на танец раз и навсегда установленным образом. Следовало проямлить приглашение еле слышно, ткнуть большим пальцем в сторону площадки, развернуться и идти туда, не оглядываясь и не проверяя, пошла ли девушка следом.

Фов не растерялась.

— Ролан, я уже начала беспокоиться, не остановился ли ты по дороге покормить соловьев, — сказала она и просунула руку ему под локоть.

— Нет, сегодня я укрощал индюков. Они устроили такую возню из-за индюшки. Как насчет тура вальса?

— Я бы с радостью, только оркестр со мной не согласен.

— Тогда, может быть, нам немного посидеть?

— Это было бы вполне разумно, Ролан.

— На самом деле меня зовут Эрик, — поправил ее молодой человек, — но ты можешь называть меня Роланом, если тебе так больше нравится.

— А мое имя Фов.

Обычно местные молодые люди, услышав такое, отпускали глупые замечания, но Эрик промолчал, с явным восхищением рассматривая ее. Фов не могла его припомнить, похоже, что она никогда не видела этого мужчину. Потому что это был именно мужчина, а не мальчик. Эрик был очень высокого роста, значительно выше шести футов, сильные, четкие черты лица, темный загар, густые каштановые волосы, пухлая нижняя губа, привлекающая внимание, ямочка на подбородке, готовность рассмеяться в любую минуту. Но что же так поразило ее в этом незнакомце?

— Ты на меня уставилась, — сказал Эрик и улыбнулся.

— Это ты на меня уставился, — возмутилась Фов.

— Может быть, все-таки потанцуем?

— Потанцуем.

Оркестр только начал играть «Жизнь в розовом свете». Эрик обнял Фов. Она приготовилась танцевать так, как это было принято в Провансе, но неожиданно оказалась крепко прижата к его груди. Эрик мастерски вел ее в танце, который и в самом деле, если верить ее двигавшимся в такт ногам, оказался вальсом. Возможно, оркестр и не следовал принятому размеру — раз, два, три, раз, два, три, — но все же они волшебным образом вальсировали, и так грациозно, что дирижер, понаблюдав за ними, сделал знак музыкантам, и они заиграли «Голубой Дунай». Когда музыка смолкла, Фов и Эрик остановились и увидели, что остались одни в кругу зрителей, наблюдавших за ними с таким выражением, словно Джинджер Роджерс и Фред Астер материализовались на танцевальной площадке в

Юзесе.

— Это было замечательно! — сказали хором Эрик и Фов.

— Идем, пора выпить чего-нибудь холодненького. Я понял о тебе три важные вещи и собираюсь произвести на тебя впечатление своей образованностью, — заявил Эрик и повел ее из круга.

Рядом с залом нашлось кафе, где собирались поиграть в карты те, кто привел на танцы дочерей. Фов и Эрик нашли свободный столик и заказали кока-колу.

— Во-первых, — начал он, — ты иностранка, во-вторых, ты художница, а в-третьих, от тебя пахнет лучше, чем от всех девушек в мире.

— Но я не пользуюсь духами, — запротестовала Фов.

— Именно об этом я и говорю.

— О! — Фов подумала немного над его словами и вдруг почувствовала, что краснеет. Эта способность заливаться ярким румянцем в самый неподходящий момент передавалась женщинам Люнель из поколения в поколение. — Откуда ты узнал, что я иностранка? — поинтересовалась Фов, легко переходя на южный акцент.

— Поздно спохватилась, я и сам так умею. Ты вальсируешь как иностранка — божественно, если быть честным. Здесь такому не научишься.

— О! — Фов покраснела еще гуще. — Как ты догадался, что я художница?

— Только художница могла сочетать такие цвета в своем наряде. Розовое платье в сочетании с рыжими волосами и так обратило бы на себя внимание, но добавить оранжевые колготки и эти ярко-зеленые туфли...

— Меня интересует искусство, — уклонилась от прямого ответа Фов.

Она никогда не говорила посторонним, что сама пишет картины. Только ее семья, Мелвин Алленберг и несколько близких друзей знали об этом, но никто из них не подозревал, насколько серьезно она относится к этому.

— «Интересует искусство»? — переспросил он. — И это все?

— Я хожу на выставки, в галереи и музеи. Нью-Йорк — это, в конце концов, столица искусства.

— Ньюйоркцам просто нравится так думать, — усмехнулся Эрик. Ни один француз не признал бы, что после войны центр притяжения для всех, кто занимается искусством, переместился в Соединенные Штаты.

— Брось, ты же знаешь, что так и есть. По субботам достаточно пройтись по галереям на Мэдисон-авеню, и ты увидишь больше современного искусства, чем в Париже. А ведь есть еще и музеи. Мы с моим другом Мелвином ходим на выставки не реже трех раз в месяц.

— Твоим другом Мелвином? Он что, эксперт?

— Мелвин блестяще разбирается в искусстве. Просто удивительно, как много он знает... И он такой лапочка.

— Этот образцовый мужчина еще и красив, как я понимаю?

— Пожалуй, нет, но просто удивительно, как легко девушки влюбляются в него. Я могу рассказать ему обо всем и рассчитывать на его понимание.

— Мне кажется, что ты и сама в него влюблена, — мрачно заметил Эрик.

— Влюблена? О Эрик, какая замечательная мысль! — Фов фыркнула от смеха.

— Что, черт побери, в этом такого замечательного? Мне кажется, что ты проявляешь полное отсутствие вкуса, сидя здесь со мной и превознося до небес блистательного, красивого, милого Мелвина, с которым ты так часто проводишь дни на выставках.

— И вечера тоже. Видишь ли, Эрик, есть еще и вернисажи, а бабушка отпускает меня на самые важные из них только с Мелвином, — заметила Фов с лукавой усмешкой.

— Ну это уж слишком! — Эрик одним глотком допил колу и стукнул стаканом по столу. — Я возвращаюсь на танцы.

— Эрик!

— Что? — Он обжег ее яростным взглядом.

— Мелвин старик, ему сорок три или даже сорок четыре года. Он мне вместо дяди. Когда-то он встречался с моей матерью.

— А тебе самой сколько лет? — Эрик уселся обратно на стул, с трудом скрывая облегчение.

— Шестнадцать, — ответила Фов и вдруг показалась себе страшно юной. Ее тоска по пятнадцатилетнему возрасту неожиданно испарилась.

— А мне двадцать.

И они улыбнулись друг другу без всякой причины. Фов неожиданно поняла, что привлекло ее в лице Эрика с первой же секунды. Она поверила ему, поверила безоговорочно и сразу. Как странно. Как она могла поверить незнакомцу? Да еще красивому? Софи и Луиза говорили ей, что такие мужчины испорчены и думают только о себе. Их следовало избегать во что бы то ни стало. Что ж, похоже, Софи и Луиза ничего не понимают в жизни.

— Помимо знаний о живописи, полученных благодаря доброму старому Мелвину, я полагаю, ты имеешь некоторое понятие и об архитектуре тоже? — спросил Эрик.

— Ни малейшего, — честно призналась Фов. — Так, какие-то общие места.

— Хвала создателю за это. — В голосе Эрика прозвучала искренняя радость. — Я архитектор, вернее, буду им. Я учусь в Школе изящных искусств.

— Почему тебе доставило такое удовольствие мое признание в полной некомпетентности?

— Мне хотелось бы тебя чему-нибудь научить.

— Согласна. Начинай.

— Я не имел в виду прямо сегодня. Все лето впереди. Вставай, идем повальсируем еще немного, а потом я хочу отвезти тебя домой. Можно? — Он явно сомневался в ее ответе.

— Я приехала сюда с друзьями, но они не станут возражать, если ты проводишь меня.

— Где ты живешь?

— Недалеко от Фелиса.

— Это далеко. — Эрик определенно ликовал.

— Около шестидесяти километров, — извиняющимся тоном сказала Фов.

— Это мне как раз и нравится. А теперь, Фов, ты должна перестать краснеть всякий раз, когда я говорю тебе комплименты. Я буду тренировать тебя как собачку. По одному комплименту каждые десять минут в течение следующих двух часов, и ты забудешь о предательском румянце. Нет, пожалуй, это неудачная идея. Пожалуй, мне нравится, как ты краснеешь. Румянец добавляет еще один оттенок розового к уже имеющимся.

Танцы в Провансе редко начинаются раньше девяти и никогда не заканчиваются раньше двух часов ночи. Но Фов настояла на том, чтобы уйти сразу после двенадцати. Им предстоял неблизкий путь, а отец всегда дожидался ее возвращения.

Около Ремулена Эрик попытался уговорить Фов взглянуть на мост Стражников при лунном свете.

— Это один из самых загадочных памятников древности. Он остался почти нетронутым за две тысячи лет. Тебе никогда не понять римлян, пока не увидишь этот акведук. Не хочешь взглянуть? Нет? Ты уверена, что сможешь прожить без акведука еще один день? Что ж, тогда придется ехать в твой Фелис.

Когда они подъехали к Вильнев-лез-Авиньон, у него родилось другое предложение:

— Давай пойдем к моим родителям и просто поздороваемся. Они никогда не ложатся спать так рано, а вид с нашей террасы на форт святого Андрея — это лучшее, что ты можешь увидеть.

— Домой, Эрик, только домой, — ответила Фов смеясь.

После Авиньона они выехали на плоскую равнину, и Эрик принялся строить планы на следующий день. Он чувствовал ответственность, ведь ему предстояло познакомить Фов с архитектурой. Неподалеку сохранились развалины финикийского города, построенного за шестьсот лет до Рождества Христова, и сотни свидетельств других эпох, так что же ему выбрать для начала? Какое количество руин не окажется чрезмерным? Каков уровень ее терпимости к старым камням?

Они уже подъезжали к Фелису, и Фов слушала его вполуха. До этого вечера отец ни разу не видел ее с мальчиком. Что он о ней подумает? Ведь она уехала на танцы с друзьями, а возвращается с молодым мужчиной, с которым познакомилась только что. Папа должен обрадоваться тому, что она не подпирала стенку, думала Фов, показывая Эрику дорогу к «Турелло». Папа *должен* быть рад, что она познакомилась с человеком, который изучает архитектуру.

Большие ворота «Турелло» оказались распахнуты, из окон гостиной в дальнем углу двора лился яркий свет.

— Въезжай смело, — рассеянно посоветовала Фов, и Эрик припарковал машину во дворе. — Думаю, тебе лучше познакомиться с моим отцом, — пробормотала она, направляясь в гостиную, где отец обычно дожидался ее возвращения.

Когда они вошли в комнату, Мистраль поднялся с кресла у камина, удивленно переводя взгляд с дочери на молодого человека. Только удивление, с облегчением вздохнула Фов, ни раздражения, ни гнева.

— Это мой отец, — она не осмеливалась поднять глаза на Эрика.

Конечно, ей следовало раньше сказать, что она дочь Мистраля, но она не сумела выбрать удобный момент для этого. Но ведь Эрик и не спрашивал, верно? Да и что в этом такого, в конце концов? Она понравилась ему не как дочь художника Мистраля, и общаться с ней он будет не из-за этого. И все же Фов пожалела, что промолчала об этом. Эрик мог решить, что она намеревалась произвести на него впечатление.

— Папа, это Эрик, — еле слышно прошептала она.

— Я вижу. — Мистраль с улыбкой пожал ему руку. — Но что за странная привычка не называть фамилии?

— Добрый вечер, месье Мистраль. — Господи, почему голос Эрика звучит так странно? Неужели он на нее все-таки рассердился? — А моя фамилия Авигодор. И моего отца зовут Адриан Авигодор, месье Мистраль.

— Но ты не можешь запретить Фов встречаться с этим молодым человеком, — бесстрастно констатировала Кейт. — Это незачем даже обсуждать, Жюльен. Вспомни о ее возрасте. Ты не можешь привести ни одной причины, которую бы Фов поняла и приняла.

Она лишь начнет задавать вопросы, на которые тебе не захочется отвечать. На твоём месте я не стала бы вмешиваться. Все уладится без твоего участия.

— Ты не видела его лица, Кейт, не слышала его голоса.

— Он сказал что-то необычное?

— Нет, этот Эрик вел себя безукоризненно, но в его словах был подтекст, я не могу ошибаться.

— Жюльен, разумеется, Авигдор не в восторге от того, что потерял такого клиента, как ты, но кто бы не сожалел об этом на его месте? Я уверена, что это семейная страшилка — великий Жюльен Мистраль начинал под крылышком у папы Авигдора, а потом оказался настолько неблагодарным, что ушел к другому дилеру. Ты же знаешь, что эти люди вечно говорят о делах. Разрыв контракта с тобой стал самым значительным событием в жизни Авигдора.

— Я не хочу, чтобы Фов имела дело с его сыном.

— Она всего лишь ребенок. Фов недостаточно взрослая для того, чтобы по-настоящему «иметь дело» с молодым человеком. Ей только шестнадцать. Да и какой вред может быть от их встреч? Будь благоразумным, Жюльен! Мне кажется, ты принимаешь все слишком серьезно только потому, что речь идет о Фов. Ты никогда не беспокоился так о Надин.

Кейт давно поняла: Жюльен не догадывался о том, что Марта Полиссон рассказала ей со всеми подробностями историю с Авигдором. Ее визит к Авигдору только подтвердил то, что она уже и так знала. Память Кейт хранила достаточно информации о муже. Кто знает, когда она может пригодиться. Это был своего рода капитал, возможно, не менее значимый, чем картины.

А пока Кейт наслаждалась тревогой Жюльена. У нее было так мало средств для борьбы. Странно. Когда-то Фов казалась ей новым оружием в руках Жюльена, представляющим опасность для нее самой и для Надин. Но теперь Фов стала старше, с каждым годом Мистраль любил ее все сильнее. И Кейт, сохранившая остроту ума, знала, что сможет использовать Фов против Мистраля.

Кейт верила в неотвратимость отмщения. Когда-нибудь настанет время, и Жюльен заплатит за все страдания, которые он ей причинил. Кейт надо только подождать. Как интересно, что Фов познакомилась именно с молодым Авигдором.

— Как он выглядит? — спросила она мужа с деланой беспечностью. — Мальчик очень похож на отца?

— Я не рассмотрел его как следует. Но мне показалось, что он намного красивее Адриана, выше ростом. Я бы никогда не догадался, что они родственники.

— Ты хочешь сказать, что он не похож на еврея?

— Я не это имел в виду! Авигдор тоже не был похож, и тебе это отлично известно.

— Господи, Жюльен, что ты на меня бросаешься? Не стоит быть таким чувствительным. Через две недели Фов устанет рассматривать руины со студентом, и его место займут другие молодые люди. И ты примешься переживать из-за них. Так, значит, мальчик красивее отца?

— Парень невероятно хорош собой, даже слишком.

— Постарайся уснуть, Жюльен, — мягко сказала Кейт. — Тебе мерещатся привидения.

— О чем ты только думал, Эрик, когда повел мадемуазель Люнель смотреть Папский дворец? — В голосе Бет Авигдор слышалась мягкая укоризна. — Это настоящий барак, никакой мебели, толпы туристов! Ничего удивительного, что вы валитесь с ног от усталости, мадемуазель. Я уже много лет туда не заглядываю.

— Сначала мне там понравилось... А потом уже поздно было возвращаться, — ответила Фов, с наслаждением сбрасывая туфли под столиком и радуясь прохладной тени от большого зонта над ним во дворе гостиницы «Монастырь».

Мать Эрика оказалась высокой красивой женщиной, с огромными темными глазами, каштановыми волосами, в которых едва начинала пробиваться седина, и великолепной осанкой. Она выглядела по меньшей мере лет на двадцать моложе отца Эрика, непринужденно изучавшего карту вин на четырнадцати страницах. Адриан Авигдор даже в молодости казался старше своих лет, а теперь он стал приятно лысым, приятно упитанным, приятно морщинистым и как всегда совершенно незаметным. Постороннему глазу не за что было зацепиться в его внешности добродушного крестьянина, и возраст только усилил это впечатление.

В 1945 году Авигдор женился на красавице Бет Леви, которая три года сражалась рядом с ним в рядах Сопротивления. Их единственный сын Эрик, родившийся в 1949-м, внешне пошел в мать, но унаследовал характер отца.

Адриану не удалось остановить Бет, которая решила устроить эту встречу в ресторане, движимая материнским любопытством. Жена ничего не знала о предательстве Мистраля, ей Авигдор рассказал лишь о том, что до войны был дилером великого художника.

В последний год Эрик постоянно интересовался причинами его ссоры с Мистралем, но и ему не удалось вызвать отца на откровенность.

— Давай назовем это просто разногласиями, — сказал Адриан, и на его лице появилось непривычно суровое выражение. Эрик понял, что дело обстоит намного серьезнее.

Авигдор предпочел бы увидеть на месте дочери Мистраля любую другую девушку, но он решил, что будет любезен с ней. Да и кто остался бы равнодушным, когда увидел ее?

Годы многому научили Адриана. Он радовался тому, что выжил, когда столько людей погибло. Адриан не желал будить некоторые воспоминания, но Фов Мистраль удалось их воскресить.

— Итак, мадемуазель, — обратился он к девушке с самым добродушным видом, — вы учитесь в Соединенных Штатах, правильно?

— О, прошу вас, зовите меня Фов. Да, я живу в Нью-Йорке и каждое лето приезжаю к отцу.

— Конечно, конечно, как приятно. — И он обратился за советом к подошедшему директору гостиницы, Жаку Миллю, чтобы выбрать вино. На молодого человека можно было положиться.

— Я так рада познакомиться с вами, месье Авигдор, — сказала Фов. — Моя бабушка говорила мне о вас.

— Так Маги не забыла обо мне? — спросил довольный Адриан.

— Разумеется, нет. Магали ничего не скрывала от меня, если дело касалось ее

прошлого. Она считает, что дети должны знать как можно больше о своих родителях и бабушках с дедушками, особенно если они незаконнорожденные.

Фов специально сказала это, чтобы они не относились к ней с повышенным тактом.

— Мне бы хотелось, чтобы вы рассказали мне о моем отце в молодости, — продолжала она. — Я познакомилась с ним только восемь лет назад. У меня замечательный отец, но он не любит воспоминаний. Но ведь именно вы устроили его первую выставку! Каким он был? — На ее лице читалось живейшее любопытство.

Молодой Мистраль? Авигдор порылся в памяти, пытаясь найти какое-нибудь приятное воспоминание. Разве мог он сказать этой девочке, так преданной своему отцу, что тот был несносным, вспыльчивым, высокомерным эгоистом? Мистраль, не задумываясь, обрел на смерть многих. Но должен же Авигдор сказать хоть что-нибудь!

— Видите ли, его так сложно описать... Мистраль всегда производил впечатление на людей, оставаясь самым заметным в любом обществе. — Авигдор помолчал, собираясь с мыслями, но тут его осенило: — Я никогда не забуду того дня, когда впервые увидел его. Кейт Браунинг, которая стала потом мадам Мистраль, привезла меня в маленькую студию вашего отца на Монпарнасе, где он тогда жил с вашей бабушкой. Я как сейчас вижу босоногую Маги, которая вышла к нам из кухни с вином и стаканами. Она была удивительно хороша собой, от ее красоты перехватывало дыхание... Маги тогда была лишь немного старше вас, Фов... Лет восемнадцать, я полагаю... Она была так предана Мистралю, так влюблена в него...

— Предана, — еле слышно повторила Фов.

— Разумеется, прежде всего предана. Я очень восхищался ею. Ведь Маги буквально содержала вашего отца, отдавая ему все деньги, которые зарабатывала позированием. Конечно, это происходило еще до того, как его картины стали покупать. Когда женщина любит по-настоящему, она готова на любые жертвы. И потом, они составляли такую живописную пару, оба высокие, оба рыжеволосые. Они стали легендой квартала. И еще эта серия картин «Рыжеволосая женщина»... Судя по всему, они прожили некоторое время вместе до появления Кейт. Кстати, как поживает Кейт? Я очень давно с ней не виделся.

— У нее все отлично, — неуверенно ответила Фов, чье смущение оказалось так велико, что она едва могла говорить.

Адриан Авигдор продолжал расспрашивать ее о Кейт, пока не принесли дуврскую камбалу. Все принялись обсуждать гастрономические изыски, но Фов почти ничего не слышала.

Ее отец и ее бабушка? Они любили друг друга? Они жили вместе? Но ведь это ее мать и ее отец любили друг друга! Это они жили вместе! Фов ничего не понимала, ее охватило странное противоречивое чувство. Лишь когда Эрик пожал ей руку под столом, она взяла наконец вилку.

Жизнь Фов вдруг оказалась перевернутой с ног на голову. Привычные ориентиры исчезли. «Почему ты не сказала мне об этом, Магали? Я знала лишь о том, что ты позировала моему отцу. Но каким человеком он был? Что на самом деле произошло между вами? Могу ли я теперь верить тому, что ты мне рассказывала?»

— Камбала вам не понравилась, Фов? — мягко поинтересовалась Бет Авигдор.

Она бы с удовольствием стукнула мужа, если бы только могла предположить, в какие он пустится воспоминания. Но если быть справедливой, то Фов сама заговорила на эту тему. Бабушка ей, видите ли, обо всем рассказала... Разве бабушки и дедушки, матери и отцы

рассказывают своим детям и внукам обо всем? Если бы кто-то решился на такое, то это был бы первый и последний случай в истории. Ах, как неудачно все вышло.

— Фов, — повторила Бет, — камбала плохо поджарена?

— Нет, мадам Авигдор, с рыбой все в порядке, благодарю вас.

— Фов, обещаю тебе, больше никакой архитектуры в ближайшие двадцать четыре часа, — невесело улыбнулся Эрик. — Или ближайшие два дня... Или неделю, как скажешь. После завтрака мы будем делать лишь то, что хочется тебе.

— Давай посмотрим мост Стражников. — Фов улыбнулась ему.

— Ты сошла с ума. Ты выглядишь такой усталой!

— Нет, нет, и я сгораю от нетерпения лучше разобраться в характере древних римлян.

— Эрик придерживается странных взглядов. Он полагает, что лишь по отношению к воде можно судить об истинном развитии той или иной цивилизации, — проворчал Адриан. — Почему именно вода, а не вино, к примеру?

— Вполне возможно, что вы найдете ответ в Талмуде, если вам на самом деле так хочется это узнать, — предположила Фов.

— Подобные вещи в Библии не описаны, — запротестовал Эрик.

— Но при чем тут Библия? — удивилась Фов. — Я говорю о комментариях к Торе, которую иначе называют пятикнижием Моисея.

— О чем? — Эрик выглядел явно сбитым с толку.

— Перестань надо мной смеяться, Эрик. Месье Авигдор, в Талмуде найдется по меньшей мере два мнения по одному и тому же вопросу, если не десятков. Так что если вы не найдете ответ, то получите хотя бы хорошие аргументы. Если верить моей бабушке, именно так сказал бы ребе Тарадаш.

У Авигдора от изумления отвисла челюсть.

— Выпей вина, дорогой, — поторопилась вмешаться Бет.

С ее точки зрения, это было весьма разумное предложение. Конечно, несколько старомодное и неожиданное в устах такой молоденькой девушки, но зачем же так удивляться? Пусть она и дочь Мистралья, но Люнели — старинная еврейская семья. И что это нашло на Адриана?

К тому времени, как она улеглась в постель этим вечером, Фов больше не считала, что бабушка предала ее. Когда прошел эффект неожиданности, ей показалось совершенно справедливым, что Магали не сказала ей всей правды. Фов просто не поняла бы ее. Господь свидетель, история женщин из семьи Люнели и их любовников достаточно запутанна. «Нет, это даже романтично, — сонно подумала Фов, — любовь в двух поколениях». Но она твердо знала, что не станет спрашивать отца о том периоде его жизни. Она подождет и задаст все вопросы Магали, как только переступит порог дома. Никто ничего от нее не скрывал... Никто ее не предавал... Она может им верить... Это все так далеко в прошлом... Совершенно не важно...

— Фов, поторопись. Заканчивай завтрак, пора начинать урок живописи, — сказал Мистраль.

— Я обещала Эрику, что проведу день с ним, — ответила она. — Он везет меня в Арль посмотреть на римскую арену.

— Полагаю, ты шутишь. Я специально выделил для тебя время сегодня утром.

— Нет, я говорю серьезно.

— Но Фов, у тебя впереди вся жизнь, чтобы рассматривать римские арены. Где твои приоритеты? С твоим талантом ты не можешь тратить время на глупые экскурсии. Это совершенно невозможно! Лето пролетает так быстро! Разве ты забыла, что хотела еще многому научиться?

— Я помню, отец, но я обещала.

— Жюльен, — вмешалась Кейт, — веди себя разумно. Почему Фов должна проводить утро, запершись с тобой в мастерской, когда ее ждет такой очаровательный молодой человек? Я в ее возрасте предпочла бы флиртовать, а не рисовать... Не будь таким бесчувственным.

— Кейт, тебя это совершенно не касается. Идем со мной, Фов. Когда появится этот парень, Кейт, скажи ему, чтобы он подождал, пока Фов закончит работу. Если его интересует моя дочь, то он дождется полудня.

— Нет, отец.

— То есть как это, нет?

— Я не буду работать с тобой этим летом. Я больше не могу.

— О чем ты говоришь? — Мистраль был настолько изумлен, что даже не рассердился. — Чего ты не можешь? Не хочешь же ты сказать, что не способна писать? Сколько раз я повторял тебе, что у тебя талант. Не понимаю, о чем вообще этот разговор.

— Я думала об этом всю зиму. — Голос Фов слегка задрожал, но тут же окреп. — Когда прошлым летом я решила немного поэкспериментировать, ты заявил, что на вернисажах в Нью-Йорке я заразилась вульгарностью и претенциозностью. И я снова начала писать фигуры, ландшафты, натюрморты. Я еще тогда хотела тебе сказать, что не хочу больше пробовать писать, как Мистраль. Я не Мистраль и никогда Мистралем не стану. Именно поэтому я не пойду с тобой в мастерскую.

— Фов, — Мистраль изо всех сил пытался сдерживаться и говорить спокойно, — если ты пытаешься облагородить этот водоворот, где люди неистово делают деньги, называя всю эту круговерть искусством, я могу тебя понять. Ты не могла избежать этой заразы. Но ведь это всего лишь кучка бесталанных эксгибиционистов. Ты не можешь принимать этих людей всерьез. Разве это искусство: конструкции из флюоресцентных трубок, нарезка из книжных полок и пластмассы, картинки из комиксов и содержимое мусорных баков. Господи, Фов, если тебе нравятся подобные творения, обратись к творчеству Марселя Дюшана. Он хотя бы делал это со вкусом, и он был первым!

— Ты просто не понимаешь того, что я пытаюсь тебе сказать. Меня не привлекает ни поп-арт, ни минимализм, я не хочу делать то, что уже делают другие. И я не могу писать в такой манере, как ты. Я вообще не хочу заниматься живописью!

— Ты не можешь не хотеть писать, Фов! Ты художник, у тебя нет выбора. — Голос Мистраля звучал мягко, терпеливо, будто он уговаривал норовистую лошадь. — Я никогда не просил тебя подражать мне. Ты должна помнить мои слова: ты можешь летать только тогда, когда твои крылья достаточно окрепли, чтобы поднять тебя над землей и унести в небо. Ты должна научиться основам. Даже Пикассо, одержимый эротикой, до сих пор может рисовать как бог, если захочет. У него есть классическое образование, о котором он имеет право забыть. Я пытаюсь объяснить тебе, что ты еще слишком мало умеешь. Фов, идем в студию. Сегодня ты будешь писать то, что захочешь. Никакой критики, никаких предложений, только холст, кисти и краски.

— Нет, отец.

Губы Мистралья сжались в тонкую линию. Он посмотрел на Фов и увидел в ее лице что-то такое, что заставило его уступить.

— Хорошо, если сегодня утром тебе приятнее посмотреть на римскую арену, отправляйся туда и хорошо проведи время. Мы поговорим позже.

Зазвонил звонок в кухне.

— Это Эрик, — сказала Фов и сорвалась с места. — Я вернусь к ужину... А если нет, то я позвоню. — Она поцеловала Мистралья в щеку. — Увидимся вечером. — Фов подхватила с кресла сумочку и вышла из комнаты.

— Что ж, Жюльен, должна признаться, я поражена. — Кейт говорила как всегда негромко и невыразительно. — Я не могла даже представить себе, что девочке так ненавистны твои уроки. Неужели она не понимает, какая это честь учиться у тебя?

— Не говори ерунды, Кейт. Фов моя дочь, при чем тут какая-то честь. Это влияние Нью-Йорка, где все давно обесценилось. Болезнь, настоящая болезнь.

— А тебе не приходило в голову, Жюльен, что живопись ее больше не интересует? Чем Фов отличается от других шестнадцатилетних девушек? Они встречают молодого человека и за один вечер теряют интерес к тому, чем жили многие годы.

— Сейчас даже трудно представить, что ты была очень умной женщиной, Кейт. — Мистраль так разозлился, что его голос задрожал. — Фов талантлива, невероятно талантлива. Она рождена для того, чтобы писать. Это все временно. Завтра или послезавтра она вернется к занятиям. — Он встал и вышел из комнаты, не сказав больше ни слова.

— Почему именно Кавальон? — спросил Эрик, заводя машину. — Я знаю, что там растут самые вкусные дыни во Франции, но мне казалось, что мы собирались поехать в Арль.

— Римская арена подождет. В Кавальоне есть кое-что, что мне хотелось бы посмотреть. И потом, вчера ты сказал, что мы будем делать все, что я захочу.

— Полагаю, что тебя необходимо поцеловать, — сурово объявил Эрик.

— Нет! — встревоженно вскрикнула Фов.

— Да!

Эрик свернул на узкую боковую дорогу и остановил машину. Он притянул к себе сопротивляющуюся Фов, но не стал поднимать ее подбородок, который она крепко прижимала к груди, а по-дружески поцеловал в шелковистую макушку. Постепенно Фов расслабилась, и они долго сидели обнявшись. Длинные, сладкие минуты текли, и наконец Фов тихонько сказала:

— Ты можешь поцеловать меня, если хочешь.

— А ты не хочешь? — Эрик улыбнулся.

— Тебя интересует мое мнение? — Фов подняла голову и провела пальцем по нижней губе Эрика. Со стоном он прижался к ее губам, доверчиво раскрывшимся ему навстречу. — О! — удивленно выдохнула Фов. — Как приятно! — Она обняла его руками за шею.

Они целовались и целовались, забыв об окружающем их мире. Но тут маленькая машина вдруг начала раскачиваться из стороны в сторону. Фов и Эрик застыли, встревоженные, и огляделись. Вокруг машины толпились толстые, грязноватые овцы, толкая ее во все стороны.

— Я даже не слышала, как подошло стадо, — удивилась Фов.

— Я тоже не слышал... О Фов, моя дорогая Фов... Черт, вон идет пастух. Посмотри в зеркало заднего вида! — Эрик отодвинулся от нее на приличное расстояние.

— Пастух? — Фов решила подшутить над ним, спасаясь от собственных эмоций. — Он привык к любым проявлениям природы. Немедленно вернись ко мне!

Кавальон, расположенный километрах в пятнадцати к юго-западу от Фелиса, был спокойным, процветающим торговым городом с восемнадцатью тысячами жителей. Фов и Эрик сидели на террасе кафе и молча держались за руки, разглядывая пыльную, невыразительную площадь. Наконец Эрик заговорил:

— Пусть в Кавальоне совершенно нечего смотреть, меня это не волнует, но все-таки мне любопытно, зачем мы сюда приехали.

— Мы ждем, пока появится гид.

— Гид? Здесь нет ничего такого, что следовало бы осматривать в сопровождении экскурсовода, если не считать нас и официанта. Даже магазины закрыты до четырех часов.

— Подожди и увидишь, — сказала Фов.

— Как прикажешь, услада пастушьих глаз.

— Мы ведь развлекли его, правда?

— Я не стал спрашивать, но вполне возможно, что он и раньше видел целующихся людей.

— Брось, Эрик, я же видела выражение его лица!

Фов вдруг вскочила и направилась через площадь к неприметному трехэтажному зданию. Там на лестнице у входа, возле высоких резных деревянных дверей, только что появился молодой человек в рубашке с длинными рукавами, несмотря на жару. Эрик пошел за ней следом, покачивая головой от изумления.

К молодому человеку устремились не только Эрик и Фов. Люди шли из боковых улочек, выходили из кафе, вылезали из припаркованных автомобилей. К тому моменту, когда Фов и Эрик оказались у подножия лестницы, их окружала группа не меньше, чем в двадцать пять человек. К немалому удивлению Эрика, все они определенно знали, куда направляются. Он старался держаться поближе к Фов, но это оказалось не так легко, потому что всем хотелось побыстрее подняться по узким ступеням.

— Что это? — спросил Эрик, но Фов махнула ему рукой, призывая к молчанию.

Собравшиеся наконец расположились полукругом вокруг гида и ждали, не произнося ни слова. Молодой человек с суровой церемонностью распахнул высокие двери.

— Добро пожаловать в синагогу Кавальона, — произнес он.

— Не могу поверить! — прошептал Эрик на ухо Фов.

— Я так и думала, что ты не поверишь. Вчера ты перепутал Талмуд с Библией. — Фов обрадовалась, что сумела его удивить. — Я вычитала о ней в путеводителе, где перечисляются достопримечательности Кавальона. Там еще указаны старый собор и археологический музей.

— И что мы будем теперь делать? — спросил Эрик.

— Осмотрим синагогу, разумеется. Или тебе не хочется?

— Да... Пожалуй... Почему бы и нет...

— Ты меня удивляешь, в самом деле! Разве ты не еврей?

— Мои родители евреи, значит, я тоже еврей, но какое это имеет значение? Они совершенно не религиозны, и я ни разу не был на службе. Мне кажется, что еврей должен

ходить в синагогу, только когда ему хочется. А у меня никогда не возникало такой потребности. И почему тебя это так интересует? Это что-то вроде хобби?

— Вчера, если ты помнишь, твой отец говорил о моей бабушке Магали. Она еврейка, родилась во Франции. Ее дочь, моя мать, была наполовину еврейкой, наполовину ирландкой. Мой отец француз и католик. Так что я еврейка на четверть. Поэтому мой интерес к синагоге — это не хобби. Это мое прошлое. Тебе понятен мой интерес к синагоге?

— Вполне, глупышка. Я просто не могу свыкнуться с толпой туристов. Они говорят не меньше, чем на пятнадцати языках. Откуда они все приехали?

— Из пятнадцати разных стран. Это место паломничества, Эрик. И более того, тебе наверняка будет любопытно узнать, что здесь сохранился водопровод. Хотя это и не римский акведук.

— А для чего он?

— Для ритуального омовения.

— О, это мне нравится!

— Это только для женщин, незнайка. И потом, эта синагога — памятник и ни для чего больше не используется. Смотри, у гида можно купить книгу. Давай купим ее и посмотрим все сами. Не люблю толпу.

Эрик купил билеты при входе и заплатил за тоненькую книжечку, написанную Андре Дюмуленом, хранителем музеев и памятников Кавальона. В ней они нашли краткое описание жизни еврейской общины Кавальона, а также фотографии и описание синагоги.

Фов и Эрик отошли от толпы туристов, внимающих гиду, и отправились осматривать центральную часть здания. Переступив через порог, они оказались в почти пустом зале, удивительно гармоничном. Здесь вполне могла разместиться гостиная какого-нибудь заброшенного замка. Синагога была выстроена в 1774 году на месте старого храма.

Стены высокой комнаты с галереей покрывали панели. На каждой из них неизвестный мастер вырезал орнамент и покрыл его золотой краской. Приглушенный свет лился из высоких окон.

Фов и Эрик остановились у чугунной ограды изысканного рисунка, преграждающей доступ к высоким резным дверям, центру храма.

Фов, посмотрев в путеводитель, выяснила, что они стояли перед дверями, за которыми хранились свитки Торы, когда синагога была еще действующей. Фов пыталась представить, что бы она увидела, если бы ей разрешили войти в эти двери и проникнуть в святилище, но так и не смогла.

Эрик услышал, как она завистливо вздохнула, и потихоньку увел ее туда, где позади похожего на драгоценную гемму внутреннего храма располагались полукруглые лестницы, ведущие на резной балкон.

Фов осторожно перегнулась через перила, резные, напоминающие кружево, и посмотрела вниз. Прошлое — вот оно, совсем близко. Атмосфера пустующей синагоги оказалась настолько насыщенной, что так же трудно было представить ее пустой, как и нелегко вообразить ее паству. Как и все оставленные людьми святы места, где когда-то очищались человеческие души, здесь гудела скрытая энергия, заставляющая праздного посетителя замолчать.

Когда в зал вошла толпа туристов, Фов и Эрик торопливо спустились вниз и

отправились в музей, расположенный в подвале на месте бывшей еврейской пекарни.

Там они снова оказались в одиночестве. Две стеклянные витрины, заполненные фотографиями и документами, располагались в центре зала, а вдоль стен шли узкие освещенные стеллажи.

Фов рассматривала фотографии. Снимки, даже очень старые, принадлежали к более современной эпохе. Фов медленно бродила по залу, все с меньшим интересом разглядывая документы, старые письма и афиши. Но вдруг она резко остановилась у фотографии, датированной 1913 годом. На нее смотрел исполненный достоинства пожилой мужчина с тонкими белоснежными усиками, в черном сюртуке и черной шляпе с полями, загнутыми на типично провансальский манер. Рядом с ним стояла темноглазая величественная женщина в длинном черном платье, туго стянутом в талии. Небольшая вуалетка прикрывала ее седеющие волосы.

— Эрик! — воскликнула Фов. — Подойди сюда, посмотри! Здесь сказано, что эти люди были последними представителями еврейской общины Кавальона.

— Да, они производят впечатление, — отозвался он, удивленный ее эмоциями.

— Обрати внимание на их фамилию! Это же месье и мадам Ашиль Астриук! Такую же фамилию носил мой прадедушка. Так что эти люди могут быть моими родственниками, пусть и дальними. — У Фов брызнули слезы. Эрик молча стоял рядом, нежно обнимая ее за плечи.

Спустя несколько минут в музее появились первые туристы.

— Думаю, что нам пора уходить, — прошептал Эрик. Фов согласно кивнула головой и, бросив последний взгляд на пожелтевший снимок, пошла за ним вверх по лестнице на улицу.

— Я бы с удовольствием выпил кока-колы, — сказал Эрик, — а ты?

— Мне бы тоже хотелось чего-нибудь холодного и сладкого, — призналась Фов, и они вернулись в кафе и почти рухнули на стулья. Ими овладело чувство, которое охватывает всех экскурсантов, которым разрешили путешествовать во времени.

Эрик взял путеводитель и с любопытством перелистал страницы.

— Интересно, сколько евреев жило в Кавальоне? Сейчас посмотрим. Здесь говорится, что совсем немного, не больше трехсот человек. Но уже после 1793 года еврейской общины в Кавальоне не существовало. Есть еще список последних членов общины. Его сделали по архивам Кавальона и распределили фамилии так, чтобы проследить их происхождение.

Фов взяла у него книгу.

— Здесь больше всего французских фамилий. Многие просто брали название города в качестве фамилии. Есть Каркассоны, Кавальоны, Монте, Диньи и даже... Люнель.

— Люнель? — переспросил Эрик.

— Да, Люнель! Значит, где-то есть местечко с таким названием. О Эрик, может быть, мы сумеем найти его на карте? Вдруг он еще существует! — Позабывшая об усталости, Фов выглядела так, словно была готова сию же секунду отправиться на поиски неизвестного Люнеля. Эрик залюбовался ею, улыбаясь ее горячности.

— Города так просто не исчезают, Фов. Я найду его для тебя. Но не сегодня. — Он отобрал у нее путеводитель и посмотрел ту страницу, которую она читала.

— Есть еще фамилии, взятые из иврита, как Коэн или Иегуда, а есть латинского происхождения, как фамилия Астриук. Аструм по-латыни означает звезда. И последнюю группу составляют фамилии тех, кто приехал в Кавальон из других стран. Есть Лиссабон, Любин, Поул и другие...

— Почему ты замолчал, Эрик?

— Это все время, Фов! Оно все уносит прочь, — пробормотал он.

Если бы он знал достаточно, если бы располагал документами, он бы наверняка смог проследить родословную Фов до тех времен, когда римляне строили мост Стражников. Почему столько знаний оказались утерянными? Почему об этих людях забыли?

— Не огорчайся. — Фов догадалась о его чувствах. — Мы ничего не знаем, это так досадно... Эрик, мы оба такие невежды. Мы просто позорище.

— Точно, позорище.

— Но представь, — глаза Фов расширились, — только представь, как Люнели и Астриюки, Любины и Каркассоны идут все вместе в синагогу... Они все знают друг друга, их семьи столетиями живут по соседству. Я вижу их, а ты?

Эрик молчал, глядя в ее покрасневшее, очаровательное лицо. Он ощутил, как прошлое отпустило его и ему невероятно хорошо и радостно в настоящем.

— Я не вижу никого, кроме тебя.

— Эрик, — укорила его Фов, — куда подевалось твое воображение!

— Я люблю тебя.

— Что?

— Я люблю тебя. А ты любишь меня? Скажи мне, дорогая!

— Не знаю. Я никогда раньше не влюблялась, — прошептала Фов.

— Посмотри на меня, — попросил Эрик.

Она медленно подняла на него глаза, и в них он безошибочно увидел то, что ему так хотелось в них увидеть. Эрик едва не вскрикнул от радости.

— Но я не собиралась влюбляться! — запротестовала Фов.

— Теперь уже поздно, — победоносно возвестил Эрик.

Огромная мастерская в «Турелло», где работал Жюльен Мистраль, была его единственным домом последние сорок лет.

И что теперь? Откуда это ощущение пустоты, нахлынувшее внезапно, пока он смотрел на незаконченное полотно? Откуда это раздражение, это беспокойство, это чувство незавершенности?

Месяц назад Мистраль понял, все дело в отсутствии Фов, и бесполезно убеждать себя в том, что дочь вернется и будет снова работать рядом с ним.

Но он нуждался в ней.

После смерти Тедди Жюльен Мистраль решил для себя, что никогда больше не будет ни в ком нуждаться. Он оставил Фов без колебаний и не видел ее восемь лет, ведь он боялся, что она напомнит ему о Тедди. Когда Мистраль не увидел в ее лице ни малейшего сходства с матерью, у него отлегло от сердца. Ни один мужчина не может дважды любить так, как он любил Тедди, и остаться в живых. Ему было не по силам снова стать заложником судьбы. Девять месяцев в году Фов проводила в Нью-Йорке, время текло медленно, но Мистраль не испытывал боли. Он знал, что в июне дочь снова вернется к нему и они вместе проведут все лето.

Если бы ему сказали, что Фов может оставить его, он бы никогда не поверил. Фов бросила его ради Эрика Авигдора. Она была дочерью Жюльена Мистраля лишь до того вечера, когда встретила этого мальчика.

Где Фов провела все эти дни? Она говорила, что они ездили в Арль, Кавальон, Ним. Как обычные туристы! Банально... О чем бишь она говорила в тот вечер, когда наконец удостоила их своим присутствием за ужином? О каких-то памятниках архитектуры, кажется. Мистраль считал, что куда приятнее и полезнее смотреть на цветущую вишню. И еще эти ее разговоры о жизни евреев в Провансе...

Против евреев Мистраль ничего не имеет, они его попросту не интересуют, впрочем, как магометане или индуисты. Почему Фов так очарована прошлым, которое не имеет к ней никакого отношения и так мало значит в современном мире?

Как раз накануне вечером, раздраженный до крайности, Мистраль спросил Фов, когда у нее наконец пройдет увлечение религией. И потом, почему бы ей не посещать католические соборы, раз ее родственники по отцу были католиками? «Соборы слишком доступны, — ответила его дочь, страшно довольная собой. — Они повсюду, в каждом городе их несколько. Это старинные здания, но в них нет тайны».

Мистраль отложил в сторону палитру. Он мерил шагами студию, а в его душе нарастала паника. Уже середина июля. Еще шесть недель, и Фов уедет в Штаты. На следующий год ей будет уже семнадцать, а ему семьдесят. Семьдесят, подумать только! Но это всего лишь цифры. У него больше энергии, больше любопытства, чем в пятьдесят.

Мистраля беспокоило поведение дочери, а не груз прожитых лет. Покоренная вниманием первого в ее жизни молодого человека, она стала легкомысленной, ветреной, ее переполняет пустой энтузиазм. Ей придется в конце концов спуститься с облаков на землю, только и всего.

Каждое лето Мистраль писал портрет Фов, но в этом году она почти не бывала дома, для отца у нее не оставалось времени. Все их милые привычные занятия — уроки живописи,

позирование, совместные походы в кафе в Фелисе, — все было забыто из-за этого несносного парня.

Мистраль снял холст с мольберта и небрежно поставил у стены. Двигаясь с легкостью юноши, спешащего на свидание к возлюбленной, он подошел к чистым холстам и выбрал самый большой. Портрет в полный рост, ода, гимн Фов Люнель и ее мини-юбке. Ей это понравится.

Фов и Эрик искали в букинистическом магазине Авиньона книги, которые могли бы им помочь восполнить пробелы в их знаниях по истории. Пока им не очень везло, но Эрик не терял оптимизма. Он заметил странное выражение на лице девушки.

— Что случилось, Фов?

— Все дело в моем отце.

— А что такое? Послушай, я знаю, что он меня не любит. Никто бы не смог назвать Жюльена Мистралья лицемером. Когда я приезжаю за тобой, он едва удерживается в рамках приличий, но я же чувствую.

— Нет, дело не в тебе.

Фов присела на лестницу, которая вела на второй этаж магазина, и обняла руками колени. Ее наряд напоминал нижнее белье актрисы в старом фильме про ковбоев. Это был последний крик моды в бутиках юга.

— Каждое лето отец писал мой портрет, — продолжала Фов. — Он хочет, чтобы я начала позировать ему с завтрашнего дня. Я не могу ему отказать, Эрик, не хочу его обижать. Это наша с ним традиция. Я и так чувствую себя виноватой из-за того, что отказалась от его уроков. Он больше о них не заговаривает, когда мы встречаемся за завтраком, но я знаю, что у него на душе. О боже...

— Это просто удивительно, что у тебя хватает сил ему противостоять, — заметил Эрик.

— Я должна, — просто ответила Фов. — Это вопрос самосохранения. Отец не понимает, что он заставляет меня подражать ему. Видишь ли, папа считает, что существует только его путь в живописи, единственно верный... Он ни разу не сказал ни одного доброго слова ни о ком из живущих художников. Он восхищается только теми, кто уже умер. Но его работы — это отражение состояния его души, и этому невозможно научиться.

— Значит, все эти годы занятий с ним...

— Нет, они не прошли даром. Я овладела техникой, необходимыми навыками, и у меня неплохо получается, скрывать не буду. Но ведь точно так же пишут и другие художники. Я узнаю, есть ли во мне что-нибудь, только когда найду собственный стиль. Но мне его никогда не найти, если я буду продолжать учиться у отца.

— Почему ты ждала так долго, прежде чем принять решение?

— Еще в прошлом году мне нравилось писать так, как он. Этакое подражание Мистралю. В Нью-Йорке я хожу в художественную школу, и преподаватели боятся критиковать мои работы из-за преклонения перед отцом, потому что я пишу в его манере. Я не могу добиться от них правдивой оценки. Я не сразу это поняла. Видимо, я несколько туповата.

— Ничего подобного, Фов, ты просто еще очень молода, — успокоил ее Эрик.

— Отец всегда слишком меня хвалил, — задумчиво добавила Фов. — Писать я могу, но как не слишком способный Мистраль. Если я хочу создать что-то свое, то его уроки станут для меня убийственными.

— А ты не можешь поговорить с ним, объяснить, заставить его понять?

— Полагаю, что мне удастся продвинуться не дальше первой фразы. Но я должна ему позировать, этого мне не избежать.

Эрик уселся у ее ног.

— И сколько на это уйдет времени?

— Отец намеревался работать несколько часов с утра и несколько часов после обеда. Но я сказала, что смогу позировать только по утрам. Он возразил, что у нас остается всего шесть недель. Но я настояла на своем. Я буквально разрывалась надвое, Эрик. Я никогда никого не предавала, а теперь я чувствую себя предательницей по отношению к вам обоим.

— Это не так. Ты сохранила верность нам обоим. Дорогая моя Фов, не мучай себя. Я знаю, что занимал все твое время. Нельзя во всем обвинять твоего отца. У нас останется вечер. Смотри, я хотел приберечь это на потом, но тебя просто необходимо развеселить. — Эрик достал тяжелую старую книгу в кожаном переплете и вручил ее Фов. — Хочешь верь, хочешь нет, но мама отдала мне ее только вчера. Она случайно вспомнила о ней.

— «История евреев Авиньона и графства Венессен», автор Арман Моссе, — прочитала Фов. — Здесь должно быть все! — возбужденно воскликнула она. — Это здорово! Ты уже заглянул в нее?

— Нет, я подумал, что мы прочитаем ее вместе, но теперь у нас остается не так много времени. Бери ее себе, будешь читать в свободные минуты. Может быть, ты сможешь это делать во время позирования.

— С моим отцом такие штучки не пройдут. Ничто не должно отвлекать меня, мне позволено только дышать. — Фов прижала книгу к груди. — Она попала в хорошие руки. Интересно, с какого времени начинается рассказ?

— Я заглянул в начало, и, судя по всему, евреев выслали из Рима при императоре Тиберии, приблизительно в двадцатом году нашей эры.

— О! Я ожидала чего-то более современного.

— Ты надеялась на «Унесенных ветром» в еврейском варианте?

— А почему бы и нет?

Фов стояла на помосте в мастерской отца в шокирующе коротком розовом мини-платье, том самом, которое она надевала в тот вечер, когда познакомилась с Эриком. Пусть она не могла быть с ним, но в ее силах было надеть тот наряд, в котором она впервые встретила его. Ей просто необходимо было чувствовать контакт с ним каждую минуту.

Она неохотно согласилась позировать отцу по утрам, но эти сеансы оказались на удивление полезными. У Фов наконец появилось время подумать об Эрике. Они проводили вместе практически все дни, а вечером она возвращалась домой, совершенно сбита с толку его поцелуями. Ей некогда было предаваться размышлениям. Она просто не верила, что такое счастье и в самом деле возможно. Фов жила в волшебном мире, где рядом с ней был Эрик, и он любил ее. Встреча с ним изменила всю ее жизнь, превратив прошедшие без него годы в одинокий и далекий остров, который она покинула, ни разу не оглянувшись назад.

Фов стояла в туфлях без каблуков, поставив ступни под прямым углом друг к другу, перенеся вес на одну ногу, чуть согнув другую, повернув к отцу голову и свободно опустив руки. Мистраль сказал, что эта поза будет данью Дега, тем более что розовая юбка Фов была короче любой балетной пачки и может развеселить даже самого ворчливого старика.

Но для нее сейчас куда более реальными, чем шаги отца по мастерской, были густые

волосы Эрика под ее пальцами, шрам в форме полумесяца под его правым глазом, след от падения в пятилетнем возрасте.

Ее губы ощущали нежную кожу Эрика возле уха, когда она осыпала его лицо поцелуями. Эрик говорил, что у нее самые нежные губы на свете, а она ответила, что ей не с чем сравнивать, потому что ни один из мужчин, которых ей доводилось целовать, ей не запомнился. Фов улыбнулась, вспомнив, как напрягся Эрик, услышав эти слова. Он, конечно, потребовал от нее ответа, скольких она уже целовала. Немногих, ответила она и уточнила: нескольких, понимая, что этим дразнит его. Она не могла удержаться и заставляла его ревновать, потому что он был на четыре года старше. Фов понимала, что у Эрика уже был некоторый опыт, хотя он никогда не упоминал об этом, а у нее нет.

Он был невероятно щепетилен по отношению к ней, всегда помнил, что ей только шестнадцать. Фов нахмурилась, не подозревая о том, что Мистраль замечает малейшую перемену в выражении ее лица. Лучше бы она солгала Эрику, когда он спросил ее о возрасте. Ну почему она не сказала, что ей восемнадцать! При ее росте она бы легко заставила его в это поверить. Как бы то ни было, теперь Эрик знал, что ей едва лишь исполнилось шестнадцать, и оставался галантным идеалистом, не желавшим воспользоваться ее неопытностью.

Накануне вечером они поужинали в недорогом, но хорошем итальянском ресторане в Вильнев-лез-Авиньон, а потом отправились в сад у гостиницы «Монастырь».

Так как персонал гостиницы занимался гостями, заполняющими каждый вечер ресторан при отеле, они сумели проскользнуть незамеченными через гараж и бойлерную в обнесенный высокой каменной стеной цветущий рай, наполненный ароматом раскрывшихся бутонов и освещенный веселыми китайскими фонариками.

Они долго бродили там, обняв друг друга за талию, и наконец остановились под грушевым деревом в самом дальнем углу сада. Фов и Эрик оказались совершенно одни, и она прижалась к нему всем телом. Пусть она ничего не знает о том, как занимаются любовью, она научится. А Эрик нежно, но твердо отстранил ее.

Нет, сказал он ей, это совершенно невозможно, и Фов должна это понять. Если ее не остановить, то они зайдут слишком далеко и уже не смогут остановиться. Разве она не понимает? Она слишком молода, это неправильно, нечестно... Фов глубоко вздохнула, не зная, прав ли Эрик, подозревая, что он прав, и отчаянно желая его.

— Фов! Я не смогу работать, если ты не прекратишь гримасничать! Если ты не можешь удержаться от ужимок, уходи!

Она дунула на волосы, упавшие ей на лоб, и с выражением крайнего неудовольствия, произнесла:

— Я не гримасничаю, а думаю. Ты хочешь написать портрет безмозглой куклы или думающей женщины?

— Что ж, ты права, хотя думающей женщиной я бы тебя не назвал. Ладно, давай сделаем перерыв.

Фов сошла с помоста, с наслаждением потянулась, подошла к креслу в углу и села, взяв книгу, которую дал ей Эрик. И в ту же секунду она забыла обо всем, поглощенная чтением.

Мистралью эта книга была хорошо знакома. Когда Фов начала позировать ему, она принесла ее с собой. Во время каждого перерыва она читала, часто останавливалась, чтобы прочесть тот или иной отрывок вслух. Наконец, окончательно выведенный из себя Мистраль

заявил, что это отвлекает его, мешает сконцентрироваться на работе. Частые перерывы вредят творчеству художника, не говоря уже о насильственных уроках истории.

— Хорошо, — легко согласилась Фов, — я не буду тебя отвлекать. Но это совершенно невероятно, я расскажу тебе позже, — и тут же вернулась к чтению. Кто бы мог подумать, что еще прошлым летом во время подобных перерывов они говорили о живописи, Фов забавляла его историями о Софи и Луизе, оказавшихся — кто бы мог подумать! — внучками его приятелей по самой первой команде, с которой он играл в шары.

И вот теперь Фов сидит, поглощенная историей, которой верить нельзя, и ведет себя так, словно ей открылась истина.

— Готова продолжать? — спросил он.

— А... Да, конечно. Кстати, отец, ты будешь очень возражать, если мы закончим сегодня на полчаса раньше? Родители Эрика приехали на несколько дней в Экс на музыкальный фестиваль. Они пригласили нас на обед в ресторане «Вандом». На дорогу понадобится не меньше полутора часов, а мне не хотелось бы опаздывать. Ты не против? Мы только сегодня закончим пораньше.

Что он мог сказать ей? Настоять, чтобы она осталась? Заставить завтра позировать на полчаса дольше? Фов не в первый раз уходила раньше по той или иной причине. Было время, когда они понимали друг друга. Фов позировала, и как будто звучала легкая мелодия, которую он смог оценить только теперь, когда она исчезла. Ее место заняли чувство долга и абстрактная привязанность со стороны дочери.

— Разумеется, Фов, ты можешь ехать. Если хочешь, закончим сейчас.

— Отец, ты просто душка! Спасибо! — Фов вскочила с кресла, торопливо обняла его и выбежала из мастерской, не потрудившись даже скрыть облегчение.

И все же, заметил Мистраль, свою книгу она забрать не забыла. Его лицо стало сердитым и замкнутым, на нем проступили морщины от боли и уязвленной гордости.

Если стилем называть полное совпадение внешнего вида с личностью человека, когда вы выглядите именно таким, какой вы есть на самом деле, то Надин можно назвать в высшей степени стильной, размышляла Фов, входя в столовую, где для редкого совместного ужина собрались Мистраль, Кейт и Надин. Ее сводная сестра только что приехала из Парижа, намереваясь провести в «Турелло» несколько дней, пока ее муж заканчивал какую-то сделку. Мистраль презирал Филиппа Дальма, за которого Надин вышла замуж, и по молчаливому уговору между Кейт и Надин о нем упоминали только в случае крайней необходимости.

Когда Фов впервые приехала в Прованс к отцу, Надин исполнилось пятнадцать с половиной, но уже тогда она выглядела очень изысканно. С течением времени первое впечатление лишь подтвердилось. В двадцать три года Надин, как отличной огранки бриллиант, была холодна и блестяща. Ее белокурые волосы обрамляли лицо двумя гладкими прядями, о которые, казалось, можно обрезать. Глаза она подвела четкими черными линиями, не забыв о зеленых тенях, придавших ей сходство с древней египтянкой.

Нос не выглядел острым, но белоснежные крепкие зубы напоминали о том, что их предназначение — кусать. Губы безукоризненно изгибались в улыбке, и Фов вынуждена была признать, что Надин неотразима. Невозможно было не смотреть на нее. Она всегда притягивала к себе взгляды.

Надин Мистраль демонстрировала себя такой, какой она была на самом деле, не пытаясь скрывать своего отношения к себе. О ее превосходстве кричали безукоризненные

белые льняные брюки, элегантная черная блуза, перехваченная поясом на тоненькой талии, и великолепная пара серег из оникса в окружении сияющих бриллиантов.

Во внешности Надин никто не нашел бы ни малейшего изъяна. Неизвестно, сколько часов в неделю тратит ее сводная сестра, чтобы так выглядеть, но Фов не сомневалась, что другие женщины могут потратить целую жизнь, пытаясь добиться непринужденной элегантности Надин, и у них ничего не получится. Потому что в последнюю минуту они все же решат добавить к наряду нитку жемчуга, или распушат волосы, или украсят себя цветком. Надин была в своем роде минималисткой, заявлявшей о себе наименьшим из возможного количеством элементов в единственно возможном сочетании.

Намерение Кейт Браунинг полностью посвятить себя мужу, охватившее ее в тот день, когда она впервые увидела Жюльена и его работы, распространилось и на Надин. Четыре года, проведенных без Мистралья, сначала увлеченного Тедди Люнель, а потом бродившего по свету, заставили ее сосредоточиться на материнских обязанностях. Да, для нее было важнее всего оставаться мадам Жюльен Мистраль, но на втором месте теперь стояло счастье ее дочери и ее положение в жизни.

С того момента, как Надин вышла замуж, Кейт постоянно испытывала бессильную ярость по отношению к Мистралю, который стоял между ее дочерью и ее правом стать самой богатой наследницей во Франции. Со временем Надин унаследует все, что принадлежит Мистралю: драгоценные картины, сложенные в огромной комнате-сейфе, богатое, приносящее постоянный доход поместье «Турелло», счет в банке, все капиталовложения. Огромное состояние согласно французским законам перейдет к Надин, но пока бедной девочке приходилось работать, чтобы поддерживать привычный уровень жизни.

Два года назад Надин вышла замуж за Филиппа Дальма, которого в прессе всегда называли «инвестором». Задолго до встречи с Надин его имя уже не сходило со страниц газет, но это были разделы светской хроники и сплетен. Филипп прославился многочисленными связями с самыми богатыми женщинами. За ним также закрепилась слава «самого быстрого холостяка в Париже», потому что к тридцати девяти годам он так ни разу и не был женат.

Дальма был посредником. Он сводил тех, кто нуждался в деньгах, с теми, кто намеревался их вложить. Но почему-то комиссионных едва хватало на то, чтобы вести безбедную холостяцкую жизнь.

Господин Дальма прославился как «самый лучший в мире гость». Веселый, красивый и гетеросексуальный, он оставался пределом мечтаний любой хозяйки дома.

Когда Надин познакомилась с этим чувственным мужчиной, превыше всего ценящим удовольствие, которое получал сам и дарил другим, она сразу же преисполнилась решимости заполучить его, несмотря на окружавший его ореол недоступности. Филипп со своей стороны, помня о приближающемся сорокалетию, собрался положить конец своей славной холостяцкой жизни. Он не хотел провести зрелые годы в качестве гостя в чужих домах, пусть и самых роскошных и приветливых.

Надин удалось выйти за него замуж, но только потому, что она появилась в жизни Дальма в нужный момент. Ей исполнилось двадцать один год. Филипп не мог не остановить свой выбор на ней, свежей, сияющей, безупречной, будущей наследнице Жюльена Мистралья. Знаменитый холостяк никогда бы не женился ради денег, но и бесприданница была бы ему не по средствам.

Надин Мистраль и Филиппа Дальма отличала невероятная, глубоко укоренившаяся поверхностность во всем. Они уделяли максимум внимания форме, поэтому вдвоем являли миру необычайно декоративную пару, можно сказать, редкий антиквариат. Как только хозяйки парижских салонов смирились с потерей Филиппа в качестве веселого холостяка, они стали соревноваться между собой за право принимать у себя супругов Дальма, ставших примером того редкого случая, когда муж и жена вместе становятся единственной звездой вечера.

Кейт пришлось позабыть об амбициях, которые она питала по поводу дочери, но она не могла отрицать, что Надин обожала мужа. Мистраль, проведя полчаса с зятем, пришел к выводу, что тот совершенно пустой, никчемный человек. Мистраль объявил, что Надин не получит никакого приданого, а в качестве свадебного подарка он купил супругам средних размеров квартиру на авеню Монтень. И то Кейт пришлось убеждать его, что отделаться меньшим они никак не могут.

Мистраль отказался платить им месячное содержание, хотя с легкостью мог это сделать, и предупредил Кейт, что до его смерти дочь ничего не получит. Она не могла даже делать им дорогие подарки. Мистраль, всегда позволявший жене принимать за него все решения по поводу финансов, вдруг решил сам вести переписку с дилерами и банкирами. Так что Кейт потеряла возможность свободно распоряжаться внушительными суммами, и теперь муж выдавал ей деньги только на ведение хозяйства в «Турелло». Из полновластной хозяйки она превратилась в экономку и управляющего в одном лице. Кейт затаила обиду. Но Надин отнеслась к нововведениям философски, помня о том, что отцу почти семьдесят. Что ж, придется временно сократить расходы. А пока ей казалось даже забавным, если не сказать шикарным, говорить друзьям, что она зарабатывает себе на жизнь. Ведь никто не сомневался в том, что скоро она станет невероятно богатой.

Надин нашла для себя занятие, выгодно подчеркивавшее ее совершенство. Она работала с Жаном Франсуа Альбеном, единственным из французских кутюрье, кто мог похвалиться такой же международной известностью, как и Ив Сен-Лоран. Обязанности Надин были расплывчаты. Она не занималась рекламой, потому что переговоры с прессой по всему миру вела Лили де Мар, прошедшая стажировку у Диора. Дизайн одежды или ее продажа также оставались вне ее компетенции, как и все остальные стороны жизни Дома моды Альбена. Надин занимала должность лучшего друга Жана Франсуа Альбена.

Она стала единственным существом в мире, без которого кутюрье не мог работать. Надин служила буфером между ним и всем миром, который представлялся Альбену полным врагов или, в лучшем случае, людей, не умеющих чувствовать. Кутюрье верил, что только Надин никогда ему не солжет. Он не сомневался, что лишь она не ищет никакой выгоды от общения с ним. Что может получить дочь Жюльена Мистрала от дружбы с любым дизайнером одежды, даже самым знаменитым?

Для Альбена Надин Дальма стала той идеальной женщиной, для которой он создавал свои модели. Он наделял ее почти мистической силой, позволяющей ей успокаивать, вдохновлять его и вдыхать в него новую жизнь. В момент кризиса он больше всего нуждался в Надин. Анри Гро, партнер Альбена по Дому моды, получавший огромные прибыли от продажи трех наименований духов и нескольких лицензий на пошив одежды, с радостью платил Надин неплохие деньги за ее преданность Альбену, хотя ее роль могла показаться весьма расплывчатой. Такой уязвимый творец, как Жан Франсуа Альбен, должен был во что бы то ни стало получать все, что ему требовалось, дабы он мог по-прежнему создавать по две

коллекции в год.

Когда Надин рассказывала родителям и Фов о своей работе за ужином, ее высокомерная, горделивая манера говорить не изменила ей, потому что это была не маска, не поза, а суть ее натуры. Она на самом деле гордилась своей жизнью. Она говорила как всегда спокойно, уверенно, чуть тише, чем было принято, так что людям поневоле приходилось прислушиваться к ней, прекращая все другие разговоры.

— Видишь ли, отец, Жан Франсуа пережил кризис. Новая коллекция была уже полностью закончена, до последней пуговицы, и вдруг в прошлую среду он позвонил мне среди ночи в полном отчаянии. Когда я приехала в ателье, он собирался порезать ножницами все свои творения. Я мягко увела его оттуда, как если бы он был лунатиком, и сказала, что мы поедем в лучшую клинику в Сен-Клу, где он сможет пройти курс лечения сном до понедельника. И я оставалась с ним рядом до той минуты, пока он не заснул. Я все время держала его за руку. Когда я приехала за ним в понедельник, передо мной предстал совершенно новый человек.

— И часто это случается? — спросила Кейт.

— Последние несколько месяцев у него одни неприятности, — объяснила Надин. — Пятеро наших новых манекенщиц ушли работать к Живанши. Летний дом на Сардинии, о котором я тебе говорила, причиняет только хлопоты. Кроме того, Жан Франсуа никак не может найти общий язык с декоратором.

«Вот это да!» — подумала Фов.

— К счастью, — продолжала Надин, — я избавила его от большинства забот. Этот год просто ужасен. В конце концов, Альбен не может не замечать, что стал объектом культа. А ничто не делает человека столь уязвимым, как всеобщее восхищение. Но что Альбен может сделать? Он обязан выставляться снова и снова, должен рисковать, должен меняться.

— Что же он должен менять? — резко спросил Мистраль, отодвинув тарелку.

— Длину, отец. Жан Франсуа уверен, что мини умерло и пришло время предложить максимальную длину. Но разве эти коровы из публики осмелятся последовать за ним? Смогут ли они подняться до его высоты? Альбен в таком ужасе перед покупательницами и прессой, что я просто не представляю, как он сможет с ними встретиться по окончании показа.

— Тогда зачем он все это делает? — проворчал Мистраль.

— Если кутюрье не выйдет на подиум и не поклонится зрителям, отец, снова поползут слухи. В свете станут говорить, что он покончил с собой, принял слишком большую дозу наркотиков или попал в сумасшедший дом. Этого Жан Франсуа не вынесет.

— И сколько же лет Жану Франсуа? — поинтересовался Мистраль.

— Никто точно этого не знает, даже я, но мне кажется, около сорока.

— Этот тип ведет себя как ребенок. А когда живешь в мире детей, то поневоле опускаешься до их уровня, — раздраженно заметил Мистраль.

— Хватит разговоров о Жане Франсуа, — вмешалась Кейт, торопясь спасти беседу. Ей слишком хорошо было известно мнение мужа о высокой моде, и она представляла, какой ледяной станет Надин, как только услышит критику в адрес Жана Франсуа. — Надин, почему бы тебе не спросить у Фов, как та проводит лето? Девочка совершила удивительные открытия.

Надин посмотрела на мать и поняла по выражению ее глаз, что так и следует поступить.

Для общения им не требовались слова. Она едва заметно пожала плечами и повернулась к Фов:

— Ты сегодня удивительно молчалива, Фов. Я слышала кое-что о тебе и очень симпатичном молодом архитекторе. Неужели малышка Фов наконец снизошла до того, чтобы признать существование мужского пола? Ну и как первая любовь?

Надин говорила с таким холодным любопытством, что Фов вздрогнула. Она инстинктивно попыталась найти путь к отступлению, потому что знала: Надин примется играть с ней, как огромная кошка с незащитной мышью, пока не удовлетворит свой интерес.

— Мужской пол оказался весьма полезным. Не представляю, как я раньше проводила здесь лето, имея в своем распоряжении только велосипед. У этого парня своя машина, и мне удалось убедить его повозить меня по окрестностям. Я сумела увидеть за шесть недель больше, чем за прошлые восемь лет.

— Так у тебя к нему чисто туристический интерес? И ты ждешь, чтобы я тебе поверила, Фов?

— Хочешь верь, хочешь нет. Но я изучаю историю евреев в Провансе.

— Господи, как это странно! Мне казалось, они все в Париже!

— Так думают многие. — Фов едва не рассмеялась, радуясь, что ее маневр имел успех. Надин даже не спросила фамилию Эрика. — Евреи поселились здесь примерно две тысячи лет назад.

— Две тысячи лет? Ты уверена в этом, Фов? — В зеленых, как малахит, глазах Надин зажглось изумление.

— Абсолютно уверена.

Фов отложила вилку, радуясь возможности поделиться тем, что она узнала из книги Армана Моссе.

Девушка сыпала именами, датами, фактами, говорила о папах Александре VI и Юлии II как о своих друзьях, потому что и у того, и у другого личными врачами были евреи. С искренней ненавистью она рассказывала о папе Юлии III, который приказал сжечь Талмуд.

Она была настолько поглощена темой разговора, что не заметила, какими взглядами обменялись Кейт и Надин, когда она возмущалась тем, что пятьсот лет до Французской революции евреи были обязаны носить заметный желтый лоскут на своей одежде. Мистраль бесстрастно слушал, как она описывала ужасы старых гетто, которые запирали на ночь. Многие поколения евреев влачили там жалкое существование в тесных каморках, когда все остальные могли свободно селиться в плодородной долине Воклюза. Правила, жестокие и строгие, регулировали все аспекты жизни евреев. Никто не прерывал горячий монолог Фов. Она совершенно забыла о времени, когда Надин, покончив с сыром, безразлично поинтересовалась:

— Что с тобой, Фов? Почему это тебя так волнует? Все эти люди давным-давно умерли. Зачем говорить об этом так, словно это имеет значение? Это так странно.

— Ничего странного нет, Надин. Почти на каждой странице я встречаю фамилии Астрык и Люнель, фамилии моих родственников и... мою.

— Такая древность! Какое же это родство?

— Нет, черт побери, я так не считаю.

Горячность Фов заставила Мистралья нарушить упрямое молчание:

— Хватит! Когда ты вернулась из Кавальона, ты убедила меня, что евреям жилось совсем неплохо, с ними нормально обращались, а теперь ты перечисляешь все эти ужасы и

страдания. У тебя настоящая мания!

— Отец, я ничего не знала, жила иллюзиями. — Фов не испугало его неодобрение. — Синагога в Кавальоне была построена около двухсот лет назад, и я по глупости решила, что это говорит об идиллическом прошлом. Но теперь я знаю, что это был очень короткий период, когда евреям позволили жить относительно спокойно. При этом они все равно жили в гетто. До сих пор некоторые люди называют Прованс раем для евреев, но это если сравнивать эти места с другими, где евреев сжигали заживо. Прованс являлся всего лишь лучшей из тюрем для людей, не совершивших никакого преступления.

— Тюрьмой? — повторила Кейт, внимательно следя за выражением лица мужа, получившего отповедь от обожаемой дочери. Кейт была здесь единственной, кто догадывался о том, насколько неприятен Мистралю интерес Фов ко всему еврейскому. — Почему же тюрьмой, Фов? Мы не в ответе за то, что произошло с этими людьми. *Мы* никогда не были жестоки с евреями. Мы никогда не обращались с ними так, словно они совершили преступление. В самом деле, Фов, я поражена, что ты до сих пор не обвинила нас в том, что мы отправляли их в концентрационные лагеря.

Кейт играла роль перед Жюльеном Мистралем со дня их первой встречи. Ближе всего он подошел к пониманию ее истинной сути в тот момент, когда она предложила ему взять ее в жены. Она никогда не показывала ему своих подлинных чувств.

Вот и теперь мадам Мистраль безмятежно сидела перед туалетным столиком и снимала жемчуг. На пороге ее спальни появился взбешенный муж.

— Что тебя так волнует, Жюльен? — спокойно поинтересовалась Кейт. — Я согласна, что Фов напрасно завела эту скучнейшую беседу во время ужина, но стоит ли из-за этого так расстраиваться? Все девушки несносны в этом возрасте.

— Ты намеренно спровоцировала ее.

— Чепуха. В последнее время Фов невозможно сказать ни одного слова, она сразу же вступает в дискуссию. Стоит пожелать ей доброго утра, как Фов пускается в рассуждения о Стене плача. Чтобы мы могли спокойно есть, когда она за столом, ты должен запретить ей касаться этой темы.

— Невозможно запретить Фов говорить о том, что ее интересует. Она не из таких, — мрачно ответил Мистраль. — Черт бы побрал этого выродка Авигдора-младшего! Он стоит за всем этим.

— Ты несправедлив. Разумеется, мальчик подливает масла в огонь, но, если хочешь обвинить кого-нибудь, обрати свой гнев на Маги Люнель.

— Что это значит, черт побери?

— Иезуиты говорят: отдайте нам ребенка на первые семь лет жизни, и мы сформируем его навсегда. Ты отдал Фов бабушке, и она воспитала ее по своему образу и подобию, навязав девочке свои ценности. И потом, в Фов течет еврейская кровь, нравится тебе это или нет. Не стоит недооценивать такой факт, Жюльен. Каждому ребенку необходимо осознавать свою принадлежность к семье. Во всяком случае, так говорят психологи.

— Фов моя дочь, и она художница. Неужели ей этого мало?

— Возможно, Фов недостаточно осознавать себя только твоей незаконнорожденной дочерью. — Кейт положила в шкатулку браслеты, закрыла ее и принялась расчесывать волосы. — Иди спать, Жюльен: Ты нервидуешь меня, когда стоишь у меня за спиной.

Минуту спустя Мистраль уже торопливо шел к своей мастерской. Южную ночь освещали только крупные теплые звезды, спустившиеся необыкновенно низко. Мистраль не стал зажигать свет, а сразу же подошел к мольберту, на котором стоял незаконченный портрет Фов. Он долго смотрел, глубоко задумавшись, на прямоугольник холста, темно-серый на фоне ночного неба. Слова Кейт снова прозвучали в его голове: «Каждому ребенку необходимо осознавать свою принадлежность к семье». Как же она права! С самого рождения Фов он не смог дать ей свою фамилию. По французским законам он не имел права признать ее как свою дочь, она не могла называть себя Фов. Мистраль и поэтому носила фамилию Люнель и считала себя одной из них. Все лето она ускользала от него, и хотя ему удалось запечатлеть ее на полотне, за все эти годы он ни на шаг не приблизился к ней, не понял ее души. Даже позируя ему, Фов пребывала где-то далеко.

Мистраль мрачно отвернулся от незаконченного портрета. Какой смысл дописывать эту мазню? Он мерил шагами темную мастерскую и размышлял. Как поговорить с

шестнадцатилетней девочкой, как заставить ее внять голосу разума? Легче вести философские беседы с колибри. Если бы только Фов выросла в Фелисе рядом с ним! Если бы она не уезжала от него каждый год! Если бы она не ускользала, если бы время остановилось!

Художник понял, что найдет утешение только в собственных работах. Он отпер дверь хранилища, включил верхний свет и двинулся вдоль рядов картин, выбирая то одну, то другую наугад, рассматривая их так, словно никогда раньше не видел. Мистраль погладил шероховатую поверхность краски, ощущая каждое движение кисти, каждый мазок, и постепенно успокоился. Они будут жить. В них его душа. В этом странном помещении без окон есть все, что можно сказать о Жюльене Мистрале.

В хранилище был один уголок, куда он никогда не заглядывал. Там хранились портреты Тедди. Их перевезли в его мастерскую и перенесли в хранилище, но сам он так ни разу и не взглянул на них.

И теперь он медленно приблизился к одной из полок и вынул полотно наугад. Это оказался незаконченный портрет Тедди, который он начал писать в Сен-Тропезе. Она сидела в саду на полосатых качелях, держа Фов у своей груди и вглядываясь в лицо малышки.

Даже в самых мучительных снах Мистраля Тедди не была такой красивой, как на этом портрете. Он написал ее с огромной любовью, и от холста, казалось, исходило радостное сияние. Мистраль сразу же убрал его, торопливо вышел из хранилища и бросился прочь, подальше от «Турелло». Очнулся он, только оказавшись в дубовой чаще. Он сел на землю, тяжело дыша, словно убегал от смертельной опасности. Зачем он это сделал? Зачем обрек себя на новую боль?

Как человек инстинктивно отпрыгивает в сторону от кипятка, так прятался от боли Мистраль, не позволяя себе вспоминать Тедди. Он представил себе тот фрагмент холста, где его рука запечатлела малышку Фов. Уже тогда от нее исходила жизненная сила. Мистраль не забыл, как ему передали завернутое в ярко-розовую пеленку крошечное тельце, как он сразу понял, как назовет дочку. Гнев против Фов, который рос в нем все эти месяцы из-за того, что он потерял свою власть над ней, вдруг исчез.

Прислонившись спиной к дереву, Мистраль думал о Фов, и любовь к дочери позволила ему понять ее. Он осознал то, что мучило ее, услышал те вопросы, на которые девочка искала ответ. Кто я? Что такое жизнь? Куда я иду? Кто жил до меня?

Конечно, Фов пыталась найти ответы на эти вопросы, ведь она так же романтична, как Тедди. Понятно, почему она увлеклась прошлым. На краткое мгновение Мистраль позволил себе представить иную жизнь, в которой Фов могла вырасти под нежным, любящим взглядом Тедди, где у нее были бы и отец, и мать, и она жила бы в безопасности, под их защитой, купаясь в их любви. Он застонал от отчаяния. Впервые в жизни Мистраль осознал, что он не единственный, кого безжалостно лишили любви Тедди Люнель. А он так никому и не показал этот портрет Тедди с Фов на руках. Даже Фов.

Мистраль замер, пораженный тем, что неожиданно пришло ему в голову. Как же он раньше об этом не подумал? Его суровое лицо воина озарилось радостью, в глазах засветилась решимость, смешанная с острой душевной болью. Он понял, как дать Фов ощущение, благодаря которому он оставит свой отпечаток на ее жизни. Девочка не станет искать другого наследия. Он, ее отец, обладал властью и возможностью дать ей наследство, а вместе с ним и чувство причастности не к тем, кто давно ушел, а к его жизни, к нему, ее отцу.

Жюльен Мистраль до сих пор не составил завещания. В свое время его мать неприятно удивила его, оставив треть состояния какой-то подруге, с которой она часто вышивала вместе. Когда Мистраль спросил адвоката о законности этого шага, ему ответили, что любой человек имеет право оставить треть того, что имеет, совершенно постороннему человеку. Оставшиеся две трети будут разделены между законными наследниками, независимо от желания завещателя.

С точки зрения закона, Фов ему чужая. Она не вправе ничего унаследовать, как его дочь, рожденная от преступной связи лица, состоящего в браке, но как чужой человек, она может получить одну треть. О, какие минуты это сулит ему! Они проведут много времени в хранилище, отбирая картины, которые перейдут в собственность Фов, оставляя те, которые достанутся Надин и Кейт, если жена переживет его.

Фов навсегда останется в его жизни. Какая пыльная книжка по истории привяжет ее к отцу сильнее, чем владение лучшими из полотен, созданных им. Какие архитектурные сказки, какие тома, какие списки давно умерших людей подарят ей более сильное чувство причастности, чем осознание того, что ее отец, при жизни, отдал ей все, что мог, из своего драгоценного наследия? Его работы — это он сам.

Мистраль встал и отряхнул листья и травинки, прилипшие к брюкам. Когда он возвращался в «Турелло», его силуэт в свете звезд казался таким же молодым, как в тот день, когда он впервые увидел эту провансальскую ферму, определившую его судьбу.

— Кейт, пожалуйста, распорядись, чтобы приготовили две комнаты для гостей, — сказал Мистраль жене на следующее утро, когда она в одиночестве сидела у бассейна.

— Ты пригласил кого-то? — удивилась Кейт. Их светская жизнь целиком была в ее власти.

— Приедут два человека, которые будут есть с нами, так как в округе им поесть негде. Вероятно, они пробудут у нас неделю или дней десять.

— Жюльен, о чем ты говоришь? Это какой-то абсурд.

— Я решил составить завещание. Мои картины необходимо оценить. Утром я позвонил Этьену Делажу, и он объяснил мне, что прежде всего нужно оценить картины и только потом составлять завещание. Иначе после моей смерти государство само займется их оценкой и, разумеется, определит максимально высокие цены, чтобы наследники заплатили больше налогов. Но если произвести оценку при моей жизни, то я имею право назначить одного из оценщиков, государство пришлет второго, и они найдут приемлемый компромисс. Именно эти два господина и приедут к нам. Этьен нашел для меня оценщика, который постарается отстоять наименьшую из реальных цен, это его специальность.

— Как предусмотрительно со стороны Этьена. Могу я узнать, почему ты решил составить завещание?

— Я оставляю Фов треть моего состояния, ту часть, которая может отойти чужому человеку. — Он взглянул на Кейт, пытаясь увидеть на ее лице следы разочарования, паники, обиды, но ее глаза скрывали солнечные очки, а лицо оставалось бесстрастным. — Прошлой ночью я вспомнил о такой возможности. Твои слова не выходили у меня из головы. «Каждому ребенку необходимо осознавать свою принадлежность к семье». И я понял, что должен сделать. Разумеется, вы с Надин получите оставшиеся две трети. Я намерен оставить Фов ее долю исключительно в картинах, так как бессмысленно было бы оставлять ей треть фермы или вложений в стране, где она не живет. Это означает, что я установлю полную

стоимость «Турелло», прибавлю к ней наши счета в банке и все капиталовложения, а также оценку картины, чтобы девочка честно получила свою треть.

— Понимаю, — безжизненно ответила Кейт.

— Да. Кстати, я не забыл, что серия «Рыжеволосая женщина» принадлежит тебе. Ты сделала отличное вложение, Кейт.

— Именно так.

— Я хочу их у тебя выкупить.

— Неужели?

— Они должны отойти к Фов. В конце концов, это семейные портреты. — И Мистраль улыбнулся так, как не улыбался уже многие годы.

— Пожалуй, но ты представляешь, сколько они теперь стоят?

— Я заплачу любую цену.

— Отлично.

— Что ж, мы обо всем договорились, — Мистраль встал и вздохнул с явным облегчением. — Так ты скажешь Марте о гостях? Оценщики приедут через два дня.

— Разумеется, — ответила Кейт. — А ты уже говорил с Фов?

— Нет еще. Я поговорю с ней вечером, когда она вернется, чтобы переодеться. Сегодня она идет на какую-то вечеринку. — Мистраль ушел в мастерскую, весело размышляя о том, что дочь может и погулять напоследок. Завтра ее за уши будет не оторвать от сокровищ, таящихся в хранилище.

Кейт сидела совершенно неподвижно, пытаясь справиться с острой болью, впившейся в нее словно железные клещи в мягкое, податливое дерево. Значит, мало ему было оставить Надин без приданого, заставить ее работать, ожидая его смерти? Он решил обокрасть ее, приравняв законного ребенка к ублюдку, рожденному американской потаскухой!

Или он полагает, что Кейт не догадывается о его намерении отдать Фов самые лучшие работы? Если Фов получит свою треть картинами, оставив им с Надин землю, деньги и капиталовложения, то Мистраль может отдать ей практически половину того, что хранится в комнате без окон. При мысли об этом Кейт судорожно втянула в себя воздух и согнулась пополам, прижимая руки к животу.

Как он смеет так поступать с ней? Она, Кейт Браунинг, вытащила наверх никому не известного художника, сделав из него великого Жюльена Мистраля. Он до конца жизни со всеми потрохами принадлежит ей, черт бы его побрал! Он не имеет никаких прав, кроме тех, что она позволит ему иметь. Что за рассуждения старого дурака о возможности поделить его работы, когда все до последнего холста принадлежит ей и только ей одной?

Жюльен Мистраль — это ее творение. Во что бы он превратился, если бы она не стала его женой? Он упустил бы свой шанс, и другой художник купался бы в лучах славы. И тем не менее это ничтожество смеет говорить о том, что он отдаст свои работы Фов?!

Ее муж создал только то, что она, Кейт, позволила ему создать. Если он отдаст картины, то лишит ее того единственного, что принадлежит ей одной. Этого он сделать не может. Этого он сделать не должен. Парализованная собственной яростью, равной которой по силе она никогда в своей жизни не испытывала, даже тогда, когда Жюльен бросил ее ради Тедди Люнель, Кейт сидела в шезлонге до тех пор, пока приступ неукротимой рвоты не заставил ее сорваться с места и броситься в ванную комнату. Ненависть изливалась из нее потоками желчи.

Когда свота прекратилась, Кейт была уже абсолютно спокойна и знала, что ей следует сделать.

— Фов, прошу тебя, войди и закрой за собой дверь, — Кейт дожидалась возвращения девушки на лестнице.

— Конечно, но надеюсь, что это ненадолго? Я выгляжу как чучело, а Эрик вернется в шесть. Мы вместе поедem на вечеринку.

— Нет, я тебя не задержу. Фов, ты же не догадываешься о том, как расстраивают твоего отца дискуссии, подобные вчерашней.

— Да, Кейт, я понимаю, что вчера чересчур разболталась. Я уже думала об этом сегодня, и мне самой не понравилось, что я одна говорила за ужином. Этого больше не повторится. Мне, честное слово, очень жаль.

— Дело не в том, как долго ты говорила, Фов, а в самой теме разговора. Ты все время заговариваешь о страданиях евреев.

— Что?

— Я надеялась, что мне никогда не придется говорить с тобой об этом, но теперь я вижу, что это необходимо. Видишь ли, твой отец... Когда ты так говоришь о евреях, ты бредишь его старые раны.

— Вы хотите сказать, что это напоминает ему о Магали?

— Я совсем не это имела в виду. О твоей бабушке я и не подумала. Нет, Фов, все намного серьезнее, и мне непросто объяснить тебе это.

— К чему вы клоните, Кейт? — спросила Фов, удивленная странным выражением на лице всегда холодной, бесстрастной жены отца.

— Фов, тебе только шестнадцать. Ты всегда жила в спокойном, безопасном мире, хотя всего за десять лет до твоего рождения в Европе полыхала война, и катастрофы, которые ты не можешь даже вообразить, случались каждый день.

— О господи, — медленно сказала Фов, — вчера вечером вы говорили о концентрационных лагерях... Вы думали о том, что случилось с евреями во время войны, правда? Вы пытались предостеречь меня, Кейт... Боже мой, мне так жаль! Я и подумать не могла, что это расстроит отца! Мне не приходило в голову...

— Фов, ты не дослушала меня. Я говорю об оккупации Франции и о том, что здесь происходило при немцах. Когда я вернулась в Фелис после войны, Марта Полиссон, которая никуда не уезжала из «Турелло», рассказала мне о том, о чем я предпочла бы промолчать. — Кейт жадно вглядывалась в изумленное лицо Фов, с которого уже исчезло сияющее, возбужденное выражение, с которым она вошла в комнату. — Фов, тебя захватила тема евреев, живших в Провансе, и я старалась тебя отвлечь. Видит бог, для этого у меня были причины. Я надеялась, что в конце концов ты потеряешь к этому интерес. Увы, я вынуждена объяснить тебе, почему не следует больше касаться этой темы. Видишь ли, Жюльен Мистраль живет только ради искусства. Ты ведь догадываешься, что значит для него работа? Ты знаешь, что живопись — это для него все, смысл его жизни?

— Но папа не только художник, он человек, личность, — негромко ответила Фов.

— Твой отец не похож на других. Как все гении, он отличается от простых людей. Я узнала об этом, прожив с ним вместе годы, и не жду, что ты поймешь меня сразу же. Но поверь, гениям чуждо обычное человеческое сострадание, человечность как таковая, именно потому что они гении.

— Я не понимаю вас, Кейт.

— Этого я и боялась. Приведу тебе пример, который будет красноречивее любых слов. В последние годы войны, когда немцы были повсюду, они добрались и до Фелиса. Почти всех пригодных для работы мужчин угнали в Германию... — Кейт замолчала и печально покачала головой.

— И?

— Твоего отца забрали бы тоже, если бы не заступничество высокопоставленного немецкого офицера, с которым он подружился.

— Я вам не верю.

— Разумеется, Фов, ты мне не веришь. Поэтому я и говорила о том, как трудно мне будет все тебе объяснить, даже такую мелочь.

— Мелочь?

Кейт с удовлетворением заметила, как побелело лицо Фов. А ведь она практически ничего ей еще не сказала. Как мудро было с ее стороны завоевать расположение Марты Полиссон. Эта женщина, несомненно, тиран, но сплетничает с удовольствием.

— Этот офицер оказался любителем искусства. Он доставал для твоего отца краски, чтобы тот мог продолжать работать, вычеркнул его фамилию из списка тех, кого должны были угнать на работу в Германию. Твой отец создал несколько шедевров за эти годы, но, если бы люди узнали об этом, его бы назвали коллаборационистом.

— Почему вы мне об этом рассказываете?

— Чтобы ты поняла, как много требует от твоего отца его гений. Когда Жюльен рассказал немцу о молодых бездельниках, укравших у него его драгоценные простыни — во время войны он использовал их вместо холста, — он не подозревал, что это партизаны. Это было трагическое недоразумение, и он так и не смог простить себе этого. Их было двадцать человек, все расстреляны на месте. Жюльен никогда бы и не узнал, что с ними случилось, если бы немец не вернул ему простыни.

— Я не верю ни единому вашему слову. — Фов буквально захлебывалась от ярости. — Вы намеренно лжете мне, да и какое это имеет отношение ко вчерашнему ужину? Я говорила о том, как евреи жили в Провансе до Великой французской революции, а не во время войны!

Кейт вздохнула и на мгновение закрыла лицо руками. Вот оно, радостно подумала она, наконец-то!

— О Фов, — слабо заговорила она. Ее голос звучал негромко, просительно, словно умоляя девушку проявить благоразумие. — Это был всего лишь пример. Во время войны происходит много печального, трагического, непоправимого. Я всего лишь хотела показать тебе, какой была ситуация в Фелисе, когда евреи обратились к твоему отцу за помощью.

— Евреи? Какие евреи?

— Еврейские семьи из Парижа, пытавшиеся спастись от оккупации, перебраться в свободную зону. Они шли и шли к нему под предлогом того, что когда-то дружили с ним в Париже или приезжали сюда перед войной по его приглашению. Иногда это были всего лишь знакомые его знакомых. Марта рассказала мне об этом... О Фов... Это так сложно объяснить человеку твоего поколения... Что ты можешь знать о войне? — Кейт ссутулилась в кресле, ее лицо стало замкнутым и серьезным.

— Что сложно объяснить? — Сердце Фов отчаянно билось, ей казалось, что она вот-вот потеряет сознание. Девушке хотелось убежать из спальни Кейт, словно дом был охвачен

огнем и ей грозила смертельная опасность.

Кейт сделала вид, что собирается с силами, и спокойно продолжала, не поднимая глаз от ковра:

— Твой отец приказал Марте и Жану построить стену внизу на шоссе, чтобы закрыть дорогу в «Турелло». Он не хотел, чтобы беженцы, евреи или французы, беспокоили его, мешали ему работать. Разумеется, ему пришлось закрыть главные ворота, потому что люди пробирались сюда и сквозь леса. Твой отец понимал: стоит ему проявить слабость, позволить хотя бы одному еврею провести ночь под его крышей, он окажется в опасности. Любой француз, помогавший евреям, рисковал жизнью.

— А как же те французы, которые все-таки помогали евреям, сражались в Сопротивлении, подрывали немецкие поезда? — напряженно поинтересовалась Фов.

— Это были обычные люди, Фов, их жизнь значила меньше, чем жизнь твоего отца. Ему пришлось выбирать между живописью и помощью беженцам. Я абсолютно уверена, что Жюльен сделал правильный выбор. Я молюсь, чтобы ты согласилась со мной. Твой отец считал, что должен быть верным только своей работе. Ты достаточно взрослая, чтобы понимать это.

— Взрослая, — повторила Фов. — Взрослая?

— Но пойми, они должны были уйти! Их никто не звал сюда, а они все шли и шли. Они могли нарушить его душевное равновесие. Эти евреи помешали бы ему писать, даже если бы никто ни о чем не узнал. Но рано или поздно в деревне все становится известно, и кто-нибудь мог донести на него властям. Поэтому, Фов, твои разговоры о евреях огорчают отца... Он вспоминает всех тех людей, которые приходили сюда и звонили в колокольчик у входной двери.

— Откуда вам об этом известно? Вас здесь не было! Если вы говорите так со слов Марты, то я не поверю ни единому вашему слову, потому что она лжет!

— Ты все еще не понимаешь, Фов. Зачем мне лгать тебе? Речь шла о работе твоего отца, разве ты не знаешь, что это значит? Ничто не может быть важнее.

— Лгунья!

— Спроси Адриана Авигодора, если ты не веришь мне.

— Что?

— Ты слышала. До войны он был лучшим другом твоего отца. Но твой отец даже ему не открыл дверь. Авигдор сам мне об этом рассказал, когда отказался дальше вести дела Жюльена. Я ждала, что Адриан тебе обо всем расскажет, и боялась этого. Судя по всему, Авигдор проследил за судьбой тех, кто приходил сюда. Это были в основном люди искусства. Его личная неприязнь к твоему отцу была просто пугающей. Он вел себя так, словно твой отец был в ответе за то, что в Европе шла война, что многие из этих несчастных погибли.

— Погибли...

— Фов, я была обязана сказать тебе. Ты должна прекратить дискуссии на исторические темы за столом. Прошу тебя, дай мне слово...

Кейт не пришлось договаривать фразу до конца. Она смотрела вслед Фов, вылетевшей из ее спальни. Нет, ничего важного она не упустила. Дело сделано.

Когда Фов ворвалась в мастерскую Мистраля, тот работал над ее портретом, излучавшим удивительную энергию и жизненную силу. Ему удалось понять дочь, и он сумел

передать то, что от него ускользало раньше. То, что ему не удавалось несколько недель, он смог сделать за один день.

— Слава богу, ты вернулась! Мне так много надо тебе сказать. — Мистраль отбросил кисть и подошел к Фов, чтобы поцеловать ее. Она остановилась на пороге и вытянула вперед руку в протестующем жесте.

— Отец, ты в самом деле отказался дать приют евреям во время войны? Ты слышал, как они звонили у ворот, и не впустил их?

Мистраль остановился как вкопанный. Неожиданная атака дочери лишила его способности мыслить здраво.

— Авигдор, — прорычал он. — Что, черт бы его побрал, он тебе наговорил?

— Так это правда! — выкрикнула Фов. Ее надежда умерла в ту секунду, когда отец произнес имя Авигдора. — Ты когда-нибудь думаешь о них, о тех евреях, которые погибли из-за тебя?

Она отвернулась, но не настолько быстро, чтобы не заметить выражения его лица. Кейт сказала ей правду.

Мистраль потянулся к дочери, но ее уже не было. И он не посмел идти за ней. Он стоял, дрожа, посередине пустой мастерской, и не знал, что предпринять. Потом он принялся аккуратно закрывать изнутри все окна и двери, чтобы защитить себя от той ненависти, которую он увидел в глазах Фов.

Эрик Авигдор приехал за Фов через три четверти часа и с удивлением увидел, что девушка ждет его у ворот «Турелло». Ее чемоданы стояли на подъездной дорожке, через руку она перекинула плащ.

— Куда мы едем, дорогая? — весело поинтересовался он. Эрик был готов исполнить любой каприз Фов.

— Пожалуйста, Эрик, отвези меня на станцию в Авиньоне.

— Ни в коем случае. Если ты поссорилась с твоей так называемой сестрой, я сейчас же пойду в дом и сломаю ей ноготь.

— Эрик, прошу тебя, не надо шутить...

Фов всхлипнула, и Эрик понял, что она плакала еще до его приезда. Все ее лицо было залито слезами.

— Господи, что с тобой случилось? — встревоженно воскликнул он, но Фов только отчаянно затрясла головой, уселась на переднее сиденье и обхватила себя руками. Эрик быстро закинул чемоданы назад и попытался обнять девушку, успокоить ее, но та резко оттолкнула его.

— Увези меня отсюда, — сказала она таким тоном, что Эрик не стал больше ни о чем спрашивать и тут же завел мотор. Только когда они выехали на главное шоссе, Эрик решился заговорить снова:

— Фов, расскажи мне, что произошло. Прошу тебя, милая, позволь мне помочь тебе. Я знаю, что смогу это сделать.

— Нет, Эрик. — Ее голос был еле слышен.

— Фов, неужели ты мне не веришь? Что могло произойти такого ужасного?

— Я не могу об этом говорить. — Плакать Фов перестала, но на ее лице появилось выражение безнадежности, потерянности, отчаяния. Эрик испугался по-настоящему. Он остановил машину на обочине.

— Фов, я никуда дальше не поеду, пока ты мне все не расскажешь. Ты в ужасном состоянии.

Она молча распахнула дверцу, выпрыгнула на дорогу и протянула руку за чемоданом. Эрик обхватил ее запястье и втянул обратно в машину.

— Что ты делаешь, Фов? Ты что, с ума сошла?

— Если ты не прекратишь задавать мне вопросы, я поеду в Авиньон автостопом. Кто-нибудь наверняка остановится и довезет меня.

— Ладно, не кипятись. Ты победила. Но почему ты не хочешь со мной поговорить? Разве ты не знаешь, как сильно я люблю тебя?

Его нежный голос, обещание помощи, уверения в любви привели к тому, что Фов совершенно потеряла контроль над собой. Она разрыдалась, как ребенок, всхлипывая, шмыгая носом, но в этом плаче Эрик ощутил такую страшную потерю, что едва снова не остановил машину. Ему казалось, что мирный пейзаж вокруг них превратился в мрачную пустыню. К тому времени, как они въехали в пригород Авиньона, Фов успокоилась, но в ее молчании он чувствовал пустоту и безысходность.

— Пожалуйста, высади меня на вокзале. Я дождусь вечернего поезда.

— Я останусь с тобой.

— Мне бы этого не хотелось.

— Ты не можешь мне помешать.

Они сели на лавочке в здании вокзала. Фов смотрела прямо перед собой, замкнутая, отчужденная, словно отгородившаяся от остального мира. Эрик попытался взять ее за руку, но она отпрянула от него, вздрогнув при его прикосновении, и скрестила руки на груди. Только ее волосы, сияющие неукротимым огнем, напоминали Эрику, что перед ним та самая, любимая им Фов, праздничная, готовая вечно поддразнивать его, шутить и смеяться. А теперь она застыла в необъяснимом трансе, сквозь который не могла пробиться его любовь. Если бы он на самом деле был взрослым, если бы он только знал, что делать, в отчаянии размышлял Эрик, ненавидя себя за то, что ему только двадцать лет. Он не мог понять того, что Фов не в силах была поделиться с ним тем, что узнала, поскольку чувствовала ответственность за совершенное Мистралем. Она несла теперь на своих плечах невероятный груз стыда.

— Куда ты едешь? — наконец спросил Эрик.

— В Нью-Йорк.

— У тебя есть билет на самолет? — Фов кивнула. — А билет на поезд?

— Я куплю в вагоне.

— Давай я схожу в кассу.

— Нет.

— Фов, ты должна позволить мне сделать для тебя хоть что-нибудь, иначе я сойду с ума!

Фов пожала плечами — «поступай как хочешь», — и Эрик отправился за билетом, сэндвичами и бутылкой минеральной воды. Чувствуя собственную беспомощность, он скупил в киоске все журналы, хотя отлично знал, что Фов просидит всю дорогу до Парижа, глядя в окно и ничего не видя. С ней сделали что-то ужасное, и интуиция любящего человека подсказала ему, что ничто на свете не вернет ему ту девочку, которую он оставил несколько часов назад у ворот «Турелло».

— Спасибо, — невыразительно поблагодарила его Фов за покупки. — Прости меня,

Эрик.

— Ты будешь отвечать на мои письма?

— Да.

— Фов, прошу тебя, не забывай, что я люблю тебя и буду любить всегда. Если бы ты была всего на несколько лет старше, я бы никогда не отпустил тебя. Ведь ты знаешь об этом, правда?

— Да, Эрик, — ответила она, но его сердце сжалось при звуках этого равнодушно далекого голоса. Она хочет избавиться от него, вот и все. Эрик услышал шум приближающегося поезда. Люди вокруг них поднимались со своих мест и шли на перрон.

Состав остановился у платформы. Эрик первым вошел в вагон первого класса, нашел место для Фов, уложил ее чемоданы на полку, вручил пакет с провизией и журналы.

Она посмотрела на него, как раненое животное. Эрик нерешительно постоял с ней рядом несколько секунд, потом услышал свисток проводника и взял Фов за локти, заставив встать. Эрик заглянул ей в глаза.

— Мы так и не доехали до Люнеля, — сказал Эрик.

— Нет.

Поезд медленно тронулся, и Эрик поцеловал ее.

— Я обещал, что мы туда поедem, значит, так и будет. Ты моя единственная любовь, Фов. Никогда не забывай меня.

Он пробежал по коридору, выскочил на платформу и остался стоять на самом ее краю. Слезы заливали ему лицо. Он смотрел вслед поезду, увозящему на север его сердце.

Год спустя жарким летним днем Кейт Мистраль сидела в одиночестве после завтрака, дожидаясь, пока уедет муж. Уже несколько месяцев подряд он отсутствовал с утра до вечера. Мистраль никогда не говорил жене, где пропадает, но она достаточно хорошо знала его. Колесит по окрестностям в поисках вдохновения. Обычное дело. Довольно долго Мистраль ничего не писал и даже не заходил в свою студию. Кейт отлично понимала, что это связано с отъездом Фов из «Турелло». С тех пор Мистраль шесть раз отправлял письма дочери. Марта Полиссон, забиравшая почту у ворот, сообщила Кейт, что все они вернулись нераспечатанными. Интересно, как Жюльен пытался оправдаться, какую ложь сочинил? Когда Фов уехала, он сказал Кейт, что это всего лишь глупая ссора из-за того, что она проводит слишком много времени с сыном Авигодора.

Несколько недель назад Мистраль наконец решил написать Маги, и с тех пор Кейт со страхом ждала разоблачительного ответа. Накануне письмо наконец пришло, как раз перед отъездом Кейт в Апт, и Мистраль бросил его, не читая, в карман.

Вечером за ужином, который, как и все ужины после отъезда Фов, прошел в мрачном молчании, Мистраль выглядел сердитым, усталым и расстроенным. Он не замечал ни изысканных блюд, ни великолепно сервированного стола, ни ароматного ночного воздуха. Что такого написала ему Маги? Кейт должна была узнать об этом.

Как только она услышала, что машина мужа отъехала, Кейт немедленно поднялась в его спальню и заперлась там. Комната как всегда выглядела чистой и обезличенной, потому что настоящая жизнь Мистраля проходила не здесь. На ночном столике не оказалось письма, а только книга о евреях в Авиньоне, которую оставила Фов. Кейт видела ее и раньше, так как имела обыкновение обыскивать спальню Жюльена в его отсутствие. Зачем она ему понадобилась? Это так не похоже на Жюльена — намеренно мучить себя. Письменный стол

тоже оказался совершенно пустым. Кейт открыла по очереди ящики, наткнулась на пачки писем от поклонников и наконец нашла нужный конверт, и прочла короткую записку от Маги.

«Жюльен,

Я не имею ни малейшего представления о том, почему Фов не отвечает на твои письма и даже не читает их. Я пыталась поговорить с ней, но она отказалась со мной разговаривать на эту тему. Она была очень расстроена, и должна сказать, что каждое твое письмо только ухудшает ее состояние. Когда девочка увидела, что ты написал мне, она сказала, что я могу ответить тебе так, как захочу, но впредь она не желает даже знать о том, пишешь ты ей или нет. Она попросила меня возвращать все твои письма и не говорить ей об их получении.

Мне ничего не известно о том, что произошло между вами, и я не намерена вмешиваться. Что бы ты ни сделал, чтобы оттолкнуть Фов от себя, зло уже совершено и ничего не исправить. Мой собственный опыт общения с тобой таков, что я не имею ни малейшего желания усомниться в правильности ее решения.

Маги».

Кейт дважды перечитала письмо, вложила его обратно в конверт и вышла из комнаты.

Теперь она в полной безопасности. Нечего больше беспокоиться, о письмах. Фов ни за что не напишет отцу и не сообщит, кто рассказал ей правду. Они спасены. Картины, земля, капиталовложения, счета в банке — все достанется только Надин. Будущее ее дочери обеспечено.

Кейт никогда не была чужда ирония, и именно она заставляла ее теперь спокойно сидеть на солнце.

Накануне она побывала в Апте у доктора Эльбера, когда-то принимавшего у нее роды. Она предпочитала его другим специалистам. На прошлой неделе у нее началось кровотечение, через пятнадцать лет после менопаузы, и она неохотно отправилась к врачу, у которого уже давно не бывала. Доктор Эльбер сообщил ей, что у нее рак матки, и метастазы распространились на кишечник. Сколько ей осталось? Год, может быть, чуть больше или немного меньше, мадам Мистраль, но на этой стадии сделать уже ничего нельзя.

Никто не может ничего предвидеть. Кейт оглянулась вокруг. Все в порядке, ее империя процветает, она в безопасности, чужие ей больше не страшны. Впервые с того времени, как Тедди Люнель переступила порог «Турелло», Кейт наконец смогла почувствовать, что все принадлежит только ей... На год, может быть, чуть больше или немного меньше...

В середине июня 1974 года на втором этаже «Русской чайной» праздновали двадцать первый день рождения Фов Люнель. На вечеринку собрались двести человек, от каждого из которых исходило удовлетворение. Их значимость оказалась признанной, их пригласили на этот праздник.

Фальк, которого близкие друзья по-прежнему называли Мелвином, рассматривал собравшихся из-за больших очков с толстыми стеклами. В зале болтали, смеялись, жестикулировали те, кто обладал властью решать, как захочет выглядеть американская женщина. Все, кроме Фов. Где же она?

В последние пять лет Фальк виделся с ней реже, чем ему бы хотелось. Пока девочка росла, они встречались почти каждую субботу и отправлялись осматривать галереи, но в начале осени 1969 года она буквально повернулась спиной к искусству. Фальк не сумел бы подобрать более удачного выражения, чтобы описать перемены, произошедшие в Фов. Она просто-напросто отказалась идти с ним на крупнейшую выставку современного искусства, проходившую в музее Метрополитен.

Господь свидетель, у любого голова пошла бы кругом. Тридцать пять галерей представили тридцать пять ретроспектив тридцати пяти величайших художников современности. Но Фальк считал, что шестнадцатилетней девушке вполне по силам переварить такой коктейль, хотя даже он, ветеран вернисажей, был оглушен грохотом рок-группы, избытком впечатлений и сбит с толку размерами шоу. Но Фов почти впала в истерику, заявив, что не желает больше видеть ни одного произведения искусства. Фальк был уверен, что это несерьезно.

Но время шло, и Фальк понял, что отвращение Фов к искусству стало глубже, переросло в печаль, как будто она оплакивала его гибель.

Фальк иронизировал над настроением Фов, пока не понял, что она перестала сама заниматься живописью. Когда он прямо спросил ее о причине, она так же прямо ему ответила. Зачем ей продолжать работать, если она не в состоянии сказать ничего нового?

Кто бы мог представить, что Фов, окончив школу в семнадцать лет, решит начать работать на Маги, вместо того чтобы отправиться в колледж? И кто мог предвидеть, что она окажется на своем месте? К девятнадцати годам Фов Люнель пользовалась не меньшей известностью, чем сама Маги.

Фальк поздоровался с Маги, они обменялись грустными, понимающими улыбками. Они знали, что думают об одном и том же, не решаясь произнести это вслух: если бы только Тедди видела это.

Фальк отогнал печальные мысли, как делал это тысячи раз, женившись трижды на известных фотомоделях, став отцом четверых детей, унаследовавших гены своих матерей и давно переросших его, и огляделся по сторонам. Фотограф очень любил своих детей, но Фов вошла в его сердце еще до его первого брака, и он относился к ней, как к их с Тедди дочери. Но где же все-таки Фов?

Прежде чем отправиться на вечер в честь дня рождения Фов, Маги Люнель в последний раз оглядела себя в трехстворчатом, от пола до потолка зеркале. Итак, ее внучке исполнился двадцать один год.

Совершеннолетие не означало начала зрелости и взрослой жизни. Фов изменилась пять лет тому назад, но Маги знала об этом не больше, чем в то лето, когда она неожиданно рано вернулась из Франции. Это дитя навсегда изменил Жюльен Мистраль. Но Фов хотя бы вернулась к ней.

Прошел год, и Маги смирилась с тем, что она, очевидно, так никогда и не узнает, что же произошло на самом деле. Фов, такая непосредственная, открытая, живая, полная энтузиазма, не умеющая скрывать свои чувства, научилась хранить секреты.

Ее внучка всегда была любящей и легко прощала, но в случае с отцом она оставалась непреклонной. Она вычеркнула его из своей жизни. Сначала Маги сгорала от любопытства, но, когда дело касалось Жюльена Мистралья, было просто неразумно копать чересчур глубоко.

Первые годы Фов часто получала письма от того юноши, с которым познакомилась во Франции, и отвечала ему. Надо же, это был сын Авигдора! Но теперь письма приходили совсем редко, и Маги сомневалась, продолжают ли они еще переписываться. Но в конце концов Фов удалось вырваться из депрессии, в которой она пребывала.

Той весной, когда Маги впервые вздохнула с облегчением, они с Дарси как-то вечером отправились на ужин в «21». Метрдотель провел их к тому самому столику, за которым они сидели в далеком 1931-м, когда в этом ресторане тайком продавали спиртное.

Дарси, повинувшись глубоко укоренившейся привычке, всегда садился за этот столик.

— Ну почему, — спросила Маги, — мы должны всегда сидеть за этим столом у бара? Ты хотя бы отдаешь себе отчет в том, что мы ни разу не ужинали в главном зале? — Дарси посмотрел на нее с таким изумлением, словно его столик заняла какая-нибудь рок-звезда. — Я знаю наверняка, — продолжала Маги, — что наверху очень приятно. Я слышала, что там не так шумно и не так тесно. Там всегда ужинают Онассис, доктор Арманд Хаммер и Нельсон Рокфеллер... А мы всегда сидим здесь. Мне здесь совсем не нравится.

— Но ты никогда не хотела ужинать наверху. — Дарси выглядел оскорбленным. Любой человек, если он еще что-то значит, предпочтет ужинать в баре, где сохранился дух «сухого закона», когда Джек и Чарли подавали лучшее спиртное в городе.

— Откуда ты знаешь? — жалобно спросила Маги, с отвращением разглядывая скатерти в белую и красную полоску. — Там на столах постелены гладкие белые льняные скатерти, тяжелые, старомодные, накрахмаленные. Во всяком случае, так говорит Лалли. И на столиках всюду цветы, а не эти уродливые красные подставки для спичек. — Она вздохнула обреченно, печально, словно нищая девчонка, прижимающаяся носом к витрине с выставленными сладостями.

— Черт побери, если ты чувствуешь себя здесь такой несчастной, почему же ты не сказала мне об этом раньше? — рассвирепел Дарси. — Вставай, мы идем наверх.

— Нет, не стоит, слишком много хлопот. Я просто размышляла вслух, — прошептала Маги. — Не могу сказать, что я здесь несчастлива, просто я не нахожу себе места. — Она отпила глоток шампанского из высокого бокала. Официант сразу же откупорил бутылку очень сухого «Боллингера» урожая 1947 года, как только увидел, что Маги и Дарси сели за столик, где ужинали два-три раза в неделю. — Интересно, какова на вкус текила, — пробормотала она.

— Давай я закажу ее для тебя, — фыркнул Дарси, выразительно поднимая брови.

— Не стоит, мне все равно. Это так, минутный каприз. — На лице Маги появилось странное выражение, как будто ей и в самом деле было жаль себя, когда она отказалась от

текилы. — Я довольна и шампанским... Во всяком случае, ты всегда так считал... Просто не обращай на меня внимания...

— Что за дьявол в тебя вселился сегодня? — Дарси развернулся к ней.

Маги сидела перед ним такая же прямая, стройная, загадочная, словно сирена, как и в тот первый вечер, когда они ушли из дома Лалли, играя роль «мусорщиков, отправившихся на охоту». Тогда он впервые заглянул в ее золотисто-зеленые глаза и все пытался угадать, кто же на самом деле эта Маги Люнель.

— Я устала... — прошептала она.

— Едем домой, — встревожился Дарси. Маги никогда не уставала и не болела.

— Я устала от того, что ты считаешь, будто так все и должно быть. Я устала от того, что ты обращаешься со мной так, будто я не вынесу никаких перемен в привычной рутине... Я устала от недостатка твоего внимания, Дарси. Ты принимаешь меня как должное, — обиженно закончила Маги.

— Ничего подобного!

— Значит, ты это отрицаешь? — Слова хлынули потоком: — Еще бы! Ты совершенно бесчувственный, бездумный, неромантичный мужчина. С таким же успехом я могла бы отправиться ужинать с дядюшкой, отцом или даже дедушкой, а может быть, и прадедушкой!

— Что?! — в негодовании воскликнул Дарси.

— Не кричи на меня! Как давно ты в последний раз просил меня выйти за тебя замуж? — Ее лицо горело от возмущения.

— Достаточно давно. Именно тогда я решил больше не вести себя как последний распроклятый идиот! — Дарси даже поперхнулся от несправедливого обвинения.

— Ты не ответил на мой вопрос. — Маги была неумолима.

— Пятнадцать лет назад я просил тебя об этом. Нет, постой. Лет десять тому назад на Валентинов день я, как осел, попытал счастья в последний раз. Да, теперь я вспомнил. В тот вечер ты казалась такой необыкновенной, что я, старый, верный Дарси, задал тебе этот вопрос, хотя отлично понимал, что у меня нет никаких шансов. Так оно и вышло.

— Ага! — торжествующе вскричала Маги. — Так вот почему ты все время просил меня стать твоей женой! Ты наверняка знал, что я откажусь, и тебе ничего не стоило повторить благородный жест. Я всегда догадывалась, что ты ничем не лучше других, я видела тебя насквозь. Так вот: с меня хватит твоего пренебрежения! Я презираю твои уловки и не намерена с ними больше мириться. Это позор!

— Ты... Ты неблагодарная сука!

— Это предложение руки и сердца? — Глаза Маги сверкали от ярости.

— Разумеется, нет!

— Вот как! Значит, ты не желаешь брать на себя никаких обязательств? Слишком серьезное решение, не правда ли? — фыркнула Маги. — Что ж, Дарси, я даю тебе ровно одну минуту. Определись наконец с твоими приоритетами.

— Так ты делаешь мне предложение?

— Только совершенно негалантный мужчина может задавать женщине подобный вопрос. Как ты смеешь?

— Официант! Мы отправляемся ужинать наверх. Пришлите нам две двойные текилы со льдом. Мадам и я должны кое-что обсудить, а здесь слишком шумно.

Вот так они решили пожениться два года назад, вспомнила Маги. Лалли Лонгбридж заявила, что давно пора было с этим покончить, и как всегда оказалась права. Маги все еще

стояла перед зеркалом, словно в транс, когда вошел Дарси, одетый для вечеринки в честь Фов. Она посмотрела на их отражение в зеркале, и ее охватила блаженная радость. Как правильно она поступила, когда вышла за него замуж.

Дарси проглотил еще одну крохотную картофелину, начиненную черной икрой и смазанную сверху сметаной, и решил, что известный старый бонвиван, всегда говоривший, что икру нельзя есть стоя, определенно ошибался. Он взял еще одну картофелину и бросил ее в рот. Они с Маги стояли на верхней площадке лестницы и приветствовали прибывающих гостей в ожидании того момента, когда соберутся все приглашенные. И все-таки, куда исчезла Фов?

— Где же, черт возьми, Фов? — раздался у него за спиной мужской голос.

— Я думал, что она с тобой, — Дарси повернулся к Бену Личфилду, своему бывшему протеже. Молодой человек прошел под его присмотром путь от рядового сотрудника рекламного отдела до главного редактора «Женского журнала», самого большого и самого популярного издания для женщин. Бен удивил всех, когда занял такой высокий пост еще до того, как ему исполнилось тридцать.

— Как бы мне этого хотелось, — со вздохом отозвался Бен, — но мы не виделись с понедельника.

Бенжамен Франклин Личфилд был самым горячим и, судя по всему, самым удачливым из многочисленных поклонников Фов. Дарси был на стороне Бена, потому что он их сам познакомил около года назад.

— Ты не видел ее с понедельника? — переспросил Дарси. — Мне казалось, что вы часто встречаетесь.

— Это так, — простонал Личфилд. — Послушайте, Дарси, вы научили меня всему тому, что я знаю, о чем вы не перестаете напоминать мне, особенно при посторонних. Подскажите теперь, как заставить девушку принять ваше предложение?

— Терпение, мой мальчик, только терпение.

— Благодарю вас, сэр, вы так мне помогли.

— Видишь ли, женщины из семьи Люнель относятся к браку очень серьезно.

Если быть честным, напомнил себе Дарси, то только ему удалось жениться на одной из них, только он довел до алтаря одну из трех рыжеволосых красавиц Люнель. Одну из трех незаконнорожденных дам Люнель, пошутил он про себя, потому что Маги рассказала ему всю историю во время их медового месяца.

Дарси снова посмотрел вниз. Наконец-то! Как всегда блистательная Фов с длинными рыжими волосами в серебристом переливающимся платье бегом поднималась по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки. Она кричала на бегу:

— Магали! Прости меня, Магали, я опоздала!

Фов пришла на свой вечер не одна. Внучка Маги крепко держала за руку другую девушку. Во всяком случае, Дарси решил, что это создание ростом больше шести футов в клетчатой рубашке, комбинезоне и кроссовках, с очень коротко подстриженными соломенными волосами было девушкой.

— Магали, ты только посмотри, кого я тебе привела! Она приехала из Арканзаса, только что с автобуса. И знаешь, о чем я думаю?

Маги осмотрела девушку с ног до головы. Обычно топ-модели выглядели очень элегантно и изысканно. Как правило, у них были длинные волосы. А у этой «крошки» из Арканзаса зубы слишком выдавались вперед, она была чересчур костлявой, веснушчатой. Но

эти брови взлет... Девочка явно многообещающая. Значит, моделям суждено измениться. Фов можно было верить.

— Так ты из-за нее опоздала?

— Ага. Я была наверху в кабинете, мне хотелось кое-что уточнить перед вечером, а эта девушка вошла прямо с улицы. Она приехала на автобусе с друзьями, и они уговорили ее подняться. Так что мне пришлось сначала побеседовать с ними, потом позвонить ее родителям, объяснить, почему дочка не вернется, уверить, что я не работоторговец, найти ей квартиру... В общем, ты знаешь.

— И как тебя зовут? — спросила Маги.

— Ида Клегг.

— Что ж... Добро пожаловать в агентство «Люнель». Ты пьешь водку?

— Скажу честно, сегодня для меня многое впервые. — Голос девушки звучал с мягким южным акцентом. — Да, мэм, думаю, я выпью.

Маги повернулась к Фов, поцеловала ее и шепнула на ухо:

— Почему ты не оставила решение этого вопроса до завтра?

— Магали, у нее была бумажка с адресом агентства «Форд», — прошептала в ответ Фов.

— Почему же ты сразу мне не сказала? Я волновалась.

— Потому что Эйлин стоит позади тебя.

Маги обернулась и увидела Эйлин Форд. Ее соперница выглядела как всегда отлично и сохраняла вид девочки, которую в любом классе выберут старостой.

— С днем рождения, Фов, — тепло улыбнулась Эйлин.

— Спасибо, Эйлин.

— Ты должна очень ею гордиться, Маги.

— Да, я горжусь моей Фов.

— А это кто?

— Новая девушка, наше свежее открытие. Знакомьтесь, это Арканзас.

Эйлин пристально посмотрела на девушку в комбинезоне. Ее взгляд проникал насквозь, все видел, все замечал.

— Арканзас... А дальше?

— Просто Арканзас, — быстро среагировала Фов.

— Понятно. Очень патриотично. Добро пожаловать в Нью-Йорк, Арканзас.

Эйлин отошла, и она уже не выглядела такой счастливой.

— Кто была эта милая дама? — спросила Ида.

— А... Это была... — Маги не сразу нашлась.

— Она ничего для тебя не значит, — торопливо закончила Фов.

Не может быть, подумала Надин Мистраль Дальма, рассматривая счета от «Арены». Они наверняка ошиблись! Как она могла потратить двенадцать тысяч франков на цветы за последние несколько месяцев? «Арена» был самым дорогим и самым престижным цветочным магазином в Париже. С точки зрения Надин, было верхом недалководности посылать хозяйке дома букет из другого магазина. Сколько бы вы там ни потратили, нужного впечатления достичь все равно не удастся. За семь лет в роли мадам Филипп Дальма Надин отточила свое умение посылать нужные цветы в нужное время из нужного магазина.

Их называли самой завидной парой Парижа, напомнила себе Надин, сидя за письменным столом в своей модной гостиной, сражаясь с внушительной стопкой счетов, которыми она наконец заставила себя заняться. Большая их часть пришла уже месяца четыре назад от людей, которых не интересовало то, что она дочь Жюльена Мистраля, самая богатая — в будущем — наследница Франции. Ее отец, чтоб ему гореть в аду, собирался прожить не меньше ста лет, а кредиторы в Париже никогда не отличались любезностью англичан, всегда готовых ссудить наследнику денег в расчет на будущее состояние.

Надин снова внимательно проверила счет за цветы. Две миниатюрные орхидеи в фарфоровых кашпо для княгини Эдуар де Лобковиц. Как они могли поставить такую сумму, когда она сама принесла кашпо? А она еще так гордилась собой, когда нашла эти антикварные кашпо в замечательном магазине подарков на улице Севинье и сама принесла их в «Арену». Конечно, цветы обошлись намного дороже, но разве можно было послать банальный букет урожденной принцессе де Бурбон-Пармской? Надин хотела отблагодарить эту аристократку, включившую их с Филиппом в список гостей к обеду на двенадцать персон вместе с герцогом и герцогиней Юзесскими и герцогом и герцогиней де Торлониа. За столом прислуживали сразу четыре дворецких, еду подавали на двухсотлетием мейсенском фарфоре.

Ландыши для виконтессы де Риб она отправила только после двух приглашений на ужин в интимной обстановке с демонстрацией фильма и на один формальный ужин на сорок персон. Надин долго колебалась, прежде чем послать цветы самой элегантной женщине Парижа. Наконец она сообразила, что подойдут только самые простые. Разумеется, не меньше четырех дюжин... Иначе на них никто бы не обратил внимания. Цветы для Элен Роша, для принцессы Гислен де Полиньяк... Надин отложила счет в сторону. Она больше не сомневалась в его правильности, как и в необходимости посылать цветы, которую она приняла, вступив в очень узкий круг парижского высшего света.

Эти люди составляли крошечный срез парижан, но для Надин только они имели значение.

Известные хозяйки дома никогда не приглашали гостей только потому, что те уже бывали у них раньше. Каждое приглашение, даже на самый многочисленный вечер, обсуждалось, рассматривалось со всех сторон, взвешивались все «за» и «против». Надин легко могла представить, как хозяйка дома задает себе вопрос: зачем мне приглашать супругов Дальма? В цене ли они еще? У Филиппа статус не изменился, титула нет, достижений нет, а теперь он еще и женат. Но вот его жена, близкий друг Жана Франсуа Альбена... Его последняя коллекция просто чудо... И они оба все еще очень декоративны.

Ладно, их можно пригласить еще раз. Ведь Надин, в конце концов, дочь Мистраля.

Три года назад Надин уже спрашивала себя, как долго их будут терпеть, эту чету Дальма, таких забавных, декоративных и бедных? Может быть, еще год... Именно тогда Надин пришла к выводу, что они не могут дольше позволить себе выставлять напоказ свою необеспеченность. Общество отвергнет их.

Надин не знала, что делают все эти люди, которых не зовут на ужин в аристократические дома, и ее тело цепенело, у нее холодели пальцы от ужаса. Как они живут за пределами единственного значимого мира? Неужели они не понимают, как низко пали, как мало значат, как кошмарно их положение? Она считала этих людей ниже себя, в них не было ничего человеческого.

Надин поднесла к глазам счет от Ленотра, самого лучшего поставщика в Париже. Ему она платила огромные суммы. Каждые три месяца Надин устраивала коктейль, планируя дату таким образом, чтобы она приходилась на день громкой театральной премьеры или большого бала. Ее гости могли удовлетвориться великолепными закусками на буфете, понимая, что основная еда ожидает их позже. Выписывая чек на огромную сумму, Надин размышляла о том, что нет большей глупости, чем пользоваться услугами второсортного поставщика. Небольшие коктейли Надин Дальма пользовались известностью среди тех, кто ценит все первоклассное.

Иногда супруги Дальма принимали приглашение тех, чей социальный статус казался им несколько сомнительным, но никогда не принимали этих людей у себя, хотя те надеялись на ответное приглашение и обижались, не получив его. Надин не сомневалась в правильности своих поступков. Четыре коктейля в год для самых лучших гостей придавали хозяйке дома больший вес, чем десяток обедов едва ли не для первых встречных. К тому же коктейли обходились намного дешевле.

Кто бы мог подумать, что Дальма небогаты? Лучшие цветы, лучшие продукты, лучшие клубы. Филипп принадлежал к поло-клубу и клубу «Гольф де Сен-Клу». Вот и счета оттуда.

Надин быстро выписывала чеки, стараясь поскорее закончить с неприятной обязанностью, и размышляла о том, за что им не приходится платить. Все эти расходы, несомненно значительные, составляли лишь крохотную часть их реальных трат. Огромный гардероб Надин постоянно обновлялся, и его шили только в Доме Альбена, поэтому он обходился ей даром. За квартиру они также не платили. Супруги путешествовали на частных самолетах своих друзей, катались на лыжах в их шале в Швейцарии, проводили недели на частных пляжах. Надин могла завтракать «У Максима» и в «Плазе», где за нее платил Дом Альбена. И разумеется, каждый вечер они ужинали вне дома.

Надин тратила совсем мало наличных и только там, где это могли заметить. В самой модной парикмахерской, где она бывала практически ежедневно, она давала щедрые чаевые. Если жена греческого судовладельца или принцесса могут себе позволить экономить на этом, обычная мадам Дальма этого не могла.

Обычная мадам Дальма... Надин встала и прошлась по гостиной. Почему, ну почему, она вышла замуж за бедного мужчину? Уже в который раз задавала она себе этот крайне неприятный вопрос. Почему мать не предупредила ее? Почему ей позволили совершить подобную глупость? Да, она была увлечена Филиппом, но ведь кто-то мог остановить ее? Дальма оказался еще и дураком, неспособным завершить ни одной сделки за семь лет их совместной жизни.

Когда-то Надин, безусловно, любила его. Иначе как объяснить, почему она так

распорядилась деньгами, которые оставила ей мать? Кейт умерла от рака четыре года назад, и Надин получила куда более значительное наследство, чем могла рассчитывать. Половину состояния она потратила на замок в Нормандии, поддавшись на уговоры Филиппа и исполнив его давнюю мечту о собственном доме. Он отказывался бросить эту затею, хотя им не хватало денег на реставрацию и замок оставался непригодным для жилья. Филипп утверждал, что не может расстаться с ним, и потом, скоро у них будет очень много денег.

Любовь к Филиппу... Наверное, она существовала, иначе почему бы Надин позволила ему выкупить еще и долю в новом ночном клубе, который должен был составить конкуренцию клубу Жана Кастеля. Кастель каждый вечер отказывал сотням клиентов, так что еще одно подобное заведение было просто необходимо.

Филипп и его партнер не сомневались, что знают всех, кого требуется. Все эти вечно скучающие дети, которыми представлялись им завсегдатаи ночных клубов, отправлялись на поиски развлечений часов в одиннадцать вечера. Но Дальма и его компаньон не ведали, что им не нужен никакой другой клуб, кроме привычного, дорогого, знакомого Кастеля. Через год Филипп вышел из дела, потерпев колоссальные убытки.

Да, либо Надин в самом деле любила его, либо не видела дальше своего носа. После провала затеи с ночным клубом Филипп вел себя так, словно во всем была виновата Надин. Он дулся, сердился, ныл, наказывая Надин за то, что она не могла дать ему еще денег. Муж стал слишком ленивым, чтобы тратить на нее свое очарование.

Надин запечатала конверты, в которые она разложила чеки, и отнесла их в спальню. Она возьмет их с собой к Альбену, оттуда их отправят в понедельник. Зачем покупать марки, когда ее секретарша может послать все с общей почтой? Надин распахнула огромный шкаф в спальне и принялась внимательно изучать свой гардероб. На миллион франков платьев, обуви, шляп, мехов, белья, и за все это она заплатила своей гордостью. А теперь приходится еще оплачивать и услуги химчистки...

Прошло уже много лет с тех пор, как Надин поняла, что она ненавидит Жана Франсуа Альбена. Она не могла вспомнить, когда именно она осознала, что представляет собой не лучшего друга великого кутюрье, не его музу, а всего лишь высокооплачиваемую, уважаемую, хорошо одетую няньку для хнычущего, слабого, в высшей степени эгоистичного, часто жестокого вечного ребенка, обладавшего одним-единственным талантом, который так высоко ценили окружающие.

Они оба разыгрывали фарс, не позволяя себе вслух произнести неприятную правду. Но в противном случае Надин потеряла бы престиж и возможность даром одеваться в великолепные наряды. Альбен, когда его увлечение Надин прошло, выяснил, что шикарная, высокомерная женщина очень ему полезна. Теперь он требовал от нее, чтобы она водила его нервных афганских борзых к ветеринару, нанимала и увольняла прислугу, рассылала благодарственные письма, встречалась за обедом с его самыми богатыми и при этом совершенно невыносимыми клиентками, избавлялась от его любовников на одну ночь, которые становились чересчур навязчивыми, покупала ему гашиш и была в его распоряжении сутки напролет.

Этим вечером Надин предстояло сопровождать Альбена от одной группы гостей к другой на рауте по случаю его собственного дня рождения, на который он отказывался идти, несмотря на то, что у нее ушли недели на подготовку. В душе ее бушевала ярость. Альбен просто невыносим, ей ненавистен даже звук его голоса, но эта работа дает единственный

источник доходов «завидной паре Дальма». И этого заработка едва хватает на их насущные нужды, он не покрывает счетов за цветы, подобных тому, который она только что оплатила. С тех пор как затея с ночным клубом провалилась, супруги жили в основном на то, что Надин брала в долг у Этьена Делажа, дилера ее отца. Кто еще одолжил бы ей денег в расчете на смерть великого Мистралья?

Надин бросилась на кровать и принялась мечтать. Мистраль умирает. Она получает наследство. За его картины ей дадут... дадут... очень много! Она даже представить не могла точную сумму. Разумеется, она не сможет продать все сразу же, потому что тогда цены немедленно упадут. Но несколько миллионов франков окажутся в ее распоряжении, чтобы заплатить долги и не отказывать себе ни в чем. От Альбена она уйдет в самый неподходящий для кутюрье момент, перед самым выпуском коллекции. Она выгонит Филиппа, унизив его так, что он не посмеет даже заикнуться об их разрыве перед своими друзьями. Она купит себе огромный особняк на Левом берегу, его оформит Дидье Аарон в классическом стиле, который не будет иметь ничего общего с сиюминутными модными тенденциями. И она наконец начнет жить. Надин Мистраль, наследница великого художника, займет принадлежащее ей по праву место в самом сердце парижского светского общества.

Но до этого благословенного дня ей все еще нужно быть мадам Филипп Дальма, лучшим другом Жана Франсуа Альбена. Никакие орхидеи в фарфоровых кашпо не обеспечат ей места в списке приглашенных без их протекции. Она сможет одержать победу как одинокая женщина, только если станет богатой одинокой женщиной. Ничего, она подождет. Господи, ну сколько еще может прожить старик?

Фов потянулась. Как хорошо! Потягиваться так же приятно, как есть, слушать музыку и целоваться, сонно подумала она. Хвала господу, даже нищий имеет право как следует потянуться спросонок.

Она повернулась на другой бок и потянулась к Бену, но его в постели не оказалось. Фов открыла глаза и оглядела темную спальню, потому что она впервые просыпалась в его квартире. Неужели еще ночь? Куда он мог пойти? Фов немного подождала, но Бен так и не появился. Она встала, подошла к окну и раздвинула шторы.

От яркого солнца мартовского нью-йоркского утра она зажмурилась. Легкие облачка неслись высоко над городом. В чуть приоткрытую створку проникал холодный воздух. Фов нырнула обратно под одеяло и стала думать, что бы ей предпринять. Можно позвать Бена. Можно снова заснуть или найти свою одежду, потому что на ней ровным счетом ничего нет, и отправиться чистить зубы. Первым делом зубы, решила Фов, подхватила с пола покрывало и завернулась в него, потому что ее вещей в спальне не оказалось.

В ванной комнате она обнаружила записку, надетую на тюбик с зубной пастой:

«Дорогая!

Я вышел купить что-нибудь к завтраку. Вернусь как только смогу. Я люблю тебя.

Бен».

Ну разве это не мило с его стороны, подумала она, оглядываясь в поисках зубной щетки. Настоящий хороший завтрак — царский, чувственный, эротичный — это единственно верный способ начать воскресное утро в городе. Ладно, его щетка лучше, чем ничего. Фов быстро приняла душ, вытерлась еще влажным полотенцем Бена и надела чистый, но старенький махровый халат, который он оставил на крючке. Да, сугубо холостяцкое жилище.

Фов вышла в гостиную. Бен еще не вернулся. И сама комната оказалась не просто пустой, в ней царил атмосфера ледяной обезличенности. Она ни на минуту не усомнилась в том, что декоратор, оформлявший рабочий кабинет Бена, поработал и над его квартирой. Фов увидела те же барселонские кресла — есть ли хоть в одной квартире другая пара, или это карается законом? — и идентичные кофейные столики из стекла и металла. Ковер, как и кресла, был, определенно дорогим, и его подбирали к занавескам, но заброшенные растения на подоконниках выглядели так, словно их выбирали за их способность к выживанию в экстремальных условиях. Да и литографии на стенах не демонстрировали личного вкуса хозяина.

Единственным признаком того, что в этой гостиной бывали люди, стали свежие газеты на столике, которые они вместе купили вчера на углу Пятьдесят восьмой и Мэдисон. Фов посмотрела на разрозненные листы и решила ничего не трогать. Это почему-то не соответствовало ее жизнерадостному настроению. Можно ли ждать хороших новостей от «Таймс»? Ничего хорошего и приятного они все равно не напечатают, подумала она и попыталась свернуться клубочком на неуютном диване.

Ну почему холостяки всегда выбирают такую негостеприимную мебель? Может быть, лучше отправиться на кухню и попытаться отыскать чайный пакетик? Нет, лучше подождать возвращения Бена. После прошлой ночи один только чай из пакетика на завтрак не слишком приятное начало ленивого воскресного утра... Тем более что воскресный отдых ей предстоял короче обычного. Во второй половине дня Фов надо было вылететь с пятью

девушками в Рим для показа весенней коллекции моделей Валентино. Путешествие займет две недели, потому что из Рима они отправятся сначала в Милан, а затем в Париж.

Фов безуспешно пыталась зарыться с жесткие диванные подушки.

Где же ты, Бенжамен Франклин Личфилд? Впервые она провела вместе с Беном всю ночь, да и вообще с мужчиной, подумала Фов, вспоминая короткий список своих любовников. Она знала, что это немодно, но до Бена их было всего двое.

Фов пришла к выводу, что ее стиль жизни совершенно не соответствует раскрепощенным семидесятым. Она много и напряженно работала, задерживалась в офисе допоздна, обеспечила свою финансовую независимость, что было редкостью для девушек ее возраста, но еще два года назад она жила дома, вместе с бабушкой. У Фов было много поклонников, но после последней поездки в Прованс она три года ни с кем не встречалась, потому что память об Эрике Авигодоре не давала ей покоя.

Наконец настало время, когда редкие письма не могли больше поддерживать их любовь. Эрику пришлось отслужить два года в армии после окончания университета, поэтому он не смог навестить ее в Штатах. Фов брала отпуск, но он ни разу не совпал с отпуском Эрика.

Должно быть, намерение встретиться снова не имеет под собой никакой реальной почвы. Шли годы. Короткие недели, проведенные вместе, когда ей было шестнадцать, все больше отступали на задний план.

Неужели они просто не поняли силы своих чувств или оказались их недостойны, печально рассуждала про себя Фов. Наверное, и Эрик тоже начал ее забывать.

Фов нашла для себя маленькую, уютную квартиру в двух этажах с внутренней лестницей в старомодном доме недалеко от Третьей авеню. Именно там случился ее первый роман, как раз перед ее двадцатилетием. Потом был второй. Она не скрывала от себя, что ни тот, ни другой не принесли ей особенного удовлетворения. В тех отношениях недоставало какого-то главного элемента, и если бы ей пришлось все же назвать его, то единственным словом, которое приходило ей на ум, была эта чертова романтика.

Может быть, она все еще тосковала по Эрику? Оба ее мужчины были забавными и умными, они удовлетворяли ее физически, но куда исчезли слышимая только двоим мелодия, поэзия, наполнявшая каждое, самое простое, движение, почему мир оставался прежним? То, что она испытала в маленьком автомобиле, окруженном стадом овец, на пыльной дороге недалеко от Фелиса, больше не повторялось.

Фов ни разу не позволила своим любовникам провести в ее постели всю ночь, хотя, разумеется, в ее кровати хватило бы места и двоим. Совместное пробуждение почему-то казалось ей более интимным, чем секс.

Накануне вечером, засыпая рядом с Беном, она подумала о том, что утро принесет ей новые ощущения. Романтика витала в воздухе, еще неразличимая, но намекавшая на свое возможное появление. Фов казалось, что она слышит, как музыканты в оркестре настраивают инструменты. Отдельные звуки предвещали рождение музыки.

Но сейчас, размышляла Фов, пытаюсь согреть заледеневшие ноги, бог с ней, с романтикой. Сейчас очень были бы кстати деревенские колбаски, такие округлые, миниатюрные, перченые, сочные, с хрустящей корочкой. А потом блины с кленовым сиропом. Может быть, Бен принесет именно это? Или вафли с подтаявшим маслом и клубничный джем? А вдруг он появится на пороге с бриошами и круассанами, не забудет

про тончайшие ломтики виргинской ветчины или про настоящий кофейный кекс, с упоительной глазурью и изюмом, который останется только разогреть?

Фов уселась в позу лотоса, во-первых, пытаясь согреть ступни, а во-вторых, надеясь, что медитация поможет ей забыть о еде. Ладно, будь что будет, но в кухню она носа не сунет, не станет портить Бену сюрприз.

Наконец в скважине заскрежетал ключ, и на пороге появился нагруженный пакетами Бен. Фов тут же вскочила и бросилась к нему, чтобы помочь.

— Так, завтраки от Келлога, молоко, яйца... А это что такое? — Она чуть было не расплакалась, но гордость ей не позволила.

— Я не знал, что ты больше любишь, кукурузные хлопья или рисовые, — сказал он, — поэтому я купил и то, и другое. В кухне есть масло и хлеб. — Бен чмокнул ее в нос, не выпуская из рук огромной пачки газет.

— Тебя не было так долго!

— Я думал, что ты еще спишь, поэтому заглянул на Таймс-сквер. Кто бы мог подумать, но мне пришлось ждать номер «Филадельфия инквэйрер», — ответил Бен, осторожно выкладывая на столик воскресные выпуски не меньше десятка газет. — Но смотри, мне еще повезло! Я купил «Майами геральд»! Обычно ее не бывает по воскресеньям... Ладно, она мне заменит «Чикаго трибюн», ее не будет до завтра. Поцелуй меня, детка.

— А бекон ты не купил? — осторожно поинтересовалась Фов. — Чтобы сделать яичницу?

— Я о нем думал, но у меня только одна сковородка, так что пожарить отдельно бекон и яйца не получится.

— Можно сначала пожарить бекон, а потом на вытопившемся жире сделать яичницу, — голодная Фов могла думать только о еде.

— Умница ты моя! Женщины так много всего знают. Давай попробуем этот рецепт в следующий раз, — рассеянно отозвался Бен. Он уже просматривал газеты, откладывал некоторые страницы, другие просто бросал на пол.

— Что ты ищешь? — спросила Фов. — Случилось что-то чрезвычайно важное?

— Гм-м... Нет, ничего особенного... Я должен читать женские разделы в воскресных выпусках — «Стиль», «Внешность», «Дом», «Развлечения» или как там они у них называются...

— Ты обязан это читать?

— Ты даже не представляешь, какие удивительные идеи появляются в воскресных номерах газет из других городов. Они очень полезны, — пробормотал он, жадно рассматривая что-то в «Кливленд плейн дилер». — Черт, черт, вот ублюдок! Он продал мне барахло! Здесь нет раздела с иллюстрациями! Разве им можно верить, этим продавцам! Преступление... Ладно, это не их вина. Это все ребята, которые грузят газеты в самолет. Вот дерьмо!

— Бен!

— Да, дорогая, — он наконец взглянул на нее.

— Идем обратно в постель.

— Сейчас?

— Именно сейчас, — Фов обняла его и стащила с его носа очки.

— Перед завтраком?

— Секс лучше на голодный желудок. На полный желудок это опасно.

— Что ж... — Бен с сожалением посмотрел на газеты. — Что ж...

— Но может быть, ты прочитаешь сначала газеты, а я пока приготовлю завтрак, — предложила Фов, — а потом мы отправимся в постель?

— Замечательная мысль! О дорогая, я люблю тебя.

— Бен, а что случилось с моими вещами?

— Тебе неудобно в халате?

— Он мне велик, и на ноги нечего надеть.

— Я все повесил в шкаф, пока ты спала. Видишь ли, я ненавижу просыпаться среди беспорядка.

— Спасибо, — поблагодарила Фов, но Бен уже жадно уткнулся в «Лос-Анджелес таймс».

Через пять минут она вышла из квартиры Бена так тихо, что он даже не заметил этого. На зеркале она начеркала ему послание губной помадой: «Ушла на ленч».

Фов провела пять своих высоких и стройных подопечных к свободному столику на боковой террасе кондитерской «Розати». Американские модели так же отличались от спешивших мимо них итальянцев, как газели от стада коз.

— Садитесь, — скомандовала она, зная по опыту, что получить свободный столик в этом заведении все равно что выиграть миллион. Кроме Фов, никто из девушек раньше в Риме не бывал. Им предоставили свободный день, чтобы прийти в себя после перелета и справиться с разницей во времени, и Фов решила заглянуть в «Розати», чтобы выпить перед ленчем. Заведение очень удачно располагалось на Пьяцца дель Пополо.

Площадь была создана три столетия назад, чтобы произвести впечатление на путешественника, когда тот впервые входил в Вечный город. Архитекторам это настолько удалось, что сидеть и заказывать кампари казалось почти святотатством. Но это был Рим с театральностью его повседневной жизни, с простынями, развешанными на улицах именно в тех местах, которые указал Микеланджело, с простым рестораном, занимавшим дом, где родилась Лукреция Борджиа, а дети играли в салочки в садах виллы Медичи.

Ничто не может удивить жителей Рима, ничто не может произвести на них впечатление. Это замкнутые люди, не слишком разговорчивые с туристами. Им приходится делить свой город со странниками еще со времен Цезарей. Для римлян житель любого другого уголка изначально провинциал, они не видят и не слышат бесконечного потока посетителей, окружающих их. Есть только одно исключение из правил.

— Господи, — прошептала Арканзас, — как они на нас смотрят.

Фов без удивления взглянула на окружающие их зачарованные лица тех, кто даже не собирался скрывать свой интерес. Никогда еще за всю историю существования манекенщиц не было такого интереса к американским девушкам, высоким, худым, с длинными волосами, в которых, казалось, все еще играет ветер прерий, двигавшихся целеустремленно, с какой-то невинной чувственностью, щеголяющих своей красотой и юностью. Старый Свет не мог и надеяться произвести на свет нечто подобное этим великолепным созданиям, взявшим Европу без боя, одними улыбками и гламуром.

Маги и Фов сознавали, насколько опасно отправлять своих подопечных в Европу. Хотя большинство девушек жили в частных домах и работали на местные агентства, поддерживавшие тесный контакт с «Люнель», список случайностей, подстерегавших молоденьких девушек, только что вырвавшихся из-под крыла родителей, был огромен.

— Что я тебе говорила об итальянских мужчинах? — требовательно спросила Фов, обращаясь к Арканзас, застенчиво улыбавшейся юноше за соседним столиком.

— Я не должна верить ни одному их слову, — улыбка девушки стала шире.

— Кто, по-твоему, эти мужчины, которым ты так призывно улыбаешься?

— Не знаю. Может быть, они иностранцы, как и мы. Ведь на них нет табличек с фамилиями, Фов. Знаешь, почему ты такая подозрительная? Потому что выросла в городе. Очень даже приятные ребята!

— Ты им тоже весьма приглянулась. Господи, как я продержусь целых две недели? Нет, не отвечай. Я знаю, все будет еще хуже, это только начало.

— Но Фов, — запротестовала Энджел, недавно приехавшая из Южной Каролины. Этот штат почему-то неизменно поставлял больше моделей, чем любой другой. — Мама говорила мне, что если девушку никто не ущипнет за попку в Риме, то это следует принимать как оскорбление. Она говорила, что здесь так принято. Я не хочу выглядеть так, словно кол проглотила.

— Теперь римские карманники действуют по новой схеме. Пока один тебя щиплет, второй удирает с твоим бумажником. Когда вернешься, расскажешь маме, что времена изменились, — мрачно сказала Фов.

— Разве по контракту мы обязаны две недели только работать? А как насчет еды? — вмешалась Айви Коламбо из Бостона. Умницу Айви одновременно приняли в университет Рэдклифф и в агентство «Люнель». Высшему образованию пришлось уступить.

— Послушайте, — обратилась к девушкам Фов, — в Милане мужчины другие, более деловые и немного менее опасные. Когда приедем в Милан, вы сможете выходить вечером, если у вас останутся силы после целого дня работы, в чем лично я сомневаюсь. Но в Риме не отходите от меня ни на шаг. Я же обещала отвести вас в самые лучшие рестораны, верно?

Она посмотрела на недовольные лица, но в этот момент официант принес бутылку вина.

— Синьоры за соседним столиком хотели бы угостить леди бокалом вина, — сказал он.

Фов сурово произнесла:

— Поблагодарите синьоров за любезность, но религия требует от леди самим платить за напитки.

— Какая ерунда, — фыркнула Арканзас.

— Придира, — пробормотала Энджел, — только портит другим настроение, зануда.

— Какой вред от бутылки вина, — Айви покачала головой с таким расчетом, чтобы ее роскошная кудрявая шевелюра привлекла всеобщее внимание. Даже Бэмби-один и Бэмби-два, до сих пор молчавшие, печально смотрели на Фов огромными карими глазами.

— Послушайте, девочки, — Фов говорила сурово и властно, — это первое утро первого дня нашей поездки, а вы уже доставили мне столько хлопот. Впредь я вам этого не позволю. Если я разрешу кому-нибудь купить нам выпить, это будет расценено как приглашение присоединиться к нам. А потом нам придется избавляться от них, кем бы они ни были. Запомните, ни один жест римского мужчины не может быть сделан просто так. Все итальянцы думают только о том, чтобы соблазнять женщин, это самые ужасные казановы в мире. Вы не должны связываться ни с одним из них ни при каких обстоятельствах. Вы меня поняли? Я ясно все объяснила? Ни единого слова, ни одной улыбки, ни одного взгляда... — Она серьезно смотрела на них, потому что Маги впервые доверила ей сопровождать моделей в зарубежной поездке. Фов отвечала за эту группу, и следовало с самого начала утвердить

свой авторитет. Она была так поглощена своей маленькой речью, что не заметила мужчину, пробиравшегося к свободному столику в углу террасы. Фов не видела, как он остановился и вдруг пошел к ней, все убыстряя шаг.

Фов закончила внушение, когда мужчина уже стоял позади нее, недоверчиво разглядывая ее лицо, волосы, изящную руку. И вдруг под изумленными взглядами пяти моделей он нагнулся и поцеловал ее в макушку. Фов от ужаса ахнула. Она развернулась и резко встала, приготовившись к бою.

— Как вы смеете! — воскликнула она, когда Эрик Авигдор заключил ее в объятия. Девушки зааплодировали, но Фов их уже не слышала.

— Я проверяла по часам, — спокойно сказала Айви, — Фов не смотрит на нас уже целых пять минут.

Манекенщицы сидели за столиком роскошного ресторана «Дал Болоньезе», расположенного рядом с «Розати». Фов из-за столика по соседству, который она занимала вместе с Эриком, держала их под пристальным наблюдением, хотя и не могла слышать их разговора.

— Мне уже так надоело делать вид, что я не спускаю с тебя глаз, Арканзас, — пожаловалась Энджел. — Какое счастье, что без очков я не вижу дальше своего носа. Но, может быть, кто-нибудь скажет мне, на самом ли деле приятель Фов настолько красив, как мне кажется?

— Моя школьная учительница сказала бы, что ты его недооценила, — фыркнула Арканзас. — И зачем тебе смотреть на меня? Смотри на Бэмби-один или на Бэмби-два. Ты меня нервируешь.

— На тебя мне смотреть легче, потому что ты самая высокая из всех, — объяснила Энджел. — Фов такая противная! Почему ей можно общаться с женщиной под предлогом того, что он ее старый друг и не римлянин? Я по акценту поняла, что он француз. А они чем лучше? Нет, она поступает несправедливо.

— Если бы ты не была практически слепой, — вмешалась Бэмби-два, — ты бы поняла, что они давно знакомы. Какими глазами он на нее смотрит! Это не просто друг, если хотите знать мое мнение, — она грустно вздохнула.

— Избавь меня от подробностей, — раздраженно ответила Энджел.

— Не спорьте, Девочки, — предупредила остальных Айви. — Мы отлично справляемся. Фов практически о нас забыла. Не кричите, не вертите головами, не выдавайте себя. У кого путеводитель?

— У меня, — ответила Бэмби-один, поворачивая голову на великолепной шее. Зрелище, разившее всех мужчин наповал еще с того времени, когда ей было двенадцать.

— Хорошо, открывай его и читай вслух, — приказала Айви.

— Но я ем, — запротестовала Бэмби-один. — И потом, я больше не хочу быть Бэмби-один. Я только что решила сменить имя. Моя бедная мамочка хотела быть оригинальной, но в бизнесе пять Бэмби, четыре Доун, семь Келли, десяток Ким, семнадцать Лиз, девять Хейди... С сегодняшнего дня зовите меня... Хэролд.

— Хэролд, любовь моя, открывай путеводитель. Ты успеешь поесть потом. Мы будем читать по очереди, — пообещала Айви. — Даже Энджел наденет очки, когда наступит ее очередь. Верно, Энджел?

Модели принялись усердно поглощать спагетти с соусом, глядя прямо перед собой, пока новоиспеченная Хэролд читала вслух:

— «Дал Болоньезе», — жалобно начала она, — это любимое место встреч молодых кинозвезд, художников и писателей...» Кто бы мог подумать? Я не видела никого, кроме официанта.

— Не отвлекайся и продолжай читать, — приказала Айви. — Фов только что смотрела в нашу сторону.

Хэролд склонила свою пленительную пепельно-золотистую голову еще ниже над

толстой красной книжкой и продолжала читать, пока остальные ели. Они не замечали, что посетители не сводят с них глаз. Никто не видел ничего подобного за всю историю Рима. «Пять богинь, без сомнения американки, смотрят только друг на друга и читают какую-то книгу. Может быть, это новая религиозная секта? Или они лесбиянки? А эта девушка с невероятно короткой стрижкой... Неужели таков новый стиль?» — с тревогой спрашивали себя римские женщины. Если так, то наступают страшные дни. Только редкие красавицы могут позволить себе обриться почти наголо. Янки, убирайтесь домой!

— Они за нами шпионят, я чувствую, — пробормотала Фов.

— Вовсе нет. Они увлечены путеводителем, как и все добропорядочные туристы. Девушки мне кажутся очаровательными и серьезными, — не согласился с ней Эрик.

После — возбуждения от неожиданной встречи, первых слов приветствия и радости, он почувствовал, как им овладевает странная неловкость и застенчивость. Длинноногая рыжая девчонка превратилась в изящную, ухоженную, вполне самостоятельную женщину. Что случилось с той, его Фов? Перед ним сидела строгая бизнес-леди в черном кашемировом пиджаке мужского покроя, серой фланелевой юбке, безупречной белоснежной блузке, дорогих туфлях на низких каблуках. Только клетчатый шарф напоминал о ее упоительно сумасшедшей манере одеваться, но и его оттенки не выходили за рамки разумного серого и изысканно ржавого. Красота Фов стала еще более тонкой. Ее голова казалась роскошным цветком на высоком стебле шеи. Она выглядела намного взрослее окружающих ее девушек. Понятно, почему она не ответила на его последнее письмо. Он писал его совсем другому человеку.

— Что ты делаешь в Риме? — сдержанно поинтересовалась Фов.

— Приехал на конференцию. Но она начнется через несколько дней, я приехал немного раньше. Я работаю в архитектурной фирме в Авиньоне, а каждый архитектор обязан бывать в Риме хотя бы раз в году, какими бы эстетическими принципами он ни руководствовался. Ты не согласна?

— Да, конечно. Здесь так много... руин.

— Здесь еще и множество домов, построенных в разное время, и все в отличном состоянии, — без улыбки ответил Эрик.

Он забыл о руинах, печально подумала Фов. Понятно, почему он не ответил на ее последнее письмо. А чего она ждала? Она писала двадцатилетнему энтузиасту, импульсивному молодому человеку, влюбленному в развалины, старинные акведуки и Фов Люнель. А теперь перед ней сидел совершенно взрослый мужчина. Его волосы по-прежнему вились крупными кольцами и падали ему на лоб, и она все так же не могла отвести глаз от ямочки на подбородке. Но говорил Эрик очень сдержанно, и это отдаляло их друг от друга. Его красота стала законченной и совершенной, она почти пугала.

— Какое совпадение, что мы оба оказались в «Розати» сегодня, — сказала Фов.

— Такие вещи случаются в Вечном городе, — небрежно ответил Эрик.

— Потому что сюда ведут все дороги? — предположила Фов, думая о том, что они не просто общаются, а «выстраивают» разговор. И что он имел в виду, когда сказал «такие вещи»?

— Фов... — начал Эрик, но его прервал голос Айви, возникшей у столика.

— Извини, Фов, я не хотела вам мешать, но мы решили, что раз у нас всего один свободный день, лучше всего отправиться на автобусную экскурсию с англоговорящим

гидом и осмотреть все достопримечательности сразу. — Айви держала под мышкой путеводитель.

— Это Айви Коламбо, Эрик, — представила девушку Фов, одарив ее свирепым взглядом. — Эрик Авигдор.

— Вы совершенно правы, мисс Коламбо, — быстро вступил в разговор он. — Есть еще тур «Ночной Рим». Если вы не очень устали от перелета.

— Нет, мы все слишком возбуждены, чтобы спать. Так что мы готовы идти, как только ты скажешь. Есть мы не хотим, как выяснилось.

— Что ж... — Фов колебалась. Она не могла вот так просто встать и уйти от Эрика, пусть это был теперь и не ее Эрик. Черт бы побрал этих девчонок, почему они не могут спокойно посидеть и поесть? Куда они торопятся?

— Как скажешь. Айви не отходила от стола, ожидая ее решения. — Мы можем все пойти на улицу Кондотти, если автобусная экскурсия кажется тебе скучной, и заглянуть в магазин Гуччи. Вдруг у них там распродажа? Ты только скажи, а я все передам остальным. Мы сможем пока посмотреть путеводитель и почитать о достопримечательностях, пока ты закончишь.

— Но, мисс Коламбо, вы же не захотите пропустить Ватикан? — спросил Эрик. Они с Айви обменялись взглядами, мгновенно поняв друг друга.

— Отличная идея! Фов, ты же хочешь посмотреть Ватикан, правда?

— Ну...

— Ой, ладно, Фов, соберись с мыслями. Мы теряем драгоценное время. Мы все умираем от желания послать домой открытки из Ватикана.

— Проклятье, Айви, отправляйтесь туда одни. Я уже видела Ватикан. Встретимся в гостинице.

Айви, с трудом скрывая восторг, отошла от стола и направилась к подругам. Она всегда знала, что одной красоты недостаточно. На конкурсе среди девушек-подростков она не зря настояла на том, что прочитает поэму о Томасе Джефферсоне, которую сама написала. И вовсе не потому, что она не умела танцевать. Так ей удалось обратить на себя внимание. И конкурс она выиграла. Старушка Фов Люнель не помешает Айви Коламбо познакомиться с высокими, темноволосыми, опасными, кудрявыми римлянами, у которых рубашки расстегнуты до пупка.

— Девочки, вперед, — прошептала она, вернувшись к своему столику, — пока наша надсмотрщица не передумала. Этот парень просто чудо. Но никакой спешки. Мы должны выйти неторопливо, достойно, как и полагается настоящей леди. Арканзас, прекрати хихикать. Бэмби-два, не смей оглядываться на Фов. Хэролд, не подмигивай этому мужчине...

— Не прогуляться ли нам немного? — предложил Эрик, когда они вышли из ресторана на шумную Пьяцца дель Пополо, где изгибающиеся волнами мраморные балюстрады лестницы, ведущей на холм Пинчио, казались живыми, как и высокие ели в саду виллы Боргезе.

— Где? — Фов была немного озадачена широтой выбора.

— Давай просто побродим. — Эрик взял ее под руку.

— Отлично. Я чувствую себя так, будто прогуливаю школу. Мне не следовало бы отпускать их одних, но мне становится плохо при мысли о Ватикане. Я была в Риме только

один раз и тогда решила, что обязана там побывать. К тому моменту, когда я все-таки добралась до Сикстинской капеллы, я еле передвигала ноги. Но как можно побывать в Ватикане и не увидеть капеллу?

— Помнишь папский дворец в Авиньоне? — спросил Эрик. — Я уже тогда понял, что Ватикан не для тебя. Я не промахнулся.

— Вот как!

— Ты же не думала, что я отпущу тебя с этими девушками?

— По-моему, это было вполне возможно.

— Мне надо о многом спросить тебя, Фов. Во-первых, ты возвращалась в Фелис?

— Нет.

— И ты так и не скажешь мне, почему?

— Нет, — резко ответила Фов. — Как поживают твои родители?

— Процветают. Отец ушел на пенсию и живет в Вильнев, так что он просто в восторге от того, что я решил жить в Авиньоне. А как твоя бабушка? Ее брак оказался удачным?

— Они с Дарси купили дом за городом, и теперь Магали счастлива, что может делать то, чем никогда в жизни не занималась. Она бывает в агентстве не больше трех дней в неделю. Бабушка уверена во мне, так что наконец может пожить для себя. Господь свидетель, она это заслужила, — задумчиво сказала Фов.

Они шли по узкой, заполненной людьми улице Маргутта к Испанской лестнице, проходили мимо художественных галерей, не замечая их, но вдруг Эрик потянул Фов за руку и втащил ее в старое обшарпанное парадное. Миновав его, они оказались в просторном дворе. В другом его конце вниз уходил холм Пинчио, покрытый зеленью, устремляясь к самому сердцу Рима.

— Здесь ты наверняка не бывала, — Эрик посмотрел на Фов, как бы ожидая, что она скажет.

А Фов снова видела перед собой молодого человека из танцевального зала в Юзесе. На лице Эрика появилось прежнее выражение, когда-то внушившее ей доверие с первого взгляда. Разделившие их годы неожиданно исчезли, как будто их никогда не было. Она заглянула Эрику в глаза.

— Почему ты не ответил на мое последнее письмо? — спросила Фов, наконец сумевшая задать вопрос, вертевшийся у нее на языке.

— Но я ответил! Это ты перестала мне писать.

— Этого просто не может быть.

— Я уверен, что последним написал тебе, — настаивал Эрик.

— Нет, последней была я.

— Мы не можем оба быть правы!

— Но и ошибаться мы не можем! — Фов тоже стояла на своем.

— Может быть, мы оба правы и оба ошибаемся. Как тебе такой вариант? — предложил Эрик.

— Я думала, что мои письма глупые, что ты изменился и тебе неинтересно читать то, о чем я пишу.

— А мне казалось, что мои письма слишком скучные по сравнению с твоей жизнью. Я мог рассказать тебе только об университете и о службе в армии. Я так дорожил твоими письмами... Я сохранил их все. Они у меня дома в ящике письменного стола.

— Я решила, что ты влюбился... и просто не хочешь написать мне об этом, — еле

слышно прошептала Фов.

— Я представлял себе, что за тобой в Нью-Йорке толпами ходят поклонники.

— Так и было. Они и до сих пор ходят. Во всяком случае, половина из них. Я отбиваюсь от них палкой.

— И, может быть, ты кого-нибудь по-настоящему полюбила.

— Это не так.

— Даже чуть-чуть?

— В любви я не признаю никаких чуть-чуть. Но ты... Ведь прошло почти шесть лет!

— Я испытал все известные средства от неразделенной любви и разбитого сердца: тяжелую работу, выпивку, других женщин. Но ничего не помогло.

— Чье сердце было разбито? — Глаза Фов стали цвета тумана, поднимающегося над рекой в конце теплого весеннего дня.

— Мое. Я никогда не переставал любить тебя, но ты ко мне так и не вернулась.

— О, дорогой мой, — Фов прижалась к Эрику, и мир закружился вокруг нее. — Где твоя гостиница?

— В пяти минутах, если...

— Но везде пробки, нигде не проехать.

— Если идти пешком. В трех минутах, если мы побежим.

Кровать была большой, уютно проваливающейся в центре и поднимающейся вокруг них мягкими облаками. Фов подумала, что она похожа на теплый сугроб. Они с Эриком лежали, так тесно прижавшись друг к другу, что она не чувствовала, где кончается ее тело и начинается его. За последние несколько часов с ней произошло так много всего, что она словно опьянела от ощущений и эмоций. Фов не помнила деталей, все слилось в единую чувственную картину: ее стыдливость, когда она предстала перед ним обнаженной; минуты, когда он прикасался к ее соскам, а она не могла дышать; когда она смотрела на его кудрявую голову и думала, что не знала настоящей нежности. А потом на смену нежности пришло желание, вспышка страсти, в которой слились те две половинки, о существовании которых они догадались еще тогда, в маленькой машине среди стада овец в Фелисе. Соединились прошлое и настоящее. Они вальсировали вместе под звуки деревенского оркестра, прятались под старой грушей в саду гостиницы, лежали в теплом коконе в Риме, пронизанном красновато-золотистым светом солнца. Веки Эрика затрепетали под губами Фов.

— Я не сплю, — сказал Эрик. — Я просто закрыл на минуту глаза.

— Наконец-то я оказалась там, где мне хотелось быть, — подумала Фов и поняла, что произнесла эти слова вслух.

— В Риме? — пробормотал Эрик, уткнувшись ей в шею.

— В этой постели. Весь мир заключен в ней. Я не хочу отсюда вылезать.

— Любовь моя, тебе незачем это делать. Я оставляю тебя здесь. Я принесу тебе вкуснейшие блюда и великолепные напитки, а затем поменяю простыни, хотя, на мой вкус, они так упоительно пахнут нами обоими, что мне совершенно не хочется этого делать... Я никуда тебя не отпущу. Мне следовало насильно жениться на тебе, когда тебе было шестнадцать.

— Ты мечтатель... — вздохнула Фов.

— Это суровая правда. Я бы так и сделал, если бы мог заглянуть в будущее. — Эрик улегся на бок, подпер голову локтем и серьезно посмотрел на Фов. — Ты даже не можешь

представить, сколько раз я заново переживал ту сцену на вокзале. Вместо того, чтобы везти тебя туда, мне следовало ехать напрямик в дом моих родителей и заботиться о тебе, пока бы ты не вышла из того ужасного состояния, в котором ты находилась. А потом мы могли бы пожениться, и эти годы не прошли бы напрасно. Но я был слишком молод и не знал, что делать, и как малолетний, бездумный идиот я тебя отпустил. Я так и не смог себя простить.

— Но, Эрик! — Фов со смехом села в постели. Шелковистые пряди волос до половины скрывали ее нежные розовые соски. — Мы оба были детьми, а дети не женятся. Ты ведь это понимаешь, правда? — Эрик не ответил. — И я не могла выйти за тебя в шестнадцать лет. Я бы так и не узнала, что значит самой вести дела, зарабатывать деньги. Невеста-дитя... Эта роль вряд ли пришлась бы мне по вкусу. Ты ведь просто пошутил, да?

Эрик коснулся пальцем высоких скул, очертил нежный овал лица, который он не смог забыть за все эти годы. В комнате повисла тишина, наполненная ожиданием. Так бывает в консерватории, когда закончена лишь часть произведения и просвещенная публика боится, что менее искушенные слушатели примут это за окончание произведения и зааплодируют не вовремя.

— Конечно, я пошутил, — наконец ответил ей Эрик. — Среди ночи солдатам в голову приходят самые экзотические фантазии. И это была не самая сумасшедшая из моих грез. Даже тогда у нас обоих было слишком много здравого смысла.

— Иногда мне хочется, чтобы его у меня было поменьше. Я так устаю от собственной приземленности. Тебе попадались книги, где написано, что мы должны проживать каждый день так, словно он последний? Мне их авторы кажутся садистами, проповедующими всеобщую неудовлетворенность.

— Интересно, как выглядел бы мир, если бы все на самом деле проживали каждый день как последний на этой земле? — задумчиво произнес Эрик.

— За всех я тебе ответить не могу, но, если бы для меня не было завтра, я знаю, что стала бы делать.

— Что? — спросил Эрик.

— Сейчас я тебе покажу, — пообещала Фов, упала обратно в мягкую долину матраса, притянула Эрика к себе и прижалась губами к его рту.

За окном день медленно клонился к вечеру, но ни Фов, ни Эрик этого не замечали. Только когда в комнате через улицу зажгли свет, она резко села в кровати.

— Господи, а который сейчас час?

Эрик протянул руку к тумбочке и посмотрел на часы.

— Десять минут седьмого.

— О нет, нет! — Фов вскочила, бегом бросилась в ванную комнату, включила свет и уставилась на себя в зеркало. — Им достаточно будет только взглянуть на меня, и они сразу поймут, как я провела свободное время! — в панике воскликнула она. — Я должна принять душ, заново наложить косметику и сделать что-то с волосами, чтобы никто ни о чем не догадался. Эрик, во сколько закрывается Ватикан? Ты знаешь? Нет? Что же мне делать? Как все это уладить?

— Минутку, дорогая. Не сходи с ума, обдумай все спокойно.

— Обдумать? На раздумья нет времени! Я должна вернуться в гостиницу как можно быстрее и по дороге молить бога о том, чтобы девочки ждали меня там. А вдруг их там нет? — Фов гольшом металась по ванной комнате, пытаясь одновременно включить душ и

найти в сумочке расческу. Она ничего не соображала, напуганная тем, что позволила себе расслабиться и не следить за временем.

— Дорогая, ты реагируешь чересчур бурно. И потом, ты совсем замерзла. Посмотри, ты вся покрылась гусиной кожей, — Эрику удалось поймать ее, завернуть в одеяло, подхватить на руки и унести обратно в постель, не обращая внимания на ее протесты. — А теперь помолчи и позволь мне позвонить. В каком отеле вы остановились? В «Гранде»? — Набрал номер, он заговорил на хорошем итальянском с оператором.

— Но что я им скажу? Повесь трубку, я должна все обдумать. — Фов попыталась помешать ему, но Эрик одной рукой прижал ее к кровати.

— Позовите, пожалуйста, синьорину Айви Коламбо, — сказал он.

— Нет, только не Айви. Она самая умная. Лучше Бэмби-два.

Эрик не обратил на ее слова никакого внимания.

— Мисс Коламбо? Добрый вечер, это Эрик Авигдор. Да, тот самый. Как вам понравился Ватикан? Вдохновляет? Я так и думал. Фов? Она присела отдохнуть на скамейку и попросила меня позвонить вам. Нет, с ней все в порядке, просто ей немного не по себе. Да, это все перелет и клаустрофобия. Мы только что вышли из катакомб... Да, катакомбы святого Каллисто... Это на старой Аппиевой дороге... Нет, это уже за чертой города... Очень далеко... Боюсь, это я во всем виноват. Я совершенно упустил из вида, насколько здесь темно и тесно. Но как только попадаешь в катакомбы, приходится не отставать от гида, иначе можно потеряться и не найти дороги назад... Но ведь нельзя же пропустить катакомбы, если интересуешься ранними христианскими мучениками... Это мое увлечение, я повел себя как законченный эгоист. А сейчас час пик, и я не знаю, когда мы вернемся. Именно поэтому я вам и звоню. Боюсь, мы приедем поздно, даже точное время назвать не могу. Фов очень сожалеет, что бросила вас... Никаких проблем? Вы все закажете ужин в номер и пораньше ляжете спать? Вот и прекрасно, это самое разумное, что вы можете сделать. Я скажу Фов, чтобы она к вам не заходила и не волновалась за вас.

— Напомни, чтобы их разбудили, — прошипела Фов.

— Не забудьте попросить телефонистку, чтобы вас разбудили утром... Нет, не стоит полагаться на будильник. Да, я все передам Фов. Спокойной ночи, мисс Коламбо... Что?.. Айви? Спокойной ночи, Айви. Спасибо за ваше благоразумие. Фов будет за вас спокойна.

Эрик повесил трубку.

— Катакомбы! — воскликнула Фов. — Она тебе не поверила.

— Мне казалось, я был убедителен.

— Что да, то да. Я и не знала, что ты умеешь так лгать. Но кто ходит в катакомбы солнечным весенним днем?

— Те же самые люди, которые идут в Ватикан.

— Ах вот как?

— Мне кажется, это называется боевой ничьей. — Эрик наконец отпустил Фов.

— Ты хочешь сказать, что я потеряла власть над ними?

— Тебе и так едва удавалось держать их в повиновении. Ну ничего, завтра ты опять облачишься в свой строгий наряд, наденешь туфли на низких каблуках и примешься изо всех сил руководить.

— Как ты думаешь, чем они заняты на самом деле? Ты ей поверил?

— Почему нет? Она и в самом деле показалась мне усталой.

— Айви? Ни в коем случае! Она сейчас отбивает чечетку от радости, — мрачно

предположила Фов.

— Ужин в номере я тебе гарантирую, — сказал Эрик, целуя ее в шею и на этом заканчивая дискуссию. Он прекрасно слышал, как в номере Айви вылетела пробка из бутылки с шампанским. Но стоило ли говорить об этом Фов?

На следующее утро Фов с ангельским видом терпеливо ждущего человека сидела в вестибюле гостиницы «Гранд» и читала газету. У нее отлегло от сердца, когда ее модели выплыли из лифта вовремя и выглядели свежими и отдохнувшими. Она проводила их к Валентино, где девушкам предстояло провести весь день до вечера, пока на них будут подгонять наряды новой коллекции.

Выйдя на улицу, Фов вдохнула свежий весенний воздух и решила, что день просто замечательный, хотя март в Риме бывает холодным и сырым. Но сейчас люди уже сидели за столиками в уличных кафе, в воздухе витал мягкий аромат эспрессо, повсюду нежно зеленели деревья, и на каждом углу появились прилавки с цветами.

Она купила сотню крошечных, терпко пахнущих темнокрасных гвоздик, и едва смогла унести всю охапку в обеих руках. Сердце Фов наполняла непривычная, опьяняющая нежность. Она казалась самой себе розовым воздушным шариком, свободно летящим в лазурно-голубом небе. Зачем ей столько цветов. Ах да, ей же надо навестить трех манекенщиц из агентства, которые работали в Риме последние шесть недель. Все девушки оказались дома и в отличном настроении, так что Фов оставила каждой по охапке цветов и расцеловала каждую на прощание. Теперь она была свободна, и ее ждал Эрик.

День принадлежал ей до той минуты, когда настанет время забирать Айви и ее подружек у Валентино, и она могла провести его с Эриком. Было утро среды, а во Флоренцию ей предстояло лететь только в четверг вечером. В ее распоряжении целая вечность, если подумать об этом, как о веренице прекрасных мгновений, совершенных каждое само по себе.

Они встретились за ленчем в маленьком ресторане рядом с Форумом, и Эрик не мог отвести от Фов глаз. Она выглядела пятнадцатилетней: лицо без косметики, только немного туши на ресницах, волосы зачесаны назад и так сияют на солнце, что кажутся огненными. Она надела мягкий свитер, напоминавший цветом фисташковое мороженое, и светлосерые брюки, которые заправила в низкие темно-желтые сапожки. У Эрика от любви к ней защемило сердце. После ленча они отправились в Форум, купили билеты в совершенно обычном киоске, словно небольшого кусочка бумаги было достаточно для путешествия в глубь веков.

— Когда я впервые приехала в Рим, я тоже сюда приходила, — сказала Фов, — на другой день после экскурсии по Ватикану, и тогда же пообещала себе, что обязательно приду еще раз, если снова окажусь в Риме. Ты не против, правда? Боюсь, что здесь мало интересного для архитектора.

— Разбитые колонны, пара арок, несколько обезглавленных статуй? — предположил Эрик, оглядываясь по сторонам. — Нагромождение осколков прошлого, слой за слоем, останки столетий, упавшие друг на друга, и все увито виноградом, плющом и остролистом. Для археолога настоящий клад. — Он рассмеялся. — Почему тебя так тянет сюда?

— Это единственное место в Риме, где я по-настоящему ощущаю, насколько это древний город. Остальные монументы содержатся в таком порядке, они отреставрированы, поэтому я не чувствую связи с прошлым. А Форум позволяет моему воображению

разгуляться.

Фов и Эрик двинулись по аллее кипарисов к вершине Палатинского холма, где некогда располагались дворцы правителей. Ни туристов, ни, разумеется, римлян нигде не было видно.

— Я думаю, это самое спокойное место в Риме, — негромко заметила Фов. Поэтические развалины Форума завораживали ее. Было что-то сверхъестественное в том, что они находились в этом заброшенном теперь месте, где когда-то толпы простолюдинов со всей Римской империи дрались, чтобы подобраться поближе и увидеть наиболее богатых горожан, проезжавших мимо во всем величии. Фов чувствовала легкое головокружение, словно двигалась сквозь тысячелетия в сапогах-скороходах. Она подняла ветку с темно-зелеными листьями аканта и принялась изучать их классическую форму. Ей вдруг захотелось сделать из нее венок. Она взглянула на Эрика. У него было лицо молодого римского консула, только что вернувшегося с победой. Его голова требовала венка.

Они дошли до вершины холма, взошли по истертым и потрескавшимся ступеням и оказались в маленьком заросшем самшитовом саду. Только этот скромный уголок напоминал о некогда великолепных висячих садах Фарнезе.

— Как мне здесь нравится! — воскликнула Фов. — И этот упоительный запах! Откуда он?

— Так пахнет самшит... Или это аромат веков?

— Я чувствую себя необыкновенно живой, в Риме нет больше подобного места. — Голос Фов звучал мечтательно. — Даже привидения здесь должны быть необыкновенно симпатичными.

— Да... Я тоже это чувствую... Как ты узнала?

— Я просто знаю, что ты ощущаешь то же самое.

Фов и Эрик уселись на каменную скамью и замолчали.

Эрик первым нарушил молчание.

— Ты по-прежнему увлечена живописью? Я еще не услышал от тебя ни слова об этом:

— Я больше не пишу... С того самого лета, когда мы познакомились.

— Ты оставила живопись? — Эрик не мог поверить собственным ушам. — Как это могло случиться? Ведь она так много для тебя значила?

— Эрик, дорогой, — нотка глубокого сожаления удивила Эрика, — не спрашивай меня об этом... Я ничего не могу объяснить, даже самой себе. Лучше расскажи мне, как ты живешь. Чему посвящена конференция, на которую ты приехал?

— Это и в самом деле очень важно, Фов. — Эрик встал и принялся ходить взад и вперед по усыпанной гравием дорожке, жестикулируя и сверкая глазами. — Ты помнишь все эти кошмарные типовые дома, которые появились в пригороде Авиньона в промышленной зоне Кортина?

— Еще бы, они были на редкость уродливым пятном в восхитительном пейзаже.

— А они не должны быть такими! На конференции речь пойдет о новых формах для недорогого типового жилья, о том, чтобы при той же стоимости дома выглядели красивее. Весь вопрос в дизайне... Архитектору не должно быть все равно. Я никогда не смирюсь с тем, что многоквартирные дома обязательно должны быть непривлекательными. И многие архитекторы со всего мира согласны со мной. Мы встречаемся для того, чтобы обменяться идеями и технологиями.

— А тебя интересуют только такие здания?

— Ни в коей мере. Это просто необходимость. Я специализируюсь на реставрации старых фермерских домов по всему Провансу. Ты не поверишь, сколько народу умудряется купить старые фермы, чтобы превратить их в тирольский домик или греческую виллу. Я помогаю им обрести комфортабельный дом со всеми современными удобствами, не нарушая при этом естественной красоты строения. Но больше всего я радуюсь возможности построить новый дом. Я никогда просто не копирую старую ферму, это было бы легко, но много ли радости от такой работы? Создать новый дом для провансальского пейзажа, современный дом, который радовал бы глаз, где было бы приятно жить, но при этом он не портил бы холмы и горизонт да еще пришлось бы по вкусу и соседям, разве это не наслаждение для архитектора? Я хочу показать тебе мои дома. Может быть, поедем в Авиньон, и ты сама все увидишь? Не возвращайся в Нью-Йорк.

Фов тут же сжалась от его напора.

— Никаких планов на столь далекое будущее. Самое большее, о чем я могу думать, это о том, что мы будем делать с моими девочками сегодня вечером. Я подозреваю, что они для себя программу уже подготовили. Я не должна оставлять их без присмотра, но и не представляю себе вечер без тебя.

— Почему бы мне не созвониться с другими архитекторами? Мы могли бы вместе поужинать, — предложил Эрик.

— Итальянские архитекторы?

— Эта конференция больше напоминает Олимпийские игры, здесь представлены все национальности. Многие уже приехали.

— Гм-м... — Фов задумалась не на шутку. — Любых итальянцев исключаем сразу. Шведы весьма сомнительны. Ведь не случайно в названиях многих порнофильмов присутствует прилагательное «шведский». Англичане... Нет, не годится. Помнишь старую французскую поговорку о том, что нет более сексуальных женщин, чем предположительно фригидные англичанки? А если это относится и к чопорным английским мужчинам? Я не могу так рисковать.

— Тогда финны, — решил Эрик. — Почему бы нам не попытаться счастья с финнами? Они размножаются весьма умеренно.

Вечером после ужина, который войдет в анналы агентства «Люнель», Фов убедилась, что все ее подопечные заперлись в своих номерах, и только потом ушла в отель к Эрику. Огромная кровать, в которой они провели всего одну ночь, снова приняла их в свои объятия. Эрик уже начал думать о ней, как о некоем мифическом месте. Он считал часы до расставания с Фов и остро ощущал не только быстрый бег времени, но и качество простыней, неровность матраса, янтарный свет лампы в изголовье. Все это уже становилось достоянием прошлого, продолжая существовать в настоящем.

— В нашем распоряжении только сегодняшний вечер, — сказал он, ласково касаясь лица Фов. — Завтра ты не сможешь быть со мной целый день, нашими будут только несколько часов, пока пройдет показ коллекции. А потом этот чертов самолет унесет тебя во Флоренцию. Ну почему, почему, ты должна уехать в четверг вечером?

— Не считай часы. Не считай минуты. Ты портишь наш вечер. Не заставляй меня грустить больше, чем я уже грущу, — взмолилась Фов. — В пятницу утром девочки должны появиться во всей своей красе перед новым дизайнером. И тебе это известно не хуже, чем мне. Потом все выходные будут заняты примерками у Версаче, у Армани. Я думала, ты

понял.

— К сожалению, все ясно. Мне непонятно только одно: почему ты избегаешь серьезного разговора со мной с первой минуты нашей встречи в Риме. Я не настаивал, но сейчас...

— Позволь мне еще раз избежать этого разговора. Мне это замечательно удастся, — прошептала Фов, покрывая поцелуями его шею и грудь.

— Согласен, если ты ответишь на единственный вопрос. Ты любишь меня, Фов?

— О, да.

— Тогда мы должны строить планы, говорить о будущем...

— Ты же сказал, что, если я отвечу, ты позволишь мне избежать серьезных разговоров, — запротестовала Фов, прерывая его. — Планы, будущее, как раз от этого я и убегаю.

— Если бы ты сказала, что не любишь меня, я бы заткнулся. Но ты меня любишь, и это все меняет. Разве ты не понимаешь? — От облегчения у Эрика даже голос изменился.

Фов вырвалась из его объятий, встала с постели и подошла к окну. Ее обнаженное тело белело в темноте. Она обхватила голову руками и раскачивалась из стороны в сторону. Это был жест смущения и отрицания.

— Прошу тебя, Эрик, только не сегодня.

— Но когда же? Ты же не собираешься уехать без... Нет, этого не может быть! Фов, как по-твоему, сколько таких шансов нам подарит судьба?

— Эрик, я просто не хочу ни о чем думать, — медленно ответила она, не поворачиваясь к нему. — Я давно просто плыву по течению. Я была так счастлива, я казалась самой себе легким мыльным пузырем. Но если мы продолжим этот разговор, все очарование исчезнет. Прошу тебя, не надо.

Эрик встал рядом с ней у окна, обнял ее, поддерживая ладонями ее груди. Он как будто защищал Фов от ударов судьбы своим крупным телом.

— Ты дрожишь. Не стой здесь, слишком холодно. Идем в постель, моя маленькая любовь. И бери с собой свой мыльный пузырь. Он так хорош и так тебе идет.

— Завтра мы поговорим, Эрик, я тебе обещаю.

— Завтра.

В четверг после ленча Эрик ждал Фов у «Розати». Он нетерпеливо посмотрел на часы. Показ коллекции Валентино уже Должен был начаться. У них с Фов будет почти два часа, чтобы все обсудить, прежде чем она отправится забирать своих манекенщиц и багаж, чтобы ехать на аэродром в Фумичито.

Он увидел ее и вскочил. Фов шла к нему в дорожном плаще, развевающимся под порывами сильного пронизывающего ветра, гуляющего по площади.

— Давай зайдем внутрь, — предложил Эрик, целуя ее. — Слава богу, что тебя не задержали.

— Как только начинается шоу, ничто, кроме бомбы в костюмерной, не помешает моим девочкам работать. Я сбежала. Мне придется вернуться к тому времени, когда все будут поздравлять Валентино, но моделей очень много.

— Эспрессо? — спросил Эрик.

— Больше всего мне хочется выпить большую чашку чая. Как ты думаешь, в Италии ее можно получить?

— Сюда давно приезжают эксцентричные англичане и остаются в городе надолго. Уверен, что здесь умеют заваривать чай. Фов, ты выйдешь за меня замуж?

— Я боялась, что ты об этом спросишь, — ответила Фов почти шепотом. Эрик посмотрел на нее, и ему вдруг показалось невозможным, что эта бледная девушка в строгом костюме, чей облик оживляли лишь медно-рыжие волосы, и та неукротимая, страстная обольстительница, которая ушла из его номера на рассвете, это одна и та же Фов Люнель.

— Почему боялась?

— Потому что я не могу.

— Почему, любовь моя? Почему два человека, если они любят друг друга, как мы с тобой, не могут стать мужем и женой? — Эрик говорил спокойно, негромко. Он знал заранее, что Фов станет сопротивляться, поняв это по упорному нежеланию заглядывать в будущее. — Тебе уже не шестнадцать. Я знаю, тогда это было бредовой идеей. Но сейчас все изменилось. Нас ничто не может остановить.

— Я не готова к браку. Почему ты решил, что после двух дней, проведенных с тобой, это станет возможным? Всего два дня, Эрик! Они были восхитительными, совершенными, но в реальной жизни нет места совершенству. И это не единственная причина, Эрик. — Фов говорила уверенно, не пытаясь подобрать слова. — Я отвечаю перед Магали, и я не могу забыть об этом. Если я уйду из агентства, ей придется снова проводить по пять дней в офисе или сдать ее и даже продать свой бизнес. Она посвятила ему всю жизнь. Я училась бизнесу целых пять лет, Магали на меня рассчитывает, и у нее есть на это право. Разумеется, она никогда не встанет на моем пути, но, если мне придется уехать из Нью-Йорка, это снова изменит ее жизнь. А это будет несправедливо. Да и что я сама стану делать в Авиньоне?

— Подожди минуту! Ты привела мне уже три причины. Может быть, остановишься и переведешь дух? Выпей чаю. Молока? Лимон? Согласен, брак не похож на два дня в Риме. Ничто не похоже на два свободных дня в Вечном городе, на неделю во Флоренции или на целый месяц в Италии. Супружество — это супружество, и ни одна пара не имеет ничего общего с другими. Наш брак будет замечательным. Время от времени и ему будет недоставать совершенства, но только дети ожидают от совместной жизни совершенства. А ты уже не ребенок. Это первое. Второе. Ты много рассказывала мне о Магали, и я знаю, что она сумеет о себе позаботиться. Она бы пришла в ужас, если бы узнала, что ты приносишь себя в жертву ради нее. Третье. Твоя работа — это вопрос серьезный, но решаемый. Я могу переехать в Париж, там тебе будет легче найти себе дело. Ты сможешь открыть собственное модельное агентство, если у тебя лежит к этому душа. Мне не обязательно жить в Авиньоне.

— Прекрати, Эрик! Ты такой рациональный, ты все разложил по полочкам, получилась не жизнь, а железнодорожное расписание.

— Но ты привела мне причины, почему не можешь стать моей женой, и я доказал тебе, что ты ошибаешься. Если есть еще что-то, скажи мне!

— О... — Фов на мгновение потеряла дар речи.

— Давай поговорим о нерациональном.

— Мне страшно, я в ужасе, я напугана до смерти, — выпалила Фов. — Необходимость принимать такое серьезное решение меня просто парализует. Для меня это чересчур. У меня все внутри холодеет. Видишь ли, я не тороплюсь жить, это в моем характере. Я продвигаюсь вперед крайне медленно, все время оглядываясь назад. Мне необходимы старые привычки, все должно быть знакомо. Я в ужасе от того, что вею оставшуюся жизнь я проведу с тобой или с кем-то другим. Я совершенно не знаю тебя теперешнего, а ты не знаешь меня. У меня

было мало времени для себя самой, я не могу стать женой, я не хочу планировать мое будущее. Тебе легко, тебе двадцать шесть лет, у тебя было время открыть самого себя, экспериментировать. А у меня ощущение, что на меня давят, меня торопят... Как ты можешь ожидать от меня положительного ответа?

— Это только естественно, в этом нет ничего нерационального. — Эрик взял руки Фов в свои. — Я понимаю, что еще слишком рано принимать решение. Просто приезжай и живи со мной. Мы посмотрим, как нам будет вдвоем. Ведь это не слишком серьезный шаг, правда? Интерлюдия, если ты хочешь. Поедем ко мне в Авиньон, и мы проведем эту весну вместе.

Фов не поднимала глаз от своей чашки, совершенно запутавшись. «Он не понимает. Я ему не верю. Я никому не могу верить. Я доверяла моему отцу, и чем все это кончилось? Не знаю, смогу ли когда-нибудь вообще поверить мужчине. Интерлюдия... Он назвал это интерлюдией... Но с нее и начинается все самое ужасное в жизни. Много лет назад в Париже Магали тоже переживала интерлюдию... Моя мать тоже позволила себе начать ее... За интерлюдией следует прелюдия, а что потом? Весна в Авиньоне? Нет, это опасно, слишком опасно. Если кому-нибудь веришь, опасность всегда рядом. Мне нужна моя привычная жизнь, где у меня есть рабочий кабинет, где люди нуждаются во мне, где я выросла, где я в безопасности. В безопасности!»

— Нет, — ответила Фов, не поднимая головы. — Я не могу. Я должна вернуться в Нью-Йорк. Может быть, я приеду в отпуск... — ее голос прервался.

— Не беспокойся, — Эрик встал. — Я не сразу понял, что сама мысль о браке со мной тебе отвратительна. Я бы не стал так долго докучать тебе, если бы знал. Ты говорила, что любишь меня, но ты любишь меня недостаточно. Прости, это моя ошибка.

Он положил деньги на столик и вышел.

— Я знала, что он меня не поймет, — прошептала Фов.

— Что-то не так, синьорина? — спросил подошедший официант.

— Нет, все в порядке, — ответила Фов. — Это всего лишь конец...

— Простите?

— Конец интерлюдии.

Фальк привык к лести красивых женщин и перестал обращать на нее внимание. Иногда ему казалось, что он уже не помнит, что такое быть польщенным... Но когда Фов Люнель пригласила его к себе на ужин — первый ужин, приготовленный ею самостоятельно, — он почувствовал себя именно польщенным.

— Я могу оказаться никуда не годной кулинаркой, — предупредила Фов.

— Почему ты так решила?

— Я еще ни разу не готовила для гостей, так что успех маловероятен.

— Ничего, я рискну.

Он ждал, пока Фов смешает на кухне напитки и принесет их, и разглядывал ее гостиную. Очень похоже на чердак старого семейного дома... Интересно, Фов вообще что-нибудь выбрасывает? Художественный вкус внучки Маги проявился только в одном. Она выкрасила пол изумрудно-зеленой краской и не стала покрывать его ковром, подобрав обивку мебели в тон. На ситце пышных подушек викторианских кресел и диванов цвели пышные розы. Приглядевшись поближе, Фальк вспомнил, что когда-то эта ткань использовалась в качестве занавесок в квартире Маги на Пятой авеню.

Он легко мог вспомнить происхождение почти каждой вещи в этой заставленной комнате. Вот огромная клетка для птиц, которую он сам как-то купил Фов на Третьей авеню как-то в субботу. Вокруг нее стояли еще семь клеток разных размеров, образуя сложную структуру, в которой не пели птицы. А вот гигантская соломенная шляпа на стене, которую он привез ей из Юкатана, но только теперь рядом с ней висел десяток других, разных размеров и форм. Грациозная старинная лира, которую он подарил Фов на Рождество, когда девочке было двенадцать, висела на другой стене, окруженная собранием старинных музыкальных инструментов, флейтами, скрипками, гобоями и даже поцарапанным кларнетом, которому вернули былое сияние. Повсюду у Фов стояли корзины. В некоторых росли растения, в других расположились карандаши, в третьих лежали блокноты, отрезки тканей и мотки пряжи.

А подушки! Можно подумать, Фов опустошила весь рынок подушек, найдя самые редкие экземпляры. Фальк понимал в этом толк, отдавая предпочтение старинной мебели и вещам. На полках стояли все тома «Волшебника из страны Оз», многочисленные приключения Мэри Поппинс, а также другие детские книги. Фов ничего не отдавала и не выбрасывала. Пара задрапированных каменных сфинксов в натуральную величину, так он подумал, хотя ни разу живых и здоровых сфинксов не видел, охраняли камин с отполированной медной решеткой.

Фов не стала зажигать в нем огонь, потому что день в середине сентября 1975 года выдался теплым. Но вместо этого она зажгла множество низких белых свечей, поместила их в стеклянные стаканы и расставила на решетке, чтобы камин не казался черным и мертвым. У высоких узких окон, выходящих на роскошное дерево аканта, стоял круглый стол, покрытый тремя разными скатертями. Первая, ниспадающая до самого пола, была из хрустящей ярко-красной тафты; вторая представляла собой старинный шелковый ковер всех оттенков розового, а самая верхняя была из белого тончайшего льна с каймой из вышитого органди.

На письменном столе Фов в старинных резных рамках стояли только три фотографии:

Маги и Дарси, сидящие на траве перед загородным домом; Маги в окружении своих самых известных десяти манекенщиц, и увеличенная пробная фотография двадцатилетней Тедди, которую сделал сам Фальк в 1947 году.

Он отвернулся, не в силах долго смотреть на это изумительное лицо, и его взгляд привлек странный предмет, гигантский плюшевый медведь-панда, знававший лучшие дни. Он сидел на почетном месте в кресле-качалке в углу комнаты. Изумленный Фальк огляделся по сторонам в поисках других животных. Ряд носовых фигур с кораблей, армия крохотных статуэток, коллекция музыкальных шкатулок, лес разнообразных свечей и на каждом столике несколько ваз для цветов разной высоты. Да, безделушек много, но он с облегчением заметил, что больше никаких плюшевых зверей в гостиной не оказалось.

— Очень уютно, — сказал он Фов, когда та протянула ему стакан.

— Я не слишком много внимания уделяла дому, — ответила она. — Но понемногу здесь все приходит в норму.

— О какой норме ты говоришь?

— Я буду знать, когда все будет на месте. Вероятно, это произойдет в тот момент, когда я не смогу пройти по комнате, не наткнувшись на что-нибудь. Именно поэтому я не стала стелить ковер. Если бы у меня был ковер, то я захотела бы положить еще один сверху, а потом еще один. Всегда находятся интересные вещи.

— Мне нравятся вещи, — признался Фальк. — Они ни на что не похожи.

— Я знала, что ты меня поймешь, — они улыбнулись друг другу. — Ты не стал меня спрашивать, не коллекционирую ли я пыль. Ты не решился утверждать, что у меня невроз, и не принялся с умным видом комментировать мои глубоко спрятанные комплексы.

— Ни за что на свете. Но одно не дает мне покоя.

— Что именно?

— А где же картины?

— У меня нет места для картин. Стены все заняты, а потом, чтобы отдать картинам должное, им нужно подчинить все убранство комнаты.

— Да, твоя гостиная — это просто остров неповиновения.

— Совершенно верно. Ой, мои цыплята! Извини меня, я сейчас вернусь.

Фов возвратилась в комнату, завернутая в огромный белоснежный поварский фартук, скрывающий ее фигуру в легком хлопковом платье цвета шафрана без рукавов и с голой спиной.

— Они жарятся, это все, что я могу сказать в их пользу на данный момент.

— И что ты готовишь? — с интересом проголодавшегося спросил Фальк.

— Цыплята по-венгерски. Я рассчитываю на то, что все в этом мире можно усовершенствовать внушительным количеством сметаны. Я понимаю, что это слабость с моей стороны.

— Когда ты начала готовить? Неужели это было своего рода озарение?

— Может быть, я взрослою или мне надоело питаться готовыми продуктами. Когда я сюда переехала, я всегда брала что-то на ужин в «Довер Дели». Несколько недель назад я проходила мимо мясного магазина и вдруг неожиданно даже для самой себя туда зашла и купила два куска ягнатины. Я решила, что брошу их на сковородку и поджарю. Я так и не знаю, что я сделала неправильно, только в кухне было полно дыма, а масло ужасно брызгалось! Потом я приобрела «Радости кулинарии». Сегодня мой дебют.

Фов начала накрывать на стол.

— Маги считает, что ты слишком много работаешь, — сказал Фальк. — Она говорила мне, что ты подчинила бизнесу всю свою жизнь.

— Кто бы говорил! А ты знаешь, что она сделала в прошлые выходные? Магали заказала пять тысяч луковиц желтых нарциссов. Пять тысяч! Она намерена высадить их на холмах позади дома, чтобы они одичали и росли там годами. Как только Магали закончит с нарциссами, она намерена устроить тенистый сад в лесу, как это было бы в природе, что отвечает ее чувству прекрасного. Ты можешь себе представить, чтобы тот, кто копает пять тысяч ямок для луковиц, говорил мне, что я много работаю?

— Маги не копала ямки, а просто вспахала землю и разбросала луковицы вместо семян. Во всяком случае, так она мне объяснила.

— Это все равно труд. Ты знаешь, мне иногда кажется, что теперь Маги больше интересуется своим садом, чем агентством, — заметила Фов, расставляя тарелки.

— Почему ты так говоришь?

— Что-то очень странное творится по четвергам. Чем ближе к вечеру, тем более раздраженной она становится, словно ей не терпится уехать. Но Магали отказывается в этом признаваться. Она повсюду находит несуществующие ошибки, ходит по отделам, все проверяет по второму разу, чтобы убедиться, что никто не прогуляет в пятницу или понедельник. То вдруг начинает беспокоиться о моделях, у которых все отлично, потом отправляется в бухгалтерию, чтобы выяснить, готовы ли они платить зарплату. Как будто после стольких лет там не знают, что в пятницу модели явятся за своим чеком, что бы ни случилось. Магали всех сводит с ума. Новые букеры ее боятся. Она все время находит себе занятие, так что и нам не удастся уйти с работы вовремя. Мне кажется, Магали заставляет себя работать допоздна, так как чувствует себя виноватой за то, что так мало времени проводит в офисе.

— Ты говорила с ней об этом? — спросил Фальк.

— Нет, я решила, что не стоит. Я думаю, что настанет день, когда Магали не захочет работать три дня в неделю, и она сама мне об этом скажет. — Фов оценивающе оглядела стол и сочла, что все на месте.

— Ты хотела бы самостоятельно управлять агентством?

— Ради этого меня учили, только это я и умею делать. В каждом отделе на нас работают люди, которым мы можем доверять. Я занимаюсь этим бизнесом пять лет, так что я, пожалуй, не провалюсь. Но «Люнель» — это Маги. Любая начинающая модель мечтает увидеть Маги Люнель, а не Фов Люнель. Редакторы журналов доверяют ее мнению, а не моему. На то, чтобы я завоевала свое место, уйдут годы. Но если Магали скажет, что с нее довольно, я пойму. Я буду вынуждена с этим смириться. Ой, мои цыплята!

Когда Фов вернулась из кухни, на ее лице появилось выражение облегчения.

— Я попробовала, и, кажется, нечто отдаленно венгерское в них присутствует.

— Неужели ты никогда ничего не готовила для Бена? — поинтересовался Фальк.

— Бен Личфилд начисто лишен вкусовых ощущений.

— А я думал...

— Я знаю, о чем думал ты и все остальные. Честно говоря, Мелвин, можно подумать, что весь Манхэттен — это не больше двух кварталов, настолько все осведомлены о чужих делах. — Фов села рядом с Фальком и отпила вино из своего бокала. — К тебе это, разумеется, не относится.

— Я так и понял. Ну расскажи мне о своих делах.

— Он хочет на мне жениться.

— Какие еще новости?

— Нет, Бен в самом деле только об этом и думает. Раньше он упоминал об этом редко, а теперь говорит это при каждой нашей встрече. Он все время давит на меня, — грустно сказала Фов.

— Но другие девушки...

— Вот-вот, другие девушки ухватились бы за него обеими руками. Бен отличный парень, умница, добрый, серьезный, успешный, очень привлекательный. С ним я могу поговорить, у нас много общего, он просто мечта.

— Что-то мне не нравится этот портрет.

— Думаю, мы с Беном, что называется, созданы друг для друга. — Фов слабо улыбнулась.

— Если бы ты сказала, что он невозможный, сумасшедший, непредсказуемый и что ты не можешь понять, почему в него влюбилась, вот тогда вы бы и в самом деле были созданы друг для друга.

— Кто знает? Никто не даст никаких гарантий.

— Какие могут быть гарантии, Фов? Это все лотерея.

— Неужели нельзя ни в чем быть уверенной? Если быть очень осторожной и внимательной, можно держать все под контролем.

— Нет, дорогая, нельзя. Ты становишься старше, и это единственное, в чем ты можешь быть уверена. Но во всем кроются сюрпризы.

— Никогда не любила сюрпризы, — на лице Фов появилось такое печальное выражение, что у Фалька защемило сердце.

— Как там твои цыплята, готовы? — напомнил он. — Пахнет вкусно.

— Пойду на разведку. А как мне узнать, что они готовы?

— Возьми большую вилку, воткни в цыпленка и посмотри, какой сок потечет. Если светлый, то все в порядке. Да, и ткнуть нужно в грудку, а не в бедро.

— Откуда ты знаешь?

— Сколько жен у меня было?

— Всего три.

— Должно быть, меня научила одна из них, но я не помню, какая именно. Полезно знать подобные вещи. Люди называют это мудростью.

Через несколько минут из кухни выплыла довольная Фов с подносом в руках. Ее лицо сияло.

— Выглядит вполне прилично, если внешний вид о чем-то говорит.

Цыплята оказались очень вкусными. Удалось и стручковая фасоль, и рис. Сметанный соус с паприкой создал деликатес, превращающий голод в добродетель, потому что не съесть такое блюдо было бы просто грешно.

Покончив с ужином, Фов и Фальк сидели перед камином, где еще мерцали свечи, и потягивали бренди. Фов молчала, о чем-то глубоко задумавшись. После долгой, уютной тишины она подняла голову и сказала:

— Никто из тех людей, кто мне особенно дорог — Магали, Дарси, Лалли Лонгбридж, которая мне как тетка, и особенно ты, Мелвин, с кем я могу говорить совершенно свободно, — не рассказывает мне о матери. Интересно, почему?

— Я всегда думал, что... Маги рассказала тебе все, ничего не утаила, — запинаясь, ответил Мелвин.

— Ну, конечно же, я знаю ее жизнь в общих чертах. Основные факты. Я долго разглядывала ее фотографии... В офисе собраны все журналы с фотографиями манекенщиц агентства, и между 1947-м и 1952-м там сотни фотографий Тедди Люнель. Но они не расскажут мне того, о чем я хотела бы знать, сколько бы я ни вглядывалась в ее глаза.

— А о чем тебе хотелось знать? — поинтересовался Фальк, и его сердце гулко забилося в груди.

— Сейчас мы почти сравнялись с ней по возрасту. Любила бы я ее? Как бы она посоветовала мне поступить с Беном? Чем она дорожила больше всего на свете? Почему она не вышла за тебя замуж?

— Ты знаешь об этом? Кто тебе сказал? — Резким движением Фальк поставил свой бокал на ковер.

— Я давно обо всем догадалась. Когда ты на меня смотришь, на твоём лице появляется странное выражение. Я знаю, что ты любил мою мать. Вы были любовниками? — серьезно спросила Фов.

— Я был... первым молодым человеком, который сказал ей, что она красива. Я пригласил ее на первое свидание, я первым поцеловал ее, я стал ее первым мужчиной.

— Но почему она не вышла за тебя?

— Тедди этого не хотела, она ничего не могла с этим поделать, она просто не могла влюбиться в меня... Твоя мать искала чего-то другого...

— У нее было много любовников?

Фальк замялся. Имеет ли он право отвечать? Есть ли у Фов право спрашивать?

— Вот видишь? — укорила его Фов. — Вот об этом я и говорила. Если бы мама была жива, я бы просто ее спросила: «Мама, у тебя в моем возрасте было много любовников?» И она бы мне что-нибудь ответила, пусть даже сказала бы, что это не мое дело. Но я не могу спросить об этом Магали, а теперь и ты... Что бы мне сказала Тедди?

— Я думаю, что она ответила бы на любые твои вопросы. Не уверен, что она сумела бы дать тебе разумный совет, потому что разумной она никогда не была. Но уверен, что Тедди была бы с тобой честной.

— Ну и?

— Я сказал тебе, что она искала чего-то другого. Эти поиски длились долго, она не находила того, что ей было нужно. Поэтому у нее были любовники. Не знаю, что ты понимаешь под словом «много». Но, вероятно, ее любовником был один мужчина из каждой сотни увивавшихся за ней.

— Но она любила их?

— Да. Потом любовь проходила, и Тедди снова начинала искать. А потом она встретила твоего отца, и это было то, чего она так долго ждала.

— Ты считаешь, что я поступила ужасно? — задала неожиданный вопрос Фов. — Заманила тебя к себе божественными цыплятами и принялась мучить расспросами о том, что ты не хочешь обсуждать.

— Нет, что ты! Мне кажется, мы все были к тебе ужасно несправедливы. Мы не говорили с тобой о Тедди, потому что это было очень больно. Ее смерть изменила всех нас. Никто из нас так и не стал прежним.

— А разве так не говорят обо всех, кто умер молодым?

— Может быть. Но твоя мать была... она...

— Другой? Особенной? — Голос Фов дрожал от желания знать.

— Как бы мне хотелось попытаться рассказать тебе о ее очаровании. Но нужно быть поэтом, чтобы описать Тедди. Ты бы ее очень любила, и она любила бы тебя больше всего на свете... И это самое главное. — Фальк встал, подошел к свернувшейся в кресле Фов и обнял ее. — Помни только об одном. Твоя мать все-таки нашла то, что искала так долго, и она была необыкновенно счастлива до самой своей смерти.

— Могу я предложить тебе еще бренди, Мелвин? — Фов так резко встала с кресла, что столкнула со столика большую папку. Она упала на пол, листы бумаги разлетелись по всей комнате. Фов быстро принялась собирать их, Фальк нагнулся, чтобы помочь ей. Он набрал небольшую стопку и только потом решил взглянуть, что же это, собственно, такое. Он небрежно посмотрел на верхний лист, взглянул еще раз сквозь очки с толстыми стеклами и поднес его к свету.

— Это все ерунда, — торопливо заговорила Фов. — Просто верни мне это, и все.

— Черта с два я отдам твои рисунки, пока не посмотрю все.

— Но это всего лишь мазня, Мелвин. Отдай, не серди меня. Это касается только меня. — Фов запихнула те листы, что собрала сама, в папку и попыталась отобрать остальное у Мелвина.

— Не порви! — воскликнул он, пятясь назад.

— А если и порву?

— Фов, ты рисовала, ты работала... Как долго это продолжается? Ты хотя бы представляешь, насколько ты хороша, глупая девчонка!

— Это нервное... Мне просто необходимо рисовать... У кого-то тики, у меня наброски. Прошу тебя, Мелвин, не делай из мухи слона. Ты же знаешь, как я отношусь к искусству. Это даже не хобби... Все что-то чертят, покажи мне того, кто этого не делает.

— Господи, Фов, ты же говоришь со мной! Неужели я не увижу разницы? Они просто великолепны! Фов, рассказывай!

— Абсолютно нечего рассказывать. Ладно. Признаю, я немного рисую... Красками не пишу совсем... Честное слово! Никаких красок, ты бы почувствовал их запах в квартире. — Фов обвела руками комнату. — Закон не запрещает рисовать, и никто не назовет рисование пороком. Хватит, Мелвин, перестань так на меня смотреть. Ты меня смущаешь. И отдай назад рисунки.

Мелвин вернул ей листы и пожал плечами:

— Если ты хочешь идти таким путем, детка, дело твое. Но если ты захочешь сделать мне подарок на день рождения или Валентинов день, то подари мне один из твоих рисунков. Не трудись вставлять его в рамку. Ты нашла свою линию, свой собственный стиль, который не имеет ничего общего ни с манерой твоего отца, ни с другими художниками. Ты понимаешь, что это значит? Нет? Ну и дурочка! Пожалуй, я выпью еще бренди, которое ты мне так любезно предлагала. Сейчас оно придется весьма кстати.

Марта Полиссон, которой уже перевалило за семьдесят, была по-прежнему предана Надин. Для нее светская молодая женщина оставалась всё той же красивой маленькой дочкой, которой у нее никогда не было. Надин, зная, что Марта слепо обожает ее, инстинктивно и бесстыдно использовала слабую струнку этой суровой крестьянки. Она всегда бежала к ней с малейшей царапиной, над которой Кейт только посмеялась бы. Она

часами просиживала на кухне, выслушивала бесконечные рассказы о деревенской жизни, и ждала восхитительных сладостей, которые Марта готовила специально для нее. Когда Надин отправили в школу в Англию, она почти совсем забыла о Марте. Но когда девочка вернулась на каникулы, прежние отношения были мгновенно восстановлены. И с каждым годом Марта боготворила Надин все больше. После смерти Кейт Марта оставалась единственным связующим звеном между Надин и «Турелло», потому что Мистраль упорно не желал видеть дочь.

— Твоя жизнь — фарс, твой муж — ничтожество, а я слишком занят, чтобы ты могла мне мешать. Вам здесь не рады, мадам Дальма, — объявил ей Мистраль, когда она предложила заехать к нему на выходные. С тех пор прошло четыре года, и Надин поддерживала связь только с Мартой, которая звонила ей время от времени.

Сколько раз Надин выслушивала раздражавший ее доклад:

— Месье Мистраль все такой же, девочка моя, — раздавался в трубке надтреснутый голос Марты. — Здоровье у него отличное. Что он делает целыми днями? Не знаю. Ваш отец держит мастерскую на замке, а я никогда не умела шпионить. После того как ваша мать умерла, здесь стало так тихо, одиноко. Он запустил землю, работников уволил, машины ржавеют, виноградники и оливковые деревья растут так, что перед соседями стыдно. Да только ему и дела нет. Если бы не я, он бы умер от голода и даже не заметил. Я остаюсь с ним только из-за вас и в память о вашей бедной мамочке.

В середине сентября 1975 года Марта Полиссон позвонила Надин и сообщила, что ее отец целыми днями кашляет. Мистраль по-прежнему работал, отказываясь изменить привычный распорядок дня, но утром он не смог встать с постели.

— Месье Мистраль не позволил мне вызвать доктора, моя девочка. Но я думаю, что у него бронхит. Что мне делать?

— Ничего, Марта. Я приеду завтра утром. Вы же знаете, как он относится к врачам. Не стоит его огорчать.

Филипп Дальма предложил вылететь вместе с Надин в Марсель, а потом отвезти ее на машине в Фелис, но она отказалась. Когда Надин подъехала к воротам «Турелло», она пришла в ужас. Дом выглядел заброшенным, он стал похож на груды камней, из которой ушла жизнь. В кухне она позволила Марте обнять себя и даже сумела придать лицу приличествующее случаю выражение.

— Вы стали еще красивее, моя девочка. Как вам, должно быть, весело в Париже! — радостно воскликнула старая экономка.

— Почему в доме закрыты все ставни, Марта? Почему мебель стоит в чехлах?

— Не ругайте меня, я в этом не виновата. В бассейне нет воды, да и сад зарос. Кроме меня, прислуги не осталось. Я вытираю пыль, готовлю, слежу за тем, чтобы починили крышу, если ветром сносит черепицу. Но вы же знаете, что после смерти мадам месье уволил всех слуг, а мой артрит становится все хуже, особенно когда дует проклятый мистраль.

— Бедная Марта... Конечно, я все понимаю, — ответила Надин.

— Я давно предлагала месье развести огонь в большом камине в гостиной, чтобы он мог сидеть там по вечерам, только он не хочет. Сегодня утром я как следует вычистила вашу комнату и проветрила ее. Я подам вам ужин в столовой, если вы захотите, или вы можете поесть в кухне вместе со мной. Вы надолго приехали?

— Я останусь до тех пор, пока не буду уверена, что отцу стало лучше, — с этими

словами Надин отправилась наверх.

— За каким чертом ты сюда явилась? — злобно рявкнул Мистраль, едва Надин переступила порог. — Когда Марта, будь она проклята, сообщила мне о твоём приезде, я уже не мог тебя остановить.

— Марта волнуется о тебе.

— Старая перечница совсем выжила из ума! Я простудился, только и всего. Мне просто необходимо отлежаться.

— Может быть, лучше пригласить врача?

— Не смей меня. Я ни разу в жизни не обращался к докторам. Врач мне не нужен, мне необходимы тишина и покой.

— Марта думает, что у тебя бронхит.

— Старуха несёт околесицу. Она что, получила диплом и может поставить диагноз? Просто оставь меня в покое.

— Ты, наверное, слишком много работал? — предположила Надин.

— Много работал? А ты вообще имеешь представление о том, что значит работать? Я занимался своим делом, вот и все. Работа есть работа. — Мистраль закашлялся. — Выметайся отсюда, — выпалил он, когда снова смог свободно дышать. — А не то я тебя заражу. — Он отпил воды из стакана.

— Нет, отец, я побуду с тобой ещё некоторое время. Не обращай на меня внимания. Я тихонько посижу здесь.

Мистраль равнодушно закрыл глаза, и спустя минуту он уже спал, еле слышно похрапывая. Надин не могла оторвать от него глаз. И это Марта называет отличным здоровьем? Вероятно, она просто не замечала, живя бок о бок с Мистралем, насколько он похудел. Теперь его некогда мощное, крупное тело едва угадывалось под одеялами. Надин чувствовала исходящий от него запах пота и плесени. Она вздрогнула от отвращения.

Ее отец всегда был крепким, и ему было только семьдесят пять. Судя по всему, до вчерашнего дня он работал как обычно. Кто знает, сколько сил ещё осталось в нём? Великие художники, как и великие дирижеры, живут очень долго, если не кончают с собой в юности.

Надин прикусила губу в бессильной ярости. Наверняка ложная тревога, обычная простуда, кашель. Но все же он сильно похудел. Но худые живут дольше толстых, сердито подумала Надин, и на цыпочках подкралась поближе к кровати, чтобы заглянуть в лицо отца.

— Черт побери, Надин, оставь меня в покое! Я хочу спать! — прохрипел Мистраль, не открывая глаз.

Сердце забилося у нее в горле, она выскочила из спальни и побежала в кухню к Марте.

— Марта, я думаю, у нас нет повода для тревоги. У него слишком плохое настроение для тяжело больного.

— Я не могла взять на себя ответственность. Я просто обязана была позвонить вам, — пробормотала экономка.

— Вы поступили абсолютно правильно. И потом, я все равно рада, что приехала. Появился повод увидеть вас. Отец так долго не позволял мне здесь бывать. Вы же знаете, что я приезжала бы в «Турелло» намного чаще, но он отказывался меня видеть. Я не понимала его упрямства, но что я могла поделать? В конце концов, это же его дом.

— Если бы ваша мама была жива! Вы помните, какие вечера она устраивала? Как тогда было красиво в доме, всюду цветы, множество слуг, изобилие продуктов на кухне... А все

эти знаменитости? О, мадам была королевой здешних мест, — печально закончила Марта.

— Вы выглядите усталой, бедная моя Марта, — Надин обняла ее.

— Я не спускала глаз с него прошлой ночью, все ходила вверх-вниз по лестнице. Так что спала я маловато, но вы не должны обо мне беспокоиться.

— Думаю, нам обеим пойдет на пользу, если мы пораньше ляжем спать. Моя спальня недалеко от его комнаты, двери я оставляю открытыми, и если отцу что-то понадобится, я его услышу... Я сплю чутко. Вы не должны бегать по этим лестницам с вашим артритом. Посмотрим, что будет завтра. Если потребуется, я вызову врача и не стану обращать внимания на его протесты.

— Как я рада, что вы приехали, моя дорогая девочка. Теперь мне намного легче. Эта нагрузка слишком велика для такой старухи, как я.

Ночью Надин без сна лежала в кровати. Ей представлялось, как она со свечой в руке спускается в кухню, находит большое кольцо с ключом от мастерской отца, проходит через тихие комнаты закрытого дома, минует двор с бассейном и открывает высокие двери в студию. Вот она включает весь свет и проходит в хранилище, где собраны самые лучшие работы величайшего из живущих художников Франции. Сотни полотен. Надин уже пересчитывала их в уме, прикидывала их стоимость. Сотни миллионов франков, если верить дилеру Мистраля. Слишком большое состояние, чтобы осознать. В этом хранилище спрятано под замком ее блестящее будущее. Весь мир окажется у ног дочери Мистраля. Скоро. Очень скоро. Но как скоро?

Надин встала с постели и тихонько зашла в спальню отца. Его дыхание изменилось, стало прерывистым и тяжелым. Мистраль боролся за каждый глоток воздуха. Надин вернулась к себе и спокойно проспала до утра. Утром она вновь пришла к отцу. Мистраль лежал в полудреме, и стакан с водой оказался пустым. Она налила в стакан воды и поднесла к губам отца.

— Как ты себя чувствуешь?

— Как вчера, — ответил Мистраль шепотом. Даже не касаясь его кожи, Надин ощущала идущий от него сухой жар. Она принесла теплой воды, губку и вымыла отца, скрывая свое отвращение.

— Думаю, мне не стоит тебя брить, потому что я никогда этого раньше не делала, — легко щebetала она. — Сказать Марте, чтобы приготовила тебе завтрак?

— Я не голоден... Еще воды, — прохрипел Мистраль и снова закашлялся, судорожно хватая воздух. Этот кашель, казалось, исходил из самой глубины его тела, сотрясая его, отбирая силы.

Надин вошла в кухню одновременно с Мартой, на чьем лице застыло выражение тревоги.

— Папа очень хорошо спал, — жизнерадостно возвестила Надин. — Я обтерла его губкой, и он снова заснул. Для него это сейчас самое лучшее. Я попыталась заставить его поесть, но он отказался. Я хорошо понимаю его состояние. Когда я сама болела, то даже запах пищи казался мне отвратительным. Я могла только пить. Мой парижский доктор говорит, что ничто не сравнится с хорошим отдыхом и обильным питьем.

— Мне так неприятно, что вы всем этим занимаетесь, — грустно сказала Марта.

— Марта, милая моя Марта, неужели я не могу позаботиться о родном отце? Послушайте, вы сварите наваристый мясной бульон, а я постараюсь заставить его выпить.

— Может быть, нам все-таки позвонить в Апт тому доктору, который лечил вашу маму?

— Папа придет в такую ярость. Ему станет только хуже. Нет, я не возьму на себя такую ответственность и не стану звонить врачу до тех пор, пока не пойму, что папе и в самом деле совсем плохо. Ему необходим покой и уход. Марта, дорогая, вы ведь приготовите для меня жареных цыплят по вашему знаменитому рецепту. Я умираю от голода! И еще ваш абрикосовый пирог, и целое блюдо сыра для меня одной! Я мечтала о сырах из Фелиса. И еще о деревенском масле.

— Мне придется сходить в деревню, в доме продуктов совсем мало.

— Идите, идите, а я побуду здесь. Вам не о чем волноваться.

В течение этого долгого сентябрьского дня Надин караулила больного. Она стояла в коридоре у полуприоткрытой двери и жадно слушала. Мистраль кашлял не переставая. Иногда он стонал и звал ее так жалобно, так отчаянно, но еле слышно. Потом он шепотом звал Марту, снова кашлял, и с каждым часом этот кашель становился все ужаснее. Иногда Мистраль засыпал, но ненадолго. Внизу копошилась экономка, успокоившаяся, повеселевшая. Она готовила и приводила дом в порядок. Ведь Надин сама постаралась найти для нее занятие:

— Откройте все ставни, Марта, снимите эти кошмарные чехлы с мебели, поставьте цветы, разведите огонь в камине. Вечером без него так уныло.

И старая служанка, обрадованная тем, что в дом снова возвращается жизнь, с радостью повиновалась ей. Когда месяц спустится вниз и выскажет свое недовольство, она снова все закроет, только и всего.

Ближе к утру Надин неожиданно проснулась, будто кто-то позвал ее по имени, но в доме стояла тишина. Она знала, что Марта спит в своей комнате за кухней. И все же... что-то такое было... Накинув халат, Надин отправилась в спальню Мистралья. Ей стоило только переступить порог, и она уже знала, что отец умирает. Смерть наполнила пространство, воздух стал густым, тяжелым, и ее приближение было неотвратимым. Наконец-то.

Мистраль захлебывался в жидкости, скопившейся в его легких. Ведь только от этого мог возникнуть этот страшный клетот, душивший его. Если бы только вонь в комнате не была такой омерзительной... Но Надин не собиралась уходить. Ей необходимо знать наверняка.

Она подошла к окну, открыла его, впустив в комнату бриз, чтобы он прогнал зловоние, исходившее от постели. Надин подвинула кресло поближе к подоконнику, включила торшер и стала рассматривать ногти. Лак на одном из них облупился. Ах нет, на двух. Значит, придется отправиться к маникюрше в Фелис, чтобы привести руки в порядок до похорон.

Мистраль издал какой-то новый звук, жалобный, почти плачущий. Воды? Куда ему еще воды, когда он и так в ней тонет? Ни в коем случае. Он попытался что-то сказать. Ерунда какая-то. Набор звуков. Надин не стала слушать.

Вскоре все стихло. Совсем. Надин сидела не двигаясь в облаке света. Она подождала какое-то время, пока не убедилась, что победа за нею, а затем отправилась к себе.

Ей необходимо поспать. Все произошло так внезапно. Утренний свет ее разбудит.

Дождь все еще шел. «Он льет весь день», — подумала Фов, выглядывая из окна квартиры Маги, куда они обе приехали, узнав из новостей о смерти Жюльена Мистралья.

— Как ты думаешь, сколько мне еще отвечать репортерам, что ты не будешь с ними говорить? — мягко спросил у нее Дарси. — Не считая журналистов из «Нью-Йорк таймс», «Дэйли ньюс» и «Пост», звонили десятки других, у входа в дом дежурят фотографы и два фургона с телевидения. В вестибюль их, конечно, не пустят, но ведь они не уйдут. Ненастье им не помеха.

— Почему эти люди не могут оставить меня в покое? — с несчастным видом сказала Фов.

— К сожалению, ты самый лакомый кусочек в этой истории, дорогая девочка. Когда все эти писаки примутся составлять биографию Мистралья, то самым интересным человеком для них станет его дочь, Фов Люнель. Для читателей это «вкуснее» всего. Его смерть сама по себе событие, но есть еще история твоей матери... Думаю, ты понимаешь, почему им не терпится с тобой пообщаться.

— Неужели я в самом деле обязана с ними говорить и отвечать на их вопросы?

— Не вижу причины, почему Фов следует это делать, — вмешалась Маги. — А ты что скажешь, Дарси? Это необходимо?

— Это был бы самый простой выход из положения, — ответил он.

— Но что они захотят от меня услышать? — Фов еще не оправилась от шока.

— У меня они поинтересовались, собираешься ли ты присутствовать на похоронах. А что еще, я не представляю. Когда вы в последний раз виделись, какова твоя реакция на трагическое событие... В общем, все то, о чем обычно спрашивают членов семьи.

— Я этого не ожидала, — медленно произнесла Фов.

— Зато я ожидала, — с горечью призналась Маги. — Я помню, как все было, когда погибла твоя мама... Они обо всем спросят и все напечатают. Дарси, ты не мог бы написать заявление от имени Фов и прочитать им. Скажи, что она слишком расстроена, чтобы говорить.

— Можно попробовать, — согласился Дарси, но в его голосе звучало сомнение.

— Только не говори, что я собираюсь на похороны, — предупредила Фов, — потому что я туда не поеду.

В гостиной повисла тишина. Маги и Дарси обменялись взглядами. Дарси вышел.

Маги пересела на диван, где сидела Фов, и взяла ее за руку.

— Послушай, Фов, как ты не понимаешь, что если тебя не будет на похоронах отца, то это только подстегнет праздное любопытство. Какие бы личные проблемы ни возникли между тобой и Мистралем, он все равно остается крупнейшей фигурой современности, и не только для коллекционеров. Кроме Надин Дальма и тебя, у него больше нет детей. Ты обязана поехать. — Маги говорила убедительно, но нежно. У нее было достаточно времени, чтобы обдумать ситуацию.

— Это не имеет никакого отношения к нашим с ним отношениям, Магали, — прошептала Фов.

— Дорогая, я тебя не понимаю. Через три дня в Фелисе при огромном стечении народа состоится погребение. Нам известно об этом из пресс-конференции Надин. Ты не можешь

не появиться там. Если хочешь, я поеду с тобой. Это привлечет еще больше внимания, но мне все равно.

— Нет, Магали. В этом нет необходимости. Спасибо. Я все равно не поеду.

— Фов, каждый день тысячи людей присутствуют на похоронах, и никто не спрашивает их, что они на самом деле думают об умершем. Достаточно прийти и соблюдать приличия. Пусть это формальность, но очень важная. Это знак уважения. Особенно, если речь идет об отце.

— Я не могу отдать ему дань уважения, — Фов говорила так тихо, что Маги едва слышала ее. Она подседа поближе и обняла внучку.

— Его картин достаточно, чтобы уважать его, пусть между вами что-то и не заладилось. Остается его творчество, Фов, не забывай об этом. Ты должна там быть... Это твоя обязанность.

— Нет. И давай не будем больше говорить об этом. — Фов резко встала.

— Я просто ничего не понимаю! — в отчаянии воскликнула Маги. Ей никак не удавалось убедить молодую женщину.

— Я дала клятву самой себе, что никогда не расскажу тебе, почему мне невыносимо видеть его. Но мне придется сделать это сейчас, иначе ты никогда не поймешь. — Фов опустила на колени у ног Маги и посмотрела ей в глаза с выражением такого отчаяния, сожаления, нежелания, что Маги внутренне съежилась от страха.

— Ради своего творчества, о котором ты говорила и которое я должна уважать, Магали, он пожертвовал многими людьми.

— Пожертвовал?

— Во время войны Мистраль предпочитал работать, пока все остальные сражались. Конечно, он был не один такой. Но он сотрудничал с немцами... И в этом гений оказался не одинок. Когда партизаны украли его простыни, на которых он писал, Мистраль выдал их своему другу, немецкому офицеру. Всех этих молодых ребят убили, а он получил свои простыни обратно и мог не прерывать работу. Но и это еще не все, Магали. В годы оккупации, когда люди стучались в двери «Турелло», Мистраль отказывался впустить их. Это были в основном евреи, пытавшиеся спасти свою жизнь. Когда-то в Париже они были его друзьями, Магали. Возможно, и ты знала кого-то из них. Он не впустил даже Адриана Авигодора. Мистраль мог бы спасти кого-то из них, но ведь они помешали бы ему работать. Из-за его творчества евреи — и никто не знает, сколько их было — попали в концентрационные лагеря и погибли там. Ничто, даже обычная человеческая порядочность, не должно было мешать его творчеству.

— Как?.. Откуда ты знаешь? Кто тебе рассказал? — Маги задохнулась от ужаса.

— Я узнала от Кейт, но Мистраль сам признался в этом.

— Он признался?!

— Да, в тот день, когда я уехала из «Турелло». Я не хотела, чтобы ты об этом узнала, Магали.

— Господи... Почему ты так боялась поговорить со мной? Ты была всего лишь ребенком... Тебе следовало рассказать мне... — с убитым видом сказала Маги.

— Мне было слишком стыдно. Да и незачем было ворошить всю эту историю. Все было кончено. Он знал, что никогда больше меня не увидит.

— Стыдно?

— Да, стыдно за то, что это мой отец. Стыдно за него, стыдно сознавать, что как

человек он ничего не стоил. Именно поэтому я не могу отдать ему дань уважения, Магали, ни ему, ни его работам. Какое творчество может быть важнее человеческой жизни?

Надин Мистраль Дальма не ощущала в полной мере того удовлетворения, на которое рассчитывала. Впрочем, похороны ее вполне устроили. Пронизанное ветрами кладбище на самой высокой точке Фелиса стало очень живописным фоном для печальной процессии, следовавшей за гробом после поминальной службы. Разумеется, присутствовали все взрослые жители деревни. К Толпе местных присоединились поклонники искусства со всего Прованса, жаждавшие похвастаться тем, что видели, как закапывают самого Мистралья. Но, кроме Филиппа и нескольких совершенно незначительных знакомых из Парижа, больше никто не смог приехать. Разумеется, все те, кого хотела бы видеть Надин, еще не закончили летний отдых. Если бы старик умер в октябре, в Париже, то все прошло бы совершенно иначе, размышляла Надин. И все же церемония получилась идеальной. Даже в забытой богом деревушке на католическую церковь можно рассчитывать. Ее служители наделены чувством стиля. Надин ничего не захотелось изменить.

Но после похорон она испытала разочарование, потому что интерес прессы исчез в ту же минуту, как о крышку гроба ударились первые комья земли. Что ж, зато у нее появилась возможность расслабиться. Впервые после смерти Мистралья.

Но вот служащий налогового ведомства вывел ее из себя. Как мог этот мелкий клерк запретить ей открыть мастерскую? Он что, подозревал ее в намерении украсть принадлежащую ей собственность? Надин так прямо его и спросила, когда он опечатывал красным сургучом парадную и заднюю двери. Человечишка что-то бормотал себе под нос насчет необходимых формальностей. Студия останется опечатанной до приезда месье из Парижа. Надин, конечно, пожаловалась Этьену Делажу, но он сказал, что ничего нельзя поделать. Государство должно определить ту часть, которая будет принадлежать ему, и только потом можно будет приступать к продаже. Надин была в ярости. Ведь она и так ждала слишком долго. Но с государством не поспоришь.

— Ну что еще? — раздраженно спросила Надин у Марты, появившейся на пороге гостиной.

— Мэтр Банетт, нотариус из Апта, только что приехал. Он хочет вас видеть.

— Никогда о таком не слышала. Скажите ему, что я сплю. В общем, избавьтесь от него.

— Я пыталась, моя девочка, но он настаивает. Говорит, что это важно.

— Ладно, — вздохнула Надин.

Всем известно, что от нотариуса не отвяжешься. Со смертью и налоговым ведомством она уже встречалась, так стоит ли бояться нотариуса?

В комнату вошел полноватый мужчина с красным лицом, в темно-синем костюме. «С претензией на значительность», — раздраженно подумала Надин.

— Вы выбрали неудачный момент для визита, месье.

— Позвольте принести вам самые глубокие соболезнования, мадам Дальма. Я уверен, что вы оцените мою расторопность.

— Я не понимаю, мэтр... Банетт, так, кажется? Зачем вы здесь?

— Мадам, — укоризненно ответил он, — только профессиональные обязанности могли заставить меня нарушить ваше уединение в горе. Но завещание месье Мистралья должно привлечь ваше внимание. Оно, как и положено, находится в специальной папке в отделе завещаний в Эксе, но я принес вам копию. Я подумал, что вы захотите на него взглянуть.

— Его завещание? — Надин резко выпрямилась. — Отец оставил завещание? Я об этом не знала. — Она в ужасе и тревоге спрашивала себя, не оставил ли старик деньги на благотворительность. Нет, это на него не похоже.

— Месье Мистраль пришел ко мне за советом три года назад, мадам, — продолжал мэтр Банетт. — Он консультировался со мной по поводу закона от третьего января 1972 года...

— Что еще за закон? Я не помню ничего такого, что касалось бы собственности. Мой адвокат в Париже проинформировал бы меня.

— Нет, мадам, к собственности как таковой этот закон отношения не имеет. — На лице нотариуса появилась сияющая улыбка. — В 1972 году парламент Франции принял закон, согласно которому появилась возможность признать детей, появившихся на свет в результате преступной связи лица, состоящего в законном браке. Месье Мистраль подписал акт о признании мадемуазель Фов Мистраль его дочерью.

Надин не могла произнести ни слова. А мэтр Банетт продолжал:

— Так вот его завещание. Очень странный документ, позвольте заметить. Ваш отец оказался весьма непростым клиентом, мадам. Сначала он хотел оставить все мадемуазель Фов Люнель. Я объяснил, что по французским законам это невозможно. В лучшем случае он мог разделить всю собственность между двумя детьми...

— Разделить!

— Мадам, не волнуйтесь так. Речь не идет о равных долях. Статья 760 закона о наследстве не оставляет на этот счет никаких сомнений. Мадемуазель Фов Люнель имеет право только на половину того, что она могла бы получить как законнорожденный ребенок. Таким образом, ее доля составляет 25 процентов. Вы, мадам, получите 75 процентов от того, что останется после уплаты налогов. — Нотариус замолчал, ожидая реакции Надин, но та просто остолбенела. Тогда он снова заговорил, получая удовольствие от своей миссии:

— Завещание, мадам, составлено в таких выражениях, что я не могу их одобрить. Я проинформировал об этом месье Мистралья, но он не стал меня слушать.

— Фов, — прошипела Надин, — всегда и везде эта Фов.

— Именно так, мадам. Судя по всему, месье Мистраль любил именно этого ребенка.

— Что он написал? Отдайте мне бумаги! — потребовала Надин.

— Мадам! — Нотариус прижал документы к груди. — Только потому, что мадемуазель Фов Люнель нет сейчас в Фелисе, я пришел к вам, не дожидаясь ее приезда. Ей обо всем сообщат, за ней пошлют, но я счел необходимым проинформировать о завещании вас, так как я не знаю, где найти вторую наследницу.

— Читайте же, черт возьми! — хрипло выкрикнула Надин.

— Именно это я и намерен сделать, мадам, — укоризненно ответил мэтр Банетт и откашлялся.

«Я, Жюльен Мистраль, хочу оставить все свои работы моей горячо любимой дочери Фов Люнель. Но так как законы не позволяют мне это сделать, я хочу, чтобы она получила серию «Рыжеволосая женщина», которую я выкупил у моей жены Кейт Браунинг Мистраль (документ, подтверждающий сделку, прилагается). Я хочу, чтобы моя дочь Фов получила все картины, которые я писал с нее и ее матери Теодоры Люнель, единственной женщины, которую я любил в своей жизни. Также я оставляю Фов серию картин «Кавальон», написать которую меня вдохновила именно она. Благодаря Фов я получил самый важный урок, но, к моему сожалению, это случилось слишком поздно. Я надеюсь, что когда-нибудь она поймет,

что я услышал ее и изменился. Если моя любимая дочь Фов пожелает, я бы хотел оставить ей «Турелло» и всю землю, которая прилагается к дому по праву собственности. Если она не захочет оставить поместье, то оно должно быть продано, а деньги прибавлены к моему состоянию.

Ни при каких условиях «Турелло» и студия, в которой я работал, не должны стать собственностью мадам Надин Дальма. Я твердо знаю, что она не ценила и не понимала ни красоту земли, ни природу искусства. Двадцать пять процентов от моего состояния я также оставляю моей дочери Фов. Я был бы счастлив, если бы она взяла мою фамилию, но я пойму, если она не захочет этого сделать.

То, что останется, получит, согласно законам, мадам Надин Дальма, которая, я в этом ни минуты не сомневаюсь, продаст все как можно быстрее, чтобы получить возможность и дальше вести никчемную, пустую, тщеславную жизнь, которую она для себя избрала».

— Это все, мадам.

— Незаконнорожденная, порочная, развратная, мерзкая сучка! Нет! Никогда! Она ничего не получит! Ни одного франка! Ничего, пока я жива! Он совершенно сошел с ума! Я опротестую завещание! — Лицо Надин превратилось в маску гнева. От силы ее голоса нотариус резко встал и с отвращением попятился. Он попытался уйти достойно.

— Должен сказать вам, мадам, — выговорил он дрожащим голосом, — о сумасшествии не может быть и речи. Если бы я сомневался в душевном здоровье и умственных способностях месье Мистраля, я никогда бы не составил этого завещания. Оно абсолютно законно.

— Убирайтесь! Вы ни черта не знаете! Я вызову моего адвоката из Парижа. Вы напыщенный идиот, провинциальный тупица! Разумеется, это завещание будет опротестовано. Вон! — Надин двинулась на нотариуса с такой яростью, что он подхватил свою шляпу и вылетел из комнаты, унося с собой завещание.

Узнав подробности, журналисты решили, что лучшего нечего и желать. «Явное безнравственное поведение матери», Гражданский кодекс, статья 339, о таком им давно не приходилось слышать. Доказать «явное безнравственное поведение» Тедди Люнель, все еще остававшейся одной из красивейших фотомоделей мира, будет не слишком легко, решили самые опытные из них, но это оставалось единственной возможностью опротестовать странное завещание Жюльена Мистраля. Оно стало достоянием гласности сразу же, как только просочились новости об иске, который подала Надин Дальма. Журналисты решили было, что эта история закончилась на продуваемом всеми ветрами кладбище на горе Люберон, но, как выяснилось, они ошиблись. Один молодой репортер возбужденно выпалил, что им теперь хватит работы на несколько недель. «На месяцы, молодой невежда», — поправил его патриарх профессии, и они оба удовлетворенно потирали руки.

— Пусть Надин Дальма не выиграет дело, но она отомстит тем, что вывалит имя Тедди в грязи, — сказал Дарси.

— Она может нарыть все что угодно о моей матери, даже если это не имеет никакого отношения к делу, так? — резко спросила Фов.

— Боюсь, что именно так. Как раз этого она и добивается. Зачем ей было предавать гласности завещание? Если бы она не опротестовала завещание, никто бы даже не узнал, как

на самом деле к ней относился Мистраль.

Сжав кулаки, Фов металась по гостиной Маги. Она ссутулилась, согнулась, но не могла остановиться ни на секунду. Ее охватила такая ярость, о существовании которой она даже не подозревала. Это напоминало приливную волну, неожиданно возникшую в спокойном океане, вздымавшуюся над маленьким суденышком на пятьдесят футов вверх. Все, что Фов довелось испытать в жизни, не шло ни в какое сравнение со случившимся. Надин покушалась на память ее матери. Она бы убила свою сводную сестру, если бы могла. Фов осознала это и даже не ужаснулась.

— Я отправлюсь в Авиньон завтра же. Я этого не допущу. Мою мать никто не назовет шлюхой! Мне плевать на картины Мистрала, но Надин этого не сделает. Я этого не позволю.

— Фов... — начала было Маги и замолчала. Потом заговорила снова:

— Все это случилось еще до твоего рождения...

— Я иду собирать вещи, — объявила Фов, не обращая на нее внимания.

— Неужели ты никому не можешь позвонить? — взмолилась Маги. — Кто-то из твоих прежних знакомых мог бы тебе помочь. Неужели тебе никто не приходит на ум?

— Да, — медленно ответила Фов, останавливаясь на пороге. — Такой человек есть. Как я могла забыть о нем?

Эрик Авигдор встретил ее в аэропорту Марселя. Он сдержанно выразил свои соболезнования Фов, и эта встреча напомнила их расставание во Флоренции полгода назад.

— Папа был рад, что ты ему позвонила, — признался он, когда машина мчалась в Авиньон.

— Полагаю, он удивился. Боюсь, на континенте была уже почти полночь. Я не подумала о разнице во времени.

— Папа никогда не ложится рано.

— Именно это месье Авигдор мне и сказал, но я решила, что это простая вежливость.

— Папа забыл о вежливости, как только вышел на пенсию.

— Так он нашел для меня адвоката? — с тревогой поинтересовалась Фов.

— Самого лучшего в Авиньоне. Он ждет тебя в доме моих родителей. Его зовут мэтр Жан Перрен. Они с папой вместе сражались в Сопротивлении.

— Твой отец был так добр ко мне.

— Ты ему очень нравишься. — Эрик в первый раз улыбнулся, и губы Фов тоже чуть дрогнули в улыбке.

Они снова замолчали, но эта тишина была уже не такой суровой и напряженной, какая царила между ними, пока они ждали чемодан Фов в аэропорту. Она была измучена, но день в Провансе в начале октября, оливковые деревья и высокие стройные кипарисы снова оказали на нее свое волшебное действие, и в крови Фов забурлило знакомое чисто плотское удовольствие от возвращения назад.

Впервые с тех пор, как ей исполнилось шестнадцать, Фов позволила себе вспомнить, как она любила эти места раньше. Эрик свернул со скоростной автострады, и через полчаса они остановились у дома Авигдоров в Вильнев-лез-Авиньон.

При виде адвоката Фов испытала разочарование и тревогу. Жану Перрену явно еще не исполнилось и сорока. Хрупкий, невысокого роста, он походил на мальчишку. Но, приглядевшись, она наткнулась на суровый взгляд его серых глаз, заставивший ее выпрямиться. Жан Перрен принадлежал к тем, кто видит все сразу и заставляет себя

слушать.

Адриан Авигдор встретил Фов в домашнем пуловере и слаксах, а мэтр Перрен облачился в строгий синий костюм с красной розеткой ордена Почетного легиона в петлице. Но он все равно был похож на уличного мальчишку, одевшегося по торжественному случаю во все самое лучшее.

Бет Авигдор так тепло обняла Фов, словно та была ее любимой племянницей.

— Вы, должно быть, очень устали, моя дорогая Фов. Комната для гостей ждет вас. Не хотите ли прилечь на часок перед обедом?

— Нет, благодарю вас, мадам Авигдор. Я хотела бы немедленно переговорить с мэтром Перреном.

Фов и адвокат вышли на просторную террасу. Город расстилался внизу, вдалеке синела Рона, на дальнем ее берегу высились силуэты дворцов Авиньона, чьи шпили и башни напоминали гигантский корабль, плывущий по своенравной реке.

— Эрик говорил мне, что вы участвовали в Соппротивлении вместе с месье Авигдором, — заговорила Фов, когда они сели. Ее по-прежнему беспокоила очевидная молодость адвоката.

— Видите ли, я всегда терпеть не мог школу. Куда веселее было носиться по дорогам Прованса и играть в казаков-разбойников. Когда война закончилась, мне было тринадцать лет. Увы, меня успели снова загнать за парту, но я все-таки сумел стать вполне уважаемым гражданином, как вы можете заметить.

— Сколько же вам было лет, когда вы сбежали из школы?

— Десять. — Мэтр Перрен пожал плечами и улыбнулся. — Но ростом я был точно такой же, как сейчас. — Он улыбнулся снова, и Фов увидела перед собой того мальчишку-патриота, каким он был, и все недоверие к нему исчезло.

— Мэтр Перрен, вы можете мне помочь?

— Именно об этом я думал все время после звонка Адриана. На самом деле, мадемуазель, я работал с утра до вечера и должен вам сказать, что провел интереснейший день в моей жизни.

— Вы уже приступили к работе? Но мы даже не поговорили с вами.

— Суть вопроса сводится к наличию свидетелей, верно? Их я и искал. И с удовольствием сообщаю вам, что одного нашел.

— Одного свидетеля? — протестующе воскликнула Фов. — Чем он поможет, если выдвинуто обвинение в непристойном поведении? Когда моя мать встретила моего отца, ей было двадцать четыре года. Разумеется, до этой встречи она жила своей жизнью, ее никто бы не назвал монахиней... И теперь ее память оказалась в руках моей сводной сестры, которая с удовольствием вываляет ее имя в грязи.

Уверенность Фов в способностях Жана Перрена исчезла так же быстро, как и появилась. Как мог этот человек, снова показавшийся ей наивным и неопытным, не подумать о том, какие факты из биографии Тедди Люнель, разбившей сердца сотен мужчин, могут всплыть во время судебного разбирательства? Мелвин сказал ей: «Энное количество любовников», но он всегда был с нею очень тактичен.

Сколько имен вспомнят на суде? Кто из этих мужчин не захочет похвастаться своими отношениями с самой красивой женщиной в мире?

— Мадемуазель, простите меня, но какое отношение к делу имеет возраст вашей матери?

— Непосредственное, как мне это представляется, — рассеянно отозвалась Фов. Перрен по-прежнему ее не понимал.

— Вы не говорили с французскими адвокатами или нотариусами?

— Моя бабушка беседовала с французским консулом в Нью-Йорке, и я получила визу на следующий же день.

— А, дипломат... Что он может знать?! Дело в том, мадемуазель, что французский закон в этом вопросе невозможно трактовать двояко, он четок и ясен и не допускает никаких сомнений или злонамеренных спекуляций. Обвинение в непристойном поведении может распространяться только на тот период времени, когда ваши родители жили вместе и когда можно усомниться в том, кто именно является вашим отцом. Насколько мне удалось выяснить, ваши родители не расставались с момента их первой встречи до того дня, когда погибла ваша мать. В этом нет никаких сомнений.

Он отвернулся и не стал смотреть в лицо Фов. Просто неприлично видеть, когда у человека падает с души такой груз. Когда Жан Перрен услышал, что молодая женщина начала всхлипывать, он встал и ушел в дом.

— Что случилось? — спросила Бет Авигдор. — Мне пойти к ней?

— Не стоит, ей лучше немного побыть одной, — посоветовал мэтр Перрен.

Эрик не обратил на его слова внимания и вылетел на террасу, где, сжавшись в комочек в кресле, отчаянно плакала Фов. Рыдания сотрясали ее тело, и Эрик по-настоящему испугался. Он крепко обнял ее, шептал на ухо какие-то нежные глупости, баюкал, словно ребенка, пока у нее не кончились слезы. Наконец Фов подняла к нему распухшее, залитое слезами лицо и прошептала:

— Платок.

Эрик порылся в карманах, но ничего не нашел.

— Вытрись рукавом моей рубашки, — предложил он.

— Я не могу, — простонала Фов, — это же совершенно ужасно.

— Да брось ты, — рассмеялся Эрик и расстегнул манжету. — Представь, что это платок, и все будет в порядке!

Через полчаса умытая и причесанная Фов сидела в гостиной с семьей Авигдор, а мэтр Перрен рассказывал, как он провел день. Причем ему настолько хорошо удавалось сдерживать собственную гордость, что лишь Адриан догадывался, как он себя чувствует на самом деле. Глаза Жана сверкали точно так же, думал Авигдор-старший, когда он возвращался из своих вылазок во время войны. Он застенчиво-гордо выглядел и тогда, когда в одиночку пустил под откос немецкий состав с оружием.

— Для начала, — говорил Перрен, — я задал себе вопрос, как могли жить люди, выпавшие, так сказать, из своего привычного окружения. Ведь никто не живет одной только любовью. — Он оглядел собравшихся. — И ответ напрашивался сам собой. Они едят.

— Они пьют вино, — поправил его Адриан Авигдор.

— И то и другое, старина. А где они едят? В ресторане. Во всяком случае, время от времени. Двое любящих не продержатся на домашней еде целый год, какими бы сильными ни были их чувства. А где в Авиньоне мог обедать или ужинать величайший художник Франции? — Он снова замолчал для пушшего эффекта, но на этот раз ему ответила Фов:

— В «Иели»!

— Откуда вы знаете, мадемуазель?

— Мой отец обычно водил меня туда, когда хотел отметить какое-нибудь очень важное событие, — объяснила она и тут же осеклась, удивленная собственной реакцией. Фов густо покраснела. Она так давно не произносила слов «мой отец», что не могла поверить, что они так легко сорвались с ее языка.

— Разумеется, в «Иели», единственном ресторане с двумя звездочками в Авиньоне. Об этом нетрудно догадаться. Поэтому сегодня утром я отправился именно туда и поговорил с месье Иели. В 1953 году он обучался мастерству в кухне собственного отца, но частенько заглядывал в зал, чтобы полюбоваться вашей матерью. Он очень хорошо ее помнил. Я попросил месье Иели открыть их «Золотую книгу», так как я знал наверняка, что они попросили месье Мистралья в ней расписаться. В самом деле, на одной из страниц я обнаружил его подпись. Там был еще очаровательный шарж на папашу Иели. А внизу страницы расписалась и ваша мать.

— Но... это ничего не доказывает, — выпалила Фов.

— Разумеется, нет. Дело в том, что семья Иели рассылала своим лучшим клиентам открытки к Рождеству, и у них сохранились адреса. Поискав немного, я выяснил, где ваши родители жили в Авиньоне. Туда я и отправился, даже не перекусив. Вас, Авигдор, я наверняка удивил этим. Дом по-прежнему стоит, и даже консьержка все та же. Думаю, что мадам Бетт будет на своем посту и в 2000 году. Она мне очень помогла...

— Консьержка? — перебила его Фов.

— Нет, мадемуазель, не смотрите на меня так. Ваш свидетель не консьержка, хотя и она может дать показания, если нам еще понадобятся свидетели. Мадам Бетт сообщила мне, что ваши родители подружились с доктором и его женой, которые жили на первом этаже. Меньше чем через два часа я уже был у доктора дома. Он рассказал мне, что они познакомились с месье Мистралем и его рыжеволосой женой в тот самый день, когда те въехали. Эти соседи помогали вносить кое-какую мебель, которую купил ваш отец. Время от времени обе пары встречались за бутылочкой вина, вместе ужинали в ресторане. Доктору и его жене очень нравилась ваша мать. После ее смерти они ни разу не встречались с вашим отцом, но они поняли, почему он исчез из их жизни. Они рассказали мне о том, насколько преданы друг другу были ваши родители. Доктор, профессор Даниэль...

— Я знаю профессора Даниэля! — воскликнула Бет.

— Конечно, Бет. Профессор один из самых образованных людей в Авиньоне, он преподает в университете Экса, мадемуазель Люнель, — объяснил Жан Перрен, торопясь закончить свой рассказ. — Профессор Даниэль был страшно возмущен несправедливыми обвинениями в адрес вашей матери... Я бы даже сказал, что он принял это очень близко к сердцу. Разумеется, он и его жена готовы дать показания и подтвердить, что ваша мать не имела дела ни с одним мужчиной, кроме вашего отца, пока жила в Авиньоне. Мы выьем у ваших оппонентов почву из-под ног еще до начала суда. Не может быть даже речи о том, чтобы адвокаты мадам Дальма причинили вам какое-нибудь беспокойство. — Жан Перрен скромно, но торжествующе улыбнулся.

— Но почему профессор принял все так близко к сердцу? — спросила Фов. — Неужели причина только в его дружбе с моими родителями?

— Именно он, мадемуазель, принимал роды у вашей матери.

— Мадам Дальма, как приятно вас видеть. — Мадам Виолетта, старшая продавщица в салоне Ив Сен-Лорана, была слишком хорошо вышколена, чтобы удивиться ее появлению. Мадам Виолетта усадила Надин на одно из самых удобных мест перед подиумом и спросила:

— Вас интересует что-то конкретное, мадам?

— Мне нужен новый гардероб, совершенно новый, — равнодушно ответила Надин. — Я так долго одевалась только у Альбена, что мне стало скучно от его предсказуемости.

— Но мадам великолепно одета. Хотя я согласна с вами. Перемены всегда поднимают настроение. Месье Сен-Лоран будет огорчен, когда узнает, что его не было в городе, когда вы приходили.

Надин взяла традиционный золотой карандаш и блокнот, чтобы записать номера понравившихся моделей и потом примерить их. Ей было так странно сидеть среди клиенток, ожидающих показа новой коллекции. Но это возбуждало. Надин всегда заранее знакомилась с моделями Жана Франсуа Альбена, поэтому, когда она наконец начинала их носить, у нее возникало впечатление, что это давно приобретенные вещи.

Сен-Лоран был лучшим дизайнером в мире, но до вчерашнего дня Надин не могла бы признаться в этом даже самой себе. Сегодня она была свободна. Она сбросила тиранию хнычущего, нервного инфанта Жана Франсуа и могла наконец забыть о его вечных истериках. На этот раз она могла потратить столько, сколько захочет. После вчерашнего разговора с Альбеном Надин намеревалась выбросить все, что она носила раньше. Все, к чему Альбен имел отношение. Их встреча прошла мирно. Они обменялись всего лишь несколькими словами. Надин зашла в кабинет к Жану Франсуа и без обиняков объявила, что отныне ему придется обходиться без нее.

— Понятно, — ответил модельер без всякого выражения. Вероятно, он был ошарашен.

— Вы должны понять, Жан Франсуа, что теперь... — Надин долго отработывала этот многозначительный жест. Она как будто говорила: у меня нет больше времени на ваши глупые выходки, вам придется биться в одиночку, и ваша мелкая жизнь разлетится вдребезги, потому что я не намерена впредь решать ваши проблемы за вас.

— Я все понимаю, Надин. Что ж, все, что ни делается, все к лучшему. Простите меня, но в примерочной сейчас принцесса Грейс, и я обещал, что подойду к ней. Я увижу вас сегодня у нее на ужине? Нет? Ах да, конечно, вы же еще в трауре. Тогда до скорого, да? — Он сухо поцеловал ее в щеку, словно клюнул, как целовал всех, и заторопился прочь, что-то напевая себе под нос. Альбен на ходу приказал секретарше принести кофе в примерочную и остановился только затем, чтобы приласкать своих афганских борзых, лежавших у входа в его кабинет.

— Ах, мои красавицы, вы самые прекрасные создания из всех, созданных богом, да, мои детки, да, — проворковал Жан Франсуа и скрылся за углом.

«Отличная игра», — решила Надин. Он бы мог одурачить кого угодно. Но она-то знала, что нанесла ему серьезный удар, за которым определено последует одна из тяжелейших депрессий. Но если бы Надин так хорошо не знала Альбена, она бы решила, что ее слова... рассмешили его. Неужели такое возможно? Разумеется, нет, одернула она себя и принялась неодобрительно рассматривать женщин, сидевших вокруг нее.

Сейчас не время заказывать новые платья. Эти женщины из провинции или иностранки,

и им просто приятно находиться здесь. Надин не нравилось это общество, но не носить же и дальше вещи от Альбена. Все-таки что могло так развеселить Жана Франсуа?

Если она попросит мадам Виолетту, то ее заказ выполнят в рекордные сроки. Надин записывала в блокноте номера моделей, стараясь не вспоминать разговор со своим адвокатом мэтром Жиро, состоявшийся этим утром. Она отправилась к нему, пытаясь убедить в необходимости и дальше расследовать жизнь этой сучки, матери Фов. Но, узнав о свидетельстве профессора Даниэля из Авиньона, мэтр Жиро сказал, что ее дело закрыто. Надин пошла к другим адвокатам, но все заявили ей в один голос: она должна смириться. Ничто не помешает Фов получить 25 процентов от состояния, как и предполагал Мистраль. Надин придется довольствоваться 75 процентами, объявили ей, как будто это изменит тот факт, что ее обокрали!

Как типично для ее адвоката повернуть все так, чтобы даже в случае проигрыша за ним осталось последнее слово, думала Надин. Она сказала ему, что он проявил преступную некомпетентность. И этот Жиро имел наглость возразить, что с самого начала уговаривал ее не оспаривать завещания. При воспоминании об этом вопиющем поведении карандаш Надин переломился пополам, так сильно она на него нажала. Мадам Виолетта, стоявшая в глубине салона и наблюдавшая за клиентками, немедленно принесла ей другой.

На подиуме появились манекенщицы в брючных костюмах, напоминающих мужские, с той особой утрированной ноткой, свойственной Сен-Лорану, которая никак не удавалась Альбену. Это в ее стиле, решила Надин. Именно то, что ей нравится. Она перевернула страницу.

Женщины, сидевшие с ней рядом, смотрели на колонки номеров в ее блокноте с неприкрытой завистью. Надин могла бы расхохотаться им в лицо. Каково это, приходиться сюда и знать, что можешь позволить себе только одну вещь? Даже представить невозможно... Заглядываешь в шкаф, а там всего один костюм от дизайнера? Это все равно что сидеть на хлебе и воде 365 дней и есть нормально только раз в году. Зачем они вообще приходят? Надин отмечала номера жадно, со знанием дела. Ей не терпелось уйти в примерочную и увидеть себя в этих нарядах.

Ах, черт, и почему этот глупый мэтр Жиро не сказал ей, что текст завещания опубликуют? Почему он не предупредил, что репортеры помчатся в Экс и прочтут копию, хранящуюся там? Неужели этот тошнотворный самоуверенный слизняк, считающий себя мужчиной, не предвидел того, что последнюю волю ее отца переведут на все иностранные языки и опубликуют во всех столицах?

Во всяком случае, так ей сказал Филипп. Но мнение Филиппа ее больше не интересовало. Она выкинула его из дома в тот самый день, когда завещание Мистрала появилось на страницах «Монд» и «Фигаро». Велела выметаться сию же секунду. Забавно было наблюдать, с какой скоростью ее супруг собирал чемоданы. Он даже не пытался протестовать.

Надин решила, что Филипп догадывался о таком исходе и заранее собрался с духом. Мужчина с его опытом не мог не понимать, что, как только его жена получит деньги, она немедленно избавится от него. Вероятно, он готовился к этому дню еще со смерти Мистрала. Надин должна признать, что Филипп хорошо соображает, когда дело касается денег.

В любом случае, с облегчением вздохнула Надин, ей больше не придется оплачивать его счета, разбираться с его долгами и прислушиваться к его мнению. Для нее имеет значение

только мнение ее друзей. Они поймут, что Мистраль впал в маразм, был болен, сошел с ума. А все остальные ничтожные существа, населяющие мир, едва прочитав новости в газетах, сразу же о них забыли. Месье Филипп Дальма считает, что она вылила себе на голову ведро с помоями? Ради бога! Типичная точка зрения для бонвивана на склоне лет и без гроша в кармане. Как он объяснит тот факт, что ни одна живая душа не заговорила с ней о завещании?

Разумеется, существует одно-единственное объяснение. Никто не упоминает последнюю волю Мистрала в разговорах с ней, чтобы не ставить ее в неловкое положение. Вчера она встретила случайно Элен и Пегги у магазина «Гермес», и ни та, ни другая ничего ей не сказали о завещании. Правда, они не выразили ей соболезнований, приличествующих случаю. Они вели себя так, словно в ее жизни вообще ничего не произошло с того времени, когда они виделись в последний раз. Пожалуй, они были немного бесцеремонны.

Иногда даже самым воспитанным людям непросто говорить о смерти. Ведь именно поэтому соболезнования выражают письменно, а не по телефону, верно? Элен и Пегги. Нет, они не насмеялись над ней. Если бы отец одной из них оставил подобное завещание безумца, у Надин хватило бы такта и стилия пошутить над этим, но она бы сделала это вслух, в лицо, чтобы пострадавшая сторона поняла, какие это пустяки, никоим образом не отражающие настоящего положения дел. Надин достала крошечный носовой платок и промокнула лоб. В салоне Сен-Лорана слишком жарко.

Вот они, короткие платья для коктейля. Она всегда любила эти произведения кутюрье, эту бравурность фламенко. Ей никогда не нравились наряды от Альбена с их классической, приглушенной сексуальностью. Он всегда во всем чересчур старался, этот Альбен.

Надин рассматривала модные туалеты, ее привычный взгляд впитывал каждую деталь, и при этом она не переставала гадать, как же выглядят картины из серии «Кавальон». Старик просто пошутил. Отказал ей в праве жить в том доме, где она и не собиралась жить; не позволил ей владеть портретами трех поколений шлюх, как будто они значат больше, чем все его остальные картины. Кавальон? Торговый город, никакого интереса не представляет.

Ее любопытство не настолько велико, чтобы ехать в Фелис и присутствовать там при снятии печатей с мастерской. Ее будет представлять Этьен Делаж, ее дилер. Он получит достаточно комиссионных, так что пусть едет в «Турелло» и остается там сколько потребуется. Пусть присмотрит за налоговыми инспекторами, пока они будут совершать свое черное дело.

Когда вышла первая манекенщица в вечернем платье, которое Надин просто обязана была купить, у нее кончились листки в блокноте, где она делала записи. Она подняла голову, чтобы позвать мадам Виолетту и попросить еще один, и увидела, что старшая продавщица шепчется с другими, прикрывая рот рукой. Все три женщины открыто глазели на Надин. Когда их взгляды встретились, продавщицы тут же отвернулись, но на их лицах она увидела то же выражение, которое уже видела на лицах Жана Франсуа, Пегги, Элен. Они над ней смеялись! Смеялись над ней!

Надин встала и пошла по проходу, наступая на ноги сидящих женщин. Она шла все быстрее и быстрее, пока не оказалась у выхода из демонстрационного зала.

— Мадам Дальма? Что-то случилось? Могу я помочь вам? — прошептала мадам Виолетта, поймавшая Надин уже у самых дверей.

— Здесь невыносимая духота. Я не могу сидеть несколько часов без кондиционера в такой теплый день.

— Ах, мадам Дальма, вы абсолютно правы. Я сожалею. Месье Сен-Лоран будет очень расстроен. Если вы позволите мне, мадам, я возьму ваш блокнот. Когда вы вернетесь, уверяю вас, кондиционер будет работать и все выбранные вами модели будут ждать вас в самой просторной примерочной.

— Я не увидела ничего, что бы мне понравилось.

— Ничего? — эхом повторила мадам Виолетта, не веря своим ушам.

— Ни единой вещи. Коллекция меня разочаровала. Я могу одеваться только у Альбена.

«Фов Люнель столь же упряма, что и ее отец», — сказал себе Адриан Авигдор, беседуя с ней в библиотеке своего дома.

— Я по-прежнему намерена сразу отправиться в Нью-Йорк, — повторила Фов. Она говорила мягко, потому что Адриан ей очень нравился, но настойчиво, не желая обсуждать свое решение.

— Разумеется, вы туда вернетесь. Но вы должны дождаться, когда откроют мастерскую вашего отца. Вы обязаны увидеть картины, которые он вам оставил.

— Вы не можете просто принять тот факт, что мне ничего от него не нужно? — взмолилась Фов. — Я отказываюсь от них. Я уже попросила мэтра Перрена заняться всем вместо меня, и он согласился.

— Я доверяю Жану во всем, но кое-что ни одно доверенное лицо сделать вместо вас не может. Вы не вправе даже просить об этом.

— Но я нужна в Нью-Йорке. — Фов постаралась найти еще один аргумент. — Вы не вполне понимаете ситуацию, милейший месье Авигдор. Представьте сотни красивых девушек и три тысячи потенциальных клиентов, жаждущих получить их в свое распоряжение. Как я могу их бросить?

— Вы продаете красивых девушек?

— Я думаю, вы знаете, чем я занимаюсь, — Фов рассмеялась его шутке.

— Но мне известно и то, что в агентстве есть кому работать в ваше отсутствие. Моя старая знакомая Маги вряд ли настолько поддастся действию времени. Я уверен, что она со всем отлично справится.

Фов смотрела на него и не спешила с ответом. Авигдор выглядел, как фермер, доящий корову, почти уснувшую на солнце, но ей никак не удавалось убедить его в своей правоте. Почему Адриан Авигдор упорно заставляет ее остаться? Она испытывала к нему слишком большую благодарность, чтобы просто игнорировать его желание, но он совершенно не поддавался на ее уговоры.

— Но зачем мне ехать? — снова заговорила Фов, собрав волю в кулак. — Что я буду делать с «Турелло»? У меня короткий отпуск, и я не всегда буду проводить его в Провансе. А что происходит с пустующими домами? Пожары, прорвавшиеся трубы, отвалившаяся черепица на крыше. Мне придется сдавать дом или платить слугам, которые будут там жить постоянно. Все это слишком сложно. Разумеется, я продам поместье.

— В завещании вашего отца ясно сказано, что вы можете поступить, как пожелаете.

— И что же тогда? — спросила Фов.

— Я все равно считаю, что вы должны хотя бы взглянуть на ваше наследство, на серию «Кавальон». Это ваш долг.

— Месье Авигдор, — ей некуда было больше отступить, — мы можем продолжать эту дискуссию до бесконечности. Но ради чего? Я знаю, как вел себя мой отец во время войны.

— Вот как. — Авиغدору удалось скрыть свое удивление.

— Мне известно, что и для вас это не тайна, как и для многих других. Не спорьте, не надо. Просто скажите мне, вы все еще полагаете, что у меня есть «долг» по отношению к нему?

— Да, — твердо сказал Авигдор.

— Но почему? Как вы можете?

— Что бы ни совершил Жюльен Мистраль, вы не можете отрицать, что он любил вашу мать и она любила его. И он очень любил вас. Это абсолютно ясно из его завещания. Серию «Кавальон» Мистраль написал для вас, Фов, и из-за вас. Вы не можете повернуться к этому спиной.

— Значит, вы простили его?

— Да, я простил.

— Почему? — Фов подалась к нему.

— Возможно, потому, что он был гением. Я знаю, что это не оправдание, но это объяснение. Мой отец часто повторял мне слова из книги Иова. Если я не ошибаюсь, там сказано: «Великие люди не всегда мудры». Они также не всегда добры и смелы. Но дело не только в этом. Я прощаю его потому, что Мистраль был человеком, и я человек, всего лишь человек. Я ему не судья.

Авигдор как раз произносил последнее слово, когда в комнату вошел Эрик. Он остановился на пороге. Фов слушала Авигдора-старшего, но смотрела на Эрика.

— Возможно, вы и правы, но я не хочу ничего из прошлого.

— Я прошу только об одном визите, Фов, — настаивал Авигдор. — А потом вы можете поступить, как вам вздумается.

— Я думаю, что вам обоим придется удовольствоваться боевой ничьей, — заявил Эрик.

Адриан Авигдор с любопытством посмотрел на густо покрасневшую до корней волос Фов, неохотно кивнувшую в знак согласия. Почему это его сын говорит о какой-то ничьей, когда он, Адриан Авигдор выиграл? Он ни минуты не сомневался в своей победе. Адриан Авигдор не привык проигрывать дамам.

Несколько дней спустя, когда пошла уже вторая неделя октября, три оценщика, назначенные Министерством по налогам, наконец собрались приехать в «Турелло». Правительству пришлось ждать, чтобы самые известные эксперты Франции смогли оценить наследие Мистралья, потому что его состояние должно было стать слишком внушительным источником дохода для государства, чтобы доверить его оценку кому-нибудь одному.

По мере того, как Фов с Эриком и его родителями подъезжала все ближе к Фелису, ее беспокойство нарастало. Ей оказалось трудно принять тот факт, что ее все-таки убедили приехать еще раз в тот дом, две комнаты которого она любила больше всего на свете: мастерскую отца и свою спальню в башне. С шестнадцати лет Фов пыталась забыть о «Турелло».

После рассказа Кейт она испытала ужас, разрывающую сердце боль и безнадежную печаль за тех неизвестных, кому ее отец отказал в приюте. Ее охватил жгучий стыд. И вот теперь все эти эмоции, едва не лишившие ее рассудка много лет назад, снова нахлынули на Фов. Она ощущала их тем острее, чем ближе они подъезжали к Фелису. Ей казалось, что холод пробирает ее до костей. Напряжение и волнение заставляли ее прочувствовать каждый позвонок, словно больной зуб.

Чувства Фов были обострены до предела. Краски окружающего пейзажа казались

такими яркими, что даже солнечные очки не смягчали их. Голоса Эрика и его родителей пронзительно отдавались в ушах, их жесты почему-то стали слишком порывистыми. Все вокруг приобретало очертания галлюцинации, которая становилась все более невыносимой. Машина медленно ползла в гору, пробиралась между высокими дубами, и наконец за кипарисами показались стены «Турелло».

Эрик остановил автомобиль на лужайке, заросшей чертополохом и луговыми травами, высохшими за лето. Фов медленно, неохотно вылезла из машины. Запах жимолости ударил ей в ноздри. Ей удалось так много забыть. Ей удалось забыть, что стены скрывала жимолость. Ей удалось забыть, что она никогда не могла сделать достаточно глубокий вдох и впитать в себя эту сладость. В этом благоухании сохранилось воспоминание о счастье.

— Судя по всему, оценщики уже приехали и ждут нас, — сказал Адриан Авигдор, пытаясь заставить Фов сделать шаг вперед. Она стояла напряженная и, как ему показалось, охваченная страхом. Ему и самому было не по себе. Он не бывал здесь с лета 1942 года, когда Марта Полиссон отказалась впустить его. Тогда Авигдор обернулся, уходя, и увидел в окне мастерской своего друга Жюльена Мистраля, безучастно смотревшего ему вслед.

— Идем. — Эрик бесцеремонно взял Фов за руку. Он буквально втащил ее во двор.

Пятеро мужчин курили, о чем-то беседуя у дверей. Одним из них был Этьен Делаж, дилер Мистраля, представлявший Надин Дальма. Трех оценщиков сопровождал инспектор налогового департамента из Авиньона. Каждый назвал себя и пожал руку Фов, Эрику и его родителям.

— Кто откроет нам дверь? — поинтересовался один из экспертов, высокий и элегантный парижанин с бородкой.

— У меня есть ключ, — ответил Делаж.

Налоговый инспектор из Авиньона снял печати с двери мастерской Мистраля.

— Мадемуазель? — обратился он к Фов, кивком указывая на дверь. Она лишь покачала головой.

Но все отступили в сторону, и Фов пришлось первой переступить порог, как того требовали приличия. Она расправила плечи, сделала несколько решительных шагов и остановилась как вкопанная. Тот шок, который она испытала, вдохнув знакомый аромат жимолости, оказался ерундой, незначительной мелочью по сравнению с тем, как подействовала на нее такая привычная и любимая ею смесь запахов, царившая там, где ее отец работал почти пятьдесят лет. Фов едва не закричала, столкнувшись со своим прошлым.

Фов на мгновение закрыла глаза, испуганная воспоминаниями. Наконец она все же подняла голову и оглядела мастерскую.

Но что это? Откуда эта симфония сияющих красок? Что это за полотна, пронизанные светом и жизнью? Или ей только показалось, что радость творчества расправила сильные крылья и готова взлететь? Где источник этого ритма, наполняющего воздух, подобно рокоту далекого грома?

В мастерской не было ничего, кроме нескольких больших полотен, превосходивших по размеру прежние картины Мистраля. Картины висели в строгом, продуманном, тщательно выверенном порядке. Единственными признаками присутствия художника стали старенькая стремянка в углу, его рабочий стол и старый мольберт с чистым холстом.

Фов едва могла дышать, глядя на последние работы своего отца, удивленная, испуганная, очарованная полетом его фантазии, устремившейся к ней. Вот львы, газели и голуби на ярком фоне полевых цветов и зеленых яблонь. А рядом, на другой картине,

изобилие снопов пшеницы и ржи, зрелые гранаты, финики, виноград, оливки и фиги. Мистраль не поспешил на роскошь зелени и золота, свойственную разгару лета. Пальмовые ветви и мирт возносились над процессией, идущей под красной луной.

Поющие птицы... Роза Шарона... Кедр Ливана... Что все это значило?

На дальней стене висела самая большая картина. Вся роскошь остальных полотен меркла перед этим гигантским творением гения, где свет исходил из семисвечника. Монументальная менора излучала сияние славы тысячелетней веры на фоне триумфального красного цвета. Фов не находила слов, ее сердце бешено стучало. Она была охвачена благоговением.

За ее спиной раздался голос Эрика, прочитавшего вслух слова, которые Мистраль написал у основания меноры большими четкими буквами:

— «Вечный свет. Синагога в Кавальоне. 1774 год...»

— Он ездил в Кавальон! — воскликнула Фов.

— Вот что такое серия «Кавальон», — негромко, почтительно произнес Эрик.

Эксперты, налоговый инспектор, Делаж, Авигдоры ходили по студии, забыв обо всем на свете, громко восклицали, переговаривались, что-то бормотали себе под нос, пораженные гением Мистраля.

Фов не обернулась к ним. Она смотрела на семисвечник, символизирующий священный сосуд, стоявший на алтаре в пустыне и в двух храмах Иерусалима. Наконец она повернулась к Эрику и взяла его за руку. Они вместе двинулись по студии и остановились перед первой из огромных картин.

Две высоких свечи в начищенных подсвечниках, хлеб и серебряный кубок с вином на белоснежной скатерти. Простые скромные формы страстно говорили о благодарности создателю за дары, ниспосланные человеку. Картина излучала покой, радость, веселую торжественность, и Фов склонила голову, начиная понимать.

— «Суббота», — прочитал подпись бородатый эксперт из Парижа, переводя на французский с иврита.

Фов рванулась к следующим полотнам и поняла, что три картины, привлечшие ее внимание с самого начала, отец намеренно повесил отдельно от других. Она отступила назад, чтобы видеть их все сразу.

Рядом с ней встал Адриан Авигдор и начал читать надписи на иврите. Он вспомнил буквы, которые учил когда-то. Как выяснилось, они никогда не уходили из его памяти.

— «Песах», — сказал он громко, глядя на первую картину.

— Праздник исхода, — добавил эксперт из Парижа. — В память о выходе из Египта. Мистраль использовал символы «Песни песней».

— «Шавуот». — Авигдор повернулся ко второй картине. И снова последовало объяснение парижанина:

— Праздник первых плодов, когда в храм приносят первые снопы и плоды, в память о том дне, когда на горе Синай Господь дал Моисею Тору.

— «Суккот», — прочитал Авигдор третью надпись и замолчал.

— Праздник собирания плодов или праздник скиний, — вновь разъяснил эксперт. — Скинии, или шатры сделаны из веток и соломы в память о скитаниях по пустыне. В них следует ночевать под открытым небом в течение семи дней.

Фов покачнулась. Стены расступились, краски вспыхнули ярче, она услышала пение звезд и смех пальмовых ветвей, ее подхватили крылья ветра. Что-то в самой глубине ее души

раскрылось навстречу этой музыке, и Фов поняла: Жюльен Мистраль сумел преодолеть преграду времени и оказаться в древнем Иерусалиме. Кисть язычника преобразилась, и он потратил последние силы на то, чтобы воспеть народ, поклонявшийся невидимому богу и славящий его до сих пор.

Фов закрыла глаза и прислонилась к Эрику.

— С тобой все в порядке? — встревожился он.

— Давай выйдем на минутку... Остальные картины я посмотрю позже.

У самых дверей к ним подошел Адриан Авигдор и вопросительно посмотрел на Фов. Он все понял по ее глазам. Авигдор удовлетворенно вздохнул и отошел в сторону. Фов уже прошла мимо мольберта Мистраля, но вдруг вернулась к нему. Ее внимание привлек листок бумаги, засунутый в щель деревянной рамы. На нем знакомым почерком отца была написана всего одна строчка. Листок пожелтел, чернила потускнели, но все же он держался на мольберте, как флаг с девизом.

— Услышь, о Израиль, господь наш бог, бог един, — вслух прочитала она. — Только это.

— Разве этого не достаточно?

— Я не смогу описать тебе эти картины по телефону, Магали! Ты не могла бы прилететь сюда и сама взглянуть на них? — взмолилась Фов.

— Я обязательно их посмотрю, но сейчас это невозможно. Здесь просто сумасшедший дом. Самое главное, что твой отец захотел написать их, создать что-то такое, что позволило бы ему примириться с прошлым. Я думаю, это можно назвать искуплением, хотя обычно я таких слов не употребляю. Слава богу, что у него хватило на это времени.

— Дело не только в этом, Магали. Ты поймешь, когда сама их увидишь. Он написал эти картины собственной кровью. Авигдоры поражены больше остальных, ведь они знали, как отец раньше относился к евреям. Эксперты просто потеряли дар речи, хотя они постоянно имеют дело с шедеврами. Но больше всего меня тронул чиновник из налогового ведомства. Он ничего не понимает в живописи, но он ходил и наслаждался. Его так увлекла серия «Кавальон», что он совершенно забыл обо всех остальных картинах в хранилище. Я хотела сразу же тебе позвонить, но, к счастью, вспомнила, что в Нью-Йорке середина ночи. Так что я дождалась, пока ты появишься в офисе.

— Ну хорошо, ты хотела рассказать мне о картинах или есть что-то еще? — спросила Маги.

— Дело в том, что я не могу немедленно уехать из Прованса. Все проявляют очень большой интерес к картинам, а так как они принадлежат мне, то я должна задержаться здесь. Я не уверена, когда именно я смогу отсюда вырваться. Магали. Мне очень неприятно вот так бросать тебя...

— Не беспокойся обо мне. Все под контролем.

— Но как же твои выходные? — запротестовала Фов.

— Забудь о них. В саду почти все уже отцвело, и пока ты не вернешься, мы будем ездить туда только на субботу и воскресенье. Дарси поймет.

— О Магали, спасибо тебе, и поблагодари Дарси. Я буду часто звонить. Поцелуй всех, особенно Кэйси и Лулу... Я люблю тебя, Магали. Я так счастлива.

— Я слышу это по твоему голосу, дорогая. Не торопись, подумай обо всем хорошенько и не бросайся ни во что очертя голову. Я люблю тебя, Фов.

Маги положила трубку и откинулась на спинку кресла. Как и Фов, она была счастлива. Даже по описанию Фов, ей стало ясно, что в серии «Кавальон» Мистраль наконец воспользовался данным ему богом талантом и принес в мир не только красоту. Маги почувствовала, что счастлива не только за свою внучку, но и за Жюльена Мистралья, которого она любила и ненавидела многие годы. Между ними остались старые счеты, которые им так и не удалось уладить. Но теперь Маги могла сказать ему с чистым сердцем: «Покойся с миром». Она надолго задумалась. Случайный взгляд на часы заставил ее очнуться и вызвать в свой кабинет Кэйси и Лулу.

— Я только что говорила с Фов. Она передает вам привет и поцелуй, но ей придется остаться во Франции на какое-то время. У нее еще есть там дела.

— Как она там? — с тревогой спросила Кэйси.

— Просто великолепно! Лучше и желать нельзя. А теперь к делу. Кэйси, я посмотрела фотографии девушки, которую ты разыскала. Она нам не подходит. — Маги покачала

элегантно причесанной головой.

— Но, Маги, она была самой лучшей на конкурсе, — запротестовала Кэйси.

— Ты попала в ловушку. Ты пошла, посмотрела сотню красивых девушек и выбрала самую привлекательную из них. Но разве ты взяла с собой фотографии наших девушек для сравнения?

— Нет, но я провела целых три дня в жюри.

— В этом-то и проблема. Когда три дня подряд смотришь одну девушку за другой, поневоле выбираешь лучшую среди них. Глаза обмануть очень легко, и ты уже готова на компромисс, ты не помнишь, насколько совершенной должна быть наша модель. Я и сама не раз ошибалась. Она красивая девушка, Кэйси, но для «Люнель» все же недостаточно красива. — Маги подвинула к ней серию снимков. Кэйси внимательно посмотрела на них и согласно вздохнула.

— Я все поняла, — призналась она. — И в любом случае эта красотка уже помолвлена. Возможно, наш отказ ее не очень огорчит. А жениха только обрадует.

— Лулу, — Маги повернулась к ней, — я присутствовала на одном из открытых кастингов и заметила, что в нашей приемной всегда полно народа. Тебе известно, что у Бобби-Энн развился комплекс Пигмалиона?

— О боже, она занимается кастингами пару месяцев, а я была слишком занята, чтобы за ней проследить. Что случилось?

— Существует миллион способов отказать и при этом никого не обидеть. Но Бобби-Энн не говорит: «Извините» — и не выпроваживает девушку за дверь. Сегодня утром она целых семь минут показывала одной из претенденток, как правильно пользоваться румянами, прежде чем отказать ей. Еще восемь минут она проговорила с другой кандидаткой, объясняя, почему той необходимо сменить прическу. Ей Бобби-Энн тоже отказала. Нельзя подавать ложную надежду, пусть и на несколько минут, — сурово сказала Маги. — Поговори с ней, Лулу. Если Бобби-Энн не может работать у нас, у нее есть возможность открыть школу красоты. Если девушке необходимо отказать, то это следует делать при минимальном личном контакте и до того, как она успеет подумать, что обрела новую подругу в лице Бобби-Энн. Уверяю, так будет лучше.

— Да, разумеется! Я объясню Бобби-Энн. Послушай, Маги, Бэмби-два меня беспокоит. Она говорит, что тоскует по дому и все время ест. Я вчера ее на этом поймала.

— Я сама с ней поговорю. Возможно, если ты перестанешь называть ее Бэмби-два, это поможет. Попробуйся.

— Что-нибудь еще? — озабоченно спросила Кэйси.

— Пока все. Я не забыла вам сказать, что вы мне абсолютно необходимы? Забыла? Хорошо, считайте, что я вам об этом говорю сейчас. Кстати, нельзя ли кого-нибудь послать за одной красной гвоздикой? Мне нужен цветок в петлицу.

Когда Кэйси и Лулу вышли, Маги набрала номер Дарси.

— Гм-м, — проворчала Кэйси, когда они оказались в коридоре.

— И что значит этот нечленораздельный звук? — Лулу даже порозовела от неожиданной и непривычной похвалы Маги.

— Хорошо, что «Мария-Антуанетта» снова у руля.

— А разве не мы с тобой только что получили хорошую трепку?

— Нам всыпали как раз в меру, Лулу, — улыбнулась Кэйси, — если ты меня понимаешь.

Надин Дальма решила сменить парикмахера и попытаться счастья у Александра. Так всегда бывает. Если быть милой с людьми, они становятся фамильярными, забывают о черте, разделяющей клиента и мастера, предоставляющего услугу, границу невидимую, но реальную, которую нельзя нарушать ни при каких условиях.

Когда на прошлой неделе Надин пошла подкрасить корни волос, месье Кристоф, который этим обычно занимался, решил развлечь ее рассказом о том, как его дедушка умер, не оставив завещания. Трое наследников, одним из которых был отец месье Кристофа, так упрямо сражались за раздел семейной фермы, что собственность пришлось продавать с аукциона. Надин не могла просто встать и уйти. Она даже не могла показать, что шокирована его обращением к ней, как к попавшей в плен слушательнице. Когда у вас на волосах краска, с мастером не следует спорить, кем бы вы ни были.

— Так что, видите, мадам Дальма, мой дедушка ошибся, решив, что его сыновья все решат полюбовно. Ему следовало изложить свою последнюю волю на бумаге. Но раз он этого не сделал, собственность навсегда ушла из семьи. Жаль, правда? — С абсолютно спокойным, невозмутимым лицом Надин склонила голову, давая понять, что слушает. Но ради всего святого, по какому праву месье Кристоф делится с ней личными переживаниями? — Да, мадам, лучше плохое завещание, чем вообще никакого, — заключил месье Кристоф и принялся смывать краску.

Как посмел этот человек говорить с ней таким тоном? Кто он такой, чтобы сочувствовать ей?! Нахальство этого субъекта лишило Надин дара речи.

Нет, у Александра, где Надин ни разу не бывала раньше, к ней отнесутся с должным почтением. И потом, раз она теперь богата, вполне уместно сэкономить на чаевых. Надин размышляла об этом, сидя на слишком мягком диване с обивкой под леопарда. Этот предмет интерьера уместнее выглядел бы в гареме.

В салоне оказалось очень много народа, даже для пятницы такая толчея была необычной. Придется подождать, но ей больше не нужно спешить на работу, хвала небесам. Просто удивительно, как быстро Жан Франсуа нашел ей замену, эту молоденькую Монтескую, похожую на мышь. Совершенно неблагодарное занятие. Глупышка там не задержится. Сначала ей все будет нравиться, а потом она поймет, что это за клоака.

Надин отказалась просматривать журналы, которые ей предложила служащая. Нет, не хочет она читать ни «Пари матч», ни «Мари Клэр», ни «Эль». Спасибо, нет.

На самом деле Надин уже их видела. Она купила целую пачку ярких еженедельников в киоске и просмотрела их дома. Серия «Кавальон» занимала центральное место. Все только о ней и писали. Старик сошел с ума, потерял последний разум, раз написал весь этот ужас, да еще с надписями на иврите. Надин испытывала настоящее отвращение. Она не могла смотреть на эти, с позволения сказать, картины. Как типично для журналистов! Устроили такой переполох, словно Жюльен Мистраль стал открытием сезона, откровением в живописи. Надин не понимала, почему ему уделяют столько страниц в журналах и газетах, почему повсюду его фотографии и репродукции картин. Несколько дрянных полотен, она бы ни за что не хотела их иметь. Один критик назвал картины бессмертными, а другой написал, что это «последнее доказательство гения Мистраля». «Наследство, обогатившее весь мир», — утверждал третий. Они все просто смешны, лают в унисон, стараясь переплюнуть один другого.

Хотя, ради бога! Ведь от этого картины, принадлежащие ей, только растут в цене. Она не станет возражать, если Мистраля превознесут до небес. Разумеется, все охают и ахают по

поводу серии «Кавальон», раз Мистраль особо упомянул ее в завещании, и носятся с Фов, словно она звезда всего шоу. Не стоит сердиться на Фов из-за коротенького момента славы, это быстро пройдет.

Надин так увлеклась своими мыслями, что удивилась, когда парикмахер поднес ей зеркало, чтобы она взглянула на свою прическу. Она проверила затылок. Прическа безупречна, но не стоит показывать, что ей так легко угодить.

— Не слишком ли вы пригладили сбоку? — Она провела рукой по блестящим волосам.

Пока мастер работал, Надин огляделась. Десяток клиенток были ей знакомы, она обменялась с ними улыбками и кивками. Она и подумать не могла, что столько ее друзей посещают салон Александра. С этими женщинами она привыкла встречаться за ужинами и ленчами. Но на этот раз все они перестарались с прическами, на ее взгляд. Зачем графиня д'Орнано добавила накладные косы к своим великолепным черным волосам? К чему эти крошечные пурпурные орхидеи в шиньоне принцессы Лауры де Бово? Как странно... Неужели они не понимают, как по-дурацки это выглядит, как не подходит для повседневной жизни?

— Позвольте предложить вам, мадам, немного менее официальную прическу, — услышала Надин голос парикмахера.

— Не трогайте ничего, — резко ответила она, — все великолепно.

— Как пожелаете. Я подумал, что для сегодняшнего бала...

— Я в трауре, — быстро среагировала Надин.

— Мои соболезнования, мадам, — мастер явно обрадовался, что не допустил бестактность.

— Я не могу бывать на балах.

— Разумеется, мадам. Это так печально, — тихо сказал парикмахер. — Особенно грустно, когда приходится пропустить такой бал. Принцесса Мари-Бланш впервые приглашает гостей в свой замок после смерти мужа. Вот почему у нас сегодня так много посетительниц. Говорят, что это будет самый пышный праздник после бала у барона де Реде.

— Да, тот вечер удался, — механически ответила Надин. Принцесса Мари-Бланш? Значит, ее роман с Филиппом длился даже в то время, когда принц умирал. Он продолжается и сейчас. Иначе почему бы ей было не пригласить на этот бал Надин, своего близкого друга? Единственное возможное объяснение: Филипп будет выполнять роль неофициального хозяина дома. Странно, что до Надин не доходило никаких слухов, ведь именно Мари-Бланш задает тон в парижском обществе. Если она велит танцевать, все танцуют, если она приказывает отправиться за пятьдесят миль от Парижа в деревню на бал, все едут туда и считают себя избранными счастливыми. Но что нашла Мари-Бланш в Филиппе Дальма?

Надин смотрела на свои подведенные глаза в зеркале и пыталась вспомнить всех свободных мужчин среднего возраста в Париже, которые были бы очаровательными, симпатичными, хорошо одетыми, гетеросексуальными, хорошо танцевали, умели играть в карты, неплохо справлялись с пони и клюшкой для поло и кого обожали бы все хозяйки светских салонов. Кроме Филиппа, она знала троих, нет, четверых, если считать Омара Шарифа. А сколько свободных женщин, гораздо богаче Надин, отчаянно нуждались в таком спутнике, не говоря уж о муже? Десятки. Несколько десятков. У Надин екнуло сердце. Ей показалось, будто рот наполнился затхлой пылью, и в животе полыхнула боль, какой она никогда не испытывала. Словно огненная крыса пожирала ее внутренности.

Нет, она ничего не слышала о Мари-Бланш и Филиппе. Она вообще не была в курсе светских сплетен, потому что ее никуда не приглашали. Если выбирать между принцессой Мари-Бланш и Надин Дальма, люди, разумеется, выберут принцессу. Надин и сама бы так поступила. Какие тут могут быть сравнения!

Вручая чаевые месье Александру — невероятные, огромные чаевые, он даже не сумел скрыть удивления, — Надин думала только об одном: как удачно, что сегодня она надела черный костюм. Отныне она станет носить только черное. Найдёт небольшую парикмахерскую у самого своего дома, где не встретит своих друзей. Вернее, знакомых. Друзей у нее нет. Она станет носить траур по своему отцу и решать, что делать дальше со своей жизнью, в которой ее будут называть бывшей помощницей Жана Франсуа Альбена и бывшей супругой Филиппа Дальма. Ведь кто такая Надин? Кому до нее есть дело?

Надин шла по улице, оглядываясь в поисках такси. Она не увидела свободную машину, потому что ее внимание привлек огромный заголовок из «Франс суар» на прилавке газетного киоска: «Фов Люнель. Станет ли она носить фамилию своего отца, художника Мистраля?» Неужели кому-то есть дело до того, что станет делать этот ублюдок, эта самозванка, шляха подзаборная? Почему с ней носятся так, будто она единственная дочь Мистраля? «Я, — хотелось закричать Надин во весь голос, чтобы услышали прохожие, — это я дочь Мистраля!»

Фов поселилась в гостинице «Монастырь» в Вильнев-лез-Авиньон, а когда та в ноябре закрылась на зиму, переехала в Авиньон, в отель «Европа».

Однажды утром, когда ноябрь уже подходил к концу, она отправилась в Фелис во взятом напрокат «Пежо», чтобы до исхода дня решить наконец, что делать с «Турелло». Вопрос, что делать с картинами, был решен. Накануне их тщательнейшим образом упаковали, погрузили в специальные фургоны и отправили в Амстердам, откуда они начнут свое триумфальное шествие по музеям всех континентов, неся свое послание о братстве людей по всему миру. Наступит день, когда полотна вернутся к ней, но пока серия будет принадлежать всему человечеству.

Последние несколько дней дул мистраль, и Фов надела плотный одноцветный жакет поверх кремового ирландского свитера крупной вязки. Но в это утро ветер оставил Люберон в покое так же неожиданно, как и примчался. Единственным признаком приближающейся зимы были опустевшие поля. Высокие кипарисы по-прежнему оставались зелеными, а листва оливковых деревьев отливала живым серебром. У ворот многих ферм хозяева выставили столы со спелыми фруктами на продажу. Фов остановилась возле одного из них и купила яблоко и грушу на завтрак.

Она явно прибавила в весе, размышляла она. Но все были такими гостеприимными. Как бы Фов ни уставала к концу дня, она обязательно оказывалась за плотным ужином с Жаном и Фелицией Перрен, или с профессором Даниэлем и его женой Селиной, или с кем-нибудь из новых друзей, которых она приобрела в Апте, Авиньоне, Боннье. В Фелисе она часто обедала с Луизой и Софи, оставшимися такими же веселыми сплетницами, несмотря на замужество. И разумеется, Фов была частой гостьей в доме Адриана и Бет Авигдор.

Эрик появлялся редко, хотя Фов казалось, вопреки здравому смыслу, что ему следовало бы видаться с ней чаще. Но он наблюдал за строительством двух новых домов в Ле-Бо по другую сторону Люберонских гор. Эрик вынужден был не спускать глаз с рабочих, потому что мастеровитые жители Прованса не стали более предсказуемыми оттого, что спрос на их

услуги повысился, поэтому ему приходилось практически жить в Ле-Бо.

Фов уверяла себя, что Эрик сильно занят, как и она сама. Их встречи стали такими редкими не умышленно. Но неужели он действительно не мог найти для нее побольше времени? Почему он не горит желанием видаться с ней? Девять месяцев назад этот мужчина хотел, чтобы она бросила все и стала его женой. А теперь родители Эрика относятся к ней с большей любовью, чем он. К чертям Эрика Авигодора! Пусть проводит свою жизнь, бродя по пятам за рабочими, мрачно подумала Фов, доставая из сумочки связку ключей, ставшую привычной и незаметной, как губная помада. Сейчас она откроет входную дверь в «Турелло».

Фов прошла по гостиной, проверяя, вынесла ли Дюсетта, нанятая ею служанка, у которой сегодня был выходной, пепельницы и не оставила ли стаканы на большом столе. Вчера Адриан Авигодор, Жан Перрен и господа из музея Амстердама вместе с Фов отмечали отправку кавальонской серии. Но комната выглядела даже слишком чистой, с выстроенными по ранжиру подушками на диванах, блестящими крышками столов. Фов не покупала цветов, потому что не жила в «Турелло». Дом стал похож на офис в воскресенье. Фов поежилась и отправилась на кухню, где обнаружила остатки вчерашнего пиршества, аккуратно убранные в холодильник: холодные цыплята, гусиный паштет, несколько сортов сыра и почти полная бутылка белого вина.

Расставив все на столе, Фов приняла решение сесть на диету со следующего дня. Через неделю, ко времени возвращения в Нью-Йорк, она должна сбросить те пять фунтов, что набрала в Провансе.

Поместье, конечно, придется продать, иначе запустение неминуемо, а это так грустно. Как новые хозяева поступят с мастерской, задалась вопросом Фов, оказавшись у ее дверей. Студию можно использовать как игровую, даже поставить там стол для пинг-понга. Жан Перрен отдал ей ключ перед отъездом. Фов поняла, что еще ни разу не видела мастерскую без картин, и замешкалась на пороге. Хочет ли она войти? Нужно ли ей входить? Осмелится ли она войти?

Фов приказала себе не молоть ерунду и отперла дверь. Мастерская, всегда казавшаяся ей огромной, поразила ее своими скромными размерами. Фов сообразила, что все дело в пустых стенах. Работы ее отца всегда открывали доступ в другое измерение, уводя взгляд за пределы мастерской. А теперь это были всего лишь высокий стеклянный потолок, окна, штукатурка.

Положив на стол яблоко и грушу, от которых она так и не откусила ни кусочка, Фов принялась машинально собирать разбросанные кисти. Обычно она всегда так делала после дня работы.

В обеих руках она держала кисти, которыми отец работал в последний раз, и на каждой застыла краска. Вероятно, их надо просто выбросить. Невозможно привести их в порядок. Но она уже шла к раковине, рядом с которой стояли бутылочки с растворителем.

Медленно, с любовью и болью Фов принялась очищать кисти Жюльена Мистраля. Их все пришлось оставить на ночь отмокать, кроме одной, которой он не успел воспользоваться. Она вернулась обратно к рабочему столу с единственной чистой кистью в руке и нерешительно остановилась у мольберта. Фов просто стояла, позволяя себе вернуться в прошлое, чувствуя, как широкая ладонь отца накрывает ее пальцы и передает ей свою силу и

умение, направляя и подсказывая каждое движение. Она услышала его голос:

— Смотри, Фов, смотри. Ты видишь? Ты должна научиться видеть.

И она поняла, что нужно сделать. Это было не знание, а признание того, что она так долго отвергала. Это была потребность, чистая, живая, без сомнений и сожалений, это был приказ.

«Попробайся». Она художник и всегда им была. Фов отрицала это в себе, так как не желала иметь ничего общего с отцом, но теперь она могла попробовать. Стены рухнули, распахнулись двери, и за ними открылась залитая солнцем луговина, просторная, ровная. Стоит только перейти ее, и Фов изменится, испытает неведомые пока трудности и мучения. Но она должна попробовать.

Кровь запульсировала в ее запястьях и пальцах. Способности и мощь, которые она подавляла и отвергала, рвались на волю, словно листья из почек весной.

Ей придется начинать все снова. Не с самого начала, но заново. Она наверняка потеряла технику, легкость, умение. Ее навыки художника заржавели, как Железный Дровосек под дождем. Ей придется снова знакомиться с красками. Но она умела когда-то говорить на их языке, и его не так просто забыть.

Фов пришла в себя и увидела, что сидит на рабочем столе и смотрит на холст, с кистью в одной руке и яблоком в другой. Съесть или нарисовать? Она рассмеялась и вонзила зубы в красный бок.

Она нарисует грушу.

Если она позвонит прямо сейчас, то застанет Магали и Дарси за чтением утренних газет в загородном доме. Фов спрыгнула со стола, подхватила грушу и бросилась к телефону, стоявшему в библиотеке.

Фов набрала номер оператора, но тут же торопливо положила трубку на рычаг, застигнутая врасплох запоздалыми сомнениями. Как отразится ее неожиданное решение на Магали и на их жизни с Дарси, которую они так тщательно создавали для себя? Имеет ли она право нарушить их счастье, их комфорт? Не признак ли это того самого эгоизма, спрашивала себя Фов, которым была пронизана жизнь ее отца?

Фов сидела неподвижно и представляла себе свое обычное утро, когда она отправляется на работу в агентство. В конце концов, для живописи у нее останутся субботы и воскресенья. Она станет проводить свои дни, следя за двумя сотнями лучших моделей мира, и будет как и прежде делать вид, что ее волнует все то, что происходит в оранжерее моды. Ведь ее воспитали для этого, не так ли?

Не совсем. Вернее, совершенно не для этого. Теперь, поразмыслив хорошенько, Фов это отлично сознавала. Когда она окончила школу, Магали ни разу не дала ей понять, что лелеет тайную мечту однажды изменить название агентства на «Маги и Фов». Фов сама решила погрузиться в работу, пытаясь решить собственные проблемы. Если она и узнала что-то о модельном бизнесе, так только то, что им надо заниматься при огромной любви к своему делу. Когда появление на обложке «Вог» девушки из агентства «Форд» вместо девушки из «Люнель» не вызывает отчаянного разочарования, значит, пришло время освободить место другому.

Снова поднимая трубку телефона, Фов сказала себе, что одно знает наверняка: Магали нужна только правда, какой бы неприятной она ни оказалась.

Фов попросила Дарси взять вторую трубку и рассказала обоим о том, что с ней случилось утром. Она говорила прямо и откровенно. Не стоило ходить вокруг да около.

— Что ж, — сказала Магали после недолгого молчания, — я даже не знаю, удивила ты меня или нет.

— Магали, не думай, что мне все равно, как пойдут дела у тебя, — горячо ответила Фов. — Я помню, как для тебя важно, чтобы одна из нас целый день находилась в агентстве. Я понимаю, что либо тебе придется работать целый день, либо доверять больше Кэйси и Лулу.

— Я уже начала гадать, что удерживает тебя в Фелисе так долго. Дарси, ты помнишь, сколько раз я говорила тебе, что с Фов творится что-то странное? — Казалось, Маги только что выиграла пари.

— Магали! — не вытерпела Фов. — Ты не поняла, что я сказала? Я больше не хочу управлять модельным агентством!

— Это как раз понятно. Не у каждого есть к этому призвание, — в голосе Маги послышалось самодовольство.

— Тебе все равно? — Фов не верила своим ушам.

— Мне не хочется вмешиваться в этот разговор о бизнесе, — вступил в разговор Дарси, — но, Маги, я думаю, что я пришел к окончательному выводу по поводу твоей идеи построить оранжерею над столовой. Так вот: я категорически возражаю.

— Черт побери, Дарси, ты же знаешь, что я давно уже собиралась выращивать там зимой орхидеи, — раздраженно рявкнула Маги. — Какие могут быть орхидеи без теплицы?

— Но Фов остается во Франции. Кто-то же должен заниматься агентством. И грязь у тебя из-под ногтей не сходит с весны до поздней осени... Я женился не на сестре Ниро Вульфа, а на Маги Люнель. Я знаю, что тебе до смерти скучно проводить четыре дня за городом. С тобой стало в десять раз веселее с тех пор, как Фов тебе не помогает. Никаких оранжерей.

— Дарси, как давно ты понял, что мне скучно? — требовательно поинтересовалась Маги.

— Предпочитаю оставаться для тебя загадкой.

— Вы двое говорите со мной или между собой? — спросила Фов. — В конце концов, это я плачу за звонок.

Жан Перрен между делом сообщил ей, что она унаследует по меньшей мере двадцать пять миллионов долларов, но эта сумма казалась Фов нереальной. И международные звонки остаются международными звонками.

— Мы и сами могли его оплатить, — заметила Маги. — Ладно, Дарси, слушай, ты отказываешься разрешить мне построить теплицу?

— Мне казалось, что я выразился совершенно недвусмысленно.

— В таком случае по пятницам я буду работать в агентстве, — твердо заявила Маги.

— А как насчет понедельников? — спросил Дарси.

— При одном условии. Я провожу понедельники за городом, если смогу купить тот кусочек болота на границе нашего участка.

— Кусочек? Да там почти семь акров! Зачем он тебе понадобился?

— Для сада водяных лилий, как у Моне в Живерни, — мечтательно объяснила Маги.

— Но для этого нужны бульдозеры, — мрачно резюмировал Дарси.

— Подумаешь, всего на несколько недель. И ты только представь, дорогой, у нас были бы лодка и летний домик на берегу. Мы бы плавали туда по воскресеньям, и ты угощал бы меня твоими бесподобными мартини.

— Значит, мы договорились о трех днях? — осведомился Дарси. — С вечера пятницы до вечера понедельника?

— Решено. По понедельникам делами будут заниматься Кэйси, Лулу и Айви. В первый день недели все делается медленно.

— Айви Коламбо? — искренне удивилась Фов.

— А разве у нас есть еще одна Айви? Девушка решила, что век модели слишком короткий, чтобы называть это карьерой, так что она начинает работать помощником букера. Девочка очень упряма, я уверена, у нее все получится. Стыд и позор терять лучшую пару коленок, но, с другой стороны, она все равно помолвлена с каким-то сногшибательным итальянцем, с которым она познакомилась в Сикстинской капелле в марте. Помнишь вашу совместную поездку? Мне Айви нравится, — удовлетворенно закончила Маги. — Но если ты захочешь вернуться, Фов, — спохватилась она, — то место останется за тобой. Ты это знаешь.

— Спасибо, — рассеянно поблагодарила Фов.

В Сикстинской капелле? Трудно даже представить, что будет твориться по понедельникам. У Кэйси больше мозгов, у Лулу больше опыта и авторитета, а у Айви... У нее всего слишком много.

— И где ты собираешься жить? — спросила Маги.

— Я думала, ты догадалась. Здесь, в «Турелло», разумеется.

— Одна, в огромном доме! — В Маги заговорила бабушка. — По-моему, идея неудачная.

— По-твоему? — возмутилась Фов. — Ты танцевала все ночи напролет, тебя носили голышом на подносе, ты жила в какой-то конуре на Монпарнасе одному богу известно с кем... Вполне вероятно, ты и опиум курила! И ты будешь мне говорить, что нельзя жить одной!

— Насколько я понимаю, Адриан Авигдор пустился в воспоминания. Видно, у него начинается старческий маразм... Я никогда в жизни не курила опиум, хотя мне и предлагали. Но тогда я была совсем юной и глупой. К твоему возрасту я уже совсем неплохо зарабатывала на жизнь и пользовалась уважением окружающих.

— А еще ты воспитывала незаконнорожденную дочку и совсем потеряла голову из-за Дарси, — невинным голоском продолжила Фов.

— Не думаю, что мы с Дарси уже были тогда знакомы. Дорогой, когда Лалли устроила эту игру «мусорщики идут на охоту»?

— Магали, точная дата не имеет никакого значения, — прервала ее Фов. — Я не буду жить совсем одна. Я спрошу у Люсетты, не захочет ли она переехать сюда вместе с детьми. Сейчас ей приходится жить в одном доме со свекром и свекровью, так что я почти уверена, что она ухватится за мое предложение. И потом, вокруг на полях будут работать люди. Поместье больше не будет заброшенным никогда, — весело сообщила она.

— Кстати, Фов, полагаю, тебе следует знать, что в прошлый четверг я встретил Бена Личфилда, — сказал Дарси с интонацией человека, за которым всегда должно остаться последнее слово. — Ты не поверишь, но ему уже отвели лишний столик, а ему только тридцать. Он спрашивал, когда ты вернешься.

— С кем был Бен? — автоматически задала вопрос Фов.

— С невероятно красивой девушкой, она скорее всего модель.

— На кого она работает? — с неподдельным интересом спросила Фов.

— На нас, — сухо ответила Маги, — это была Арканзас, и Дарси об этом отлично известно.

— Арканзас! И почему мне это не пришло в голову? Но это же просто здорово! Девушка быстро учится и сумеет создать для Бена домашний уют. Только, Магали, обязательно предупреди ее о том, насколько странно он ведет себя по утрам в воскресенье. Но Арканзас не должна обращать на это внимание, подобное состояние длится недолго.

— Ничего я ей не стану говорить, — рассвирепела Маги.

— Что ж, придется бедняжке учиться на собственном опыте. Полагаю, первый шок она уже пережила. Обними ее за меня. О Магали, я отослала тебе ту картину, которую отдал тебе отец, а Кейт у тебя практически украла. Ну ты знаешь, ту, с зелеными подушками, помнишь?

— Едва ли такое возможно забыть, — заявил Дарси. — Как ты полагаешь, где мы сможем ее повесить?

— Вы найдете для нее местечко, — заверила его Фов. — Остальные шесть полотен я оставлю для моих правнуков.

— Правнуков? Фов... ты не... — Маги не договорила.

— Что ты, Магали, как я могла забеременеть? Я ведь все-таки не замужем, — укорила ее Фов. — Хотя если бы я ждала ребенка, это был бы классический пример наследственной

предрасположенности. Дарси, ты помнишь того медведя-панду, которого ты мне когда-то подарил?

— Разумеется.

— Ты не подумашь, что я веду себя глупо и совсем по-детски, если я попрошу тебя прислать его мне? Он сидит в кресле-качалке в гостиной моей квартиры.

— Это не глупость. Каждому нужна панда. Ты хочешь получить еще какие-нибудь твои вещи?

— Честно говоря... здесь так голо. Может быть, тебе удастся найти компанию по перевозке, которая все упакует и пришлет в Фелис?

— Упакует что?

— Все, что есть в моей квартире. Я понимаю, что это будет всего лишь капля в море, но мои вещи помогут мне начать заполнять комнаты.

— Почему бы и нет?

— О Дарси, ты такой милый и все понимаешь. Я так рада, что ты заставил Магали выйти за тебя замуж.

— На самом деле это она женила меня на себе.

— Я этого не знала. Как это случилось? Ты мне расскажешь?

— Полагаю, что разговор и так уже затянулся, — прервала их Маги. — Фов, дорогая моя, ты поступаешь именно так, как следовало, я так счастлива за тебя. Я счастлива и за тебя, и за себя, и за Дарси, хотя не уверена, что он этого заслуживает. Человек, который не сдержал своего обещания насчет оранжереи...

— Кто-то звонит у ворот, — торопливо сказала Фов. — Я должна с вами попрощаться. Позвоню через пару дней. Люблю вас обоих.

С легким сердцем она побежала к дверям и обнаружила на пороге Эрика Авигдора.

— Главный строитель пожаловал. Входи.

— Я вчера приехал домой слишком поздно, вот решил навестить тебя. Когда тебя не оказалось в гостинице, я подумал, что ты, должно быть, поехала сюда, и не ошибся. Ничего, что я вот так свалился тебе на голову?

— Я рада любому из сыновей моих дорогих друзей Авигдоров.

— Звучит ужасно...

— Как это звучит? — Фов резко обернулась к нему, заставив пламя волос резко взметнуться вверх и представая перед Эриком во всей своей дразнящей и завораживающей красоте, о чем она отлично знала.

— Я не могу точно определить твое настроение, — осторожно ответил Эрик.

— Принимаю это за комплимент. Как строительство?

— Работа идет отлично. Основная часть зданий уже готова. Послушай, Фов, я хотел извиниться за то, что мы так мало виделись в последние дни. Но ты и сама была ужасно занята. А теперь папа сказал мне, что на следующей неделе ты уезжаешь в Нью-Йорк.

— Долг зовет, — Фов искоса взглянула на него своими дымчато-серыми, волшебными глазами. Вот так смотрела и ее мать на тех мужчин, которые не могли не потерять из-за нее голову, подумала она. Фов чувствовала себя настоящей Люнель, но кто мог бы винить ее за это?

— Ну что ж... — без всякого выражения произнес Эрик.

— Как насчет второго завтрака в моей компании? — Фов решила быть гостеприимной.

— Не хочу обременять тебя. Послушай, мы можем поехать в тот маленький отель в

Боннье, помнишь? Там хорошо готовят.

— Я слишком проголодалась, чтобы ждать, и потом, у меня на кухне полно еды. Осталось от вчерашнего застолья... После завтрака я съела только яблоко, и это было уже очень давно.

Фов провела Эрика на кухню, где на столе стояло все то, что она успела достать из холодильника. На сыре появилась слеза, паштет и цыплята оттаяли, так что пока Эрик потягивал белое вино, Фов накрыла на стол и порезала помидоры для салата.

— Я никогда еще не видел тебя такой домашней, — хмуро заметил Эрик.

— Это что! Я замечательная кулинарка. Мое фирменное блюдо — это цыплята по-венгерски с большим количеством сметаны.

— Цыплята по-венгерски со сметаной? — удивился Эрик. — Я думал, они со сладким перцем.

— Перец там тоже есть, — ответила Фов, давно решившая для себя эту проблему. Вряд ли ее новация была такой уж святотатственной.

— Почему-то я никогда не думал о тебе как о поваре.

— А разве ты вообще обо мне думал? — пробормотала Фов, заправляя салат оливковым маслом.

— Это нечестно! — воскликнул Эрик, едва не расплескав вино.

— Согласна. Прошу прощения. Иди к столу, все готово.

Оба очень проголодались и ели молча. Фов наклонила голову и старалась не смотреть на руки Эрика, на его шею, лицо. Особенно на лицо. От усилий ее тонкие брови сошлись в одну оранжевую линию.

— Знаешь, — наконец заговорила она торжественно и миролюбиво, — я никогда не считала тебя человеком, легко нарушающим данное обещание. Ты казался мне таким искренним.

— О чем, черт побери, ты говоришь?

— Ты предлагал свозить меня в Люнель, помнишь? Я всегда надеялась, что там найду ключ к пониманию истории моей семьи, в каком-то смысле обрету саму себя. Сколько лет назад ты пообещал мне это? Ты так и не выполнил свое обещание, и я не вижу, что ты собираешься это сделать. — Фов говорила спокойно, намеренно не допуская ни одной укоризненной нотки.

— Проклятье, Фов, это уже слишком! Ты уезжаешь, не говоря ни слова, исчезаешь на долгие годы, потом мы встречаемся в Риме по чистой случайности и проводим вместе всего два дня, затем ты снова исчезаешь и сваливаешься как снег на голову полгода спустя. Ты приезжаешь не из-за меня и не ко мне, а потому что у тебя свои дела. Ты проводишь все время в окружении адвокатов, дилеров, новых друзей, репортеров, фотографов. Теперь ты готова уехать опять, и у тебя хватает наглости обвинять меня в том, что я не выполняю обещания! Это неслыханно!

— Но ты не отрицаешь, что обещал мне это? — На ее губах заиграла легкая улыбка, словно Фов не слышала его гневной тирады.

— Разумеется. У меня в машине до сих пор лежит карта, так что я могу выполнить обещание. Господи, какая же ты! Люнель расположен к югу от Нима и к северу от Монпелье. Если мы отправимся немедленно, то через час окажемся там, если срежем путь через Тараскон и Сен-Реми. Это уже не Прованс, а Лангедок, если быть объективным.

— Ты был там без меня! — обиженно воскликнула Фов.

— Конечно, нет. Я бы никогда так не поступил.

— Тогда откуда ты все так хорошо знаешь? Эрик, где моя груша?

— Груша? Я только что ее съел. Прости, я не спросил, не хочешь ли ты половину. Да что с тобой, Фов?

— Ты... съел... мой первый... предмет! — простионала Фов, с трудом выговаривая слова от смеха.

— Предмет? Это была просто груша... Клянусь тебе, Фов, я даже близко не подъезжал к Люнелю, но я хотел точно знать, где он находится.

— Зачем? — поинтересовалась она.

— На всякий случай, — ответил Эрик. — Вдруг ты вернешься и вспомнишь о том, что хотела туда поехать.

— И как давно ты возишь с собой в машине эту карту?

— Я положил ее сразу после твоего отъезда, шесть лет назад. Когда я сменил машину, я просто переложил ее из одного бардачка в другой.

— Тогда, пожалуй, я тебя прощу. Ты был непоследовательным, но намерения у тебя были добрые. А это следует учитывать, я полагаю.

— Я бы назвал это иначе.

— А как бы ты это назвал? — Фов оперлась подбородком на руки и прямо взглянула ему в глаза. — Сентиментальностью? Ностальгией? Романтикой?

— Ах ты маленькая дрянь!

— Неужели? — Ей удалось недоуменно вскинуть брови, хотя ее сердце пело от радости.

— Перестань играть со мной! Ты уже от души повеселилась в Риме, не забыла? Заставила меня поверить, что ты все еще любишь меня, и сбежала в последнюю минуту. Бессердечная садистка, вот ты кто. Я не нахожу слов, чтобы сказать тебе, что я на самом деле думаю о тебе. — Эрик встал.

Фов тоже вскочила и быстро обогнула стол, уверенная в своих силах, преображенная, открытая навстречу жизни.

Эрик посмотрел на нее, и его мир стал другим. Единственная любовь его жизни, покрасневшая, со светящимися от нежности глазами протягивала к нему руки, готовая разделить с ним будущее.

— Так ты пытаешься сказать мне, что все еще любишь меня? — спросила Фов, обнимая его. — Ты хочешь попросить меня выйти за тебя замуж? Должна тебя предупредить, что нынешним утром я готова на любой риск. Если хочешь меня заполучить, то действуй.

— Я всегда хотел тебя, но думал, что не нужен тебе, — прошептал Эрик, глядя в ее загадочные глаза. — Но я не хочу пользоваться твоим настроением, — добавил он, отстраняясь. — А вдруг ты завтра передумаешь?

— Эрик, это не настроение. Я просто дразнила тебя, ничего не смогла с собой поделать. Все эти годы я хотела стать твоей женой. Помнишь, как ты мечтал о том, чтобы мы вместе убежали, когда мне было шестнадцать? Я тоже думала об этом, но боялась признаться. Мое сердце всегда принадлежало тебе, но мне не хватало веры. Теперь с этим покончено. В моей жизни есть место для двух вещей, и одна невозможна без другой. Я хочу быть твоей женой и хочу попытаться начать писать...

— Писать? Как это случилось? Когда? Нет, не говори мне, расскажешь потом. Это замечательно. Я всегда знал, что ты вернешься к живописи.

— Ты будешь жить в «Турелло», Эрик?

— Этот дом ждал нас, разве ты об этом не знаешь?

— Я медленно соображаю, но теперь я уверена в этом.

Эрик коснулся пальцем губ Фов, чувствуя, как сердце готово вырваться из груди.

— Ты все еще хочешь поехать в Люнель? Я держу свое слово, — серьезно сказал он.

— Не сейчас, не сегодня, — ответила Фов.

— Может быть, ты хочешь побывать там одна?

— Я никуда не тороплюсь, — Фов на мгновение задумалась. — Мне просто некуда больше спешить. Но, Эрик, проехаться нам все же придется. Недалеко. Мне нужна еще одна груша.

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.

notes

Фовизм (от франц. *fauve* — дикий) — течение во французской живописи, возникшее в 1905 году. Матисса, Руо, Марке, Дерена, Дюфи и Вламинка на время объединило общее стремление к силе художественного выражения, к стихийной динамике письма, интенсивности открытого цвета и остроте ритма. (*Прим. перев.*)